

ISSN 1857-2685 (Print)  
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

# Русь

2019. Том 56

Общественная ассоциация «Русь»  
Национальный исследовательский  
Томский государственный университет



По благословению его Высокопреосвященства Лавра,  
первоиерарха Русской православной церкви  
за границей, митрополита  
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

**международный исторический журнал**

# **Русь**

**2019. Том 56**

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский  
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,  
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,  
Metropolitan of Eastern America and New York**

**International Historical Journal**

**RUSIN**

**2019. Volume 56**

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research  
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Главный редактор**

***Сергей Суляк***

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

**Заместитель главного редактора**

***Дмитрий Катунин***

Томский государственный университет (Россия)

**Ответственный секретарь**

***Никита Глущенко***

Томский государственный университет (Россия)

***Николай Бабилунга***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Богдан Боднарюк***

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

***Михаил Губогло***

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая  
Российской академии наук (Россия)

***Василий Зиновьев***

Томский государственный университет (Россия)

***Всеволод Меркулов***

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

***Зоя Резанова***

Томский государственный университет (Россия)

***Николай Руссев***

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

***Игорь Силантьев***

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

***Вячеслав Содоль***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Николай Тельнов***

Академия наук Молдовы (Молдова)

***Александр Черкасов***

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований  
(США)

***Михайло Чучко***

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

***Роман Шапка***

(Канада)

***Петр Шорников***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Михайло Фейса***

Нови-Садский университет (Сербия)



## EDITORIAL BOARD

**Editor-in-Chief**

***Sergey Sulyak***

St. Petersburg State University (Russia)

**Deputy Editor-in-Chief**

***Dmitry Katunin***

Tomsk State University (Russia)

**Executive Editor**

***Nikita Glushchenko***

Tomsk State University (Russia)

***Nikolai Babilunga***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Bogdan Bodnaryuk***

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

***Mikhail Guboglo***

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

***Vasiliy Zinoviev***

Tomsk State University (Russia)

***Vsevolod Merkulov***

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

***Zoya Rezanova***

Tomsk State University (Russia)

***Nikolay Russev***

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

***Igor Silantev***

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

***Veacheslav Sodal'***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Nicolai Telnov***

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

***Aleksandr Cherkasov***

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

***Mykhaylo Chuchko***

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

***Roman Shapka***

(Canada)

***Petr Shornikov***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Mikhajlo Fejsa***

University of Novy Sad (Serbia)

## СОДЕРЖАНИЕ

От редактора выпуска .....	9
----------------------------	---

## ИСТОРИЯ

<i>Суляк С.Г.</i>	
<b>И.И. Срезневский и Карпатская Русь .....</b>	<b>16</b>
<i>Малинов А.В., Мильчарек М.</i>	
<b>Идея общеславянского языка: от Ю. Крижанича до В.И. Ламанского .....</b>	<b>34</b>
<i>Савчук Б.П., Билавич Г.В.</i>	
<b>«Азбучные войны» 30–50-х гг. XIX в. в Галиции в современном научном дискурсе .....</b>	<b>58</b>
<i>Зеленко С.В.</i>	
<b>Отражение в произведениях Александра Духновича фактов языкового контактирования русинов .....</b>	<b>77</b>
<i>Додонов Р.О., Александрова О.С., Додонова В.И.</i>	
<b>Історія русинів в творчій спадщині Володимира Вернадського .....</b>	<b>92</b>
<i>Бахтурина А.Ю.</i>	
<b>Формирование гражданского управления в Буковине в документах ставки Верховного главнокомандующего и МИД Российской империи в 1914–1915 гг. ....</b>	<b>110</b>

## ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Шаров К.С.</i>	
<b>Мифологическая обусловленность понимания имен собственных как лингвокультурных знаков в западнорусской литературной гомилетике конца XVII в. ....</b>	<b>126</b>

## ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

<i>Старикова Г.Н.</i>	
<b>Номинативный состав языка русинов как отражение национально-специфических условий жизни народа .....</b>	<b>149</b>
<i>Толстик С.А.</i>	
<b>Понятие «жалость» в истории русинского языка .....</b>	<b>166</b>
<i>Вострова Ю.А., Филь Ю.В.</i>	
<b>Впереди или заранее? О русских и чешских глаголах с приставкой <i>pred-</i> / <i>před-</i> .....</b>	<b>179</b>
<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i>	
<b>Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия .....</b>	<b>198</b>
<i>Нагель О.В., Темникова И.Г.</i>	
<b>Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингов .....</b>	<b>213</b>

<i>Лебедева Н.Б., Рабенко Т.Г.</i>	
<b>Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингво-культурах (по результатам эксперимента) .....</b>	<b>226</b>
<i>Feysa M.</i>	
<b>The Bachka-Srem Rusin Animal Idioms and their English Equivalents .....</b>	<b>242</b>
<i>Копорова К.</i>	
<b>Морфонологія русинського языка: сучасний став і вислідки баданя .....</b>	<b>254</b>

## АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Тубалова И.В., Ван Х.</i>	
<b>Соматический код в восточнославянских лирических песнях .....</b>	<b>267</b>
<i>Артёменко Е.Д., Буб А.С.</i>	
<b>Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири .....</b>	<b>294</b>

## СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Эмер Ю.А., Акентьева К.А.</i>	
<b>Трансформация жанра «поздравление» в президентском дискурсе восточнославянских стран .....</b>	<b>312</b>

## CONTENTS

<b>Editorial.....</b>	<b>9</b>
-----------------------	----------

## HISTORY

<i>Sulyak S.G.</i>	
<b>I.I. Sreznovsky and Carpathian Rus' .....</b>	<b>16</b>
<i>Malinov A.V., Milczarek M.</i>	
<b>The Idea of Common Slavic Language: from J. Križanić to V.I. Lamanskii .....</b>	<b>34</b>
<i>Savchuk B.P., Bilavych G.V.</i>	
<b>The "Alphabet Wars" of 1830–1850s in Galicia in Contemporary</b>	
<b>Scientific Discourse .....</b>	<b>58</b>
<i>Zelenko S.V.</i>	
<b>Language Contacting of Rusins in the Works by Alexander Dukhnovich .....</b>	<b>77</b>
<i>Dodonov R., Aleksandrova O., Dodonova V.</i>	
<b>Rusin History in the Creative Legacy of Vladimir Vernadsky .....</b>	<b>92</b>
<i>Bakhturina A.Yu.</i>	
<b>Formation of Civil Administration in Bukovina in the Documents</b>	
<b>of the Supreme Commander Headquarters and the Foreign Ministry</b>	
<b>of the Russian Empire in 1914–1915 .....</b>	<b>110</b>

## LITERATURE AND LITERARY THEORY

<i>Sharov K.S.</i>	
<b>Mythological Dependency of Understanding Proper Names</b>	
<b>as Linguistic Cultural Signs in the West Russian Literary Homiletics</b>	
<b>of the Late Seventeenth Century .....</b>	<b>126</b>

## LINGUISTICS AND LANGUAGE

<i>Starikova G.N.</i>	
<b>The Nominative Composition of the Rusin Language as the Evidence</b>	
<b>of the Culture-Specific Living Conditions of the People .....</b>	<b>149</b>
<i>Tolstik S.A.</i>	
<b>The Concept "Pity" in the History of the Rusin Language .....</b>	<b>166</b>
<i>Vostrova Y.A., Fil Y.V.</i>	
<b>Ahead or Before? About Russian and Czech Verbs with the Prefix</b>	
<b><i>pred-</i> / <i>před-</i> .....</b>	<b>179</b>
<i>Gridina T.A., Konovalova N.I.</i>	
<b>Zoomorphisms as the Basis for Modelling Phraseological Semantics:</b>	
<b>Russian-Polish Equivalents .....</b>	<b>198</b>
<i>Nagel O.V., Temnikova I.G.</i>	
<b>The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals .....</b>	<b>213</b>
<i>Lebedeva N.B., Rabenko T.G.</i>	
<b>The Commonplace Semantics of Bionyms in Slavic and Non-Slavic</b>	
<b>Linguistic Cultures (the Results of the Experiment) .....</b>	<b>226</b>

*Feysa M.*

**The Bachka-Srem Rusin Animal Idioms and their English Equivalents..... 242**

*Koporova K.*

**Morphonology of Rusin: Current State and Research Results ..... 254**

## **ANTHROPOLOGY**

*Tubalova I.V., Wang G.*

**Somatic Code in East Slavic Lyrical Songs ..... 267**

*Artemenko E.D., Bub A.S.*

**Dynamics of Sociolinguistic Situation of Khakass-Russian Language Interaction  
in South Siberia ..... 294**

## **SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

*Emer Yu.A., Akenteva K.A.*

**Transformation of the Genre of “Congratulation” in the Eastern Slavic  
Countries Presidential Discourse..... 312**

## ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

Настоящий выпуск журнала включает блок статей участников V Международной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», учредителями которой являются Национальный исследовательский Томский государственный университет и редколлегия журнала «Русин».

По сложившейся традиции, отражающей партнерство конференции с редакцией журнала «Русин», мероприятие открывалось работой секции «Русинская лингвокультура: лингвокогнитивные исследования». Тематику секции представляют как статьи, посвященные собственно лингвистической проблематике, разрешаемой в культурологическом контексте, так и работы, в которых анализируется история изучения русинства и славянской культуры в целом: в современный научный контекст вводятся имена филологов, деятелей славянской культуры, внесших значительный вклад в формирование теоретических концептов, имеющих высокую научную и социальную значимость и в настоящее время.

А.В. Малинов обращается к обсуждению идей Ю. Крижанича и В.И. Ламанского, занимавших, по определению автора, «две точки, в известной степени крайние, в вопросе о всеславянском языке». В статье С.В. Зеленко анализируется, как были проинтерпретированы факты языкового контактирования русинов в трудах А. Духновича. Статья С.Г. Суляка посвящена вкладу И.И. Срезневского в исследование культурной, социальной, политической и языковой истории Карпатской Руси. Б.П. Савчук и Г.В. Билавич характеризуют широкую вариативность интерпретаций общественно-культурного движения, т. н. «азбучных войн» в Галиции 1830-х гг. в трудах русских, польских, чешских, украинских ученых, представителей западноевропейских научных традиций. Сфера научной рефлексии К.С. Шарова – гомилетическая духовная литература Восточной Европы второй половины XVII в.: сочинения ксендза Фомы Млодзяновского, архимандрита Иоанникия Голятовского, архиепископа Лазаря Барановича, труды святителя Димитрия, митрополита Ростовского, и Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского. Автор выявляет сформированные в духовной литературе филологические и культурно-архетипические схемы православной и католической литературной гомилетики, связанной со славянскими языками.

В статьях Г.Н. Стариковой, С.А. Толстик и М. Фейсы анализируется лексический состав русинского языка в лингвокультурологическом и

сравнительно-историческом аспектах. Основываясь на лексикографических источниках, Г.Н. Старикова выявляет в составе русинского языка пласты реликтовой для восточных славян лексики, известные древнерусскому, но утраченные русским, белорусским, отчасти украинским языком, уникальные (прежде всего для восточной группы языков) дериваты от праславянских корней, а также лексические заимствования, отражающие интенсивное языковое и культурное контактирование русинов. К истории формирования в русинской лингвокультуре одного из культурно значимых концептов – концепта «жалость» – обращается С.А. Толстик, доказывая, что лексическое представление данного концепта в русинском языке формируется на базе как единиц, унаследованных из праславянского языка, так и заимствований из близкородственных славянских языков. М. Фейса проводит сравнительный анализ идиом с названием животных в бачко-сримском русинском языке и их английских эквивалентов, закладывая основы компаративных исследований русинского языка с выходом за пределы непосредственно регионального языкового и культурного контактирования русинов.

С проблематикой и методологией, реализованной в статье М. Фейсы, перекликаются доклады секции «Компаративные исследования славянских языков» – статья, написанная Т.А. Гридиной в соавторстве с Н.И. Коноваловой, и статья Н.Б. Лебедевой, подготовленная в сотрудничестве с Т.В. Рабенко. В первой из статей анализируются названия животных как основа формирования образной семантики фразеологизмов в русском и польском языках. Н.Б. Лебедева и Т.В. Рабенко характеризуют фрагмент коллективного лексикографического труда, в котором на основе обращения к метаязыковому сознанию респондентов – представителей как славянских, так и неславянских лингвокультур (русской, украинской, сербской, французской, казахской, китайской) выявляются обыденные концепты, связываемые с наименованиями животных.

Доклады секции «Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: когнитивные и дискурсивные исследования» представляют статьи, актуализирующие в соответствии с названием когнитивный и дискурсивный аспекты компаративных славянских исследований. В статье Ю.В. Филь и Ю. Востровой выявляются аспекты общности и различия в частных значениях префиксов *pred-* и *před-* в русском и чешском языках. Доклады конференции, проблематика которых была обращена к дискурсивным практикам современных славянских языковых сообществ и государственных образований, характеризовались значительным тематическим разнообразием: от традиционных фольклорных до остро актуальных политического, ме-

дийного дискурсов, дискурсов современных социальных сетей интернет-пространства. Доклады этого направления секции представлены в выпуске журнала двумя статьями. В статье И.В. Тубаловой и Х. Ван характеризуются национально-культурная и жанровая специфика реализации соматического кода в восточнославянской лирической песне. Авторы приходят к выводу об отсутствии значимых различий в реализации соматического кода в русских, украинских, белорусских, русинских лирических песнях вследствие близости исследованных культур.

В статье Ю.А. Эмер и К.А. Акентьевой на материале новогодних поздравлений В. Путина, А. Лукашенко и П. Порошенко решается задача выявления механизмов взаимодействия и борьбы праздничного и президентского дискурсов в рамках жанра. Авторы приходят к выводу, что при значительном единстве содержания исследуемого дискурса, определяемого целью и жанровой формой, большое значение при формировании контента имеют политические установки президента, статус института власти, актуальная политическая и экономическая повестка в стране, что предопределяет наличие вариативной части анализируемых жанров.

В этом году конференция проходила в партнерстве с проектом, поддерживаемым грантом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант № 14.Y26.31.0014), представившего на секциях «Языковое контактирование» и «Социолингвистические аспекты изучения славянских языков» доклады, посвященные предварительным результатам исследования динамики языковой ситуации Южной Сибири. В статье Е.Д. Артеменко и А.А. Буб охарактеризованы социокультурные факторы, влияющие на характер и способы взаимодействия малых языков Южной Сибири с русским языком, который, в соответствии с базовым направлением языковой политики Правительства Российской Федерации, выполняет в регионе функции макропосредника коммуникации. Проблема исследуется через призму психологических аспектов восприятия данного взаимодействия основными участниками несбалансированной языковой ситуации – билингвами, владеющими родным хакасским и русским языком в качестве второго, приобретенного. В статье О.В. Нагель и И.Г. Темниковой преломление билингвальной языковой ситуации анализируется через отражение интерферентных влияний родного татарского языка в русской речи русско-татарских билингвов.

Таким образом, конференция, как и в предыдущие годы, стала платформой для научных дискуссий не только лингвистов, но и исто-



риков, социологов, политологов. Статьи представляемого выпуска журнала, с одной стороны, способствуют введению в современный контекст славистики нового эмпирического материала, результатов его анализа на основе применения традиционных и современных методов, с другой – актуализируют в новом контексте труды классиков славяноведения.

Отметим, что по итогам 2018 г. среди журналов, индексируемых в БД Scopus, партнер конференции журнал «Русин» вошел в первый квартиль (Q1) по категориям History (История), Literature and Literary Theory (Литература и литературоведение), во второй – по категориям Language and Linguistics (Язык и лингвистика), Anthropology (Антропология), в третью – по категории Sociology and Political Science (Социология и политология) (URL: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0&fbclid=IwAR259KYiF-BXtWozT0wQoYccG8zA6aGLE382I7hzjhROPEvyNS8Yo7VrL5I>).

Полагаем, что высокий рейтинг журнала «Русин» в ряду изданий, индексируемых в базах данных по нескольким гуманитарным направлениям, определяется стратегией редакции журнала, реализуемой под руководством С.Г. Суляка, высоким уровнем публикаций, представляющих результаты междисциплинарных исследований этнического единства русинов во множестве тесно связанных проблем политического, социального, культурного, языкового самоопределения этноса, процессы которого определяются отношениями не только в пределах славянского единства, но и мирового сообщества в целом. Статьи данного выпуска, подготовленные по материалам выступлений на конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 2019), также не только представляют научные данные и теории, связанные с русинской и собственно славистической тематикой, но и имеют общетеоретическое значение и будут интересны широкому кругу славистов, специалистов в области гуманитарных наук.

*З.И. Резанова,  
профессор, доктор филологических наук,  
заведующая кафедрой славяно-русского языкознания  
и классической филологии  
Томского государственного университета*

## EDITORIAL

This issue includes articles by the participants of the 5th International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges” convened by National Research Tomsk State University and the *Rusin* Editorial Board.

Traditionally, due to the partnership of the Conference with the *Rusin* Editorial Board, the event was opened by the work of the session “Rusin Linguistic Culture: Linguo-Cognitive Research”. The presentations focused on the linguistic problems in the cultural context as well as the history of Rusin and Slavic culture studies, introducing names of philologists, Slavic culture leaders, who contributed much to the formation of theoretical concepts of high scholarly and social value in the contemporary context.

A.V. Malinov discusses the ideas by Ju. Križanić and V.I. Lamanskii, who transmitted “extreme views” of the common Slavic language. S.V. Zelenko analyzes the interpretation of the Rusins’ language contacts in the works by A. Dukhnovich. S.G. Suliak focuses on I.I. Sreznevsky and his contribution to the study of the cultural, social, political and linguistic history of Carpathian Rus’. B.P. Savchuk and G.V. Bilavich describe a wide variety of interpretations of the socio-cultural movement during the so-called “Alphabet Wars” in Galicia in the 1830s in the works of Russian, Polish, Czech, Ukrainian representatives of Western European academic school. K.S. Sharov studies the homiletic spiritual literature of Eastern Europe in the second half of the 17th century: the writings of Tomasz Młodzianowski, Archimandrite Ioannikii Golyatovsky, Archbishop Lazar Baranovich, St. Dimitry of Rostov, Metropolitan Stefan Yavorsky of Ryazan and Murom. According to the author, the spiritual literature reveals the philological and cultural archetypal patterns of Orthodox and Catholic literary homiletics related to Slavic languages.

G.N. Starikova, S.A. Tolstik and M. Fejsa analyze the lexical composition of the Rusin language in the linguoculturological and comparative historical aspects. Drawing on lexicographic sources, G.N. Starikova identifies vocabulary strata that existed in the Old Russian, but were lost in the Russian, Belarusian, and partly Ukrainian languages. She also focuses on the Proto-Slavic root derivatives that are unique primarily for the eastern group of languages, and lexical borrowings reflecting the Rusins’ intensive linguistic and cultural contacts. Addressing the formation of a culturally significant concept of “zhalost” in the Rusin linguistic culture, S.A. Tolstik argues that the lexical representation of this concept in the Rusin language forms on the basis of units inherited from Proto-Slavic as well as borrowings from closely related Slavic languages. M. Fejsa conducts a comparative analysis

of zoomorphic idioms in the Bachko-Srima Rusin language and their English equivalents, laying the foundations for comparative studies of the Rusin language, going beyond direct regional linguistic and cultural contact of the Rusins.

The problem field and methodology employed by M. Fejsa are found in the works by T.A. Gridina co-authored by N.I. Konovalova and N.B. Lebedeva co-authored by T.V. Rabenko in the session “Comparative Studies of Slavic Languages”. T.A. Gridina and N.A. Konovalova analyze the zoonyms as the basis for the formation of the figurative semantics of phraseological units in Russian and Polish. N.B. Lebedeva and T.V. Rabenko commonplace everyday concepts related to the names of animals in the metalanguage consciousness of representatives of both Slavic and non-Slavic linguistic cultures (Russian, Ukrainian, Serbian, French, Kazakh, Chinese).

The section “Slavic Languages in the Light of New Research Paradigms: Cognitive and Discursive Research” focused on the cognitive and discursive aspects of comparative Slavic studies. Yu.V. Fil and Yu. Vostrova identify common and differentiating features in the particular meanings of *pre-* and *před-* prefixes in Russian and Czech. Presentations addressing the discursive practices of modern Slavic language communities and state entities varied from traditional folklore to acutely relevant political, media discourses, as well as discourses of modern social networks in the Internet. I.V. Tubalova and H. Van describe the national, cultural and genre specificity of the somatic code in the East Slavic lyric song. The authors conclude that there are no significant differences in the implementation of the somatic code in Russian, Ukrainian, Belarusian, Rusin lyric songs due to their cultural proximity.

Yu.A. Emer and K.A. Akentieva use the texts of New Year’s greetings by V. Putin, A. Lukashenko, and P. Poroshenko to identify the mechanisms of interaction and struggle between festive and presidential discourses within the framework of the genre. The authors conclude that, despite a significant unity of the discourse content determined by the purpose and genre form, there are a number of factors that determine the variable part of the discourse. Among the most significant are the president’s political attitudes, the status of the institution of power, the current political and economic agenda in the country.

This year, the conference was held in partnership with the project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures” (Grant No. 14.Y26.31.0014, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation). The presentations focusing on the dynamics of the linguistic situation in Southern Siberia were delivered in the sec-

tions “Language Contacts” and “Sociolinguistic Studies of Slavic Languages”. E.D. Artemenko and A.A. Bub specify the sociocultural factors that influence the nature and methods of interaction between the minority languages of Southern Siberia and the Russian language, which, in accordance with the basic direction of the language policy of the Government of the Russian Federation, performs the functions of a macro-communication medium in the region. The problem is studied through the prism of the psychological aspects of the perception of this interaction by the main participants in the unbalanced language situation – bilinguals who speak their native Khakass and Russian as a second language. O.V. Nagel and I.G. Temnikova analyze the bilingual linguistic situation in terms of the interference of the native Tatar language in the Russian language of Russian-Tatar bilinguals.

Thus, the Conference has become a platform for scholarly discussions not only of linguists, but also of historians, sociologists, and political analysts. On the one hand, the articles in this issue introduce new empirical data and their analysis into the modern Slavic studies, while on the other hand, they update the works of the Slavic classics in a new context.

It should be noted that, by the results of 2018, the Conference partner *Rusin* has entered Q1 in *History, Literature and Literary Theory*, Q2 in *Language and Linguistics, Anthropology*, Q3 in *Sociology and Political Science* of the Scopus-indexed journals (URL: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0&fbclid=IwAR259KYiF-BXtWozT0wQoYccG8zA6aGLE382I7hzjhROPE-vyNS8Yo7VrL5I>).

We believe that the *Rusin*'s high rating among the journals indexed in the Scopus for several fields in the Humanities is determined by its editorial strategy implemented by S.G. Suliak, as well as by a high level of articles presenting the results of interdisciplinary studies of the Rusin ethnic unity in many closely related aspects of the political, social, cultural, and linguistic self-determination of an ethnic group, not only within the Slavic unity, but also in the world community as a whole. Following the conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges” (Tomsk, 2019), the articles in this issue not only present research data and theories related to the Rusin and Slavic subjects per se, but also have general theoretical significance to be interesting and will be interesting to a wide circle of Slavists and Humanities scholars.

*Professor, Head of the General Slavonic-Russian Linguistics  
and Classical Philology Department of Tomsk State University,  
Member of the Rusin Editorial Board  
Z.I. Rezanova*

УДК [903.23 : 391](478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/2

## И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

**С.Г. Суляк**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9  
E-mail: sergei\_suleak@rambler.ru

### Авторское резюме

С 1839 по 1842 г. известный русский филолог-славист И.И. Срезневский был в заграничной командировке. Он посетил Чехию, Моравию, Силезию, Верхнюю и Нижнюю Лужицы, Крайне, Штирию, Каринтию, Фриулию, Далмацию, Черногорию, Хорватию, Славонию, Сербию, Венгрию, Галицию, изучал местные говоры, собирал фольклор, знакомился с культурой и обычаями славян, а также с литературой и источниками, хранившимися в местных библиотеках. В его «Донесении адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения из Братиславы от 5 (17) апреля 1842 года» и «Путевых письмах» к матери содержится немало интересных сведений об угорских и галицких русинах и их языке. Будучи в Галиции и Венгрии, он встречался с видными деятелями русинского Возрождения Д. Зубрицким, Я. Головацким, И. Левицким, А. Добрянским и др. В последующем И. Срезневский поднял русинскую тематику в статьях «Мысли об истории русского языка» (1849), «Русь Угорская» (1852) и др. К сожалению, работы ученого о русинах оказались сегодня по каким-то причинам невостребованными.

**Ключевые слова:** Угорская Русь, Галиция, Карпатская Русь, русины, И. Срезневский.

## I.I. SREZNEVSKY AND CARPATHIAN RUS'

**S.G. Sulyak**

St. Petersburg State University  
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia  
E-mail: sergei\_suleak@rambler.ru

**Abstract**

From 1839 to 1842, a famous Russian Slavacist I.I. Sreznevsky was on a business trip abroad. He visited Czechia, Moravia, Silesia, Upper and Lower Lusatia, Kraine, Styria, Carinthia, Friulia, Dalmatia, Montenegro, Croatia, Slavonia, Serbia, Hungary, and Galicia, where he studied local dialects, collected folklore, got acquainted with the culture and customs of the Slavs as well as literature and local library sources. In his "Report of the Adjunct Sreznevsky to the Minister of Education from Bratislava of April 5 (17), 1842" and "Travel Letters" to his mother, he provides a lot of interesting information about Ugric and Galician Rusins and their language. While in Galicia and Hungary, he met with prominent figures of the Rusin revival D. Zubritsky, Y. Golovatsky, I. Levitsky, A. Dobryansky and others. Subsequently, I. Sreznevsky raised the Rusin theme in the articles "Thoughts on the History of the Russian Language" (1849), "Ugric Rus" (1852), etc. Unfortunately, the his works on Rusins are un-claimed nowadays for some reason.

**Keywords:** Ugric Rus', Galicia, Carpathian Rus', Rusins, I. Sreznevsky.

Большинство работ, посвященных научной деятельности И.И. Срезневского (1812–1880), увидели свет в дореволюционный период. Среди них труды его сына Всеволода: «Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского» (Срезневский 1898), расширенная библиографическая справка, напечатанная в 1909 г. в «Русском библиографическом словаре» (Срезневский 1895), «Библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности И.И. Срезневского» (Срезневский 1915). В 1916 г. вышел сборник «Памяти Измаила Ивановича Срезневского» (Кн. 1). В него вошли речи, произнесенные на торжественном публичном собрании отделения русского языка и словесности Императорской академии наук 20 января 1913 г., посвященном столетию со дня рождения И.И. Срезневского. В ней же опубликованы краткий очерк жизни и деятельности ученого, написанный его сыном Всеволодом, выступления А.А. Шахматова, Н.Ф. Сумцова, В.А. Францева, А.И. Соболевского, воспоминания И.А. Ягича. Там же можно найти описание памятной выставки, устроенной в малом конференц-зале академии в день заседания, а также статьи дочери Измаила Ивановича Ольги («Художественные произведения И.И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще»), студенческие воспоминания о Срезневском И.В. Цветаева и «Материалы для биографии И.И. Срезневского (печатные источники)», собранные его сыном Всеволодом (Памяти 1916).

В советские времена вышли расширенная справка об И.И. Срезневском в «Библиографическом словаре» М.Г. Булахова с анализом его трудов и большим списком литературы (Булахов 1976: 219–232),

монография Г.А. Богатовой (Богатова 1985). Уделила внимание личности ученого и Л.П. Лаптева в своей монографии «История славяноведения в России в XIX веке» (Лаптева 2005: 344–354). Однако, к сожалению, вместо того, чтобы раскрыть его научную деятельность, исследовательница больше внимания уделила личным качествам Измаила Ивановича и его политическим взглядам, причем подавая это в несколько тенденциозном плане: она отмечала у него «черты русского национализма, что выразилось в негативном отношении к украинскому национальному движению», приверженность «верноподданнической любви к существующему в России строю в период революционного и общественного движения 60–70-х гг., преданность царю-самодержцу... его крайне монархическим взглядам... политической консервативности... научному консерватизму... негативным характеристикам его отношения к людям» и т. д. (Лаптева 2005: 345–349).

Его контакты с чехами, словаками, сербами и другими западными и южными славянами не остались без внимания исследователей (Готовска-Хенце 2013; Досталь 2003; Лаптева 2013; Осипова 2015; Чуркина 2015). В то же время его пребывание в Карпатской Руси, встречи с деятелями русинского Возрождения Галицкой и Угорской Руси и последующие связи с ними лишь поверхностно описаны ряде работ украинских исследователей (Полянина 1968; Райківський 2013; Русалка Дністров 1989). Закарпатские исследователи в рамках сборника «Учені Росії про Закарпаття: із карпатознавчої спадщини» переиздали его работу «Русь Угорская» (Учені Росії 2009). М.Ю. Досталь в своих статьях постаралась раскрыть роль И. Срезневского в развитии славяноведения в России и его вклад в становление университетского славяноведения и воспитание кадров отечественных славистов, его связи с зарубежными учеными (Досталь 1980; Досталь 2004). Л.М. Аржакова отметила, что «для славистов-филологов он был и по сей день остается непререкаемым авторитетом: его жизнь и научно-литературная деятельность основательно изучены (о чем свидетельствуют работы Г.А. Богатовой, С.В. Смирнова, М.Ю. Досталь, Н.В. Колгушкиной), уважение к заслугам и почтение к творческому наследию находит выражение в переиздании трудов ученого» (Аржакова 2017: 176–177).

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) – выдающийся русский палеограф, педагог, знаменитый филолог-славист. Он родился в Ярославле в обеспеченной и образованной семье. Его отец Иван Евсеевич был профессором Демидовского училища в Ярославле, с 1812 г. – профессором Харьковского университета, где также исполнял должность инспектора казеннокоштных студентов. Его предки

в течение нескольких поколений были священниками с. Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии (ныне Шиловский район Рязанской области). Род их произошел от государственных крестьян данного села. Когда И.Е. Срезневский переехал в Харьков, сыну было всего несколько недель. Сам Измаил был перевезен в Харьков в двухмесячном возрасте. После смерти отца в 1819 г. главная роль в воспитании ребенка принадлежала его матери Елене Ивановне (урожденной Кусковой, умерла в 1856 г.), у которой на руках осталось трое малолетних детей. Мать привила ему с детства любовь к литературе и музыке, с 9 лет он начал писать стихи, а в 16 лет уже высказывал в письмах к родным желание посвятить себя науке.

По окончании пансиона в 1826 г. Измаил поступил на этико-политическое отделение философского факультета Харьковского университета, который закончил в 1829 г. со степенью кандидата, защитив диссертацию «Об обиде».

После окончания университета служил в харьковском Дворянском депутатском собрании, совестном суде (губернский суд в Российской империи), был домашним учителем, библиотекарем в Депутатском собрании. В 1837 г. Срезневский защитил магистерскую диссертацию «О сущности и содержании теории в науках политических» и был назначен адъюнкт-профессором кафедры политической экономии и статистики в Харьковском университете. В 1838 г. представил к защите докторскую диссертацию «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно». Новизна и необычность методики исследования стали причиной того, что она была отклонена.

И. Срезневский увлекся этнографией, историей, народной словесностью Малороссии. В предисловии к своему изданию «Запорожская старина» (Харьков, 1833–1838) он упоминает, что собирал материалы для этой книги семь лет – со времени поступления в университет. Он ездил по Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерниям (в основном на летних каникулах).

В 1837 г. принял предложение университета отправиться по линии Министерства народного просвещения в командировку в славянские земли для подготовки к званию профессора славянской филологии. С 17 октября 1839 г. по 23 сентября 1842 г. находился в заграничной командировке, путешествуя (часто пешком) по Чехии, Моравии, Силезии, Лужицам, Крайне, Штирии, Хорутании, Фриулу, Далмации, Черногории, Хорватии, Славонии, Сербии, Венгрии и Галиции, изучая местные говоры, собирая песни, пословицы и другие памятники народной словесности, знакомясь с бытом и нравами славян и других местных народов. Вернувшись из-за границы, он занял новую кафедру славистики в Харькове.



В ноябре 1844 г. Срезневский женился на 19-летней дочери учителя математики харьковской гимназии Ф.Л. Тюриня Екатерине Федоровне (1825–1912), которая сразу стала ему другом, опорой и помощницей. У них было восемь детей, Ольга и Всеволод прошли по стопам отца.

В 1846 г. И.И. Срезневский защитил диссертацию «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», за которую он получил первую в России ученую степень доктора славяно-русской филологии. В то время Харьков уже не мог удовлетворить возросшие после путешествия научные интересы ученого. Ему не хватало литературы и источников, и он начал хлопотать о переводе в Санкт-Петербургский университет.

В 1847 г. Измаил Иванович переехал в Санкт-Петербург, стал читать славяноведческие дисциплины в Санкт-Петербургском университете и возглавил кафедру славянской филологии. До самой смерти Срезневский был деканом филологического факультета, председателем ученого совета, в 1861 г. исполнял обязанности ректора, в 1863–1864 гг. являлся членом комиссии по управлению университетом. Профессорская деятельность Измаила Ивановича продолжалась 33 года. Последние лекции в январе 1880 г. он прочел дома, поскольку уже не в силах был ездить в университет.

В 1847 г. Срезневский вступил в Русское географическое общество. Одновременно он был назначен цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета, но пробыл в этой должности всего три года. В 1850 г. стал членом Русского археологического общества, в 1859 г. – Общества любителей российской словесности. Состоял во многих других российских и зарубежных научных обществах, был членом ряда зарубежных академий.

В 1848 г. II отделение Академии наук (Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук) избрало Срезневского своим адъюнктом, в 1851 г. – экстраординарным академиком, в 1854 г. – ординарным, затем он стал председателем II отделения академии.

По его инициативе появились «Известия Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности», редактором которых он стал. Научное наследие Срезневского составляют более 800 печатных трудов в области славянской и русской филологии, палеографии, археографии, археологии, педагогики и методики преподавания языка, историко-литературные и биографические работы. Большую ценность представляет его ученая переписка (свыше 900 корреспондентов).

В 1849 г. Срезневский опубликовал «Мысли об истории русского языка», ставшие программой научных работ нескольких поколений русских филологов. Главным в своей работе он считал описание

памятников, создание областных словарей, изучение народных говоров и современного литературного языка, составление исторического словаря и исторической грамматики с привлечением истории других славянских языков. В начале 1850-х гг. ученый задумал свой древнерусский словарь. Закончить этот труд, однако, ему не удалось. Печатать словарь под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» начали лишь через 10 лет после его смерти. С 1860-х гг. он стал издавать «Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков)» (1863. 1-е изд.) и «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1864–1861). Учениками его были В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, Н.П. Корелкин, В.Я. Стоюнин, братья Н.А. и П.А. Лавровские, В.В. Макушев, А.С. Будилович, Д.Л. Мордовцев, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев и др. (Булахов 1976; Булич 1900; Срезневский 1909; Срезневский 1915; Срезневский 1916).

И.И. Срезневский, по словам А.А. Шахматова, «положил основания исторического изучения русского языка, поставив его в живую и нерасторжимую связь с изучением всех других славянских языков». По мнению ученого, «Срезневский принадлежит к числу виднейших деятелей науки, прославивших ее и укрепивших ее развитие» (Шахматов 1916: V).

Определенное место в научном наследии И.И. Срезневского занимает изучение Карпатской Руси. Находясь в 1839–1842 гг. в заграничной командировке, он посетил ряд регионов Австрийской империи, населенных русинами (Угорскую Русь и Галичину), где изучал историю, культуру, обычаи и язык местных жителей, познакомился с рядом деятелей русинского Возрождения.

Я.Ф. Головацкий так описывал встречу с молодым ученым: «После М.П. Погодина посетил г. Львов (в г. 1840) ученый проф. Измаил Иванович Срезневский, который, обогащенный сведениями, возвращался из своего путешествия по славянским землям на кафедру в Харьковский университет. Еще в Вене, узнав у моего брата Ивана о моей деятельности, а в Праге слыша обо мне от Шафарика и Ганки, он читал мои письма о Галицкой и Угорской Руси. Срезневский был весьма сердечен и дружелюбен со мною; из его разговоров я многому научился и уяснил себе многие вопросы насчет состояния России, малороссийской словесности и вообще славянского дела. Я ему показал мой сборник народных песен, и он мне сказал, чтобы я старался препроводить его О. Бодянскому, а он найдет способ напечатать его» (Головацкий 1965: 270). Позже, в 1842 г., Я. Головацкий посвятил этой встрече свое знаменитое стихотворение «Руський з руським повстрічався, Руський з руським повітався...» (Райківський 2013: 44).

В его «Донесении адъютанта Срезневского г. министру народного просвещения из Братиславы от 5 (17) апреля 1842 года» (Срезневский 1842) и «Путевых письмах» к матери (Срезневский 1895) содержится много интересных сведений о Угорской и Галицкой Руси и их коренном населении. Будучи в Галиции и Венгрии, ученый встречался с видными деятелями русинского Возрождения Д. Зубрицким, Я. Головацким, И. Левицким, А. Добрянским и др.

Он писал, что, «едуци с запада на восток по южным отлогостям Карпатского хребта, в Ужгороде (Ungvar) путешественник слышит уже южнорусское наречие». Срезневский употребил термин «русины по вере», отмечая, что он их встречал во всех столицах комитатов Гёмёрского, Спишского, Шаришского и Землянского. Русинами, как уточняет исследователь, в Венгерском королевстве называют всех униатов и православных без различия – не только русинов, но и словаков и мадьяр, «лишь бы не были сербы и волохи». К примеру, в Пряшевской епархии насчитывалось до 180 тыс. униатов. Т. е. русины они по вере, а по языку и народности словаки. В то же время в Ужгороде «русины в полном смысле родные братья малороссиян, однокровные дети старой Руси». Далее ученый сообщал, что русины проживают на севере, востоке и отчасти на юге, в Галиции и Буковине. В Мукачевской епархии (куда входят комитаты Землянский, Унгварский, Сабольский, Угочанский, Сатмарский, Бережский, Мармарошский) их насчитывается 472 тыс. Если к этому количеству прибавить 854 чел., живущих в Перемышльской епархии, 1,269 млн чел. – во Львовской и около 140 тыс. чел. – в Буковине, получатся, что в Австрийской империи проживало 2,735 млн русских. Весь этот народ, отмечал И. Срезневский, «говорит с малыми местными различиями, одним языком: житель Харькова может разговаривать с жителем Ужгорода, как разговаривает москвич с коломенцем, и русский с Байкала поймет бескидского горца так же легко, как чех словака (известно, что чехи и словаки имеют один главный книжный язык, как и все русские). Отделенные, впрочем, от своих соплеменников, предоставленные как чернь самим себе в своем образовании, они могут обращать на себя внимание путешественника только в отношении филологическом и этнографико-историческом» (Срезневский 1842: 46–47).

Посетив Гёмёрский комитат, И. Срезневский упомянул, что в Елшаве (в Центральной Словакии) была когда-то православная церковь и в этом крае еще лет 150 назад жили православные. Он обратил внимание, что в деревне Тельгарт у истоков Грона живут словаки греко-униатской веры, как и в Шумящей и Вернгре (всего в этих трех приходах насчитывалось около 4 700 чел.). Исследователь обратил внимание, что все живущие у верховий Грона по преимуществу

называются гронцами и считаются молодцами. Есть между ними и удалцы-збойники, особенно (или исключительно) из валахов (горных пастухов) (Срезневский 1895: 311–312).

В Ужгороде И. Срезневский побывал в гостях у Василия Поповича, епископа Мукачевского, «мужа просвещенного, имеющего хорошую библиотеку». В «Письмах» он дал епископу следующую характеристику: «...человек довольно молодой, прекрасный в обращении, довольно просвещенный и, как я уже давно слышал, очень добрый... Вообще он большой славянолюб и не хотел со мною иначе говорить, как по-русски» (Срезневский 1895: 317). Также Срезневский ознакомился с довольно богатой епископальной и семинарской библиотеками. В них он заметил несколько редких старопечатных книг, а также немало рукописей, правда, «замечательных почти нет». По его мнению, самая важная – «Жития святых», писанная на пергаменте хорошим уставом, вероятно, XIII в., но в плачевном, жалком состоянии (Срезневский 1842: 48).

Он упомянул, что за обедом у епископа «была и старушка мать его, говорящая только по-руснячки, т. е. по-малорусски; а потому и все говорили по-малорусски. Уже и в Землянской столице есть русняки, а тут, в Унгварской, они составляют главную часть народонаселения, равно как и в Угочской, Бережской и Мармарошской» (Срезневский 1895: 317).

Написал И. Срезневский и о встрече с жившим в Ужгороде священником М. Лучкаем, который издал на латинском языке в Буде «Граматику славяно-русскую» (лат. *Grammatica Slavo-Ruthena seu Vetero-Slavicae lingua*, 1830). Ученый считал, что «сочинитель, незнакомый с современным направлением языкознания, смешал наречия церковное и народное и изменял одно другим. Лучшее в его Грамматике – прибавления, особенно народные пословицы, хотя и там язык народный пострадал от правописания». Также ученый упомянул о другом изданном труде М. Лучкая – «Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока» (Будин, 1831. Ч. 1, 2) и о том, что он теперь работал над историей Мукачевской епархии (Срезневский 1842: 49).

В Мукачево Измаил Иванович посетил униатский монастырь и познакомился с его библиотекой (Срезневский 1842: 49). Он его описал как «русняцкий монастырь, прекрасно, можно сказать, богато построенный; далее за ним тянутся горы выше и выше, сливаясь с небом. Монахи носят бороды, но не усы, и узкие рясы с францисканскими видлогами» (Срезневский 1895: 318).

Из Мукачево И. Срезневский хотел поехать в Сигет (Сигот), «чтобы оттуда через Бескиды отправиться в Буковину и уже из Буковины в Львов», но ему отсоветовали ехать по такому маршруту, и он изменил

свой план, «ограничившись о мармарошских русинах только теми сведениями, которые получил в Ужгороде». Говоря о наречии венгерских или угорских русинов, ученый отметил, что оно мало отличается от других южнорусских наречий, и перечислил ряд его особенностей (Срезневский 1842: 50–55).

За оставшиеся два месяца командировки И. Срезневский решил посетить Галицию и Польшу (Срезневский 1895: 318). Остановившись на несколько дней во Львове, ученый познакомился «с состоянием литературной деятельности польской и южнорусской и с теми, кто принимает в ней участие, а также с библиотеками и их богатствами». В «Донесении» он приводит обозрение литературной деятельности южнорусов, перечисляя вышедшие в последнее время работы на польском и немецком языке. Упоминает ученый и о работах галицких литераторов (языкознание, народность, народная словесность, чтение для народа и для детей). Он приводит краткий перечень книг, появившихся «на наречии южнорусском» в последнее время, в т. ч. сборник польских и русских песен К. Липинского (1833), «Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache» (1834) И.В. Левицкого, «Ruskoje wesile» (1835) И.И. Лозинского, «Русалку Днестровую» (1836) и т. д. (Срезневский 1842: 55–59).

Во Львове ученый познакомился с собранием книг и рукописей в библиотеке Оссолинских, библиотеке при униатском монастыре Св. Василия (Срезневский 1842: 59–61).

Из русских литераторов, как пишет И. Срезневский матери, он встречался с И. Вагилевичем, Я. Головацким, Д. Зубрицким и И. Левицким: «Вагилевич помешался на том, что в него влюбляются, Головацкий много путешествовал. Зубрицкий много собирал исторических материалов, Левицкий плохой грамотей, хоть и написал грамматику. Познакомился и с другим Левицким, каноником, цензором книг» (Срезневский 1895: 322). Д. Зубрицкий «собрал очень много палеографических и исторических материалов и может быть многим полезен для каждого славянского путешественника, занимающегося историей или филологией». От Я. Головацкого, с которым И. Срезневский начал переписываться незадолго до командировки (Кореспонденція 1909: 22–23), он получил «выписки из рукописей, принадлежащих М.С. Шашкевичу, который имеет их несколько» (Срезневский 1842: 63–64).

Он обратил внимание, что во Львове господствующим языком является польский, по-немецки говорят немецкие чиновники и евреи, по-южнорусски – простой народ, приходящий из сел (Срезневский 1895: 321).

Говоря о наречиях галицких русинов, он выразил благодарность Я. Головацкому и И. Вагилевичу «за их усердное желание помочь

мне в описании сих наречий». По мнению исследователя, в Галиции существуют три «главные отличия русинского наречия: на западе и юге – карпаторусское (горское), на востоке – волинское, в середине – галицкое». Исследователь приводит особенности карпаторусского и галицкого наречий. Волинское же наречие – то же самое, что на Волини и Подолье (Срезневский 1842: 68–73). И. Срезневский в «Донесении» дает «краткие известия о городищах галицких» (Срезневский 1842: 73–74).

Из Львова И. Срезневский отправился в Перемышль и Ярослав, затем, переехавши Сан, – в «край польский», населенный мазурами (Срезневский 1842: 73).

В статье «Русь Угорская» (1852) И. Срезневский дает сведения об истории Угорской Руси, ее населения, отмечает особенности его говора. По мнению автора, «народный русский язык» подразделяется «на два главных отдела: севернорусский и южнорусский». Они, в свою очередь, делятся «первый – на великорусское (северное с сибирским и южное с донским) и белорусское (полоцкое и псковское); второй – на восточное (т. е. малорусское и волинское) и западное (т. е. галицкое и угорское закарпатское)» (Срезневский 1852: 5).

«Русины по вере, – пишет исследователь, – живут и западнее, в столицах (комитатах) Гёмёрской, Спишской, Шаришской, Землянской; но это русины по вере, по языку и народности, они словаки и мадьяры: все униаты и православные называются в Венгрии русинами, если только они не волохи и не сербы. На востоке же от окрестностей Бардеёва и Ужгорода живут люди русские в полном смысле этого слова, родные братья наши, однокровные с нами потомки Древней Руси и по народности, и по своим древним воспоминаниям». В епархии Мукачевской русинов около 470 тыс. чел. В епархии Пряшевской (комитаты Шаришский, Спишский, Гёмёрский, Торнянский, Абаюварский, Боршодский и Землянский) их около 50 тыс. чел.

Преимущественно русинами населены комитаты Мармарошский, Бережский, Угочский, Унгварский, Шаришский и половина Землянского.

Примыкая на западе к словакам, на юге – к мадьярам и волохам, а на севере – к русинам галицким, они отделяются от последних хребтом гор Карпатских, называемых там Бескидами или Бесчадью, и занимают южные и западные склоны этих гор по бассейну Верхней Тиссы на юг до Вуйлака (Tissa, Ujlak), по бассейну Латорицы и Уга до их соединения, по бассейну Люборцы, Ондавы и Топлы и по верховьям бассейна Торисы.

Встречаются русинские поселения и в других частях Венгрии, но они, как считал ученый, «образовались из переселенцев позднейшего

времени и лежат разбросанно в разных краях». В свою очередь, и «внутри пространства, нами обозначенного, есть селения нерусские» и кое-где довольно важные по количеству народа; но и они суть поселения новые, а не остатки древнего народонаселения, которым считать можно одних русинов (Срезневский 1852: 6–7).

Ученый указывал, что «все русские в этом краю не иначе называют себя, как именем русинов, или, собирательно, русью. Есть и местные названия: так, восточная часть Мармарошской столицы называется у них Мармарицей, Мармарошиной, а жители носят имя гуцулов; погорья западной части столицы Мармарошской и север столицы Бережской называются Верховиной, а жители – верховниками. Далее на запад, в столицах Унгварской и Землянской, простирается Краина, по имени которой и жители слынут крайнянами. В соседстве с ними живут сотаки – смесь русинов и словаков. Наконец, жители горной части столицы Шаришской, которую называют Макова, известны под именем маковцев или маковян. Есть еще бойки: так называют всех горян северных от верховий Латорицы к Папради; но сами горяне этого названия стыдятся, считая его за бранное прозвище. Все эти местные названия нисколько, впрочем, не заглушают общего имени – руси» (Срезневский 1852: 7–8). Тем не менее, подчеркивает И. Срезневский, «само название русин равносильно мадыарскому orosz-ember – русский человек, одинаково народное и в Венгерской Руси, и в Руси Галицкой, свидетельствует, что эти связи (с остальными частями русского народа. – С.С.) были: только вследствие их народ мог усвоить себе имя, принадлежащее его соотечам в других землях» (Срезневский 1852: 8–9).

Он отмечал, что «наречие угорских русинов не везде сохранило свой чисто русский характер, что на юго-востоке оно смешалось с волошским, на юге – с мадыарским, на западе, что для нас всего любопытнее, – со словацким и с польским. Слияние русского наречия со словацким и польским не ограничилось заимствованием слов, как это случилось с волошским и мадыарским, а обозначилось на всем его строе, особенно в отношении к выговору и употреблению звуков. Образцы этого влияния представляются также в числе памятников народной словесности» (Срезневский 1852: 15).

В статье ученый приводит сведения об истории угорских русинов, особенностях их наречия, показывает примеры народной словесности (обрядовых и лирических песен, пословиц, коротких анекдотов (бахурок)), дает информацию о разработке письменности угорских русинов (Срезневский 1852: 9–28).

Впоследствии И. Срезневский вновь поднимает русинскую тематику в ряде своих статей. В материале «Мысли об истории русского языка»



(1849), говоря о «границе пространства, которое занимали славяне русские издревле», он подчеркивает, что «на западе колонии русские были и в землях литовских, и в польских, и между словаками в горах Карпатских, и в Венгрии, Трансильвании, Валахии, и в Болгарии, Фракии, Македонии, Албании, Элладе». Подчеркивая то, что «народный язык русский теперь уже далеко не тот, что был в древности», он обращает внимание «на его местные оттенки, на наречия и говоры». К примеру, не во всех русских наречиях сохранилось «ы». Оно осталось у великорусов и частично у «западных малорусов (русинов) в горах Карпатских» (Срезневский 1887: 30, 34, 43).

Затрагивает русинскую тематику он и в других своих работах. Например, в «Хождении за три моря Афанасия Никитина. В 1466–1472 гг.» (1857), упоминая о полугодовом проживании Афанасия в приморском персидском городе Чапакур, исследователь отмечал, что у этих берегов и теперь нередко пристают русские торговые суда, а «жители окрестных погорий, подобно бескидским русинам, ходят все с деревянными "топориками", которые называются у них *табр*» (Срезневский 1857: 41–42).

Говоря о значении посещения Карпатской Руси И.И. Срезневским, галицко-русский искусствовед, этнограф, филолог И.С. Свенцицкий (1876–1956) в своей книге «Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в.» отметил, что только он «вошел в более близкие отношения с Головацким и Вагилевичем и проявил много живого интереса к карпаторусскому умственному движению». Свенцицкий писал, что последний месяц своего трехлетнего пребывания на славянских землях Срезневский посвятил изучению Карпатской Руси. В июле 1842 г. он посетил Ужгород, где познакомился с епископом В. Поповичем и издателем славянорусской грамматики М. Лучкаем. После Угорской Руси он выехал в Галицкую Русь, 19 июля прибыл во Львов, где прожил 19 дней. Здесь он познакомился с Я.Ф. Головацким, И.Н. Вагилевичем, Д.И. Зубрицким, И.В. Левицким. Долгое время он переписывался с ними, став «одним из лучших литературных руководителей для Головацких и Вагилевича». Я. Головацкий и И. Вагилевич, будучи ровесниками ученого, свое отношение к Срезневскому выразили в стихах на память о встрече и в записках, «называя его братом и раскрывая пред ним веру в будущее». Младший брат Я. Головацкого Иван «был не менее пленен личностью Срезневского, послав ему в Словачину из Вены 1842 г. письмо, исполненное одной любви и благодарности за задушевные речи собрата о «русинах и словенах»» (Свенцицкий 1906: 71–72). Большое значение для галицко-русских ученых имела также отправка И. Срезневским книг из России (Свенцицкий 1906: 3).



Биография И. Срезневского чем-то напоминает жизнеописание его более молодых коллег А. Кочубинского (1845–1907) и А. Будиловича (1846–1908), о которых мы писали ранее (Суляк 2017; Суляк 2018). Все они вышли из малообеспеченных семей (семья Срезневского и Кочубинского остались без кормильцев, Будилович родился в многодетной семье бедного священника) и всего, что они достигли в жизни, добились сами, своим трудом.

И. Срезневский одним из первых в российской науке поставил вопрос о единстве угорских русских со всем остальным русским миром (Филевич 1896: 13), познакомившись во время своей зарубежной командировки с рядом деятелей русинского Возрождения. Он долгие годы продолжал с ними переписываться, оказывая им различную помощь, в т. ч. высылая литературу (Кореспонденція 1905: 229, 367, 379; Кореспонденція 1909: 155–156).

А. Будилович постоянно поднимал в научных и публицистических статьях не только тему зарубежной Руси, но и холмскую проблему, чем немало способствовал решению вопроса о выделении новой Холмской губернии. Будучи в зарубежной командировке, он познакомился с видным деятелем русинского возрождения А. Добрянским, женился на его дочери, поддерживал отношения с семьями Ю. Геровского и Э. Грабаря, тестем которых тоже был Добрянский.

А. Кочубинский изучал галицких и угорских русинов, одним из первых поднял в российской историографии тему автохтонности русского (русинского) населения в Карпатском регионе (в т. ч. и в Трансильвании), показал русинское влияние на язык и культуру Молдавского княжества.

Эти ученые внесли большой вклад в изучение Карпатской Руси.

## ЛИТЕРАТУРА

Аржакова 2017 – Аржакова Л.М. Славистика в Санкт-Петербургском университете // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 172–185.

Богатова 1985 – Богатова Г.А. И.И. Срезневский. Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1985. 96 с.: ил.

Булахов 1976 – Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь: в 3 т. Минск: Изд-во БГУ, 1976. Т. 1. 384 с., портр.

Булич 1900 – Булич С. Срезневский (Измаил Иванович) // ЭСБЕ. Т. XXXI. София – Статика. СПб.: Типография Акц. об-ва «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900. С. 356–359.

Головацкий 1965 – Головацкий Я.Ф. Пережитое и перестраданное // Письменники Західної України 30–50-х років XIX ст. Київ, 1965. С. 229–285.

Готовска-Хенце 2013 – *Готовска-Хенце Т.* First meeting of I. Sreznevsky with Czech Slavists // Дриновски сборник. Харків; Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2013. Т. 6. С. 19–29.

Досталь 1980 – *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский как славист (1812–1880) // Советское славяноведение. 1980. № 3. С. 90–105.

Досталь 2003 – *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2003. 572 с., [12] с. ил., факс.: ил., карт., портр., табл.

Досталь 2004 – *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его роль в истории отечественного славяноведения // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 75–82.

Кореспонденція 1905 – Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850–62 // Видав др. Кирило Студинський. Збірник філологічної секції Наукового товариства імені Шевченка. Т. VIII–IX. У Львові: Накладом наукового Товариства ім. Шевченка, 1905. CLXI, 592 с.

Кореспонденція 1909 – Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49 // Видав др. Кирило Студинський. Збірник філологічної секції Наукового товариства імені Шевченка. Збірник філологічної секції Наукового товариства імені Шевченка. Т. XI–XII. У Львові: Накладом наукового Товариства ім. Шевченка, 1909. CXXXVIII, 463 с.

Лаптева 2005 – *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.

Лаптева 2013 – *Лаптев Л.П.* И.И. Срезневский и его контакты с чешским славистом В. Ганкой // Дриновски сборник. Харків; Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2013. Т. 6. С. 30–41.

Осипова 2015 – *Осипова Е.А.* Сербские реалии в «Путевых письмах» И.И. Срезневского из славянских земель: 1839–1842 годы // Вестник славянских культур. 2015. № 4 (38). С. 148–156.

Памяти 1916 – Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1916. Кн. 1. VIII, 421 с., 1 л. портр.

Полянина 1968 – *Полянина Т.В.* Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины в трудах первых русских славистов (Н.И. Надеждин и И.И. Срезневский) // Вопросы русской литературы. 1968. Вып. 2. С. 66–74.

Райківський 2013 – *Райківський І.Я.* Ізмаїл Срезневський та Галичина // Дриновски сборник. Харків; Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2013. Т. 6. С. 42–46.

Русалка Дністрова 1989 – «Русалка Дністрова». Документи і матеріали / Упоряд. Ф.І. Стеблій та ін.; Ф.І. Стеблій (відп. ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1989. 544 с.

Свенцицкий 1906 – *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906. [6], 109 с.

Срезневский 1841 – *Срезневский И.И.* Донесение адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения из Вены от 8 (20) февраля 1841 года. ЖМНП. Ч. XXXI. Август. Отд. IV. С. 9–36.

Срезневский 1842 – *Срезневский И.И.* Донесение адъюнкта Срезневского г. министру народного просвещения из Братиславы от 5 (17) апреля 1842 года. ЖМНП. Ч. XXXVII. Февраль. Отд. IV. С. 5–74.

Срезневский 1852 – *Срезневский И.И.* Русь Угорская. Отрывок из опыта географии русского языка // Вестник Императорского русского географического вестника. 1852. Ч. 4. Отд. 2. С. 1–28.

Срезневский 1857 – *Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина. В 1466–1472 гг. Чтения И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. [2], 88 с.

Срезневский 1887 – *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка (Чит. на акте С.-Петерб. ун-та 8 февр. 1849 г.). Доп. Изд. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. [2], VI, 164 с.

Срезневский 1895 – *Срезневский И.И.* Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842 [к Е.И. Срезневской]. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1895. X, 374 с., 1 л. карт.

Срезневский 1898 – *Срезневский Вс.И.* Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского. 1831–1839. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. [2], 39 с.

Срезневский 1909 – *Срезневский Вс.И.* Срезневский Измаил Иванович // Русский биографический словарь. Т. XIX. Смеловский – Суворина / Изд. под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1909. Т. 19. С. 276–298.

Срезневский 1915 – *Срезневский Вс.И.* Библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности И.И. Срезневского. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1915. [1]. С. 333–406.

Срезневский 1916 – *Срезневский Вс.И.* Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского / Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг.: тип. Имп. акад. наук, 1916. Кн. 1. С. 1–68.

Суляк 2017 – *Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. Т. 48. С. 166–181. DOI: 10.17223/18572685/48/12

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Вклад А.А. Кочубинского в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2018. Т. 52. С. 120–140. DOI: 10.17223/18572685/52/3

Учені Росії 2009 – Учені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009. 256 с., 56 іл.

Чуркина 2015 – *Чуркина И.В.* И.И. Срезневский о словенцах и словаках // Славянский альманах. 2015. М.: Индрик, 2015. Вып. 1, 2. С. 345–359.

Филевич 1896 – *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1: Территория и население. Варшава: Тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

Шахматов – *Шахматов А.А.* Вступительное слово на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, посвященном памяти И.И. Срезневского / Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1916. Кн. 1. С. V–VII.

## REFERENCES

Arzhakova, L.M. (2017) Slavistika v Sankt-Peterburgskom universitete [Slavistics at St. Petersburg University]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2. pp. 172–185.

Bogatova, G.A. (1985) *I.I. Sreznevskiy* [I.I. Sreznevsky]. Moscow: Prosveshchenie

Bulakhov, M.G. (1976) *Vostochnoslavjanskijeazykovedy. Bibliograficheskij slovar': v 3 t.* [East Slavic linguists. Bibliographic dictionary: in 3 vols]. Vol. 1. Minsk: BSU.

Bulich, S. (1900) Sreznevskiy (Izmail Ivanovich) [Sreznevsky (Izmail Ivanovich)]. In: Andreevsky, I.E. (ed.) *ESBE* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXI. St. Petersburg: Izdatel'skoe delo, Brokgauz – Efron. pp. 356–359.

Golovatskiy, Ya.F. (1965) Perezhitoe i perestradannoe [Survived and redeemed]. In: Shashkevich, M. et al. *Pis'menniki Zakhidnoi Ukraïni 30–50-kh rokiv XIX st.* [Writers of Western Ukraine in the 1830–50-ies]. Kyiv: [s.n.]. pp. 229–285.

Gotovska-Khentse, T. (2013) Pervaya vstrecha I. Sreznevskogo s cheshskimi slavistami [First meeting of I. Sreznevsky with Czech Slavists]. In: *Drinovskij sbornik – The Drinov Collection*. 6. pp. 19–29.

Dostal, M.Yu. (1980) I.I. Sreznevskiy kak slavist (1812–1880) [I.I. Sreznevsky as a Slavist (1812–1880)]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 3. pp. 90–105.

Dostal, M.Yu. (2003) *I.I. Sreznevskiy i ego svyazi s chekhami i slovakami* [I.I. Sreznevsky and his ties with Czechs and Slovaks]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Dostal, M.Yu. (2004) I.I. Sreznevskiy i ego rol' v istorii otechestvennogo slavyanovedeniya [I.I. Sreznevsky and his role in the history of Russian Slavic studies]. *Slavyanskij vestnik*. 2. pp. 75–82.

Golovatskiy, Ya.F. (1905) Korespondentsiya Yakova Golovats'kogo v litakh 1850–62 [Yakov Golovatsky's correspondence in 1850–62]. In: Studinsky, K. (ed.) *Zbirnik filologichnoi sektsii Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka* [Collection of Philological Section of Shevchenko Scientific Society]. Vol. VIII–IX. Lviv: Nakladom Naukovogo tovaristva im. Shevchenka.

Golovatskiy, Ya.F. (1909) Korespondentsiya Yakova Golovats'kogo v litakh 1835–49 [Yakov Golovatsky's correspondence in 1835–49]. In: Studinsky, K. (ed.) *Zbirnik filologichnoi sektsii Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka* [Collection of Philological Section of Shevchenko Scientific Society]. Vol. XI–XII. Lviv: Nakladom Naukovogo tovaristva im. Shevchenka.

Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [The history of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

Lapteva, L.P. (2013) I.I. Sreznevskiy i ego kontakty s cheshskim slavistom V. Gankoy [I.I. Sreznevsky and his contacts with the Czech Slavist V. Hanka]. *Drinovski sbornik – The Drinov Collection*. 6. pp. 30–41.

Osipova, E.A. (2015) Serbskie realii v “Putevykh pis'makh” I.I. Sreznevskogo iz slavyanskikh zemel': 1839–1842 gody [Serbian realities in “Travel Letters” by I.I. Sreznevsky from the Slavic lands: 1839–1842]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 4 (38). pp. 148–156.

Sreznevsky, V.I. et al. (1916) *Pamyati Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo* [In memory of Izmail Ivanovich Sreznevsky]. Book 1. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

Polyanina, T.V. (1968) Voprosy istorii i kul'tury Zakarpat'ya i Galichiny v trudakh pervykh russkikh slavistov (N.I. Nadezhdin i I.I. Sreznevskiy) [Problems of history and culture of Transcarpathia and Galicia in the works of the first Russian Slavists (N.I. Nadezhdin and I.I. Sreznevsky)]. *Voprosy russkoy literatury*. 2. pp. 66–74.

Raykivsky, I.Ya. (2013) Izmail Sreznevs'kiy ta Galichina [Izmail Sreznevsky and Halychyna]. *Drinovski sbornik – The Drinov Collection*. 6. pp. 42–46.

Stebliy, F.I. (ed.) (1989) “*Rusalka Dnistrova*”. *Dokumenty i materialy* [The Mermaid of the Dniester. Documents and Materials]. Kyiv: Naukova dumka.

Sventsitsky, I.S. (1906) *Obzor snosheniy Karpatskoy Rusi s Rossiey v 1-yu pol. XIX v.* [Overview of relations of Carpathian Rus with Russia in the first half of the 19th century]. St. Petersburg: Imeroal Academy of Sciences.

Sreznevsky, I.I. (1841) Donesenie ad'yunkta Sreznevskogo g. ministru narodnogo prosveshcheniya iz Veny ot 8 (20) fevralya 1841 goda [Report from Adjunct Sreznevsky to the Minister of Public Education from Vienna on February 8 (20), 1841]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 31. pp. 9–36.

Sreznevsky, I.I. (1842) Donesenie ad'yunkta Sreznevskogo g. ministru narodnogo prosveshcheniya iz Bratislavy ot 5 (17) aprelya 1842 goda [Report from Adjunct Sreznevsky to the Minister of Public Education from Bratislava on April 5 (17), 1842]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 37. pp. 5–74.

Sreznevsky, I.I. (1852) Rus' Ugorskaya. Otryvok iz opyta geografii russkogo yazyka [Ugic Rus. Excerpt from the essay on geography of the Russian language]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo vestnika*. 4 (2). pp. 1–28.

Sreznevsky, I.I. (1857) *Khozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina. V 1466–1472 gg. Chteniya I.I. Sreznevskogo* [A Journey Beyond the Three Seas. In 1466–1472. I.I. Sreznevsky's lecture]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Sreznevsky, I.I. (1887) *Mysli ob istorii russkogo yazyka (Chit. na akte S.-Peterb. un-ta 8 fevr. 1849 g.)* [Thoughts on the history of the Russian language (Lecture at the convocation in St. Petersburg University, February 8, 1849)]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

Sreznevsky, I.I. (1895) *Putevye pis'ma Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo iz slavyanskikh zemel'. 1839–1842 [k E.I. Sreznevskoy]* [Travel letters of Izmail

Ivanovich Sreznevsky from the Slavic lands. 1839–1842 [to E.I. Sreznevskaya]]. St. Petersburg: S.N. Khudekov.

Sreznevsky, Vs.I. (1898) *Iz pervykh let nauchno-literaturnoy deyatel'nosti I.I. Sreznevskogo. 1831–1839* [From the first years of academic and literary activity of I.I. Sreznevsky. 1831–1839]. St. Petersburg: V.S. Balashev i K°.

Sreznevsky, Vs.I. (1909) Sreznevskiy Izmail Ivanovich [Sreznevsky Izmail Ivanovich]. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Biographical Dictionary]. Vol. 19. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 276–298.

Sreznevsky, Vs.I. (1915) *Bibliograficheskie materialy, otnosyashchiesya k zhizni i deyatel'nosti I.I. Sreznevskogo* [Bibliographic materials related to the life and work of I.I. Sreznevsky]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 333–406.

Sreznevsky, Vs.I. (1916) *Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti I.I. Sreznevskogo* [A brief outline of I.I. Sreznevsky's life and work]. In: Sreznevsky, V.I. et al. (1916) *Pamyati Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo* [In memory of Izmail Ivanovich Sreznevsky]. Book 1. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 1–68.

Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus' *Rusin*. 48. pp. 166–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/12

Sulyak, S.G. (2018) A.A. Kochubinskii's contribution to Carpathian and Carpathian-Dniestr Rus' studies. *Rusin*. 52. pp. 120–140 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/3

Dostal, M.YU. (ed.) (2009) *Ucheni Rosii pro Zakarpattya: Iz karpatoznavchoi spadshchiny* [Russian scholars about Transcarpathia: From the Carpathian heritage]. Uzhhorod: [s.n.].

Churkina, I.V. (2015) I.I. Sreznevskiy o sloventsakh i slovakakh [I.I. Sreznevsky about Slovenes and Slovaks]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 345–359.

Filevich, I.P. (1896) *Istoriya Drevney Rusi* [History of Old Rus]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

Shakhmatov, A.A. (1916) *Vstupitel'noe slovo na torzhestvennom sobranii Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk, posvyashchennom pamyati I.I. Sreznevskogo* [Opening address at the solemn meeting of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences dedicated to the memory of I.I. Sreznevsky]. In: Sreznevsky, V.I. et al. (1916) *Pamyati Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo* [In memory of Izmail Ivanovich Sreznevsky]. Book 1. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. V–VII.

**Суляк Сергей Георгиевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

**Sergey G. Sulyak** – St. Petersburg State University (Russia).

**E-mail:** sergei\_suleak@rambler.ru

УДК 1(091)(47)“17”:378

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/3

## **ИДЕЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА: ОТ Ю. КРИЖАНИЧА ДО В.И. ЛАМАНСКОГО**

**А.В. Малинов<sup>1</sup>, М. Мильчарек<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский государственный университет  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

<sup>2</sup> Ягеллонский университет  
Польша, 31-007, г. Краков, ул. Голембья, 24

E-mail: norylskinikiel@gmail.com

### **Авторское резюме**

В статье рассматриваются две версии общеславянского языка, предложенные в разное время Юрием Крижаничем (ок. 1618–1683) и Владимиром Ивановичем Ламанским (1833–1914), которые представляют два крайних подхода к вопросу об общем языке славян. Считается, что Крижанич разработал искусственный «всеславянский язык», а Ламанский предлагал славянским народам принять русский язык в качестве общего научного, литературного и дипломатического языка. На основе новых исследований славистов показывается, что «всеславянский язык» Крижанича представлял собой исправленную редакцию русской (юго-западнорусской) версии церковнославянского языка. Для выработки языковой нормы он проводил сопоставление «русского» языка с хорватским и стремился очистить такой «русский» язык от греческого, польского и немецкого влияний. Отмечается, что главной целью приезда Крижанича в Москву была церковная уния, проведение которой необходимо было начинать с выработки общего литургического языка. Цели пропаганды церковной унии и служили попытки Крижанича «исправить» русский язык. Указывается, что деятельность Крижанича соответствовала идеологическим установкам барочного славизма, а его взгляды в большей степени отражали ренессансную ученость, чем достижения науки нового времени. В статье показано, что подход Ламанского к возможному общему языку славян вытекал из его историософского учения, согласно которому на место борьбы государств и народов заступило соперничество всемирно-исторических языков. Принятие славянами русского языка в качестве общего научного, дипломатического и литературного выведет русский язык на уровень языка

всемирно-исторического, а славян делает равноправным субъектом исторического процесса. Отмечается, что Ламанский признавал известную искусственность любых литературных языков, в т. ч. и русского.

**Ключевые слова:** общеславянский язык, уния, барочный славизм, русский язык, геополитика, цивилизация, славянство, славянофильство, Крижанич, Ламанский.

## THE IDEA OF COMMON SLAVIC LANGUAGE: FROM J. KRIŽANIĆ TO V.L. LAMANSKII

**A.V. Malinov<sup>1</sup>, M. Milczarek<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

<sup>2</sup> Jagiellonian University

24 Gołębia Street, Kraków, 31-007, Polska

E-mail: norylskinikiel@gmail.com

### Abstract

The article considers two versions of the common Slavonic language proposed by Juraj Križanić (c. 1618–1683) and Vladimir Ivanovich Lamanskii (1833–1914), who followed two extremely different approaches to this problem. Križanić is believed to have invented the constructed common Slavonic language, while Lamanskii suggested that the Slavic nations should adopt Russian as a common scholarly, literary and diplomatic language. Basing on the new Slavic researches, the article shows that Križanić's "common Slavonic language" represented a modified version of the Russian (South-Western-Russian) Church Slavonic language. To elaborate new language norm, he juxtaposed "Russian" with Croatian and tried to purify it from Greek, Polish and German influences. Križanić's visit to Moscow aimed at Church union which had to be started from the creation of the common liturgical language. Križanić's attempts to "correct" Russian language served similar objective of the Church union propaganda. The author points out that Križanić's activity corresponded to the ideological approaches of the Baroque Slavism and his views reflected Renaissance erudition rather than the achievements of the modern science. The article demonstrates that Lamanskii's approach to a common Slavic language was based on his historiosophic doctrine, according to which the struggle between states is replaced with a competition of the world-wide languages. The adoption of Russian as a common Slavonic scholarly, diplomatic and literary language



would make it world-wide, so Slavs would become an equal subject of the historical process. Lamanskii acknowledged that any literary language, including Russian, was artificial to some extent.

**Keywords:** common Slavonic language, Union, Baroque Slavism, Russian language, geopolitics, civilization, Slavdom, Slavophilism, Križanić, Lamanskii.

Хорват, католический священник Юрий Крижанич воспитался в Риме, был ближе к Вене, чем к страшно тогда далекой Москве. Но не в Вену, а в Москву, не к Габсбургу Леопольду I, а в Москву к Романову Алексею Михайловичу обращался он с своими планами об освобождении славян от чужого ига. Еще 200 лет с лишком назад хорват, духовное лицо, католик засвидетельствовал своими замечательными трудами, своею страдальческою жизнью у нас на Руси свою глубокую, беззаветную преданность русскому народу и государству, свою неколебимую веру в мировое призвание России.

*В.И. Ламанский. «Киевское приветствие епископа Штроссмайера» (1889)*

История изучения наследия Ю. Крижанича насчитывает около полутора веков. За это время сформировались устойчивые преставления о его учении. Крижанича воспринимают как первого панслависта (Eberhardt 2010) и создателя всеславянского языка. Однако живучие представления не лишены некоторой доли мифологичности, поскольку исследователи видели в личности и учении Крижанича прежде всего то, что хотели увидеть. Априорность восприятия Крижанича, заданная идеологическими и политическими ожиданиями XIX в., сохраняется до сих пор.

Обоснование всеславянского языка давалось Крижаничем в двух сочинениях: «Објасњење виводно о письме словенском» (1661), к созданию которого его подтолкнула работа над латино-славянским словарем (Пушкарев 1984: 92), и «Граматично изказаноје об руском језику» (1666). Большую часть использованного Крижаничем языка составляла общеславянская лексика, значительную часть – слова из русского, церковнославянского и сербохорватского и в меньшей степени – польского и других языков. При этом до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, какой язык «изобрел» Крижанич. А.С. Лаппо-Данилевский, например, высказывал предположение, что Крижанич сначала писал на латинском, а лишь затем переводил на славянский (Лаппо-Данилевский 2005: 393). Первые исследователи считали этот язык искусственным. Современные слависты склонны

видеть в языке ученого хорвата «исправленный» вариант уже существовавшего письменного языка. Н.Н. Запольская прямо говорит о необходимости «отказаться от традиционного мнения, согласно которому Крижанич “создал искусственный общеславянский язык”», а его грамматика была “грамматикой придуманного языка”» (Запольская 2003: 148). По ее словам, «“Руский” язык Крижанича явился результатом *исправления* церковнославянского языка (русского извода), т. е. представлял собой вариант *традиционного “общего” славянского литературного языка*, а не искусственно созданный новый “общий” славянский литературный язык» (Запольская 2003: 222). В диссертации М.В. Ослона отмечается, что «тексты Юрия Крижанича в большой степени отражают живой язык его времени, а не являются искусственным построением» (Ослон 2009: 4). При этом исследователь считает, что в используемом Крижаничем языке преобладает чакавско-кай-кавский диалект хорватского языка (Wiesław 1986).

Стоит отметить, что в XIX в. сторонники принятия славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического, в частности, славянофильски ориентированные слависты П.А. Кулаковский и А.С. Будилович, квалифицируя язык Крижанича как искусственный, делали ряд существенных оговорок. Так, П.А. Кулаковский, полагая, что с Крижанича начинаются попытки построить общеславянский искусственный язык, писал, что «Юрий Крижанич первый задумал о возможности создать один общий славянский язык на основе тогдашнего книжного русского» (Кулаковский 1885: 9), «Крижанич искал общеславянского языка в русском книжном языке XVII века, стараясь лишь установить тип общих форм применительно разумению всех остальных славян, с языками которых он был более или менее знаком» (Кулаковский 1885: 13). Итог такого языкового конструирования П.А. Кулаковский считал неудовлетворительным. «В результате, – полагал он, – получился язык уродливый, так сказать, русско-хорвато-сербский, лишенный именно того, что делает его точным и легким, ясным и живым» (Кулаковский 1885: 16). Интерпретация Кулаковского имела явное желание показать неэффективность попыток искусственного устройства общеславянского языка, на роль которого претендовал русский язык. В то же время, замечал он, обращение Крижанича к русскому языку не было случайностью, поскольку у южных славян, по крайней мере с XV в. (например, у Константина Костенечского), бытовало представление о русском языке как о древнейшем и самом чистом.

Европейское языкознание XVIII–XIX вв. (И.Г. Гердер, И.К. Аделунг, Й. Добровский, Е. Копитар, А.Х. Востоков) рассматривало славянские языки в качестве наречий одного языка. Интеллигенция славянских

народов также была убеждена, что славяне являются одним народом, имеющим общий язык. С этих позиций были написаны исследования одного из учеников В.И. Ламанского, А.С. Будиловича (Будилович 1872; Будилович 1875; Будилович 1877), в т. ч. числе двухтомная монография «Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). Рассматривая историю формирования общих языков в античности и современном мире, он демонстрировал естественность процесса языковой унификации и его благотворное значение для развития народов и их культуры. «Общие языки, – писал А.С. Будилович, – составляют не какое-либо исключительное или редкое, а довольно обычное и нормальное явление, которое при благоприятных условиях развивается у каждого крупного народа, сопровождая его на высших ступенях и в высших областях культурной жизни» (Будилович 1892а: 420). «Общие языки, – продолжал он, – сближают самые отдаленные области и разнообразные населения возможностью взаимного обмена мыслей, чувств, желаний; служат основой и символом национального единства; сопровождают все великие религиозные движения и облегчают их распространение на громадных нередко территориях; сплачивают обширные политические союзы; облегчают задачи школы, а наконец, создают для великого писателя и сподручный материал для воплощения его дум, и высокий пьедестал для действия на современников и потомство» (Будилович 1892а: 427).

Создание единого языка, полагал А.С. Будилович, является признаком исторического народа, а неспособность выработать такой язык нередко служила причиной гибели племен, несмотря на их многочисленность и распространенность (Будилович 1892а: 428). Такая участь может постигнуть и славян, если их не объединит общий язык. Возможности принятия такого общего языка и его исторической оправданности был посвящен второй том книги А.С. Будиловича, один из разделов которой был отведен Крижаничу (Будилович 1892b: 309–319). Он особо подчеркивал первенство русского языка и русского народа, отмечаемое Крижаничем. «Как “русское племя и јеме јест”, по его словам, “осталним всим вершина и кореника”, – излагал А.С. Будилович мнение Крижинича, – так и русский язык представлялся ему основным стволом прочих славянских наречий, именно южных, чешского и ляхского, которые “јесут руского језика отродки”» (Будилович 1892b: 315). Крижаничу «боснийско-хорватская речь казалась <...> даже первобытнее и граматичнее русской, которая зато в лексикальной обрасти богаче-де и хорватской, и всех прочих “отмин”» (Будилович 1892b: 316). В заключение А.С. Будилович указывал лишь на «некоторую искусственность» языковых опытов Крижанича, признавая в

целом «обычность» такого подхода при сравнении с историческим опытом формирования других общих языков. «В теории, – писал он, – этот способ образования общеславянского языка, на основе русской, с примесями хорватскими и применительно к общим стремлениям прочих славянских наречий, представляется довольно целесообразным. Некоторая искусственность такого образования и применение эклектического приема при выборе форм и слов довольно обычны в истории образования общих языков» (Будилович 1892b: 316).

Исторический обзор складывания общих литературных языков приводил А.С. Будиловича к мысли о желательности такого языка для славян. Он сочувственно отзывался и о возможном едином языке всего человечества или трех-четырех языках, объединяющих людей, надеясь, что в их число войдет и общеславянский язык. Славяне в этом отношении не отличаются от других народов древности и нового времени. Исторически среди славян первенствовали разные славянские наречия: болгарское, чешское, сербское, польское. Согласно историческому экскурсу А.С. Будиловича, «прежде и раньше всего совершил этот оборот диалект болгарско-пропонтидский. Уже в X в. он стал общим языком во всех трех группах, а потом, с XII–XIII в., по утрате областей западнославянских, сосредоточил свои силы преимущественно в группах южной и восточной, где он и доныне остается в литургическом употреблении. С XI–XV века начинается подъем диалектов сербского и чешского, причем они становятся в большей или меньшей мере общими дипломатическими языками для целых групп, первый – для южной, второй же – для западной с сопредельными инородческими краями. В XVI и XVII вв. блестящие завоевания делает язык польский, особенно на почве русско-литовской, так что на некоторое время и он возвышается до роли языка общего» (Будилович 1892b: 359). Вполне естественно ожидать, что пришла очередь русского языка выступить в качестве языка общеславянского.

Обозначенная А.С. Будиловичем тенденция внушала уверенность в успехе принятия общего литературного языка славянами, по крайней мере, потому что еще на заре славянской истории такой язык уже существовал. Созданный в IX в. Кириллом и Мефодием старославянский литературный язык после XII в. удержался лишь в православных землях южных и восточных славян. Он сохранял свой надэтнический характер, хотя и «обслуживал прежде всего религиозную литературу» (Чуркина 1998: 22). В Москве Крижанич столкнулся с несколькими вариантами письменного языка: церковнославянским, славянорусским и двумя типами приказного языка (московским и западнорусским). Крижанич взялся за «исправление» русской (юго-западнорусской) редакции церковнославянского языка, намереваясь сделать ее понятной

всем славянам. Он считал все славянские наречия разновидностями одного языка, который правильнее, полагал он, называть «руским», а не славянским (славенским). По его словам, «да језик наш сеь, коим ми књи́ги пи́шм и божьи́е служби отпра́вля́ем, зоветсе словинским: гди по правде моралви се зват Руским» (Крижанич 1859: I).

Одна из возможных причин такой замены состояла в том, что «термин “славенский”, используемый русскими авторами XVII в., имел значение конфессиональное, обозначая язык православия» (Матхаузерова 1996: 152), Крижанич же намеревался обработать язык, которым могли бы пользоваться все славяне, вне зависимости от вероисповедания. Можно отметить, что в хорватской историософии сложились две нарративные модели интерпретации России (Руси): как православного государства и как славянского народа (Falski 2011). «Рускому» языку, с точки зрения Крижанича, принадлежало первенство как источнику всех прочих славянских наречий и диалектов. Он признавал шесть народов и «шест језичних славни́их отмин»: русские, поляки, чехи, болгары, сербы и хорваты. «Їзмежду всих пак тих народних предилов, наистарије, и остални всим зачално, јест људство и јме руско <...> А остална та вса поколенја, како сут из русјанов произошла, тако по нудже и јмена нѣихова јесут младжа от руского јмена» (Крижанич 1859: I). Как писал Крижанич, «јеже руско племе и јме јест осталним всим вершина и кореника. ј потому, когда хошем общи јменом објат, и разумит все наше шестеро поколенје, и всих шест јзичних отмин: несподобитсе њих зват нобичним словинским, него паче предавни и кореничним руским јменом. Ј сице не руска отмина словинскије отмини плод: него словинска, и чешска, и лешска отмина, јесут руского језика отродки» (Крижанич 1859: II).

Однако «русский» язык необходимо было усовершенствовать (сделать правильным), чтобы он мог использоваться в качестве общего славянского языка: «тако в њем размаитих превратов и поблудков несчетна јест множина» (Крижанич 1891: 27), «наше словенско писмо и јзѣик <...> потребуе изѣжанја» (Крижанич 1891: 29). Неправильность же его проистекала от разделения на разговорный язык Московской Руси, разговорный язык Юго-Западной Руси и книжный (церковнославянский) язык. Он фиксировал языковые варианты, с которыми столкнулся в Москве: «...сам же рускиѣ језик на троје јест раздѣльен. Јест бо рускиѣ общиѣ, и подлинниѣ: коим на великоѣ руси говорят; белорускиѣ: киѣ јест некое мерзко смешенје из руского да лешкого; и књи́жниѣ, или преводничкиѣ: киѣ тако же јест мешанина из греческого да руского древьего» (Крижанич 1891: 28). Вторым по «чистоте» после «русского» Крижанич считал хорватский язык, который в процессе «исправления» использовался как дополнение к «руско-

му» языку. Подобную работу, т. е. исправление хорватской редакции церковнославянского языка, уже проделал другой католический миссионер хорватского происхождения – Р. Левакович. Крижанич же принял на себя задачу исправления русской редакции церковнославянского языка. В самой практике «исправления» не было ничего необычного. На Русь неоднократно приглашались книжники для правки богослужебных книг. Более того, в XVI–XVII вв. обнаруживается тенденция к грамматической обработке европейских языков. По словам Н.Н. Запольской, «желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашли в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII века являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной sprawy» (Запольская 2003: 99).

Правильность и понятность языка достигались установлением соответствия «русского» языка хорватскому. Такое соответствие Крижанич воспринимал в качестве языковой нормы. Однако «хорватские элементы допускались Крижаничем только при условии невозможности достижения “прозрачности” языка средствами самого “русского” языка» (Запольская 2003: 222). Еще одним средством «исправления» русского языка выступало очищение его от греческого влияния, приносившего в него «избыточность», а также от польского и немецкого воздействия. По словам Крижанича, «беседа и письмо наше много-различно из лешского, греческого, и латинского языка, бе замячено, превращено, и скаженно» (Крижанич 1891: 29). Критика греческого языкового влияния подразумевала и негативное восприятия греческого религиозного засилья.

Конфессиональная критика в учении Крижанича о языке имеет большее значение, чем ей обычно придают. В Москву он прибыл, прежде всего, как миссионер, главной целью которого была пропаганда церковной унии. Единство славян, которого жаждал Крижанич, – это единство в первую очередь духовное, т. е. религиозное. «Твердо убежденный в благах католической культуры, он искренно желал в надлежащей мере способствовать прививке ее славянам», – утверждал А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский 2005: 206). В пропаганде церковной унии в Москве и связанного с ней языкового вопроса у Крижанича был предшественник – А. Поссевин, знакомство с «Записками о московских делах» которого вдохновило его на идею «разрушения схизмы» (Никоненко 1996: 53). Национальный и языковой вопросы для Крижанича были подчинены вопросу вероисповедному. Он как «сторонник провиденциализма в истории» (Лаппо-Данилевский 2005: 204) полагал, что конечной целью

истории является «соединение» церквей, шагом к которому должно служить объединение славян (католиков и православных). В свою очередь языковое сближение позволит снять многие противоречия, накопившиеся между славянами, заглушить взаимные обиды: «... ко исправленју, ко изтежанју, и к совершенју језика: него тож и ко упокојенју народних съсор бит поспешил» (Крижанич 1859: V).

Одна из целей приезда Крижанича в Москву состояла в том, чтобы противостоять протестантскому влиянию, препятствовавшему религиозному взаимопониманию православных с католиками. Однако на первых порах Крижанич старался скрыть свое истинное намерение (унию) и придал сочинениям светский характер, «благодаря которому его культурно-националистическая тенденция и выступила на первый план» (Лаппо-Данилевский 2005: 207). Он не отдавал предпочтения национальности перед верой. Национальные определения у Крижанича были отзвуками религиозных различий. Так, осуждая немцев или греков, он подразумевал протестантов и схизматиков соответственно. Его миссионерская деятельность была основана на иезуитской морали, сопряженной «с культурно-националистической тенденцией» (Лаппо-Данилевский 2005: 206). Славяне, полагал он, были введены в заблуждение греками, поэтому и примкнули к схизме. Задача просвещения славян состоит в том, чтобы посредством образования показать ложность схизмы и опровергнуть заблуждения, внушенные греками. Еще в 1641 г. в записке, направленной префекту Конгрегации пропаганды веры, он указывал на то, что просвещение должно предшествовать религиозной пропаганде, «а значит, лишь увещевать их (русских. – А.М., М.М.) к добродетелям, к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать им заблуждения и обман» (Белокуров 1903: 117).

Исправление языка послужит средством распространения образованности среди славян и упростит пропаганду церковной унии. Исправление языка нужно и для исправления веры, и для пропаганды истинного вероучения. Правильный язык – путь к правильной вере. Разумное отношение к вере опиралось на разумное же «изтяжанја» языка. Разумный подход к вере при ясном, понятном (=разумном) языке способен показать ложность религиозных заблуждений и не допустить впредь разногласия по поводу исправления книг, которое, по его мнению, привело к расколу. Крижанич писал, что «једнакоже исправљеније језика, и устројенје духовних бесид, иист сујетно, него паче верло полезно дидло; або посабљајет к легльему изреченју, и ко уразумљенју всаких благоговејних отеческих дум, и души спасајущих совитов. До сих во врмен во всаких преводех наших, в никоьих мистех вного јест ричь, а мало разума. Чујетсе шу вногих нескладних,



превращения и обламания речей: а разумных, и душных никаких не ползи из них изнет ист возможно» (Крижанич 1859: V). Церковную унию, которая могла последовать за распространением на Руси образованности и науки, следует вводить «сверху». «Замысел Крижанича, – писал В.С. Никоненко, – заключался в разрушении схизмы не в церкви, а “при дворе”» (Никоненко 1996: 57), поскольку власть московского государя позволяла провести церковную реформу. Не случайно сочинения Крижанича были адресованы московскому царю.

Н.Н. Запольская соотносит деятельность Крижанича по созданию общеславянского языка с «конфессиональным универсализмом XVII в.». «Его сутью, – поясняет исследовательница, – была идея конфессионального подчинения греческого культурно-языкового пространства латинскому. Важнейшим этапом в проведении Римом “глобальной унии” являлась “славянская уния”, актуализировавшая в славянской культурной памяти “конфессиональный императив”. При этом переход от умопостигаемой унии к реальной церковной жизни должен был осуществляться через “общий” язык богослужения, поскольку церковнославянский язык оставался единственным литургическим языком *Slavia Orthodoxa* и маргинальным, поддерживаемым хорватами-глаголитами, литургическим языком *Slavia Latina*. <...> Именно литургический язык хорватов-глаголитов мотивировал традицию использования языковой близости славян как средства достижения церковного единства» (Запольская 2002: 22).

Уже Брестская уния 1596 г. предусматривала объединительное значение церковнославянского как общего литургического языка. Задача выработки на основе церковнославянского общеславянского языка для целей унии была сформулирована не Крижаничем, а задолго до того, как он прибыл со своей миссией в Москву. «После заключения локальной Брестской унии началась подготовка к общей “славянской унии”, что мотивировало задачу создания единой редакции церковнославянского языка, которая могла быть понятной всем славянам, принадлежавшим как “греко-славянскому”, так и “латино-славянскому” культурно-языковому пространству» (Запольская 2002: 23). В этом направлении действовали и хорватский монах Р. Левакович, и холмский епископ М. Терлецкий, поддерживавший Крижанича.

Славянофильское прочтение идей Крижанича в последнее время также подвергается сомнению. В частности, деятельность и учение Крижанича вписываются в традицию *барочного славизма* (Пашенко 2014: 94), истоки которого можно усмотреть в «культуре хорватского гуманизма XV в.». Дело здесь не только в том, что культура барокко нередко связывается с католической контрреформацией и «иезуитизмом». Барочный славизм «содержит в себе уважение к своему



языку, размышления о его связи с народом, нацией и также с историей» (Матхаузерова 1996: 152). Мировоззренческие и культурные установки барочного славизма объединяют таких авторов, как Ян Амос Коменский и Симеон Полоцкий, «так как они оба стремились к усовершенствованию языка на основе образованности, рационального познания и сопоставления с другими языками» (Матхаузерова 1996: 152). Исследователи барокко указывают на «существование “межславянской словесности” как составной части “генеральной” литературы европейской и мировой» (Матхаузерова 1996: 151).

Итак, истоки утопического славизма Крижанича следует видеть в культуре барокко, а введение церковной унии, в т. ч. посредством языковой унификации, – в католической политике, по крайней мере, с конца XVI в. «Ни одна из этих идей, – пишет Е.Н. Пашенко, – не представляла что-то новое и необычное: славизм – хорватская тенденция; обеспокоенность чужеземными влияниями в языке пронизывает хорватскую барочную лексикографию; идея церковного диалога принадлежала Риму; поездку в Москву к царю с целью диалога еще в начале XVI в. осуществил Зигмунд фон Герберштейн и т.д.» (Пашенко 2014: 103). Главная цель приезда Крижанича в Москву (уния) так и не была реализована. Более того, он даже не смог приступить к ее осуществлению, а лишь попытался «реализовать идею панславизма хотя бы в общеславянском лексиконе» (Киселева 2015: 108). В целом надо признать, что миссия Крижанича окончилась неудачей. Одну из причин этого А.С. Лаппо-Данилевский видит в том, что «католические убеждения Крижанича не только задержали полет его мысли, но и послужили существенным препятствием к распространению его взглядов в московском обществе» (Лаппо-Данилевский 2005: 249). Нередко печальную участь Крижанича в Московском государстве оправдывают несвоевременностью его идей. Однако взгляды Крижанича не выходили за рамки политических теорий XVI–XVII вв. В России он был скорее проводником ренессансной учености, а не передовых концепций XVII в.

Идея всеславянского языка получила развитие среди славянских ученых в XVIII–XIX вв. (Б. Кумердей, Й. Добровский, Я. Геркель, Й. Юнгман, Л. Штур, Ф. Левстик, М. Плетьершник, К. Сладковский, Э. Грегг, М. Маяр, Д. Трстеньяк, Р. Разлаг, А. Эйшпиллер, А. Янежич и др.). Наибольшую поддержку она встретила у чехов и словаков (Чуркина 1998: 24). Помимо попыток создать искусственный общеславянский язык, предлагались и другие варианты, например, принятие в качестве общего языка одного из существующих славянских языков, а также теория литературной взаимности Я. Коллара, предусматривавшая постепенное сближение четырех основных славянских языков (чеш-

ского, польского, сербохорватского и русского). Одним из активных сторонников и пропагандистов русского языка как общеславянского был славист, профессор Петербургского университета В.И. Ламанский (Malinov, Kupriyanov 2019).

В учении Ламанского язык поднимается до роли культуросоцидающей и геополитической силы. Он различал три цивилизационных мира: Европа, Азия и греко-славянский, или Средний мир. Развитие языка служит главным показателем формирования политической нации и исторического народа. Ламанский отказывается от идеи равенства народов. «История имеет дело с одними избранными, – провозглашал ученый. – Она нарушает это естественное равенство, возвышая и выделяя некоторые народы и языки в ряду прочих, которых затирает, давая им скромно прозябать или совершенно их заглушая. Так в человечестве возвышаются и выделяются народы исторические, великие национальности, создающие большие мировые державы и богатые литературы и образованности. Самостоятельная государственность и выработанный литературный язык – вот два необходимые признака великой исторической национальности. Если первая представляет собою вещественную силу и внешнее единство, то второй служит знаменем его единства внутреннего, залогом и скрепою его нравственных сил, главным рычагом его влияния на другие народы. Образование сильных государств и их содержание не обходится народам без тяжких пожертвований, затрат и лишений. Они оправдываются лишь высотой и величием идеи, во имя которой приносятся» (Ламанский 1875: 417–418). Главными условиями формирования исторического народа, согласно Ламанскому, выступают государственная независимость и развитая литература. По-своему эта мысль была, вероятно, впервые на Руси, высказана Крижаничем. Он указывал на связь языка и государственности, отмечая невозможность литературного развития вне политической независимости. «Гди бо в коєм народу нист књижних писателъев: ни краљевских приказов, и народного устројенја ил законодавја, во властитом језику: тамо по иудже казитсе језик и погибајет. А гди јест краљевствено дило, и народно законодаје, во својем језику устроено: тамо језик обикајет бит обилним, и од дне до дне творитсе стројини», – писал Крижанич (Крижанич 1859: III).

Цивилизационное своеобразие романо-германского и греко-славянского мира, считал Ламанский, проявилось среди прочего в «разнице в проводниках цивилизации» (Ламанский б. г.: 39). Широкое распространение на Западе приобрел латинский язык, в то время как греческий язык на востоке Европы уступил место сначала древнеславянскому письменному языку, а затем и различным славян-

ским наречиям. Древнеславянский язык и близость существующих славянских языков служат лучшим гарантом славянского единства и историческим свидетельством славянской взаимности. В магистерской диссертации Ламанский признавал с очевидностью «положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедною борьбою, скреплялось и освящалось у других единоверием» (Ламанский 1859: 220). «Наш древнеславянский язык, – пояснял он в статье “Непорешенный вопрос”, – был первою попыткою славянского народного гения создать самостоятельную образованность с её особым органом. Это был один из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или всеславянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, цельности и единству» (Ламанский 1869: 132).

Единый письменный язык, считал Ламанский, всегда является в известной степени искусственным образованием, но без него невозможно историческое и культурное развитие народа. «Сверх того, – писал он, – всякий письменный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он образованнее и культурнее, тем более удаляется от собственно народного языка, который в свою очередь отличается тем большим диалектическим (так в тексте, должно быть – диалектным. – А.М., М.М.), чем народ сильнее и богаче историей, и, следовательно, чем разнообразнее его этнографический состав, чем более он поглотил или поглощает чуженародных стихий, чем обширнее его государственная область. В этом смысле всякий письменный язык есть язык искусственный и смешанный из нескольких говоров, поднаречий и наречий. Недостатки такой искусственности исправляются развитием грамотности в народе, быстрыми путями сообщений, гласностью судов, общим государственным значением языка, возрастанием больших городов, средоточий народной образованности и национально-политическим развитием купечества. Стирая таким образом диалектические (диалектные. – А.М., М.М.) неровности живой народной речи, письменный национальный язык приближает ее к себе и сам с нею сближается, черпая ее богатства и вдохновляясь ее творческою непосредственностью» (Ламанский 1869: 126–127). «В этом же приблизительно смысле, – пояснял Ламанский, – и древнецерковный язык славянский не есть собственно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный» (Ламанский 1869: 127).

Древнеславянский письменный язык во многом утратил свою

объединяющую функцию, сохранившись лишь в качестве богослужебного языка у православных славян. Вместе с ним ослабло и чувство единства, и обессилили народы, постепенно утратившие свою политическую независимость. Без возвращения к единому языку и без восстановления государственности славяне обречены на историческое прозябание и культурное ничтожество. «В самом деле корень бессилия и ничтожества славян, – писал историк, – заключается в том, что они, принадлежа к всемирно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбием всемирно-исторических народов, но в то же время лишены двух необходимых условий, без которых ни одна народность не может иметь всемирно-исторического значения и не заслуживает названия исторической национальности, ибо между понятием *народности* и *нации* есть существенное различие... Не всякая народность есть и может быть нацией... ибо народы бывают нациями только при двух условиях – богатой литературе и при независимом государственном бытии» (Ламанский 1864: 680).

Из всех славянских народов только русский народ сохранил государство и создал литературу, имеющую мировое значение, поэтому способом сохранения для других славянских народов Ламанский считал принятие ими русского языка в качестве литературного, научного и дипломатического. Без опоры на Россию у славянских народов нет исторического будущего. Им следует отказаться от национального эгоизма и принять русский язык. «По размышлении зрелом, – надеялся он, – славяне убедятся, что без известной игемонии не обходится ни один великий народ, ни одно историческое племя, что на *деле*, *de facto*, предводительство в мире славянском уже давно принадлежит России, что принять русский язык за общелитературный и дипломатический орган чехам, сербам, болгарам точно так же мало унизительно, как было ломбардцам, пьемонцам, сицилийцам и неаполитанцам признать тосканский общетальянским языком» (Ламанский 1865b: 34–35).

Среди славянских народов русский народ выступает силой центростремительной, воплощает начала единения и общения, тогда как остальные славянские народы в разной степени подчинены силе центробежной. Тем не менее Ламанский был убежден в неизбежности объединения славян. «Славянские разновидности могут – идут к тому, чтобы сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо, кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний» (Ламанский 1865a: 91). В противном случае славяне будут ассимилированы другими, более успешными в политическом, куль-

турном и языковом отношениях народами. Однако в деле сложения единого народа и принятия одного языка недопустимо принуждение. «Для принятия славянами русского языка дипломатическим языком и общим органом высшей образованности прежде всего потребно их добровольное согласие, ибо о насильственном распространении не может быть и речи», – заключал Ламанский (Ламанский 1865а: 91).

На смену мировой борьбы народов и государств, полагал он, приходит конкуренция языков, объединяющих нации и территории в самобытные цивилизационные миры. Язык приобретает всемирно-историческое значение. Из современных ему европейских языков три романских (французский, итальянский и испанский) и два языка германских (английский и немецкий) «достигли более или менее значения всемирно-исторического» (Ламанский 1871: 48). Соперничество между ними в Европе, в обширных европейских колониях и в Северной Америке продолжается. Однако Ламанский считает, что исход этой борьбы предрешен. Значение французского и немецкого языков сохранится только в Европе. Мировое значение останется за английским и испанским языками, но постепенно преобладание английского языка усилится и потеснит испанский даже в Южной Америке. Центр романо-германского мира перемещается в Новый Свет. В греко-славянском мире складывается иная ситуация. Малочисленные славянские народы, а также этнологические стихии Среднего мира (греки, армяне, грузины и проч.) слабы политически и культурно. У русского языка в Среднем мире нет конкурентов, так же, как у народов греко-славянского мира нет альтернативы принятию русского языка, кроме культурного прозябания и исторического небытия. «В нашем мире, – уточнял Ламанский, – ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский» (Ламанский 1871: 49). Русский народ и русский язык способны взять на себя роль цивилизационного объединения народов греко-славянского мира.

С этой точки зрения, язык становится геополитической силой. Ламанский даже говорит здесь об особом историческом законе: «Существует выработанный историей с помощью наблюдений закон, что чем отдаленнее друг от друга, чем разнообразнее и различнее земли и народности, между которыми ощущается потребность в усвоении известного чужого языка, тем этот язык приобретает значение все-

общего и мирового языка. Этот мировой характер языка зависит не от того, что, например, каждый испанец лучше француза и англичанина или каждый русский лучше словинца, чеха или немца. Нет. Это вырабатывается силами, не зависящими от личной воли человека, именно: географическими условиями, площадью страны, количеством душ, чувствующих потребность в усвоении известного языка, и тем, сколько пустого ещё пространства находится в обладании известного народа, т. е. сколько условий для развития языка» (Ламанский 1871: 62). В другом своем лекционном курсе он уточнял: «Распространение русского языка есть распространение русской мысли, русского влияния» (Ламанский 1867: 152).

Еще в магистерской диссертации Ламанский вопрошал: «Распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык?» (Ламанский 1859: 120). Общий язык формирует единое мировоззрение, культуру, снимает противоречия, заглушает исторические обиды и в перспективе ведет к политическому сближению. Долгий жизненный путь Ламанского позволил ему видеть, в каком направлении развивается русская культура, завоевывающая всемирно-историческое признание, и к чему стремятся славянские народы. В его публикациях и письмах можно найти много пессимистических оценок, особенно тех процессов, которые происходили в славянском мире. Однако достижения русской культуры он оценивал положительно и видел возрастающую роль русской литературы и языка.

Так, в одном из поздних посланий хорватскому слависту И.В. Ягичу он писал: «Смерть нашего великого писателя Л. Толстого напомнила мне Ваше письмо ко мне о том, что русский язык еще не мировой благодаря силе нашей бюрократии, и благодаря ей он и быть не может. Но так ли это? Пушкин и Грибоедов, Гоголь, Достоевский, Толстой – ведь это великие, гениальные писатели не в славянстве лишь, но в целом европейском мире, а частью и в Америке (Сев[ерной]). Русский язык – мировой и потому, что на нём говорят сотни тысяч наших инородцев и нескольких сотен и даже тысяч японцев и китайцев, живущих в России. Нынче летом в Гунгербурге (верстах пятидесяти от Петербурга) я спросил одного китайского разносчика шелковых материй, сколько их теперь в Петербурге – не менее 30 чел., а в Москве еще больше – и все они очень свободно говорят по-русски, а внутри европ[ейской] России и в Сибири, а также и в нашей Ман-джурии и Владивостоке. Мне говорили наши студенты, что студенты наши китайцы много читают русских писателей, есть между ними большие поклонники Чернышевского, а также Толстого. Сколько

миллионов наших инородцев финской, тюркской, монгольской рас знают хорошо по-русски. Припомните, что в Англии в Оксф[орде] и Ливерп[ульском] универс[итете] преподают историю России, русской литературы и русского языка. Как же русский язык не мировой? Сколько тысяч в России немцев, французов, итальянцев и англичан, прекрасно владеющих русским языком, и сколько из них обруселых, женатых на русских?

Вообще, западные европейцы знают Россию гораздо больше и лучше западных славян. Конечно, западные славяне Добровский, Миклошич, Вы лучше европейцев-славистов знаете русский язык и нашу старую письменность, но европейские политико-экономисты или историки искусства – лучше всех зап[адных] славян знают и понимают нашу старую архитектуру и современную живопись и изящную словесность, нашу промышленность и нашу торговлю, нашу армию, нашу науку – наших математиков, натуралистов, наших знатоков Востока, наших географов-путешественников по Сев[ерной] и Средней Азии, а также по южной М[алой] Азии и Палестине... Наша литература представляет целый ряд больших томов наших путешественников в Монголию и в Китай. Мы имеем несколько важных трудов о буддизме Васильева (синолога), Захарова, Минаева, Щербатского и друг. Как же, скажите, русский язык не мировой язык?» (СПбФ АРАН: 12–12 об.).

Возможно, Ламанский идеализировал реальность, к чему были склонны многие славянофилы, преувеличивал успехи русской культуры, литературы и языка. Тем не менее он был убежден, что эти успехи являются залогом сохранения и развития других народов Среднего мира и формирования славянства в единый всемирно-исторический народ. «Распространение русского языка и русской литературы за границы есть, конечно, один из высших интересов русского народа и всего славянства», – признавал он (Ламанский 1887: 482). Взгляды Ламанского на общеславянскую и даже политическую роль русского языка неоднократно оспаривались современниками. Первые критические отзывы встретила еще его магистерская диссертация, в которой он впервые приложил славянофильские идеи к славянской истории. Однако его исследование критиковалось не только за славянофильский уклон, но и за пропаганду языкового и литературного сближения славян.

Крижанич и Ламанский – две точки, в известной степени крайние в вопросе о всеславянском языке. Различия между ними во многом определяются и культурно-философским контекстом, и эпохами, в которые они жили. Идеи Крижанича были мотивированы культурой барокко. Славянофильские же взгляды Ламанского сформировались в русле романтической традиции, а на его учение о языке существенно



повлиял В. фон Гумбольдт (Куриянов 2016). В то же время Ламанский принадлежал уже другому поколению славянофильствующих мыслителей, чьи взгляды обнаруживают существенные отличия от подхода А.С. Хомякова и других ранних славянофилов (Куприянов 2018). Однако между ними обнаруживается и некоторая доля сходства. Речь идет не только о предвзятом отношении к немцам, которое проявилось у Крижанича в его неприятии протестантизма и «чужебесия» в целом, а у Ламанского в критике немецкого засилья в русской науке. Ламанский и Крижанич в большей степени были политическими мыслителями, чем учеными-филологами (Frančić 1974; Jedynak 2001). По крайней мере, их политические учения явно заслоняют их же заслуги перед языкознанием. С Крижанича ведут отсчет попыткам создать искусственный всеславянский язык. Ламанский же был убежденным сторонником принятия славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического. Тем не менее «искусственность» языка Крижанича сводилась к «исправлению» русской версии письменного церковнославянского языка, а Ламанский признавал известную искусственность любых письменных языков, в т.ч. и русского. Учения Крижанича и Ламанского подтверждают «повышенный интерес к языку в истории отечественной мысли» (Безлепкин 2017: 156).

## ЛИТЕРАТУРА

Безлепкин 2017 – *Безлепкин Н.* Лингвофилософия К.С. Аксакова // Философский полилог: Журнал международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. 155–168. DOI: <https://doi.org/1031119/phlog.2017.2.14>

Белокуров 1903 – *Белокуров С.А.* Из духовной жизни Московского общества XVII в. Юрий Крижанич в России. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1903. 632 с.

Будилович 1872 – *Будилович А.С.* Мечта ли панславизм? // Беседа. 1872. Кн. I. Отд. I. С. 195–215.

Будилович 1875 – *Будилович А.С.* О современном положении и взаимных отношениях славян западных и южных. Речь, произнесенная в заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 3 ноября 1874 г. действительным членом А.С. Будиловичем // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1875. Т. I. С. 585–604.

Будилович 1877 – *Будилович А.С.* О литературном единстве народов славянского племени // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1877. Т. II. Отд. III. С. 1–15.



- Будилович 1892a – *Будилович А.С.* Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава: В Типографии Марии Земкевич, 1892. Т. 1. 437 с.
- Будилович 1892b – *Будилович А.С.* Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава: В Типографии Марии Земкевич, 1892. Т. 2. 377 с.
- Запольская 2002 – *Запольская Н.Н.* «Общеславянский» язык как лингвистическая утопия // Утопия и утопическое в славянском мире. М.: Издатель Степаненко, 2002. С. 21–34.
- Запольская 2003 – *Запольская Н.Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003. 240 с.
- Киселева 2015 – *Киселева М.С.* Война, вера и власть в культурном контексте Московского царства 50–70-х гг. XVII в.: Симеон Полоцкий и Юрий Крижанич // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 101–112.
- Крижанич 1859 – *Крижанич Ю.* Граматично исказанје об руском језику. М.: В университетской типографии, 1859. 284 с.
- Крижанич 1891 – *Крижанич Ю.* Објасњење виводно о писме словенском // Собрание сочинений Юрия Крижанича. М.: Университетская типография, 1891. Вып. I. С. 27–75.
- Кулаковский 1885 – *Кулаковский П.* Опыт истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. Варшава: В типографии К. Ковалевского, 1885. 57 с.
- Куприянов 2018 – *Куприянов В.А.* Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33.
- Куприянов 2016 – *Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 215–222.
- Ламанский 1875 – *Ламанский В.И.* Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб.: Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного комитета, 1875. Т. 1. С. 417–418.
- Ламанский 1859 – *Ламанский В.И.* Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1859. 229 с.
- Ламанский б.г. – *Ламанский В.И.* Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–81 акад. год [СПб.: Литография Гробовой. Б. г. 233 с.
- Ламанский 1864 – *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 52. С. 649–702.
- Ламанский 1865a – *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типографии А.А. Краевского, 1865a. 92 с.

Ламанский 1865b – *Ламанский В.И.* Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб.: типография Куколь-Яснопольского, 1865b. 64 с.

Ламанский 1867 – *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение славянства и русское народное самосознание // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. CXXXIII. С. 116–153.

Ламанский 1869 – *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании славянского и русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLI. С. 122–163.

Ламанский 1871 – *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: типография Майкова, 1871. 316 с.

Ламанский 1887 – *Ламанский В.И.* Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 10. С. 479–488.

Лаппо-Данилевский 2005 – *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Co., 2005. 462 с. + XXXII с.

Матхаузерова 1996 – *Матхаузерова С.* Барочный славизм // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 149–154.

Никоненко 1996 – *Никоненко В.С.* Русская философия накануне Петровских реформ. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 216 с.

Ослон 2009 – *Ослон М.В.* Акцентная система языка Юрия Крижанича: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.

Пашенко 2014 – *Пашенко Е.Н.* Деятельность Юрия Крижанича в контексте украинского барокко // Филологические заметки. 2014. № 1. С. 93–108.

Пушкарев 1984 – *Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. 214 с.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78.

Чуркина 1998 – *Чуркина И.В.* Вопрос об общеславянском литературном языке (конец XVIII–XIX в.) // Славянская идея: история и современность. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 22–36.

Eberhardt 2010 – *Eberhardt P.* Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna // Przegląd geopolityczny. 2010. Т. 2. S. 43–64.

Falski 2011 – *Falski M.* Wspólnota krwi, różnica wyznania. Rosja jako znak w chorwackich narracjach historyzoficznych do 1914 roku // Semantyka Rosji na Bałkanach. Colloquia Balkanica. Warszawa: DIG, 2011. Т. 1. S. 91–107.

Frančić 1974 – *Frančić M.* Juraj Križanić, ideolog absolutyzmu. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 133 s.

Jedynak 2001 – *Jedynak S.* Myśl filozoficzno-społeczna Juraja Križanica // SÓFIA. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2001. № 1. S. 84–94.

Malinov, Kupriyanov 2019 – *Malinov A.V., Kupriyanov V.A.* Vladimir Laman-sky in Saint Petersburg University // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 1. С. 211–221. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112

Wiesław 1986 – *Wiesław B.* Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanicia: akcentuacija rzeczowników. Wrocław: Ossolineum, 1986. 127 s.

## REFERENCES

Bezlepkin, N.I. (2017) Konstantin Aksakov's language philosophy. *Filosofskiy polilog*. 2. pp. 155–168 (in Russian). DOI: <https://doi.org/1031119/phlog.2017.2.14>

Belokurov, S.A. (1903) *Iz dukhovnoy zhizni Moskovskogo obshchestva XVII v. Yuriy Krizhanich v Rossii* [From the spiritual life of the Moscow society of the 17th century. J. Križanić in Russia]. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete.

Budilovich, A.S. (1872) Mechta li panslavizm? [Is Pan-Slavism a Dream?]. *Beseda*. 1. pp. 195–215.

Budilovich, A.S. (1875) O sovremennom polozhenii i vzaimnykh otnosheniyakh slavyan zapadnykh i yuzhnykh. Rech', proiznesennaya v zasedanii Peterburgskogo otdela Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta 3 noyabrya 1874 g. deystvitel'nym chlenom A.S. Budilovichem [On the current situation and mutual relations of the West and South Slavs. A speech delivered at the meeting of the St. Petersburg Department of the Slavic Charitable Committee on November 3, 1874 by Full Member A.S. Budilovich]. *Slavyanskiy sbornik*. 1. pp. S. 585–604.

Budilovich, A.S. (1877) O literaturnom edinstve narodov slavyanskogo plemeni [On the literary unity of the Slavic peoples]. *Slavyanskiy sbornik*. 2. pp. 1–15.

Budilovich, A.S. (1892a) *Slavyanskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy* [Slavic is among other common languages of ancient and new Europe]. Vol. 1. Warsaw: Maria Zemkevich.

Budilovich, A.S. (1892b) *Slavyanskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy* [Slavic is among other common languages of ancient and new Europe]. Vol. 2. Warsaw: Maria Zemkevich.

Zapolskaya, N.N. (2002) "Obshcheslavyanskiy" yazyk kak lingvisticheskaya utopiya ["Common Slavic" language as a linguistic utopia]. In: Sofronova, L.A. & Kurenayna, N.M. (eds) *Utopiya i utopicheskoe v slavyanskom mire* [Utopia and Utopian in the Slavic world]. Moscow: Stepanenko. pp. 21–34.

Zapolskaya, N.N. (2003) "Obshchiy" slavyanskiy literaturnyy yazyk: tipologiya lingvisticheskoy refleksii ["Common" Slavic literary language: a typology of linguistic reflection]. Moscow: Indrik.

Kiseleva, M.S. (2015) *Voyna, vera i vlast' v kul'turnom kontekste Moskovskogo tsarstva 50–70-kh gg. KhVII v.: Simeon Polotskiy i Yuriy Krizhanich* [War, faith and power in the cultural context of Muscovy of the 1650–70s: Simeon Polotsky and Juraj Križanić]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 101–112.

Križanić, J. (1859) *Gramatichno iskazanje ob ruskom jeziku*. Moscow: V universitetskoj tipografii.

Križanić, J. (1891) *Sobranie sochineniy Yuriya Krizhanicha* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 27–75.

Kulakovsky, P. (1885) *Opyt istorii popytok resheniya voprosa ob edinom literaturnom yazyke u slavyan* [History of attempts to solve the problem of a common literary language among the Slavs]. Warsaw: V tipografii K. Kovalevskogo.

Kupriyanov, V.A. (2018) Russia and Europe in the early and late Slavophile philosophy (A.S. Khomiakov and V.I. Lamanskii). *Solov'evskie issledovaniya – Solovyev Studies*. 2. pp. 21–33 (in Russian).

Kupriyanov, V.A. (2016) Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo [The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky]. *Veche*. 28. pp. 215–222.

Lamanskii, V.I. (1875) Vidnye deyateli zapadnoslavyanskoy obrazovannosti v XV, XVI i XVII vekakh. Istoriko-literaturnye i kul'turnye ocherki [Prominent figures of West Slavic education in the 15th, 16th and 17th centuries. Historical, literary and cultural essays]. *Slavyanskiy sbornik*. 1. pp. 417–418.

Lamanskii, V.I. (1859) *Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu "O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii"* [Historical remarks to the essay "On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Lamanskii, V.I. (n.d.) *Leksii po slavyanskim narechiyam, chitannye professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–81 akad. god* [Lectures on Slavic dialects, by Professor of the St. Petersburg University V.I. Lamansky for 1880–81 academic year]. St. Petersburg: Litografiya Grobovoy.

Lamanskii, V.I. (1864) Iz zapisok o slavyanskikh zemlyakh. Serbiya i yuzhnoslavyanskije provintsii Avstrii [From notes on the Slavic lands. Serbia and the South Slavic provinces of Austria]. *Otechestvennye zapiski*. 152. pp. 649–702.

Lamanskii, V.I. (1865a) *Natsional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyakh* [Italian and Slavic nationalities in political and literary relations]. St. Petersburg: V tipografii A.A. Kraevskogo.

Lamanskii, V.I. (1865b) *Stoletnyaya pamyat' Mikhailu Vasil'evichu Lomonosovu. 4 aprelya 1865* [Centennial of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. April 4, 1865]. St. Petersburg: Kukol'-Yasnopol'sky.

Lamanskii, V.I. (1867) Chteniya o slavyanskoy istorii v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. Chast' I. Izuchenie slavyanstva i russkoe narodnoe samosoznanie [Readings on Slavic history at Imperial St. Petersburg University. Part I. The study of Slavism and the Russian national identity] *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CXXXIII. pp. 116–153.

Lamanskii, V.I. (1869) *Neporeshennyi vopros. Stat'ya I. Ob istoricheskom obrazovanii slavyanskogo i russkogo yazyka* [Unresolved question. Article 1. On historical formation of the Slavic and Russian languages]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CXLI. pp. 122–163.

Lamanskii, V.I. (1871) *Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope* [On the historical study of the Greco-Slavic world in Europe]. St. Petersburg: Tipografiya Maykova.

Lamanskii, V.I. (1887) *Russkiy yazyk vmesto nemetskogo, slavyanskoe bogoslužhe-nie vmesto latinskogo* [Russian instead of German, Slavonic worship instead of Latin]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 10. pp. 479–488.

Lappo-Danilevsky, A.S. (2005) *Istoriya politicheskikh idey v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom ee kul'tury i politiki* [The history of political ideas in Russia in the 18th century in connection with the general course of its culture and politics]. Cologne, Weimar, Vienna: Böhlau Verlag GmbH & Co.

Matkhauzerova, S. (1996) *Barochnyy slavizm* [Baroque Slavicism]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 50. pp. 149–154.

Nikonenko, V.S. (1996) *Russkaya filosofiya nakanune Petrovskikh reform* [Russian philosophy on the eve of Peter's reforms]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Osłon, M.V. (2009) *Aktsentnaya sistema yazyka Yuriya Krizhanicha* [The accent system of Juraj Križanić's language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Pashchenko, E.N. (2014) *Deyatel'nost' Yuriya Krizhanicha v kontekste ukrain-skogo barokko* [Juraj Križanić's activities in the context of Ukrainian Baroque]. *Filologicheskie zametki*. 1. pp. 93–108.

Pushkarev, L.N. (1984) *Yuriy Krizhanich. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Juraj Križanić. Essay on Life and Work]. Moscow: Nauka.

The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 35. List 1. File 78.

Churkina, I.V. (1998) *Vopros ob obshcheslavyanskom literaturnom yazyke (konets XVIII–XIX v.)* [The question of the common Slavic literary language (the late 18th – 19th centuries)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Slavyanskaya ideya: istoriya i sovremennost'* [Slavic Idea: Past and Present]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, RAS. pp. 22–36.

Eberhardt, P. (2010) *Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna* [Russian Pan-Slavism as a Geopolitical Idea]. *Przegląd geopolityczny*. 2. pp. 43–64.

Falski, M. (2011) *Wspólnota krwi, różnica wyznania. Rosja jako znak w chowackich narracjach historiozoficznych do 1914 roku* [Community of blood, difference of religion. Russia as a sign in Christian historiosophic narratives until 1914]. In: Sujęcka, J. (ed.) *Semantyka Rosji na Bałkanach. Colloquia Balkanica* [Semantics of Russia in the Balkans. Colloquia Balkanica]. Vol. 1. Warsaw: DIG. pp. 91–107.

Frančić, M. (1974) *Juraj Križanić, ideolog absolutyzmu* [Juraj Križanić, ideologist of absolutism]. Warsaw; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Jedynak, S. (2001) *Myśl filozoficzno-społeczna Juraja Križanica* [The philosophical and social thought of Juraj Križanic]. *ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich*. 1. pp. 84–94.

Malinov, A.V. & Kupriyanov, V.A. (2019) Vladimir Lamanskii in St. Petersburg University. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija – Vestnik of St. Petersburg University. History*. 64 (1). pp. 211–221 [in Russian]. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.112

Wiesław, B. (1986) *Studia nad dialektem czakawskim Juraja Križanica: akcentuacja rzeczowników* [Studies on the Chakavian dialect of Juraja Križanić: accentation of nouns]. Wrocław: Ossolineum.

**Малинов Алексей Валерьевич** – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

**Alexey V. Malinov** – St. Petersburg State University (Russia).

**E-mail:** a.v.malinov@gmail.com

**Миљчарек Михал** – кандидат философских наук, адъюнкт кафедры культуры восточных славян Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета (Польша).

**Michał Milczarek** – Jagiellonian University (Polska).

**E-mail:** norylskinikiel@gmail.com

УДК 94(4):903.59 "1914/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/4

## **«АЗБУЧНЫЕ ВОЙНЫ» 30–50-х гг. XIX в. В ГАЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**

**Б.П. Савчук<sup>1</sup>, Г.В. Билавич<sup>2</sup>**

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника  
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

<sup>1</sup> E-mail: boris\_savchuk@ukr.net

<sup>2</sup> E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

### **Авторское резюме**

В статье рассматривается опыт изучения «азбучных войн» 1833–1837 и 1858–1859 гг. в Галиции в ракурсе современного научного дискурса конца 80-х гг. XX – начала XXI в. Обогащению научных исследований проблемы способствует ее рассмотрение в разных тематических векторах. В частности, глубокую традицию в российской историографии имеет биографический аспект изучения национально-культурного движения в Галиции в XIX в. Проведен дискурсивный анализ обозначенной языковой проблемы в ее собственном структурно-функциональном и широком социальном контекстах. В основу анализа многоаспектного научного дискурса положена модель, которая проектирует его изучение на трех уровнях: конкретно-исследовательском (работы, в которых проблема рассматривается непосредственно или как фрагмент широких лингвосоциальных процессов); междисциплинарном (работы по лингвистике и истории тесно переплетены); национальных историографий (украинская, российская, польская, австрийская, немецкая, канадская). Показаны общие тенденции и особенности изучения дилеммы «кириллица или латиница» в национально-культурном движении Галиции в XIX в. лингвистами и историками разных стран.

**Ключевые слова:** «азбучные войны», кириллица, латиница, русины, Галиция, научный дискурс, историография.

# THE “ALPHABET WARS” OF 1830–1850s IN GALICIA IN CONTEMPORARY SCIENTIFIC DISCOURSE

**B.P. Savchuk<sup>1</sup>, G.V. Bilavych<sup>2</sup>**

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University  
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

<sup>1</sup>E-mail: boris\_savchuk@ukr.net

<sup>2</sup>E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

## **Abstract**

The article focuses on the “Alphabet wars” of 1833–1837 and 1858–1859 in Galicia from the perspective of the contemporary scientific discourse of the late 1980s – early 21st centuries. The scientific reflections of the problem under study are enriched by the use of various methodologies, including the biographical approach to the national cultural movement in Galicia in the 19th century and a discursive analysis of the language problem in its structural and functional as well as broad social contexts. The analysis of a multidimensional scientific discourse is based on a model that projects its study on three levels: specific research (works in which the problem is viewed directly or as a fragment of broad linguistic social processes), interdisciplinary level (works on linguistics and history are closely intertwined), and national historiographies (Ukrainian, Russian, Polish, Austrian, German, and Canadian). The general tendencies and peculiarities of studying the “Cyrillic or Latin” dilemma in the Galician national and cultural movement of the 19th century are outlined by linguists and historians of different countries. Thus, the “Alphabet wars” in Galicia of the 19th century became the subject of a broad discussion among researchers from different countries. The analysis has shown that Ukrainian and Russian historians study this problem mainly in the context of their branch of knowledge and evaluate its position of national centrism. In contrast, linguists approach this phenomenon on the interdisciplinary level, from the standpoint of pluralism and increasing emphasis on the alphabet and language remaining the main symbol of the Rusin national identity in the context of the borderline position of Galicia and the competition of different religious and cultural discourses. This paradigm has been adopted by Polish, Austrian, German and Canadian reseachers. In general, the role and importance of Cyrillic and Latin in the national and cultural development of the Galician Rusins is being redefined: they cease to be perceived as the opposition of the Ukrainian and Polish national projects, to be considered as factors naturally woven into the Ukrainian ethno-cultural tradition.



**Keywords:** “Alphabet wars”, Cyrillic, Latin, Rusins, Galicia, scientific discourse, historiography.

Языковые войны – явление древнее, о чем повествует Библия. Они существенно влияют на общественную жизнь государства и взаимоотношения между соседними народами. Отголоски таких даже локальных конфликтов надолго врезаются в историческую память, становятся предметом острых общественно-политических и научных дискуссий национальных элит и историографий.

Таким показательным примером являются «азбучные войны» 1833–1837 и 1858–1859 гг. в Галиции<sup>1</sup>, которые определяем как противостояние между разными русинскими (украинскими) лагерями и этнополитическими акторами в отношении попыток ввести в украинскую письменность латинский алфавит вместо кириллицы. Это своеобразное этнолингвистическое явление не имеет аналога в истории развития славянского языкового пространства.

Украинская латиница появилась в XVII в. для транскрибирования записей народного фольклора. В XVIII в. она распространилась на Правобережной Украине, однако ее использование неоднозначно воспринималось «русской» элитой, которая свою языковую и культурную традицию связывала с кириллицей. Это противостояние в общих и специфических чертах проявилось в Галиции, которая с конца XVIII до начала XX в. находилась в составе монархии Габсбургов. Особенности политики Вены относительно ее отдельных регионов, народов, сословий обусловили специфику становления славянских национальных движений. В целом этот процесс соответствовал общей логике политической эмансипации «нетитульных» славянских народов, которые быстро перешли от культурно-романтической стадии развития к созданию национально-политических движений. Важной предпосылкой для такого «пробуждения» стало творчество славянских будителей XVIII – XIX вв. (Бирюков 2018: 202–204).

Сложные и противоречивые процессы замены кириллицы латиницей в славянском и других этнотерриториальных измерениях (Казахстан, Сербия, Черногория, Хорватия, Украина и др.) на рубеже XX–XXI вв. актуализирует осмысление обозначенного опыта Галиции, которая в силу особенностей геополитического и исторического развития аккумулировала межславянские и общеевропейские идеи и влияния.

Цель нашего исследования – осмысление сути и опыта «азбучных войн» в Галиции в XIX в. в ракурсе современного научного дискурса конца 80-х гг. XX – начала XXI в. Учитывая, что наш анализ адсорбирует идеи более чем столетнего общественно-интеллектуального дискурса,

обозначим суть его предыдущих этапов: первый охватывает период двух «азбучных войн» 1833–1837 и 1858–1859 гг., когда появились образцы произведений, напечатанные буквами польской азбуки, и основные лингвистические и публицистические изыскания, которые с позиции историко-культурной ретроспективы и перспективы представляли возможные пути решения этой проблемы; второй – 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. – всестороннее осмысление «азбучных войн», что проявилось в издании мемуаров, эпистолярных, источниковедческих и аналитических работ; третий – 50-е – первая половина 80-х гг. XX в., когда в советской и западной историографии обозначились основные фактографические и теоретические контуры исследуемой проблемы.

Характер современного научного дискурса конца 80-х гг. XX в. – начала XXI в. обусловлен глубокими изменениям в постсоветской гуманитаристике, которая представила основной научный контент по проблеме исследования, хотя относительно западной историографии такие параметры весьма условны.

Для анализа этого многоаспектного научного дискурса предлагаем модель, которая проектирует его изучение на трех уровнях: конкретно-исследовательском (работы, где проблема рассматривается непосредственно или как фрагмент широких лингвосоциальных процессов); междисциплинарном (работы по лингвистике и истории тесно переплетены); национальных историографий (украинская, российская, польская, австрийская, немецкая, канадская и др.). За основу анализа взят третий уровень. В его контексте рассмотрим нарративы двух первых уровней.

В силу объективных причин наибольший опыт изучения «азбучных войн» в Галиции накопили украинская историческая наука и языкознание. При этом, с одной стороны, этот опыт представляет общие, характерные для других национальных историографий подходы и тенденции: рассмотрение данного явления в контексте общего национально-культурного возрождения русинов Галиции; акцентирование на влиянии «внешних факторов» и связях со славянскими культурными деятелями; осмысление проблемы сквозь «очки своих национальных парадигм» и др.

С другой стороны, современный украинский дискурс имеет свои особенности. Они связаны с незавершенностью «методологической революции», когда отказ от советской идеологической парадигмы привел к утверждению нациоцентризма, который в значительной мере определяет границы плюрализма и фокус исследования истории украинского общественного движения. В конструировании научных нарративов доминирует позитивистский (источник – факт – обобщение – вывод) подход, а другие методологические подходы еще не

нашли должного применения. При этом растет интерес к научным исследованиям западной науки и др.

В украинской исторической науке сохраняется советская парадигма изучения «азбучных войн» с привязкой к деятельности «Руськой тролицы» и акцентом на борьбе за сохранение кириллицы как «оберега» от полонизации (пример – работы Феодосия Стебля (Стеблій 2003 и др.). При этом начинает доминировать их изучение в контексте развития идейно-политических направлений русинского общественного движения, в первую очередь, русофильства. Важную роль в его утверждении сыграли работы Марьяна Мудрого, Ирины Орлевич, особенно Алексея Сухого, который показал, что актуализация языкового вопроса по линии дилеммы «кириллица – латиница» активизировала развитие национального движения галицких русинов, а вмешательство австрийского правительства и польской краевой администрации в его решение обуславливалось желанием избежать их русификации (Сухий 2003: 70–85).

Обозначившаяся новая тенденция изучения «азбучных войн» в Галиции в XIX в. проявляется в отходе от традиционной рецепции изложения процесса их разворачивания по хронологии выступления сторонников и противников замены кириллицы латиницей с акцентами на обвинениях поляков, венских властей, русофилов в стремлениях полонизировать, ассимилировать, русифицировать русинов края. Начинают доминировать мнения, согласно которым основным источником и мотивом споров по вопросу выбора между двумя алфавитными системами стал поиск самими русинами наиболее приемлемых путей формирования своего литературного языка. Предметно рассматриваются разные варианты его решения самими русинами, а также польскими и австрийскими кругами, славянскими деятелями и др.

Рассматривая с обозначенных позиций азбучно-языковые дискуссии как важную составляющую русинского движения, Игорь Райкивский попытался совместить их традиционную рецепцию с подходами западной научно-исторической методологии (Райківський 2012: 232–238, 373–381).

Среди языковедческих исследований наиболее детальный нарратив по этой проблеме представил Николай Лесюк, который, проанализировав основной массив текстовых документов, воссоздал ее безапелляционную украиноцентрическую версию, не оставив никаких аргументов в пользу замены кириллицы латиницей. Интересной, с научной точки зрения, представляется систематизация автором основных версий (их насчитывают от 5 до 9) сочетания букв и звуков кириллицы и разных графических систем латиницы (Лесюк 2014: 417–492).

Отмечая значительный опыт приоритетного изучения азбучно-языкового вопроса в Галиции в контексте реформирования украинского литературного языка в XIX в. (Василий Грещук, Степан Бевзенко, Евгений Тымченко и др.), акцентируем внимание на походах к его углубленному аспектному изучению. Так, заслуживает внимания работа Владимира Барчука, который предметно проанализировал его фонетический, грамматический, лексический компоненты в контексте развития украинского литературного языка (Барчук 2012).

Эти явления концептуализованы на примере творчества известного польского поэта и фольклориста Льва Венглинского в лингвокультурологическом исследовании Наталии Совтис, которая показала явление симметрии украинских и польских элементов в развитии литературных языков двух народов – их носителей в Галиции в XIX в. В таком ракурсе автор представила малоизвестную разработанную Л. Венглинским систему украинской фонетической орфографии на базе польского алфавита (соответствия: o = o, a = a, e = e, p = p, b = b, y = w), которая предлагала окончания мужского рода глаголов в прошедшем времени, согласно произношению и т. п. (Совтис 2015). Такие новаторские работы позволяют проследить в образах билингвальной традиции украинского-польского пограничья XIX в. ее языковой колорит как фактор взаимодействия украинской и польской языковых картин мира.

Опираясь на опыт изучения двухвековой эволюции украинской латиницы (Ярослав Исаевич и др.), современные ученые (Максим Вакуленко, Максим Лагода, Игорь Черновол, Евгений Тымченко и др.) и системно (Виктор Мойсеенко) предметно обозначили ее историко-лингвистическую рецепцию в фокусе азбучно-правописных дискуссий 30–50-х гг. XIX в. в Галиции. Авторы преимущественно анализировали отдельные графические проекты галицко-русинской латиницы, в основе которых лежали польский, чешский, другие алфавиты или их комбинации (проект Иосифа Иречека). Оцениваются их сильные и слабые стороны с позиций восприятия галицко-русинского литературно-письменного языка как целостной системы и их соответствия ненормативным регионально-письменным языковым особенностям (Мойсеенко 1997; Vakulenko 2004). Проведенная учеными экспертиза существовавших в XIX в. в Галиции отдельных азбучно-графических проектов актуализирует подготовку комплексных компаративистских исследований этой проблемы, что позволит представить ее как целостное уникальное явление в истории славянского языкового контактирования.

Рефлексию современной российской исторической науки исследуемого вопроса наиболее полно отражают работы Нины Пашаевой и

Марии Клоповой. Определив два основных направления национального возрождения русинов Галиции в XIX в., касающиеся изучения их истории и языковой традиции, ученые связывают их развитие с ведущей ролью «Руськой тролицы» и влиянием научных кругов России, в первую очередь Михаила Погодина (Пашаева 2001: 13–29; Клопова 2016: 30–44).

Исходя из анализа проектов наместника Галиции Агенора Голуховского, М.Э. Клопова считает, что именно языковая борьба определила дифференциацию русинского национального движения на три течения. Его участники признавали необходимость «опираться на народный говор», а вопрос о том, что станет основой дополнения к нему – «современный русский литературный язык, украинский язык, находящийся... в стадии формирования, или же т. н. “язычие”», – стал основой более глубокой «дискуссии о национальной самоидентификации восточнославянского населения Австрийской монархии» (Клопова 2016: 43–44).

Проанализировав деятельность галицких будителей, Н.М. Пашаева также связала попытки введения польского алфавита со стремлением польских кругов, а их критику основывает на доводах, изложенных в работах М. Шашкевича, Я. Головацкого и др. Рассматривая стоящие перед ними вопросы: «на каком языке писать?», «какой язык станет литературным?», автор показала отношение к ним видных деятелей славянских стран, Надднепрянской Украины, России. Таким образом, утверждается, что между ними не было существенных разногласий о путях их решения (кириллическая азбука, народный диалект), а антагонизм по этим вопросам возник только в конце 1860-х гг., и в его основе лежали не лингвистические, а политические причины (Пашаева 2001: 13–20, 24–29).

К сожалению, и в российской, и в украинской исторической науке фактически отсутствует междисциплинарный диалог, что сужает возможности научного дискурса по исследуемой проблеме.

Ярким примером преодоления этой ограниченности являются индивидуальные и совместные работы известных ученых историка Алексея Миллера и лингвиста Оксаны Остапчук, которые именно на междисциплинарном уровне представили, по нашему убеждению, наиболее продуктивную и оригинальную концепцию сути, роли и значения азбучно-языкового вопроса в русинском национальном движении Галиции XIX в. и в межславянском языковом контактировании в целом. При ее изучении авторы органически синтезировали пласт различных первоисточников, научный опыт разных национальных историографий. Отказавшись от «очков российского эгоцентризма» (чего часто не хватает украинским ученым), они рассматривают

феномен «азбучных войн» в широком геополитическом контексте, с позиций плюрализма и контрroversивности этнолингвистических процессов.

Согласно концептуальному подходу А. Миллера и О. Остапчук, вопрос выбора между кириллицей и латиницей, как и вопросы орфографии, статуса языка и его применения (запрещения) в разных сферах жизни, стал для русинов Галиции в XIX в. «многозначным символом», который имел «важную этнокультурную и этнорелигиозную нагрузку» и часто играл ключевую роль в утверждении их идентичности, что особенно важно для этого региона как этнокультурного пограничья. Поэтому все языковые споры и политическая борьба относительно его решения разворачивались на «двух сценах» империй Габсбургов и Романовых при участии национальных элит и многих «внеациональных» акторов: польской шляхты, имперских властей, церковных центров, в частности Ватикана (Миллер, Остапчук 2006: 25–26; Миллер 2013: 309–311).

Исходя из анализа ретроспективы использования латиницы и кириллицы в разных украинских этнических регионах, опыта решения языкового вопроса славянскими народами и разных аспектов истории «азбучных войн» в Галиции, А.И. Миллер и О.А. Остапчук внесли важный вклад в формирование новой парадигмы понимания этого феномена. По их мнению, противопоставление кириллицы и латиницы приняло форму осознанной конфронтации национальных атрибутов русинов и поляков. Оно не только охватило алфавит, но и отразилось в оппозиции разных моделей языка и типов литературного стандарта, связанных с различными политическими и национальными дискурсами. Если латиница фиксировала преимущественно народный язык, максимально приближенный к живой разговорной речи (диалект, наречие), то кириллица сигнализировала о введении в текст более традиционных по форме и количеству «церковнославянизмов». В последнем случае алфавит и другие языковые средства были направлены на демонстрацию связи с культурно-церковной традицией (Миллер, Остапчук 2006: 28–35).

Таким образом, ученые обосновывают концепт, согласно которому латиница априори не означала полонизацию и денационализацию русинов Галиции: она в большей мере соответствовала их живому разговорному языку. Этот вывод подтверждают и обстоятельный анализ опыта транслитерации латиницей кириллического письма с учетом трансформационных изменений на уровнях фонетики, морфологии, лексики (Остапчук 2009), и исследования по истории украинского литературного языка, которые показывают, что проблема алфавита никогда не воспринималась только с филологической точки зрения (в

категориях способности латиницы и кириллицы отражать особенности украинской живой речи на письме), а всегда несла эмоциональную, идейную, нравственную нагрузку (Софронова 1997). Поэтому русинская национальная элита отдавала предпочтение переполненной церковнославянизмами кириллице, которую связывала со своей культурно-церковной традицией (Миллер, Остапчук 2006: 28–35).

Обогащению научных рефлексий исследуемой проблемы способствует ее рассмотрение в разных тематических векторах. В частности, глубокую традицию в российской историографии имеет биографический аспект изучения национально-культурного движения в Галиции в XIX в. Значительное место в нем занимает Яков Головацкий. Абстрагируясь от его оценок в разных исторических школах, считаем, что современные российские исследователи явно преувеличивают роль этой незаурядной личности относительно «победы в отстаивании для своего народа кириллицы вместо предлагавшейся властями латиницы». В понимании биографов только один этот факт обеспечивает ему особое место в истории восточнославянских народов (Щавинская 2014: 40). Такая оценка выглядит гиперболизированной в понимании украинской историографии, которая отводит Я. Головацкому маргинальную роль в событиях второй «азбучной войны» и при этом отходит от парадигмы «осуждения» общественных деятелей под углом их принадлежности к русофильскому, полонофильскому и другим идейно-политическим лагерям, которые рассматриваются как проявления естественного развития национального движения русинов Галиции в XIX в.

Мы ограничиваемся акцентами на наиболее характерных и продуктивных наработках западных ученых по исследуемой проблеме с позиций их сравнения украинскими и российскими лингвистами, историками.

По духу и содержанию наиболее близка к ним польская историография, которая также имеет глубокую традицию изучения истории языкового вопроса в Галиции в XIX в. Заслуживает внимания работа Яна Козика про русинское национальное движение 1830–1848 гг. в Галиции, которая оказала существенное влияние на развитие советской и постсоветской историографии по этому вопросу. Она способствовала утверждению подхода к изучению противостояния между кириллицей и латиницей сквозь призму деятельности «Руськой троицы», ее связей со славянскими культурными деятелями, контактами галицких русинов с Надднепрянской Украиной и Россией. Автор представил один из первых детальных нарративов развития украинского литературного языка на основе языка народного или «традиционного» (церковнославянского). Не преувеличивая вли-



яния польской культуры на языковые перипетии в среде русинов, Я.Кози́к показал, что их элита полонизировалась в силу исторических обстоятельств, поэтому объективно тяготела к замене кириллицы «абecedлом» (Kozik 1973: 136–204). Эту реальность игнорировали советские авторы, и только в 90-х гг. XX в. ее начала воспринимать украинская историография.

Позиция современной польской историографии относительно роли и места «азбучных войн» в национальном движении русинов Галиции XIX в. в общих чертах отражена в монографии Адама Святека. Автор рассматривает этот феномен как важный фактор их национально-культурного самоопределения и идентичности. Исходя из «некодифицированности» языка русинов Галиции и усиливающихся расхождений между их книжным и разговорным языком, ученый показал, что этот вопрос стал ключевым во время «азбучной войны» 1859 г., которая выдвинула три возможных пути его решения с соответствующими последствиями: 1) переход на использование гражданского шрифта, что означало сближение русинского и русского языков; 2) создание на основе кириллицы нового алфавита, который бы отражал живой народный язык; 3) переход на латинский алфавит, что означало утверждение принципа «gente Rutheni, natione Poloni» («происхождение русинов, нация польская»). За их реализацию выступали разные стороны конфликта, но ни один из вариантов не был воплощен, что впоследствии проявлялось в сфере образования, политики, издательской деятельности, в церковной и других сферах общественной жизни (Świątek 2014: 252–257).

Такие непредубежденность и готовность рассматривать альтернативные варианты развития событий в их причинно-следственных связях должны присутствовать и в современном украинском и российском историческом дискурсе.

Эти черты характерны для работы Дагмары Новацкой, которая представила наиболее полную рецепцию «азбучных войн» в современной польской историографии: она акцентировала внимание на доводах известных славянских деятелей относительно целесообразности введения вместо несоответствующей фонетической системе русинского языка «мертвой» кириллицы «польского абecedла», которое, по их мнению, было более рациональным и приспособленным для обучения. Представленная автором многоаспектная версия дилеммы «азбука или абecedло» подтверждает, что она априори не имела «единого правильного решения», а ее неразрешенность постоянно сказывалась не только на формировании литературного языка галицких русинов, но и на других сферах их общественной жизни (Nowaska 2014).



Среди польских лингвистов заслуживают внимания взгляды Камила Дворника. Ученый обстоятельно представил аргументы Иосифа Левицкого, активного участника первой «азбучной войны», как самого влиятельного критика идей латинизации. Примечательно, что при их рассмотрении автор апеллировал к практически не представленному в научном дискурсе по исследуемой проблеме опыту волохов (румын), которые, будучи «среди наследников латыни, решили заменить кириллицу на модифицированную латиницу», а также польских крестьян, которые испытывали определенные трудности при чтении написанных латиницей литературных текстов, потому что они не соответствовали народному говору. Также была обоснована критика И. Левицким выдвинутых деятелями «Руськой троицы» проектов использования «гражданки» и новой орфографии, основанной на фонетическом принципе кодификации (Dwornik 2016).

Интересен и представленный К. Дворником сравнительный анализ словенской «азбучной войны» 1830–1933 гг. и русинской 1833–1937 гг. С одной стороны, они поразительно похожи, о чем свидетельствуют проекты «сторонников идей романтизма» Франца Метелки и Петра Дайнки по реформированию словенской грамматики (отстаивали принцип «один звук – одна буква») и протесты «консервативной оппозиции», которая критиковала их за «произвольное навязывание букв, адаптированных только к одному диалекту». С другой стороны, рассматривая «азбучные войны» словенцев и русинов как важные составляющие процесса формирования европейских наций, автор показал существенные различия между ними. Если этнически и политически доминирующие на своей территории словенцы в таких исследованиях могли опираться на опыт фонетических систем местных немцев и итальянцев, не опасаясь ассимиляции с их стороны, то русины Галиции, хотя и проживали компактно на своей этнической территории, не были господствующей нацией. А польская шляхта считала их язык «польским диалектом», поэтому именно он оставался главным культурным маркером, который утверждал различия между этими народами и стал важным средством в борьбе против латинизации, которая угрожала полной денационализацией (Dwornik 2013).

Опыт такого компаративистского анализа побуждает более активно отказываться от национального эгоцентризма и смотреть на языковую проблему шире, учитывая при этом идентичные процессы, которые переживали другие славянские народы монархии Габсбургов.

Результаты изысканий ряда западных ученых стали более известными в постсоветском научном дискурсе благодаря переводам их работ на украинский и русский языки. Поэтому обратим внимание на

их продуктивные концептуальные идеи и методологические подходы к изучению истории «азбучных войн» в Галиции в 30–50-х гг. XIX в.

Примечательным явлением в этом дискурсе стало творчество известного австрийского ученого, специалиста в области восточнославянского языкознания Михаэля Мозера. Более чем в двух десятках его общих и специальных работ нашли отражение оригинальные размышления относительно роли и места исследуемого феномена в истории развития славянских языков и украинского литературного языка, понимания его причин, сути, характера, результатов и значения. Они отличаются глубоким контент-анализом текстовых документов участников азбучно-языковых дискуссий и их первых интерпретаторов второй половины XIX в.

Следует прислушаться к призыву М. Мозера отказаться от стереотипов акцентирования на отрицательных аспектах «азбучных войн» как «наступления на украинскую идентичность, на кирилличную азбуку», а вместо этого рассматривать их как «оживленные дискуссии» и «великое продвижение». Необходимо понять «положительный потенциал» этих конфликтов, которые имели колоссальное влияние на развитие не только языково-литературного, но всего культурно-общественного процесса русинов Галиции (Мозер 2017).

Работы М. Мозера побуждают шире посмотреть на предпосылки азбучно-языковых баталий в Галиции, которые были вызваны не только внутренними причинами, именно полонизацией русинской элиты. Важным стимулом к замене кириллицы латиницей стала русинско-польская революционная литература 1830–1848 гг., распространению которой способствовали три предпосылки: идеологическая (отражает суть «языкового полонофильства»: польский язык следует рассматривать как естественный язык образования русинов, а русинский язык по отношению к польскому – как диалект); лингвистическая (переполненность полонизмами текстов на русинском языке); «лингвистическая экспансия» польской революционной литературы на русинском языке, которая, однако, вызвала ответную реакцию и привела к его признанию в 1848 г. одним из официальных языков монархии Габсбургов (Moser 2001).

Оценивая итоги и значение «азбучных войн», М. Мозер обращает внимание на то, что, выйдя за рамки дискуссии об алфавите, они способствовали всестороннему переосмыслению языкового вопроса. Под их влиянием кириллица стала восприниматься галицкими русинами как самый яркий традиционный символ их национальной идентичности, от которого нельзя отказаться. Именно такое символическое значение стало основным аргументом сторонников кириллицы, хотя латиница имела перед ней объективные преимущества языкового и

общекультурно характера (Мозер 2011: 323–324; 472; Moser 2003: 324–325).

В современной немецкой историографии заслуживают особого внимания работы двух известных специалистов по вопросам истории Украины и Восточной Европы – Анны Вероники Вендланд и Кайя Струве. Реализуя свою версию изучения азбучно-языковой борьбы в контексте системного исследования феномена галицкого русофильства (консерватизма) XIX в., А.В. Вендланд показала, что основные конфликтные направления обозначились уже в первой половине 1830-х гг. и в дальнейшем они определяли все дискуссии относительно языка, литературы и культурных ориентиров. Автор смоделировала сложный «языково-политический» клубок, в котором цели «традиционалистов» и «фонетистов» пересекались в их желаниях реформировать грамматику, чтобы создать литературный язык, который бы поставил украинскую культуру на уровень с немецкой и польской, и упорядочить ее таким образом, чтобы сохранился живой, природный украинский литературный язык. Исследователь показала, что каждый из вариантов давал определенные политические преференции и использовался как знамя, вокруг которого в политическом противостоянии группировались представители отдельных направлений – «русины», «московиты», поляки; «старые» и «молодые» русины; «национальные популисты» и др. (Вендланд 2015: 58–64).

Исходя из постулата «язык как средство и фактор политики», А.В. Вендланд подошла к анализу перипетий второй «азбучной войны». В отличие от преобладающих в постсоветской историографии акцентов на отдельных личностях, автор сместила их в плоскость «какофонии» противостояния между отдельными лагерями: национально-политическими (русины, поляки) и государственными (Австрийская, Российская монархии). Связанные таким образом события и процессы трактуются как «русофильское сопротивление государственной языковой политике» (Вендланд 2015: 111–127), а не в традиционной обратной проекции как наступление поляков и правительства против русофильства.

Исследование К. Струве интересно тем, что, в отличие от упомянутых обобщающих работ (А.В. Вендланд, Я. Козик, И. Райкивский и др.), азбучно-языковое противостояние интерпретируется не в контексте национально-политического движения национальной элиты и правящих кругов Галиции, а в ключе жизни крестьянства. Ученый считает, что антагонизм между идентичностью польских крестьян и польской элиты, которая отстаивала свои социальные интересы, отсутствовал в общественном движении русинов, развивавшимся в направлении социального и национального освобождения села. Поэтому, если это

противостояние середины 1830-х гг. охватило только интеллигенцию, то попытки краевой администрации и правительства заменить кириллицу латиницей в конце 1850-х гг. уже вызвали горячие протесты среди малограмотных русинов-крестьян, которые восприняли их как реальную угрозу сохранению собственной веры, обряда и (пусть даже скудной) системы народного образования (Struve 2005: 378–381).

Американские и канадские ученые рассматривают исследуемую проблему не как представители народов, государств, которые были причастны к культурно-национальному развитию русинов Галиции или других славянских народов империи Габсбургов в XIX в., а исходя из концептов мультикультурности и изучения феноменов этнокультурного пограничья.

Представляет интерес научный опыт известного исследователя русинства и истории славянских народов канадского историка Пола Роберта Магочия. Современные украинские и российские ученые активно используют предложенные им схемы разделения участников языковых дискуссий в Галиции в XIX в. на «традиционалистов» и «модернистов», которые предлагали разные пути реформирования украинского литературного языка. Однако менее популярной остается версия ученого о происхождении термина «война русинского алфавита» (аналог понятия «словенская азбучная война», которое использовали словенские деятели и германоязычная пресса) (Magocsi 1982: 222–223; Magocsi 1983: 111–112). Остается невыясненным вопрос, когда, каким образом понятие «азбучная война» проникло в научный обиход, поэтому многие ученые его появление связывают с работами Ивана Франко.

Центральное место в осмыслении П.Р. Магочием азбучно-языковых перипетий в Галиции в XIX в. отводится внутренним противоречиям и желаниям представителей русинской интеллектуальной элиты, и уже сквозь эту призму рассматриваются влияния разных внешних акторов (поляки, Вена, Россия, славянские деятели и др.). Ученый считает, что на «стадии собирания наследия», которую они проходили в своем национально-культурном развитии, именно язык и азбука, в большей мере, чем история, этнография, литература, определяли их этническую идентичность (Magocsi 1982; Magocsi 1996).

Таким образом, «азбучные войны» в Галиции в XIX в. стали предметом широкой дискуссии ученых разных стран. Результаты анализа показали, что украинские и российские историки изучают эту проблему преимущественно в контексте своей отрасли знаний и оценивают ее с позиции нациоцентризма. В отличие от них, лингвисты подходят к осмыслению этого феномена на междисциплинарном уровне, с позиций плюрализма и усиления внимания на том, что в

условиях пограничного положения Галиции и конкуренции разных религиозно-культурных дискурсов алфавит / язык оставался главным символом национальной идентичности русинов. Утверждению такой парадигмы способствуют работы польских, австрийских, немецких, канадских ученых. В целом происходит переосмысление роли и значения кириллицы и латиницы в национально-культурном развитии русинов Галиции: они перестают восприниматься в категориях противопоставления украинского и польского национальных проектов, а рассматриваются как факторы, которые были естественным путем вплетены в украинскую этнокультурную традицию.

## ПРИМЕЧАНИЕ

1. В современной научной русскоязычной литературе для обозначения региона употребляют термины «Галиция» и «Галичина» (см.: Пашаева 2001; Суляк 2019). В данной работе мы используем первый вариант, который соответствует его официальному названию в исследуемый период «Королевство Галиции и Лодомерии» (нем. Königreich Galizien und Lodomerien) и современными работами ученых о терминологии Карпатской Руси (Суляк 2019).

## ЛИТЕРАТУРА

Барчук 2012 – *Барчук М.В.* Розвиток української літературної мови в Галичині середини XIX ст.: фонетика, граматики, лексика: дис. ... канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2012. 217 с.

Бирюков 2018 – *Бирюков С.В.* Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // *Русин*. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11

Вендланд 2015 – *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів: Літопис, 2015. 688 с.

Клопова 2016 – *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Лесюк 2014 – *Лесюк М.* Становлення і розвиток української літературної мови в Галичині. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2014. 732 с.

Миллер, Остапчук 2006 – *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

Миллер 2013 – *Миллер А.* Украинский вопрос в Российской империи. Київ: Laurus, 2013. 416 с.

Мозер 2011 – *Мозер М.* Причинки до історії української мови. Вінниця: Нова Книга, 2011. 848 с.

Мозер 2017 – *Мозер М.* Про «Руську Трійцю» і її роль в історії української мови. URL: [argumentua.com/stati/m-khael-mozер-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi](http://argumentua.com/stati/m-khael-mozер-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi) (дата обращения: 19.01.2019).

Мойсеєнко 1997 – *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // Культурологічний часопис «І». Львів, 1997. № 9. С. 140–147.

Остапчук 2009 – *Остапчук О.* Післямова до «азбучної війни»: кириличне видання творів Тимка Падури // Українська мова. 2009. № 2. С. 26–48.

Пашаєва 2001 – *Пашаєва Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. 201 с.

Райківський 2012 – *Райківський І.* Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX ст. Івано-Франківськ, 2012. 930 с.

Софронова 1997 – *Софронова Л.* Функція границі в формуванні української культури XVII–XVIII вв. // Россия-Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 101–113.

Совтис 2015 – *Совтис Н.М.* Поетична мова Л. Е. Венгліньського в контексті лінгвокультурного діалогу України та Польщі. Київ: Едельвейс, 2015. 352 с.

Стеблій 2003 – *Стеблій Ф.І.* Предтеча «Руської Трійці». Львів, 2003. 96 с.

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Сухий 2003 – *Сухий О.М.* Від русофільства до москвофільства. Львів, 2003. 498 с.

Щавинская 2014 – *Щавинская Л.Л.* Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 35–46.

Dwornik 2013 – *Dwornik K.* Słoweńska «abecedna wojna» i pierwsza ukraińska «азбучна війна» w Galicji – próba porównania // Slovanský svět: Známý či neznámý. Praha: Pavel Mervart, 2013. S. 119–126.

Dwornik 2016 – *Dwornik K.* Stanowisko ks. Jósya Łewyckiego (1801-1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku // Acta Polono-Ruthenica. 2016. № 21. S. 17–27.

Kozik 1973 – *Kozik J.* Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830–1848. Kraków, 1973. 308 s.

Magocsi 1982 – *Magocsi P.R.* The Language Question as a Factor in the National Movement // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge, 1982. P. 220–238.

Magocsi 1983 – *Magocsi P.R.* Galicia: A Historical Survey and Bibliographical Guide. Toronto: University Press, 1983. 299 p.

Magocsi 1996 – *Magocsi P.R.* A History of Ukraine. Toronto; Buffalo; London, 1996. 784 p.

Moser 2001 – Moser M. Zwei «ruthenische» (ukrainische) Erstlesefibeln aus dem österreichischen Galizien und ihre sprachliche Konzeption // Wiener Slavistisches Jahrbuch 47. 2001. P. 93–122.

Moser 2003 – Moser M. Das Ukrainische «Ruthenische» der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849 // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2003. Bd. 62, Hf. 2. P. 311–358.

Nowacka 2014 – Nowacka D. Azbuka czy abecadło? Droga do ukraińskiego języka literackiego w Galicji pierwszej połowy XIX wieku // Studia wschodniosłowiańskie: literatura i język. Zielona Góra: Morpho, 2014. S. 342–394.

Struve 2005 – Struve K. Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 285 s.

Świątek 2014 – Świątek A. Gente Rutheni, nazione Poloni. Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014. 510 s.

Vakulenko 2004 – Vakulenko M. Simple-correspondent transliteration through a Slavonic Latin alphabet // Journal of Language and Linguistic Studies. 2004. Vol. 3. P. 213–228.

## REFERENCES

Barchuk, M.V. (2012) *Rozvitok ukraïns'koï literaturnoi movi v Galichini seredini XIX st.: fonetika, gramatika, leksika* [Development of the Ukrainian literary language in Galicia in the middle of the nineteenth century: phonetics, grammar, vocabulary]. Philology Cand. Diss. Ivano-Frankivsk.

Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin*. 53 (3). pp. 193–209 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11

Vendland, A.V. (2015) Rusofili Galichini. Ukraïns'ki konservatori mizh Avstrieyu ta Rosiyeu, 1848–1915 [The Rusophiles of Galicia. Ukrainian conservatives between Austria and Russia, 1848–1915]. Lviv: Litopis.

Klopova, M.E. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [National movements of the Eastern Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th century]. Moscow: Indrik.

Lesyuk, M. (2014) *Stanovlennya i rozvitok ukraïns'koï literaturnoi movi v Galichini* [Formation and development of the Ukrainian literary language in Galicia]. Ivano-Frankivsk: Misto NV.

Miller, A.I. & Ostapchuk, O.A. (2006) Latinitsa i kirillitsa v ukrainskom natsional'nom diskurse i yazykovoy politike Rossiyskoy i Gabsburgskoy imperiy [The Latin and Cyrillic alphabets in the Ukrainian national discourse and language policy of the Russian and Habsburg empires]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 25–48.



Miller, A. (2013) *Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii* [Ukrainian issue in the Russian Empire]. Kyiv: Laurus.

Mozer, M. (2011) *Prichinki do istorii ukrains'koï movi* [On the history of the Ukrainian language]. Vinnytsia: Nova Kniga.

Mozer, M. (2017) *Pro "Rus'ku Triytsyu" i її rol'v istorii ukrains'koï movi* [About the "Russian Trinity" and its role in the history of the Ukrainian language]. [Online] Available from: [argumentua.com/stati/m-khael-mozer-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi](http://argumentua.com/stati/m-khael-mozer-pro-rusku-tr-itsyu-rol-v-stor-ukra-nsko-movi) (Accessed: 19th January 2019).

Moyseenko, V. (1997) *Pro odnu sprobu latinizatsii ukrains'kogo pis'ma* [On one attempt of latinization of the Ukrainian alphabet]. *Kulturolozhichniy chasopys "I"*. 9. pp. 140–147.

Ostapchuk, O. (2009) *Pislyamova do "azbuchnoï viyni": kirilichne vidannya tvoriv Timka Paduri* [Afterword to the "Alphabet War": Cyrillic Edition of works by Tymko Padura]. *Ukrains'ka mova*. 2. pp. 26–48.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: IT.

Raykivskiy, I. (2012) *Ideya ukrains'koï natsional'noi ednosti v gromads'komu zhitti Galichini XIX st.* [The idea of Ukrainian national unity in the public life of Galicia in the 19th century]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].

Sofronova, L. (1997) *Funktsiya granitsy v formirovanii ukrainskoy kul'tury XVII–XVIII vv.* [The function of the border in the formation of Ukrainian culture in the 17th – 18th centuries]. In: Miller, A.I., Reprintsev, V.F. & Florya, B.N. (eds.) *Rossiya-Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy* [Russia – Ukraine: The History of Relations]. Moscow. pp. 101–113.

Sovtis, N.M. (2015) *Poetichna mova L. E. Venglins'kogo v konteksti lingvokul'turnogo dialogu Ukraini ta Pol'shchi* [L.E. Venglinsky's poetic language in the context of linguistic and cultural dialogue between Ukraine and Poland]. Kyiv: Edel'veys.

Stebliy, F.I. (2003) *Predtecha "Rus'koï Triytsi"* [Forerunner of the "Russian Trinity"]. Lviv: [s.n.].

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva* [From Russophilism to Muscophilism]. Lviv: Lviv National University.

Shchavinskaya, L.L. (2014) *Yakov Golovatskiy kak issledovatel' vostochnoslavianskikh knizhnykh kul'tur* [Yakov Holovatsky as a researcher of Eastern Slavic book cultures]. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* [Slavic World in the Third Millennium]. Moscow: RAS. pp. 35–46.

Dwornik, K. (2013) *Słoweńska "abecedna vojna" i pierwsza ukraińska "azbuchna viyna" w Galicji – próba porównania* [Slovenian "abecedna vojna" and first Ukrainian "azbuchna viyna" in Galicia – an attempt to compare]. In: Kedron, K. (ed.) *Slovanský svět: Známý či neznámý*. Prague: Pavel Mervart. pp. 119–126.



DworNIK, K. (2016) Stanowisko ks. Józefa Łewyckiego (1801-1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku [Position of priest Joseph Levytsky (1801–1860) in a dispute over the alphabet of the Russian (Ukrainian) language in Galicia in the 1830s and 1840s]. *Acta Polono-Ruthenica*. 21. pp. 17–27.

Kozik, J. (1973) *Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830–1848* [The Ukrainian national movement in Galicia in 1830–1848]. Kraków: [s.n.].

Magocsi, P.R. (1996) *A History of Ukraine*. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press.

Magocsi, P.R. (1983) *Galicia: A Historical Survey and Bibliographical Guide*. Toronto: University Press.

Magocsi, P.R. (1982) The Language Question as a Factor in the National Movement. In: Markovits, A.S. & Sysyn, F.E. (eds) *Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia*. Harvard University Press. pp. 220–238.

Moser, M. (2003) Das Ukrainische “Ruthenische” der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 62(2). pp. 311–358.

Moser, M. (2001) Zwei “ruthenische” (ukrainische) Erstlesefibel aus dem österreichischen Galizien und ihre sprachliche Konzeption. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 47. pp. 93–122.

Nowacka, D. (2014) Azbuka czy abecadło? Droga do ukraińskiego języka literackiego w Galicji pierwszej połowy XIX wieku. In: Ksenicz, A. (ed.) *Studia wschodniosłowiańskie: literatura i język*. Zielona Góra: Morpho. pp. 342–394.

Struve, K. (2005) *Bauern und Nation in Galizien. Über Zugehörigkeit und soziale Emanzipation im 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Świątek, A. (2014) *Gente Rutheni, nazione Poloni. Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji*. Kraków: Księgarnia Akademicka.

Vakulenko, M. (2004) Simple-correspondent transliteration through a Slavonic Latin alphabet. *Journal of Language and Linguistic Studies*. 3. pp. 213–228.

**Савчук Борис Петрович** – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

**Boris P. Savchuk** – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

**E-mail:** boris\_savchuk@ukr.net

**Билавич Галина Васильевна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

**Galyna V. Bilavych** – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

**E-mail:** ifosuhcvas@gmail.com

УДК 811.16(082)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/5

## **ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ФАКТОВ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ РУСИНОВ**

**С.В. Зеленко**

Белорусский государственный университет  
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, проспект Независимости, 4  
E-mail: [siarhejzelianko@gmail.com](mailto:siarhejzelianko@gmail.com)

### **Авторское резюме**

В статье анализируются факты языкового контактирования русинов с представителями других славянских (русские, сербы, словаки) и неславянских (немцы, венгры) народов, отраженные в произведениях русинского будителя Александра Васильевича Духновича (1803–1865). Доказывается, что актуализация межъязыковых взаимодействий в педагогических трудах («Книжица читалная для начинающих», «Сокращенная грамматика письменного русского языка») и историографической работе «Истинная исторія карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ» прецедентного для русинского лингвокультурного сообщества автора выражается в виде вербализованных и невербализованных коммуникационных актов, опосредующих восприятие данных текстов читательской аудиторией. В анализируемых произведениях А. Духновича случаи номинаций русинско-иноязычного контактирования сопровождаются либо констатирующими описаниями данных историко-культурных фактов без их индивидуально-авторских эмоциональных положительных и отрицательных оценок, либо негативными и нейтральными комментариями, выражающими отношение автора к определенному языку и / или его носителям. На невербальном уровне воззрения и коммуникативные установки А. Духновича на факты контактирования русинов с другими народами проявляются в виде редакторских правок в переизданиях 1847 и 1850 гг. педагогической работы «Книжица читалная для начинающих», например, как в случае с исключением текстовых фрагментов на венгерском языке из данного авторского произведения. В статье делается вывод о том, что рефлексивные интенции А. Духновича по отношению к фактам языкового контактирования

русинов могут оказывать влияние на рецепцию его педагогических и историографических работ читателями в силу исключительной важности самой личности автора для представителей русинского лингвокультурного сообщества, а также опосредовать возникновение в национальной картине мира ряда негативных и позитивных ценностных установок к другим народам и языкам.

**Ключевые слова:** языковое контактирование, русины, Духнович, экстралингвистические факторы, русский язык.

## LANGUAGE CONTACTING OF RUSINS IN THE WORKS BY ALEXANDER DUKHNOVICH

**S.V. Zelenko**

Belarusian State University  
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus  
E-mail: [siarhejzelianko@gmail.com](mailto:siarhejzelianko@gmail.com)

### **Abstract**

The article analyzes language contacting of Rusins with representatives of other Slavic (Russians, Serbs, Slovaks) and non-Slavic (Germans, Hungarians) peoples, as reflected in the works by the Rusin enlightener Alexander Vasilievich Dukhnovich (1803–1865). The author argues that the language interactions in pedagogical (“A Reader for Beginners”, “Abridged Grammar of the Written Russian language”) and historiographic works (“The True History of the Carpatho-Ross or the Ugrić Rusins”) of this precedent author are expressed as verbalized and non-verbalized communication acts mediating the perception of the texts by the reading audience. The nominations of Rusin-foreign language contacting in the works under analysis are accompanied either by specifying descriptions of historical and cultural facts without individual (positive or negative) evaluations, or by negative and neutral commentary expressing the author’s attitude to a particular language and / or its speakers. On the non-verbal level, A. Dukhnovich’s views and communicative attitudes to Rusins’ language contacts with other nations are manifested in the form of editorial changes in reprints of “A Reader for Beginners” in 1847 and 1850, for example, as in the case of excluding Hungarian text fragments. The author concludes that the reflexive intentions of A. Dukhnovich in relation to language contacting of Rusins can influence the readers’ response to his pedagogical and historiographic works due to the exceptional importance of the author’s personality for representatives of the Rusin cultural and linguistic community. They can also mediate

the emergence of negative and positive attitudes towards other peoples and languages in the national picture of the world.

**Keywords:** language contacting, Rusins, Dukhnovich, extralinguistic factors, Russian language.

Языковое контактирование как близкородственных, так и неродственных лингвокультурных этнических сообществ заключается в опосредованном рядом взаимосвязанных факторов процессе усвоения (заимствования, калькирования) лексических, грамматических, фразеологических, фонетических единиц одного языка другим. Если не принимать во внимание насильственное насаждение культурных и языковых норм, а также сегрегационную и ассимиляционную политику правящих элит в государствах с неоднородным этническим составом по отношению к представителям определенных миноритарных лингвокультурных сообществ (например, полонизация этнических белорусов на территории Западной Беларуси после Рижского мирного договора 1921 г. (Сачанка 1991: 8); мадьяризация русинов в Австро-Венгрии (Каминский 1925: 9; Суляк 2008: 14; Суляк 2009: 62–63; Нам, Наумова 2015: 130 и др.)), то процессы языкового контактирования, которые перманентно протекают на приграничных территориях государств-соседей и между представителями разных языковых групп на территории одного государства в результате реализации культурно-исторических, финансово-экономических, политических, социально-бытовых, информационно-коммуникационных связей, можно считать естественными, натуральными.

Языковое контактирование одного народа с представителями другого лингвистического сообщества опосредуется рядом экстралингвистических (внеязыковых) факторов, к которым, по мнению В.Н. Поляковой (Полякова 2001: 41–128), можно отнести: а) общественно-исторический – сведения о состоянии определенного языка в установленный исторический период; б) этнокультурный – информация о социолингвистических характеристиках анализируемого языкового общественного единства; в) рефлексивный – сведения психологического содержания, которые отражают принадлежность определенной личности к языковой группе и предопределяют набор ценностных установок, создающих эмоциональный фон коммуникационного акта.

Изучению языковых контактов русинов в диахроническом и синхроническом аспектах посвящен ряд научных работ, значительное количество которых опубликовано в международном историческом журнале «Русин». Так, например, в работе академика Н.И. Толстого

«Литературный язык Подкарпатской Руси» (Толстой 2005: 73–75) наряду с общественно-историческим фактором (религиозные предпочтения русинов и их социально-политические взаимоотношения с другими народами), оказавшим влияние на установление и закрепление правил и норм языка русинов как части их культурного наследия, анализируется воздействие культурно-языковых традиций соседних народов и диалектов данного лингвокультурного сообщества (этнокультурный фактор) на формирование русинского литературного языка (язычия). Сотрудники Пряшевского университета (Словакия) В. Ябур и А. Плишкова в обзорно-аналитической статье «Некоторые черты русинских говоров Словакии» (Ябур, Плишкова 2005: 83), раскрывая сущность этнокультурного фактора, опосредовавшего языковое контактирование русинов с другими народами, указывают на влияние западноукраинских диалектов и западнославянских языков на карпатскую группу восточнославянских (русинских) диалектов. М. Горняк в статье «Обсяжно о нукашней структури руского языка» говорит о том, что язык русинов Воеводины «формовал ше у карпатским ареалу, на просторох дзе ше дотикаю восточнославянски и заходнославянски язики, та природне же ма характеристики и єдних и других» (Горняк 2005: 157). Заостряя внимание на общественно-историческом и этнокультурном факторах языкового взаимодействия русинов с представителями других лингвокультурных сообществ, М. Горняк утверждает, что, кроме праславянских элементов, в языке бачванских русинов присутствуют церковнославянизмы, германизмы, латинизмы, а также лексика из литературного языка угорских русинов (язычия), венгерского, румынского и сербского языков.

При этом за пределами научного внимания историков, культурологов и лингвистов, занимающихся проблемами языкового контактирования русинов, довольно часто остается еще один экстралингвистический фактор – рефлексивный, данное языковое взаимодействие также опосредующий. Таким образом, вполне оправдано изучение представлений (оценок, установок, комментариев, интенций, коммуникационных актов) о языковом контактировании русинов прецедентной (исключительно важной) для данного лингвокультурного сообщества личности. Современные ученые, представители различных направлений гуманитарной науки, утверждают, что «А.В.Духнович являлся одной из центральных фигур в жизни русинов» (Тудосе 2007: 23); «Духнович это русский Пушкин, негасимая свеча» (Погодин 2006: 139); «У русинов национальным символом является незабвенный, любимый многими русинскими поколениями Александр Духнович» (Алмаший 2006: 17).

Исходя из значимости личности русинского будителя А.В. Духновича для представителей данного лингвокультурного сообщества,

остановим наше внимание на отражении в его литературных (историографических и педагогических) трудах вербально актуализированного и неактуализированного рефлексивного экстралингвистического фактора, который непосредственно и (или) опосредованно указывает на языковое контактирование русинов как со славянскими, так и с неславянскими народами. В отличие от интралингвистических проявлений языкового контактирования (например, прямых заимствований на лексическом и грамматическом уровнях), экстралингвистические (обусловленные социально) факторы, как правило, обнаруживаются в речевых отрезках с наименованиями «других» (контактных) языков и / или описанием прецедентных (исторически значимых для представителей определенного лингвокультурного сообщества) ситуаций, в рамках которых осуществлялось данное языковое взаимодействие.

Так, например, в историографической работе «Истинная исторія карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ изданна народолюбцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853» автор констатирует генетическую связь языка «угро, или карпато-россовъ» с русским языком: «Я упомянутымъ согласуясь, узнаю угро, или карпато-россовъ по части происходить изъ Россіи, ибо то ихъ языкъ, имя, законъ и обыкновенія довольно показываютъ...» (Истинная исторія 1914: 532–533). Можно предполагать, что данным утверждением А. Духнович подчеркивает свое видение решения проблемы кодификации карпаторусинского литературного языка. Профессор Ф. Аристов, анализируя историографический труд А. Духновича, высказывает мысль о том, что выбор языка изложения исторического материала автором является концептуально важным (Аристовъ 1914: 154), поскольку, как отмечал сам русинский будитель, «современники, и соотечественники о народъ семь очень мало, иностранцы же, и иноплемянные или ничего, или только что-нибудь погрѣшного во памятникахъ своихъ оставили» (Истинная исторія 1914: 528). Очевидно, что А. Духнович пытался отразить историю своего народа, во-первых, на понятном для него (народа) языке; во-вторых, на языке, который можно считать языком международного общения (международном языке), чтобы максимально увеличить читательскую аудиторию историографии «Истинная исторія карпато-россовъ...». Так, профессор Ф. Аристов утверждал: «До А.В. Духновича въ литературѣ употреблялись послѣдовательно церковнославянскій, латинскій и мадьярскій языки, и только онъ первый началъ писать по-русски: сперва на мѣстномъ нарѣчїи, а затѣмъ и на общерусскомъ языке» (Аристовъ 1929: 24).

При этом в своей историографической работе А. Духнович приводит ссылку на труд «Notitia topographica, Politica Comitatus Zempliniensis. Buda 1803», автор которого, Антоний Сирмай, говорит,

что «въ предѣлахъ сихъ, (:Коло Бодрога рѣки:) прежде пришествія угров, (:мадяровъ:) обитали сарматы, кой съ россами, роксами, роксоланами, руссами, рутенами, москалями, и козаками одного суть рода, яко то поминають древніи писатели: Берось, Ксенофонъ, Геродоть, Кромерь и иные» (Истинная исторія 1914: 533–534). Данное утверждение, в некоторых аспектах подтверждаемое и современными учеными (Седов 2006; Жих 2009; Суляк 2014), во-первых, можно рассматривать в качестве общественно-исторического фактора, опосредовавшего языковое контактирование русинов в исторической ретроспекции, во-вторых – как рефлексивный фактор, что доказывает эмоционально окрашенным комментарием А. Духновича к данной цитате: «Домашній писатель Антоній Сирмай <...> хотяй не много склонный къ русинамъ какъ мадярь, однакожь утаить правду не смѣя, такъ говорить...» (Истинная исторія 1914: 533).

Указывая на русинско-венгерское языковое контактирование, А. Духнович отражает в тексте своей работы определенную историко-культурную ситуацию, в которой данное взаимодействие двух языков происходило: «При семъ когда бы льзя правду сказать, и тѣхъ русскаго народа и племени усковъ, семейства здѣсь исчислить, которые ради временныхъ угод, и тщеславія русскаго рода отреклись, и почтенныя руская имена своя переворотили, или помадярили <...> Но Господи прости имъ...» (Истинная исторія 1914: 532–533); «...нѣкоторыя древнія, и славныя угорскія (нынѣ мадярскія:) семейства и днесъ еще руское наименованіе носятъ, хотя й и убили бы челоуѣка, если бы имъ кто сказать тую правду осмѣливался...» (Истинная исторія 1914: 540). Как видно из приведенных примеров, А. Духнович сопровождает упоминание о русинско-венгерском языковом контактировании, актуализированном в авторском тексте соответствующей прецедентной ситуацией (мадяризация русинов), эмоционально-оценочными суждениями («Но Господи прости имъ», «хотя й и убили бы челоуѣка»), характеризующими негативное отношение представителя русинского лингвокультурного сообщества к данному историко-культурному событию. В данном случае, как нам кажется, будет уместно привести еще одну цитату из труда А. Духновича, в которой отражается как сам факт русинско-венгерского языкового контактирования, так и отношение автора к нему: «...мадярскій языкъ выключая не много турецкихъ, манжурскихъ и моголскихъ, потомъ нѣмецкихъ и латинскихъ именъ, и словъ, по большей части изъ русскаго сложень <...> Правда мадяре потверждаютъ, или по крайней мѣрѣ вѣрить желаютъ, что ихъ какъ народъ, такъ и языкъ первокоренной, или со иными европейскими народами, и языками общаго ничего не имѣть, или какъ одинъ дуракъ, довести усиловался, и въ дурномъ своемъ сомнамбулисмѣ доводиль,

что Створитель міра съ первыми ііпародителями нашими въ Раѣ, по мадярски говорилъ, и что Адамъ, Ева, Каинъ, Абель и прочая имена мадярская суть, (:хотя въ мадярскомъ языкѣ никакого не имѣють знаменованія)» (Истинная исторія 1914: 540).

В контексте нашего исследования представляют интерес не собственно исторические и лингвистические выкладки А. Духновича (иногда достаточно противоречивые) о формировании и лексических заимствованиях в составе венгерского языка, а непосредственное выражение в письменной речи отношения автора труда «Истинная исторія карпато-россовъ...» к представителям иноязычного сообщества. Так, характеризуя языковой шовинизм венгров по отношению к другим народам, А. Духнович использует экспрессивно окрашенную лексику («одинъ дуракъ», «въ дурномъ своемъ сомнамбулисмѣ»). Апелляция к стилистически сниженным лексическим ресурсам позволяет автору репрезентовать аудитории (главным образом русскоязычной) свое эмоциональное состояние (негодование, недовольство, раздражение), высказать негативное отношение к иноязычному речевому субъекту, противопоставить себя (как представителя определенного лингвокультурного сообщества) и носителя другого (чужого, чуждого) языка. Поскольку личность А. Духновича является прецедентной для русинов, то можно предполагать, что подобная авторская рефлексия, выраженная в отрицательных ценностных установках и реализованная в соответствующих высказываниях, будет опосредовать негативный эмоциональный фон восприятия информации о русинско-венгерском языковом контактировании как со стороны русинов, так и со стороны венгров.

Рассуждая о происхождении некоторых онимов (названий населенных пунктов и личных имен), бытовавших на территории проживания предков русинов, А. Духнович констатирует их принадлежность к славянскому языковому субстрату: «Россіяне какъ не новѣйшіе угровъ въ семь краѣ, такъ окружными ихъ сподвижниками бывъ, равнымъ съ ними правомъ или новыя получили, или древнія владѣнія своя содержали; по чему то множество удѣловъ, или столицъ, городовъ, мѣстъ, и деревнь отъ россіянъ какъ начало, такъ и имена своя получило...» (Истинная исторія 1914: 532); «Что больше, русскихъ именъ, найпаче отъ способностей, и свойствъ тѣла, таже званія и достоинствъ, происходящихъ, даже между древними мадярскими вождями слѣды находятъся, ибо имена первоначальныхъ угорскихъ воеводъ на мадярскомъ языкѣ по большей части ничего, на русскомъ же способности тѣла, или свойства званію ихъ сходная знаменуютъ...» (Истинная исторія 1914: 538). Примечательно, что при упоминании данных фактов языкового контактирования русинов отсутству-



ют какие-либо авторские негативные оценки, что эмоционально контрастирует с приведенными выше примерами. В этом случае можно говорить не только о констатации языковой реалии, но и о ее индивидуальной оценке говорящим (А. Духновичем) – нейтральной либо положительной, поскольку описанная ситуация иллюстрирует процессы заимствования венграми лексических единиц из языков славянской группы, а не наоборот.

В параграфе «О имени русиновъ» (Истинная история 1914: 536–541) А. Духнович приводит информацию как о самоназвании «угро, или карпато-россовъ», так и об их наименовании другими народами. Так, по мнению автора, «означенія русскаго, и російскаго имени <...> къ угро-россамъ относится», «Славяне паки, и угро, или карпато-россы сами себя именуютъ: русинами, русаками, и руснаками...». Помимо упомянутых названий «угророссианъ» А. Духнович приводит в своем труде некоторые их «помѣстныя имена»: «...лишакъ, лемакъ, цопакъ <...> Именуются еще они верховинцами <...> и подгорцами; дале бережанцами <...> Послѣ: бляшаниками, льопаками, смоляниками, гуцулами, бойками, свѣчкарями, и грабляниками». Данное перечисление сопровождается своеобразной этимологической справкой: «По тому, что первые на подобіе щитовъ чресла, тайстры, или побочные изъ шеи на ремени висящие карманы, и шапки бляхою украшаютъ». При этом происхождение имени собственного «гуцуль» А. Духнович связывает с экстралингвистическим фактором языкового контактирования русинов с другими народами: «...четвертые отъ гицля, и бивака подобнаго катѣ, или отъ волоскаго “гоцуль” по тому, что они по молдавской, сѣдьмоградской, буковинской, галицкой и угорской границамъ живущіе изъ древле вѣроятно на сосѣдовъ своихъ нападали, и любили разбивать, и грабить...». В данном фрагменте также можно наблюдать наличие индивидуально-авторских отрицательных оценочных суждений А. Духновича по отношению к фактам языкового контактирования русинов – имеется в виду прослеживание автором этимологии этнонима «гуцул» от валашского наименования воинственных соседей.

Приводя в своей историографической работе наименования русинов, которые используют представители других народов, А. Духнович, как и при оценке факта русинско-венгерского языкового контактирования, сопровождает их авторскими комментариями, однако в данном случае без использования эмоционально окрашенной (стилистически сниженной) лексики: «Нѣмецкіе паки писатели, и дипломатики именуютъ ихъ руссами, и рутенами, и презрительно русняками, rusniaken. Угры же, (:мадяре:) какъ и иные по Кавказкимъ горамъ живущіе татарскіе, и могольскіе народы, и даже самые куманцы россианъ какъ пре-

жде, такъ и днесъ именуютъ оросами, оруссами, уруссами <...> Такжеже угорское уорсь, или урошь, урачь, угасъ знаменуєть господина, или молодого пана, панича; изъ чего слѣдствуетъ, что имя орось не такъ презрительно, какъ нѣкоторые латинско-угорскіе писатели мыслить»; «нѣкоторые иноплеменники любятъ ихъ презрительно, и посмѣшно русняками прозывать» (Истинная исторія 1914: 536–537). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что автор труда «Истинная исторія карпато-россовъ...» русинский будитель А. Духнович через констатацию фактов «презрительного» наименования своих предков представителями других народов демонстрирует нейтрально-снисходительное отношение к подобному проявлению речевой агрессии, не отвечает на нее, противопоставляя ей исторические сведения о происхождении соответствующего этнонима.

В педагогических трудах А. Духновича также отмечается наличие фактов языкового контактирования русинов с другими народами. Однако рефлексивный фактор данного языкового взаимодействия реализуется в этих работах без вербализации авторских эмоциональных оценок. Так, например, в труде «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» А. Духнович объясняет правила произношения безударного [o], ссылаясь на артикуляцию краткого [a] в венгерском языке: «Буква О ежели не имѣетъ ударенія и стоитъ передъ слогомъ ударяемымъ, произносится какъ венгерское краткое а» (Сокращенная грамматика 1853: 5). На сопоставлении двух языков автор строит и следующие орфоэпические правила: «Буква Ъ звучитъ въ карпато-рускомъ языке какъ ji <...> по письменному рускому языку же произносится какъ ie» (Сокращенная грамматика 1853: 6); «Тѣмъ которые славяцкій языкъ знаютъ, совѣтую, чтобъ они въ одинакихъ коренныхъ словахъ употребляли букву Ъ гдѣ словяки употребляютъ въ тѣхъ же словахъ букву е...» (Сокращенная грамматика 1853: 7). Очевидно, что подобные апелляции к другим языкам вызваны авторской интенцией упростить восприятие предлагаемой информации читателями, находящимися в ситуации многоязычного взаимодействия, которое было опосредовано экстралингвистической ситуацией на территории проживания русинов на протяжении достаточно продолжительного времени.

Отметим, что использование А. Духновичем описанного приема, с точки зрения современной дидактики (Koudrjavitseva, Salimova, Snigireva 2015: 124–132), является приемлемым, поскольку позволяет реализовать этнометодическую, этнолингвистическую (точнее, этнолингвокультурную) компетенции педагога. Таким образом, в данном случае автор труда «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» демонстрирует глубокое понимание особенностей процес-

са изучения неродного и второго родного языка в многоязычной (мультикультурной) среде, одной из которых является ценностная невербализированная установка на создание положительного эмоционального фона образовательного акта за счет апелляции к знакомым и понятным ученикам, уже усвоенным на другом языке реалиям.

Так, например, в работе «Сокращенная грамматика письменного русского языка» А. Духнович в виде сносок или отдельного примечания акцентирует внимание читателя на определенных особенностях русского языка в сопоставлении с другими славянскими: «Карпатские русины часто погрѣшаютъ противъ буквы Ъ потому что она у нихъ звучитъ какъ И, а не какъ у сербовъ, или россиянь на іе, поэтому въ коренныхъ именахъ и словахъ вмѣсто Ъ пишутъ И. Правильному употребленію сей буквы они только чрезъ долгое упражненіе могутъ обучиться» (Сокращенная грамматика 1853: 7); «Неокончателное наклоненіе такъ въ церковно-славянскомъ, какъ и обыкновенно въ карпато-русскомъ языкахъ кончится на ти, однако не лзя сказать, чтобъ это окончанше было общее славянское, потому что окончаніе ть употребляется не токмо въ письменномъ рускомъ языкѣ, но и въ славяцкомъ языкѣ, далѣе въ Венгріи находятся тоже рускія поселенія особенно въ Унгварскомъ комитатѣ какъ то Гливищи, Рыбница и Реметы...» (Сокращенная грамматика 1853: 29). Как видно из приведенных примеров, в данных текстовых фрагментах отражаются как этнокультурный (информация о социолингвистических характеристиках анализируемого языкового общественного единства), так и рефлексивный (отражение ценностных педагогических установок А. Духновича) факторы, опосредующие языковое контактирование русинов.

Отражение рефлексивного фактора языкового контактирования русинов с другими народами находим также в педагогическом труде А. Духновича «Книжица читалная для начинающихъ» (Книжица 1847; Книжица 1850). Интересно, что в данном случае выявление ценностных установок автора издания как представителя определенного лингвокультурного сообщества по отношению к другим (отличным от его родного) языкам возможно при сопоставлении содержания первого и второго изданий «Книжицы». Так, в издание 1847 г. А. Духнович наряду с кириллической азбукой – «Изображеніе древныхъ, и новыхъ писменъ славенскихъ, печатныхъ, и рукописныхъ. Буквы» (Книжица 1847: 3–8) включает латинский (венгерский) алфавит – «Писмень оугорския печатныя, и рукописныя. Буквы» (Книжица 1847: 9–12). В издании же «Книжицы» 1850 г. приводятся только кириллические «Азь бука церковна малая», «Азь бука церковна великая», «Азь бука письмена» (Книжица 1850: 9–12). Однако в конце «Книжицы» 1850 г.

дается сравнительная таблица «Сравненіе буквѣ въ четырехъ языкахъ. Русскія. Готтицко-словенскія. Нѣмецкія. Римскія» (Книжица 1850: 107–112). Подобный элемент в издании 1847 г. отсутствует.

Следует отметить, что в издании «Книжицы» 1847 г. А. Духнович приводит сопоставление слогов на двух языках: «Писмена славенская» и «Писмена оугорская» (Книжица 1847: 13–16), подобным же образом в книгу включается двуязычное «Оупражненіе въ чтеніи» (Книжица 1847: 16–20). Обращает на себя внимание, что в издании «Книжицы» 1850 г. автор вводит только кириллические слоговые сочетания букв: «Слози отъ согласныхъ», «Слози отъ самогласныхъ», «Двоеслози согласныхъ», «Двоеслози самогласныхъ» (Книжица 1850: 5–12), однако в конце этого издания приводятся небольшого объема тексты для чтения: «Упражненіе въ словянскомъ чтеніи» (Книжица 1850: 113–114), «Упражненіе въ нѣмецкомъ чтеніи» (Книжица 1850: 115–116), «Упражненіе въ мадярскомъ чтеніи» (Книжица 1850: 117–118).

Можно утверждать, что коррективы, внесенные А. Духновичем в издание «Книжицы» 1850 г., были опосредованы историческими событиями, произошедшими на обширной территории проживания русинов. К совокупности экстралингвистических факторов, повлиявших на А. Духновича при переиздании «Книжицы», можно, вероятно, отнести следующие: мадярскую революцию 15 марта 1848 г., ввод осенью 1949 г. армии генерала И. Паскевича на подкарпаторусинские этнические территории, «рішення офіційного Відня закласти (за націоналнов ознаков) єден русинський адміністративний край – так называний Руський дістрікт» (Падык 2015: 9), а также его ликвидацию в марте 1850 г. При этом отметим, что перечисленные факторы следует рассматривать в т. ч. с точки зрения ценностных (рефлексивных) установок автора «Книжицы» по отношению к используемым в издании языкам, отличным от его родного: расширения объема авторского текста на русском языке, изъятия венгерского алфавита и соответствующих слоговых таблиц в начале издания, включения азбук и текстов для чтения на немецком, словацком и венгерском языках только в качестве приложения к основному тексту.

Таким образом, в историографических и педагогических трудах А. Духновича факты языкового контактирования русинов актуализируются через индивидуально-авторскую рефлекссию. На вербальном уровне отношение прецедентного для русинов автора к контактам родного и неродного языков проявляется в виде комментариев. Так, упоминания в работах А. Духновича русинско-венгерского языкового взаимодействия зачастую имеют ярко выраженную негативную эмоционально-оценочную окраску, автор при этом использует стилистически сниженную лексику («одинь дуракъ», «въ дурномъ своемъ

сомнамбулизмъ»). При упоминании языковых контактов русинов с другими славянскими и неславянскими народами комментарии А. Духновича носят констатирующий характер («Славяне паки, и угро, или карпато-россы сами себя именуютъ: русинами, русаками, и руснаками...»), а также имеют сентенциозную специфику («Карпатскіе русины часто погрѣшаютъ противъ буквы Ъ потому что она у нихъ звучитъ какъ И, а не какъ у сербовъ, или россіянъ на іе, поэтому въ коренныхъ именахъ и словахъ вмѣсто Ъ пишутъ И. Правильному употребленію сей буквы они только чрезъ долгое упражненіе могутъ обучиться»); иногда они сопровождаются оценочными суждениями автора, как, например, в случае с русинско-немецким языковым контактированием («Нѣмецкіе паки писатели, и дипломатики именуютъ ихъ руссами, и рутенами, и презрительно русняками»). К проявлениям невербализированных авторских рефлексий по отношению к языковому контактированию русинов с представителями других лингвокультурных сообществ, как показал анализ педагогических трудов А. Духновича, можно отнести авторскую корректировку издания «Книжица читалная для начинающихъ» (1850), проведенную за счет изъятия из текста первого издания (1847) венгерского алфавита и соответствующих упражнений по слогащению, а также введения в структуру книги приложения с текстами на немецком, словацком и венгерском языках.

Поскольку личность А. Духновича является прецедентной (сверхзначимой) для представителей русинского лингвокультурного сообщества, можно с достаточно высокой долей вероятности предполагать, что приведенные факты вербализированных и невербализированных авторских рефлексий при их рецепции читателями предопределяли (и, вероятно, продолжают определять) набор негативных и позитивных ценностных установок русинов по отношению к другим народам и языкам в национальной картине мира.

## ЛИТЕРАТУРА

Алмаший 2006 – *Алмаший М.* Национальное кредо А. Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // Русин. 2006. № 1 (3). С. 17–19.

Аристовъ 1914 – *Аристовъ Ѳ. Ѳ.* «Истинная исторія карпато-россовъ» А. В. Духновича. Значеніе А. В. Духновича какъ угро-русскаго историка // Русскій архивъ. 1914. № 5. С. 144–155.

Аристовъ 1929 – *Аристовъ Ѳ. Ѳ.* Карпато-русскіе писатели. Александръ Васильевичъ Духновичъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1929. 26 с.

Горняк 2005 – *Горняк М.* Объясно о нукашней структури руского языка // Русин. 2005. № 1 (1). С. 155–159.

- Жих 2009 – *Жих М.* К проблеме ранней истории славян Прикарпатского региона (середина – вторая половина I тыс. н.э.) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 25–44.
- Каминский 1925 – *Каминский І.* Національное самосознание нашего народа. В память А. Духновича. Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1925. 20 с.
- Книжица 1847 – Книжица читальная для начинающих. Будинь Градь: Всеучилища Пештанского, 1847. 115 с.
- Книжица 1850 – Книжица читальная для начинающих. Будинь: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.
- Истинная история 1914 – Истинная история карпато-россов или угорских русинов изданна народолюбцем, Александром Духновичем. 1853. Сообщ. Ю.Ю. Аристов // Русский архив. 1914. № 4. С. 528–559.
- Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10
- Падык 2015 – *Падык В.* История карпаторусинской литературы и культуры: драматургия и национальный театр на Подкарпатской Руси (1848–1989). Пряшів: Пряшівський університет у Пряшеві – Інститут русинського языка и культуры, 2015. 183 с.
- Погодин 2006 – *Погодин Б.* Русины как призвание // Русин. 2006. № 1 (3). С. 137–142.
- Полякова 2001 – *Полякова В.Н.* Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности: дис.... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 225 с.
- Сачанка 1991 – *Сачанка Б.* Беларуская эміграцыя. Мінск: Голас Радзімы, 1991. 112 с.
- Седов 2006 – *Седов В.* Этногенез ранних славян // Русин. 2006. № 1 (3). С. 175–193.
- Сокращенная грамматика 1853 – Сокращенная грамматика письменного русского языка, изданная Александром Духновичем. Буда: Типография Мартина Баго, 1853. 51 с.
- Суляк 2008 – *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
- Суляк 2009 – *Суляк С.* Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61–70.
- Суляк 2014 – *Суляк С.* Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия // Русин. 2014. № 4 (38). С. 152–176. DOI: 10.17223/18572685/38/12
- Толстой 2005 – *Толстой Н.* Литературный язык Подкарпатской Руси // Русин. 2005. № 1 (1). С. 73–75.
- Тудосе 2007 – *Тудосе В.* Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.

Ябур, Плишкова 2005 – Ябур В., Плишкова А. Некоторые черты русинских говоров Словакии // Русин. 2005. № 1 (1). С. 76–84.

Koudrjajtseva, Salimova, Snigireva 2015 – Koudrjajtseva E., Salimova D., Snigireva L. Russian as Native, Non-native, one of Natives and Foreign Languages. Questions of Terminology and Measurement of Levels of Proficiency // Asian Social Science. 2015. № 14. P. 124–132. DOI: 10.5539/ass.v11n14p124

## REFERENCES

Almashiy, M. (2006) Natsionalnoe kredo A. Dukhnovicha: “Ya rusin byl, esm i budu” [A. Dukhnovich's national credo: “I was, am and will be Rusin”]. *Rusin*. 1 (3). pp. 17–19.

Aristov, F.F. (1914) “Istinnaya istoriya karpato-rossov” A.V. Dukhnovicha. Znachenie A.V. Dukhnovicha kak ugro-russkago istorika [“The true history of Carpatho-Ross” by A.V. Dukhnovich. Significance of A.V. Dukhnovich as a Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 5. pp. 144–155.

Aristov, F.F. (1929) Karpato-russkie pisateli. Aleksandr Vasilievich Dukhnovich [Carpatho-Russian writers. Alexander Vasilievich Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Gornyak, M. (2005) Obsyazhno o nukashney strukturi ruskogo yazika [About the structure of the Russian language]. *Rusin*. 1 (1). pp. 155–159.

Zhikh, M. (2009) K probleme ranney istorii slavyan Prikarpat'skogo regiona (seredina – vtoraya polovina I tys. n. e.) [On the early history of the Carpathian Slavs (the middle – the second half of the first millennium of the Common Era)]. *Rusin*. 1 (15). pp. 25–44.

Kaminsky, I. (1925) Natsional'noe samosoznanie nashego naroda. V” pamyat’ A. Dukhnovicha [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1847) *Knizhitsu chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

Dukhnovich, A. (1850) *Knizhitsu chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoy Knigopechatny.

Anon. (1914) Istinnaya istoriya karpato-rossov” ili ugorskikh” rusinov” izdanna narodolyubtsem”, Aleksandrom” Dukhnovichem”. 1853. Soobshch. F.F. Aristov [“The True History of the Carpatho-Ross or the Ugric Rusin” published by the people-lover Alexander Dukhnovich. 1853. Reported by F.F. Aristov]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10/

Padyak, V. (2015) Istoriya karpatorusins'koy literatury i kultury: dramaturgiya i natsionalnyy teater na Pidkarpats'kiy Rusi (1848–1989) [The history of



Carpatho-Russian literature and culture: drama and national theater in Subcarpathian Rus' (1848–1989)]. Prešov: Prešov University.

Pogodin, B. (2006) Rusiny kak prizvanie [Rusins as a mission]. *Rusin*. 1 (3). pp. 137–142.

Polyakova, V.N. (2001) *Ekstralingvisticheskie i intralingvisticheskie faktory formirovaniya russkoy yazykovoy lichnosti* [Extralinguistic and intralinguistic factors of the Russian language personality formation]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

Sachanka, B. (1991) *Belaruskaya emigratsyya* [Belarusian emigration]. Minsk: Golas Radzimy.

Sedov, V. (2006) Etnogenez rannikh slavyan [Ethnogenesis of the early Slavs]. *Rusin*. 1 (3). pp. 175–193.

Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Abridged Grammar of the Written Russian Language]. Buda: Martin Bago.

Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

Sulyak, S. (2009) Rusiny: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Rusins: past, present, future]. *Rusin*. 3 (17). pp. 61–70.

Sulyak, S. (2014) The ancestors of the Rusins and the nomadic tribes: ethnocultural interactions. *Rusin*. 4 (38). pp. 152–176 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/12

Tolstoy, N. (2005) Literaturnyy yazyk Podkarpatskoy Rusi [Literary language of Subcarpathian Rus']. *Rusin*. 1 (1). pp. 73–75.

Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1 (7). pp. 17–32.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2005) Nekotorye cherty rusinskikh govorov Slovakii [Some features of the Rusin dialects of Slovakia]. *Rusin*. 1 (1). pp. 76–84.

Koudrjajtseva, E., Salimova, D. & Snigireva, L. (2015) Russian as Native, Non-native, one of Natives and Foreign Languages. Questions of Terminology and Measurement of Levels of Proficiency. *Asian Social Science*. 14. pp. 124–132. DOI: 10.5539/ass.v11n14p124

**Зеленко Сергей Викторович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

**Sergey V. Zelenko** – Belarusian State University (Belarus).

**E-mail:** siarhejzelianko@gmail.com



УДК 908+929

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/6

## ІСТОРІЯ РУСИНІВ В ТВОРЧІЙ СПАДЩИНІ ВОЛОДИМИРА ВЕРНАДСЬКОГО

**Р.О. Додонов<sup>1</sup>, О.С. Александрова<sup>2</sup>, В.І. Додонova<sup>3</sup>**

Київський університет ім. Б. Грінченка  
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б

<sup>1</sup>E-mail: r.dodonov@kubg.edu.ua

<sup>2</sup>E-mail: o.aleksandrova@kubg.edu.ua

<sup>3</sup>E-mail: v.dodonova@kubg.edu.ua

### Авторське резюме

Стаття розкриває специфіку підходу академіка Володимира Вернадського до проблеми збереження культури русинів. На підставі аналізу текстів В.І. Вернадського «Угорська Русь з 1848 р.», «Нотатки, виписки і бібліографія про Угорську Русь та угорорусів», «Щоденників» академіка виявляються обставини його звернення до даної теми, яка виходить за межі його професійних інтересів. Вернадський постає як послідовний захисник інтересів малих етносів, протестуючи проти асиміляції закарпатських русинів з боку Австро-Угорщини. Досліджувати історію русинів він почав ще у молодому віці, але інтерес до неї не згасав у нього протягом всього життя. Як симпатик ідеї панславізму Вернадський вважає найкращим варіантом приєднання русинів до Росії. Водночас, використання джерел московфільського напрямку призводить до появи в текстах Вернадського внутрішніх протиріч щодо використання топонімів, етнонімів, ступеня отождолення русинів з росіянами (великоросами), спільності русинської та російської мов тощо. За вказаними протиріччями криється політична позиція науковця, схильного до етносоціального конструкціонізму. Він особисто підтримує московфільський дискурс русинської проблеми, стимулює до цього інших, намагаючись, вочевидь, привернути увагу російського суспільства до проблем, як він вважав, «форпосту руського племені» в Європі.

**Ключові слова:** русини, Україна, Росія, академік В.І. Вернадський.

## ИСТОРИЯ РУСИНОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ВЛАДИМИРА ВЕРНАДСКОГО

**Р.А. Додонов<sup>1</sup>, Е.С. Александрова<sup>2</sup>, В.И. Додонova<sup>3</sup>**

Киевский университет им. Б. Гринченко  
Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б

<sup>1</sup>E-mail: r.dodonov@kubg.edu.ua

<sup>2</sup>E-mail: o.aleksandrova@kubg.edu.ua

<sup>3</sup>E-mail: v.dodonova@kubg.edu.ua

### **Авторское резюме**

Статья раскрывает специфику подхода академика Владимира Вернадского к проблеме сохранения культуры русинов. На основе анализа текстов В.И. Вернадского «Угорская Русь с 1848 г.», «Заметки, выписки и библиография об Угорской Руси и угрорусах», «Дневников» академика выясняются обстоятельства его обращения к данной теме, которая выходит за пределы его профессиональных интересов. Вернадский выступает как последовательный защитник интересов малых этносов, протестуя против ассимиляции закарпатских русинов со стороны Австро-Венгрии. Изучать историю русинов он начал еще в молодости, но интерес к ней не угасал у него и в зрелом возрасте. Симпатизируя идее панславизма, Вернадский считает лучшим вариантом присоединение русинов к России. В то же время использование источников москвофильского направления привело к появлению в текстах Вернадского внутренних противоречий относительно употребления топонимов, этнонимов, степени отождествления русинов с русскими (великороссами), общности русинского и русского языков и т. п. За указанными противоречиями кроется политическая позиция ученого, склонного к этносоциальному конструкционизму. Он лично поддерживает москвофильский дискурс русинской проблемы, стимулирует к этому других, пытаясь, очевидно, привлечь внимание российского общества к проблемам, как он считал, «форпоста русского племени» в Европе.

**Ключевые слова:** русины, Украина, Россия, академик В.И. Вернадский.

## RUSIN HISTORY IN THE CREATIVE LEGACY OF VLADIMIR VERNADSKY

R. Dodonov<sup>1</sup>, O. Aleksandrova<sup>2</sup>, V. Dodonova<sup>3</sup>

Borys Grinchenko Kyiv University  
13-B Tymoshenko Street, Kiev, 04212, Ukraine

<sup>1</sup>E-mail: r.dodonov@kubg.edu.ua

<sup>2</sup>E-mail: o.aleksandrova@kubg.edu.ua

<sup>3</sup>E-mail: v.dodonova@kubg.edu.ua

### Abstract

The article focuses on the specificity of Academician Vladimir Vernadsky's approach to the problem of preserving the Rusin culture. The author analyses "Ugric Rus' since 1848", "Notes, extracts and bibliography of Ugric Rus' and Urgic Rusins", and "Diaries" to investigate the circumstances of Verndasky's addressing the topic beyond his professional interests. Vernadsky acts as a consistent defender of small ethnic groups, protesting against the assimilation of Transcarpathian Rusins with Austria-Hungary. When young, he began to study the history of the Rusins and carried this interest throughout his life. Advocating Pan-Slavism, Vernadsky the accession of Rusins to Russia to be the best option. However, the use of tendentious Moscophile sources resulted in internal contradictions in his texts, particularly in terms of toponyms, ethnonyms, the degree of identification of Rusins with Russians (Great Russians), the similarity of Rusin and Russian languages etc. These contradictions implied a certain political position of a scientist who is inclined to ethnosocial constructionism. He supported the Moscophile discourse of the Rusinian problem, encouraged others to do so, obviously trying to draw attention of the Russian society to the problems of the "outpost of the Russian tribe" in Europe.

**Keywords:** Rusins, Ukraine, Russia, Academician V. Vernadsky.

**Актуальність проблеми.** Одним з дискусійних питань етнічної історії, яке поки що не знайшло свого остаточного вирішення, є питання про етногенез русинів та визначення місця даного народу в структурі етносфери (Алимов 2017). Суміш дивергентних і конвергентних процесів в етнічній історії русинів призвели до сучасних проблем з самоідентифікацією, коли русини ототожнюють себе з титульною нацією країни, в якій вони проживають, – України, Словакії, Польщі, Сербії тощо. Як зазначає професор Торонтського університету

Павло Маґочий, «у межах однієї етнолінгвістичної групи, одного села, а іноді навіть одної сім'ї були люди, які називали себе по-різному: русинами, лемками, українцями, словаками та поляками. Більше того, східнослов'янські назви – русин / руснак, лемко, українець – дехто вважає синонімами, а інші переконані, що ці терміни взаємно виключаються. Іншими словами, дехто вважає, що русини – це просто стара історична назва українців і що лемко – це регіональна назва українців; інші переконані, що імена лемко чи руснак є регіональними формами для русинів – народу, який є відмінним від українців та інших сусідніх національностей» (Маґочий 1995).

Невирішеним остаточно залишається й питання про походження русинів, відповідь на яке тягнє або до міграціонізму, або до автохтонізму (Маґочій 1994; Волощук 2014; Алімов 2017). Існують різні інтерпретації взаємин русинів з Київською Руссю, Московією та Російською імперією. Спектр позицій дослідників варіює від проголошення русинів субетносом українців до закликів визнати їх повноцінним четвертим (поряд з росіянами, білорусами, українцями) східнослов'янським народом (Mozgawa 2019). Такі ускладнення породжують сьогодні чимало спекуляцій навколо конкретної етнографічної проблеми.

Дискусії навколо русинів актуалізують звернення до наукових доробків видатних вчених, які досліджували цю проблему в минулому. Одним з безперечних авторитетів у світовому науковому товаристві є Володимир Іванович Вернадський, у творчий спадщині якого знайшлось історичне дослідження, присвячене взаєминам русинів та угорців у середині XIX ст. Йдеться про статтю «Угорська Русь з 1848 р.» та допоміжні матеріали до неї, які лише декілька років тому стали доступними широкому загалу. Цей доробок знайшов Олег Мазурок у фонді 518 архіву Російської академії наук в Москві. Стаття була опублікована в журналі «Карпатська Україна» (Мазурок 1996), потім вона разом з іншими матеріалами увійшла до збірки «Володимир Вернадський про Угорську Русь» (Мазурок 2003), нарешті всі ці документи були оприлюднені у двотомнику «Вибраних праць» вченого, підготовленого Комісією з наукової спадщини академіка В.І. Вернадського НАН України разом з Національною бібліотекою України ім. В.І. Вернадського та Інститутом історії НАН України (Вернадський 2011a; Вернадський 2011b).

Отже, **метою** нашої розвідки є аналіз методологічної специфіки підходу В.І. Вернадського до проблеми русинів та з'ясування обставин звернення його до даної теми.

**Виклад основного матеріалу.** Інтерес академіка Вернадського до історії русинів може здивувати нефахівця, адже цей науковець відо-

мий, насамперед, як природознавець – засновник біогеохімії, радіо-геології, кристалографії тощо. Чим була обумовлена зацікавленість Володимира Івановича такою вузькою темою, яка до того ж лежить далеко від основного предмету його досліджень? Якими обставинами можна пояснити написання згаданої роботи?

Одразу зазначимо, що історія людства не є зовсім чужою для Вернадського. Творча спадщина цього вченого-енциклопедиста настільки багатогранна і багатоаспектна, що не буде перебільшенням стверджувати, що представник будь-якої галузі наукового знання може знайти в його працях ідеї, що і сьогодні не втратили своєї актуальності. Принаймні вони заслуговують на увагу та детальний розгляд.

Захоплення історією було у Володимира Вернадського стійким і глибоким. Пристрастю до історичних студій було просякнуте все життя вченого. Як зазначає Геннадій Аксьонов, «істориком і гуманітарієм у самому широкому сенсі був... Вернадський, тим більше, що він не жив однією наукою. Його діяльність заткана у нашу вітчизняну історію» (Аксенов 2010: 6). Ще в харківський період свого життя юний Вернадський серед перших книг здолав «Історію Російську» Татищева, не дивлячись на архаїчну мову цього твору. «Абсолютно захоплювали книги про подорожі і відкриття. Так дві області: історія і природа – час і простір – назавжди залишались головними і викликають трохи пізніше колювання: чи поступати на історичний або на природничий факультет?» (Аксенов 2010: 15).

«Більш за все, – писав Вернадський у листі до дружини Наталії Єгорівні 3 січня 1889 р., – мене захоплюють, з одного боку, питання історичного життя людства та, з іншого – філософські аспекти математичних наук. І я не пішов ані по тій, ані по тій галузі. Не пішов по історичній, тому що бажав раніше отримати підготовку природничо-історичну і потім перейти на історію, не пішов по математичній, тому що не вірив і не вірю у свої математичні здібності» (Сытник и др. 1984: 117–118). Можливо, саме ці міркування обумовили вибір на користь природничого факультету Санкт-Петербурзького університету, сприяли появі Натураліста, але позбавивши нас Історика. Хоч тут доречно буде згадати, що Володимир Іванович незабаром виправив цю несправедливість, подарувавши світові свого сина Георгія Володимировича, майбутнього професора Єльського університету (США), автора чисельних робіт з історії Росії.

Водночас, Володимир Іванович і сам залишив слід в історичній науці. З молодих років він збирав матеріали з історії Східної Європи. В своїх щоденниках він зізнається, що у нього «пробуджується інтерес до слов'янства». Під час навчання в харківській гімназії (1873–1876 рр.) він збирає вирізки з газет, робить виписки з журна-

лів і систематизує матеріал в окремі папки із назвами: «Нотатки про взаємні стосунки слов'ян між собою та іншими націями», «Боротьба слов'ян за існування». У подальші роки ці папки поповнювалися новими матеріалами. Сьогодні всі вони зберігаються в архіві Російської академії наук (Ф. 518. Оп. 4. Спр. 219).

У листі до дружини від 1 серпня 1888 р. Володимир Іванович згадує: «Справжній переворот зробило в мені захоплення історією – війна сербів з турками та ін., у всі гімназичні роки після 1876 року я нічому не навчився, якщо не враховувати величезної, зараз значною частиною забутої кількості історичних фактів і деяких поглядів та ідей, ретельно, але по-окремості продуманих» (Сытник и др. 1984: 105).

У батька майбутнього академіка професора економіки Івана Васильовича Вернадського була величезна бібліотека, у т. ч. історичної літератури. (Видавав Іван Васильович і свій журнал. У 1881 р. він опублікував у цьому виданні зроблений сином переклад статті англійського історика про стан кооперації в Англії. Ця публікація стала офіційним приводом для цензури заборонити вихід журналу.) Володимир Іванович згадував у своєму щоденнику (Вернадский 1994: 190), що батько оформив підписку на московільські часописи «Світ» і «Слово», в яких, поміж іншим, йшлося про господарське і культурне життя закарпатських русинів. Саме читання цих журналів і сформувало інтерес сімнадцятирічного Вернадського до історії цього народу.

Безпосереднім поштовхом до початку наукової роботи та збору інформації про стан русинів Закарпаття стало обурення етнокультурною дискримінацією та утисками національних меншин з боку угорської влади, описаних в анонімній статті «Голос из Угорской Руси» (журнал «Русская мысль». 1880. № 3). Володимира Вернадського глибоко схвилювало звернення русинів до російської громадськості з проханням дозволити їм переселитися на територію Російської імперії – у Крим, європейську частину, навіть Сибір.

«Это будто вопль отчаяния, – пише він, – последний возглас человека, оскорбляемого в своем национальном чувстве и решительно отчаявшегося в возможности спасти свой народ и уверившегося в его неминуемой и близкой гибели. Это один из крайних, решительных отзывов о гибели Угорской Руси. Возгласов, постоянно возраставших в последнее время... Это прямое воззвание, мольба к русскому правительству и обществу. И на эту мольбу не обратили внимания, она прошла незамеченной в печати, которую автор "Голоса" просит о поддержке, и, понятно, не обратили на нее внимание и в высших сферах» (Вернадский 1996: 187).

Намагаючись зробити хоч щось у відповідь на це звернення, молодий дослідник починає писати статтю про участь русинів у подіях

«Весни народів» 1848 р. та після неї. Протягом п'яти років – з 1880 по 1885-й – Володимир Іванович збирає і аналізує інформацію, яка згодом складе ядро роботи під назвою «Угорская Русь с 1848 г.». Але доробок цей з невідомих причин не був тоді завершений та, відповідно, опублікований.

Під час навчання у Санкт-Петербурзькому університеті Вернадський відвідує лекції з історії, філософії, політичної економії. «Він інстинктивно прагне всеохопленості, але побоюється поверховості» (Аксенов 2010: 23). Методологічні особливості історичних студій В.І. Вернадського були вже описані нами у статті «Вернадський-історик» (Додонов 2008), тут лише зазначимо, що «непомітна історична робота» ні на мить не припинялась у думках вченого протягом всього його життя. Час від часу Володимир Іванович згадував про свої папки з матеріалами про історію слов'ян взагалі та історію русинів зокрема.

У 1889 р. він працює над рукописом «Заметки, выписки и библиография об Угорской Руси и угроруссах» (Вернадский 2011а). Ця підготовча робота є лише чернеткою для майбутньої публікації і не може бути розглянута в якості повноцінної самостійної праці. Тим не менш Володимир Іванович у названих нотатках аналізує духовне і культурне життя закарпатських русинів, розвиток національної школи, згадує про Товариство св. Василя Великого, видання книг рідною мовою. Він знайомиться зі спадщиною Анатолія Кралицького, етнографа, фольклориста, письменника та перекладача, який чимало зробив для збереження русинської культури. Окрему увагу В.І. Вернадський приділяє порівняльному аналізу русинських приказок і прислів'їв. «Володимир Вернадський робить огляд 56 прислів'їв, опублікованих Миколою Надеждіним, Іваном Срезневським, Олександром Дешком, які побутують у місцевого населення: русинів-українців, мадярів, євреїв, волохів тощо, наводить паралелі прислів'їв, наприклад, угроруських і українських, і приходять до думки, що їхня схожість – це результат впливу на усну народнотворчість однакових соціально-економічних умов, в яких вони створювалися; піддає критичному аналізу роботу українського етнографа і фольклориста Павла Чубинського "Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край", снаряженной Русским географическим обществом (СПб., 1872–1879)» (Мазурок и др. 2003).

Спілкуючись з представниками української наукової інтелігенції, академік Вернадський відчуває особливе ставлення до закарпатських русинів. Він обговорює цю проблему з М.П. Драгомановим, який вважав за святий обов'язок захищати русинську культуру від асиміляції. Довгу бесіду на цю тему мав В.І. Вернадський з М.С. Грушевським під час зустрічі в Москві. Обидва співрозмовники майже не мали надії, що вдасться зберегти самобутній етнос.

Крім того, академік Вернадський підтримував дружні зв'язки із Володимиром Еммануїловичем Грабарем – правником-міжнародником, уродженцем Закарпаття. Він був онуком А.І. Добрянського, діячем москвофільського руху, сім'я якого була вимушена переселитися до Росії через переслідування з боку угорської влади.

На початку ХХ ст. в інтелектуальному середовищі Австро-Угорської та Російської імперій значно активізувалися студії, які з позицій сучасності можна було б назвати конструкціоністськими. Спираючись на колишні дискусії між москвофілами та народовцями, обидві сторони намагалися дискурсивними засобами відкоригувати ідентичність русинів на користь своїх імперських проєктів. Напередодні та під час Першої світової війни вказані конструкціоністські дискурси виконували мобілізаційні функції, легітимізували територіальні претензії.

Включився в цей процес і Володимир Іванович. Він відчував в собі відповідальність за все російське суспільство, яке покинуло споріднений народ сам на сам з агресивним сусідом. Не маючи часу особисто продовжувати власні історичні студії, Вернадський передає сину-історика свої нотатки та пропонує йому продовжити сімейну справу. Невдовзі Георгій Володимирович публікує у «Голосе минулого» (1915. № 3) статтю під назвою «Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX века» (Вернадский 1994: 190).

Після Лютневої революції, падіння Російської імперії та жовтневого перевороту В.І. Вернадський переїжджає до України. За запрошенням міністра освіти і мистецтва Української держави М.П. Василенка він долучається до організації Української академії наук і очолює роботу з її створення. «Ви знаєте, як дорога мені Україна і як глибоко українське відродження проникає до всього мого національного та особистого світогляду, і я вважаю, що на мою долю випало велике щастя брати в цьому участь», – писав він міністру в 1918 р. (ЦДАМЛІ). Наведене визнання ввело в оману не одного сучасного дослідника, і в українській історіографії існує стійка тенденція щодо зображення В.І. Вернадського як видатного учасника розбудови української державності (Ситник и др. 2001). При цьому мало хто звертає увагу на те, що академік завжди ідентифікував себе з великою загально-російською культурою.

У цьому місці доречно буде згадати, що після розпуску Центральної Ради і встановлення в окупованому німцями Києві гетьманату П.П. Скоропадського багато хто розглядав Україну як плацдарм для боротьби з більшовиками і відродження єдиної і неділимої Російської імперії. Достатньо показовим є питання барона Врангеля до Скоропадського: «Чи не вважає він, що "Україна" є лише першим складом слова "Росія"»? (Шурхало 2018). У 1918 р. так вважав не лише Петро



Врангель, а й тисячі росіян, що тікали від червоного терору диктатури пролетаріату. Навіть гетьманський міністр М.П. Василенко вважав за потрібне зробити з України «центр відтворення Росії – налагодивши тут економічне і культурне життя. Крим, Дон, Білорусія мають так чи інакше бути тут возз'єднані» (Вернадський 1994: 82).

«Росіянином, але не великоросом» вважав себе і В.І. Вернадський, цілком розуміючи, що своєю діяльністю з організації Української академії наук він сприяє віддаленню України від Росії. «Науковий центр, який вивчає мову та історію народу, означає, що нація досягла своєї спільності й історичної долі, – відтворює логіку Вернадського Аксьонов. – Без такого вивчення самостійності бути не може, які б політичні гасла не проголошувалися б. Самостійність не можна впровадити силою. Але треба рахуватися з реальністю. Якщо він не погодиться створювати академію, завтра прийдуть ділові експерти з Берліна або Відня і, без сумніву, налагодять таку роботу. Краще академія збереже традиційні зв'язки з російською культурою. Наука взагалі не має національності. І тому, чи буде Україна окремою державою, у що поки важко повірити, чи вийде на правах федеративної частини до Росії, науковий центр залишиться назавжди, він буде не раз'єднувати, а зв'язувати російський і український народи в вищих сферах істини» (Аксенов 2010: 223). Характерно, що на запрошення М.П. Василенка Вернадський погодився лише за умови, якщо не бере українського громадянства, а працює як вільний експерт за урядовим замовленням.

Ось чому було б помилкою вважати академіка Вернадського палким прихильником ідеї незалежності України. Українське питання він розглядав крізь призму протистояння Російської та Австро-Угорської імперій, а після їхнього розпаду – крізь призму впливу відповідних культур. «Я вважаю, – писав він у листі своєму учню і другу О.Є. Ферсману, – що на Україні йдеться про боротьбу двох культур: російської і німецької, і ми не повинні залишати жодної позиції. Втраченого не повернеш» (Аксенов 2010: 224). Однією з позицій, яку Росія «не повинна залишати», на думку Вернадського, була русинська проблема.

У червні 1918 р. Володимир Іванович знов згадує про неї у зв'язку із бесідами з Євгеном Юліановичем Перфецьким, дослідником стародавньої історії закарпатських русинів. Так, 6 числа Вернадський занотовує у щоденнику скаргу Перфецького, що історією Угорської Русі ніхто не займається. «А я як-то з молодості відчуваю і розумію її значення і часто думаю про тяжку долю цього форпосту руського племені. Його майбутнє зміниться, якщо український рух розів'ється і не порве з Росією» (Вернадський 1994: 93). 10 червня Вернадський «з Перфецьким відпочивав і гуляв у Ботанічному саду. Чудове робить враження: служитель науки. ...Перфецький багато розповідав про Угорську Русь. Я відчуваю, що

мене ця юнацька ідея її захисту все більше приваблює. Перфецький закоханий в Княжу Русь, і маса цікавих у нього ідей. З розмови з ним знову з'ясовується викривленість традиційного уявлення про татар XIII ст., і я радий, що Георгій займається цим періодом» (Вернадский 1994: 97). Згодом Перфецький в газеті звинуватить Вернадського в антиукраїнстві, через що їхній зв'язок обірветься.

Втім, події розгорталися досить швидко. Революція в Німеччині, втеча німців з України разом із гетьманом П. Скоропадським, фактична відмова від Брестського миру, завершення Першої світової війни, наступ білої армії Антона Денікіна відродили у Вернадського надії на відродження Великої Росії. Піклуючись про справи УАН, він їде до Ростова-на-Дону, де занурюється в середовище прихильників «єдиної і неподільної» Росії.

Саме тут він дізнається про отримання закарпатськими русинами довгоочікуваної автономії у складі новоутвореної Чехословаччини. «Першою руською областю, що вийшла з анархії» називає він Карпатську автономію.

«В газетах відомості про створення автономії Карпатської Русі в Чехії, – читаємо в "Щоденнику" запис від 30 листопада 1919 р. – Дивовижна доля Угорської Русі! Її доля завжди мене глибоко цікавила – але я ніколи не думав, що можна було дожити до того факта, який зараз відбувається. ... Не вистачало у мене часу реального проведення в життя цих моїх інтересів, і лише зовсім несподівано доля поставила мене в 1918 році в колообіг українських справ. Читав я про Угорську Русь весь час і підбирав українську літературу... Зараз, коли я пишу ці рядки, перед мною виникають чисельні фрагменти прочитаного – в гімназії ще спогади учасника Угорського походу, здається Лихоніна, в університеті книгу Biedermann'a Ungar. Ruthenem? Потім статті Петрова, Перфецького, Егона, де Волана і багатьох інших. Мимоволі згадуєш Драгоманова, який хотів дати Аннібалову клятву не забувати Угорську Русь...» (Вернадский 1994: 190–191).

Імовірно, під впливом таких міркувань В.І. Вернадський їде до редакції газети «Донская речь» і пропонує редактору надрукувати його незавершений рукопис «Угорская Русь с 1848 г.». Редактор погодився, але з невідомих причин публікація не відбулася. Можна лише припустити, що в умовах громадянської війни в таборі денікінців побудований на архівних та журнальних джерелах 60-річної давнини матеріал про боротьбу за власні права і культурну автономію якихось там «угрорусів» не здавався редактору актуальним, а тактовність не дозволила йому відверто про це сказати науковцю зі світовим ім'ям. Так чи інакше, але 9 грудня, коли Вернадський вдруге відвідав «Донскую речь», виявилось, що його стаття «загубилася».

Академік запропонував копію і про всяк випадок звернувся до іншої газети, про що залишив запис: «Зранку в редакції "Приаз[овського] края"; хотілось подати статтю «Наукові задачі моменту». Згодні через декілька днів. Або її та "Судьбу Угорської Руси" (2-й раз – перший загубили) – в "Дон[ську] речь". Обіцяють післязавтра...» (Вернадський 1994: 192). Ще одна згадка про цю статтю датована 26 грудня 1919 р.: «Вийшла "Д[онская] р[ечь]" з моєю статтею: "Наукові задачі моменту". Життя вже пішло вперед від тих завдань, які вона ставить. Але мені здається, як привертання уваги до цих явищ вона не втратила інтересу хвилини... З С. Вол. про Угорську Русь, про від'їзд за кордон для наукової роботи...» (Вернадський 1994: 197). Втім, наприкінці грудня 1919 р. ростовські газети взагалі припинили своє існування, і матеріал знов залишився без публікації.

Про що ж йдеться в цій статті? На яких аспектах життя русинів акцентує увагу академік?

Сьогодні вже важко розрізнити, що зі змісту статті було написано в молоді роки, а що додано пізніше. Спробуємо проаналізувати текст як цілісність, відтворюючи цитати мовою оригіналу, оскільки при перекладі втрачаються нюанси специфічного стилю Володимира Івановича.

Перше, що привертає увагу читача, це назва самої статті та, відповідно, етносу, історія якого аналізується. В науковій літературі ці землі мають чимало найменувань: Карпатська Русь, Карпатська Рутенія, Карпатський край, польською *Ruś Zakarpaska*, *Zakarpacie*, *Podkarpacie*, *Ruś Podkarpaska*, словацькою *Podkarpatska Rus*, русинською Карпатська Русь. В.І. Вернадський використовує термін Угорська Русь, що, звичайно ж, не є помилкою, але орієнтує нас на часи входження Закарпаття до складу Угорщини, що на 1919 р. вже не відповідало реальності. Примусова асиміляція, яку протягом всього ХІХ ст. відчували на собі русини, стає предметом розгляду Вернадського, і він вкрай негативно оцінює перспективи перетворення русинів «в заклятих врагов не России, а русского народа – мадьяр». Після Першої світової війни і розпаду Австро-Угорської імперії така тенденція втрачає свою актуальність, а сам термін «Угорська Русь» перетворюється на анахронізм.

По-друге, явно застарілим поняттям є й етнізм «угророси». Лише декілька разів в тексті статті зустрічається поняття «русини», без чого взагалі б було важко зрозуміти, про який саме народ йдеться. Використання В.І. Вернадським назви «угророси» вказує на пануючу в Російській імперії ХІХ ст. парадигму, згідно з якою всі східні слов'яни є «росіянами», «руськими», або «росами»: великоросами, малоросами, білоросами, угроросами. «Есть другие русские, – пише він, – живущие в другом государстве, не великороссы, правда, но все же принадлежащие к одному русскому отделу славянского племени. Мы не говорим,

чтобы русский народ должен был желать объединения их с ним в одном государстве, при тех же политических условиях, в которых он сам очутился. На это, узнавши лучше условия жизни, едва ли согласится русский народ Австро-Венгрии, о котором мы говорим... Но это не может помешать родному чувству, которое он должен чувствовать к русскому народу. Политические границы, отрезавшие от русского народа часть его, не должны, да и не могут окончательно разорвать их, заставить забыть свое кровное родство. Они не могут заглушить в нас то чувство обиды, которое чувствуется при известиях и фактах об оскорблении нашей национальности за пределами нашего государства презрительным к ней отношением; они не могут заглушить негодования, в нас являющегося, при известиях о систематическом стеснении, угнетении и, наконец, совершенной смерти русского народа, отдаленной, но все же родной его части» (Вернадский 2011b: 187).

Задля справедливості слід зазначити, що східні слов'яни в Австро-Угорщині дійсно вживали етронім «*русскіє*». В такій транскрипції він зустрічається в документах XIX ст. для позначення українців Галичини та русинів Закарпаття. Спадкоємці культури Київської Русі, вони різко контрастували з німецько та угорськомовним оточенням, представники якого не вдавалися до етнографічних деталей, вважаючи всіх східних слов'ян єдиним цілим. Цікаво, наприклад, що термін «Русь», «руський» зустрічається й в топонімах: населена українцями Рава-Руська, зокрема, отримала в XV ст. свою назву через необхідність розрізнення з Равою-Мазовецькою, населеною поляками.

До речі, й сам Вернадський згадує про «галицьких руських», тобто не лише русини-угороси, а й західні українці також підпадали під це найменування. Угоросів Володимир Іванович ідентифікує з українцями (малоросами). Описуючи їх боротьбу проти мадяризації, він пише: «...без денежных средств, без интеллигенции в настоящем значении этого слова, без поддержки отраслей малорусского племени, к которому принадлежат угорорусы, – галичан и украинцев, без возможности действовать общественным путем угорорусы грозят погибнуть» (Вернадский 2011b: 188). Як бачимо, у В.І. Вернадського не виникало сумнівів щодо приналежності русинів до українців, проте він і самих українців зараховував до руських.

Останній крок був викликаний тією обставиною, що слово «руський» в XIX ст. було тотожним за обсягом родовому поняттю «східнослов'янський». Таким чином, виникала термінологічна плутанина, коли одним і тим самим словом позначалися як субетнос (русини), так і надетнічна культурно-мовна спільність (східні слов'яни).

Як вже зазначалося вище, у другій половині XIX ст. на західноукраїнських землях, що входили до складу Австро-Угорщини, розгор-

нулася дискусія між народниками та москвофілами. Перші прагнули автономії, другі мріяли про возз'єднання з Росією. Останні свідомо подавали інформацію так, що виникало враження про повну ідентичність русинів і великоросів. Прагнення знайти собі впливового захисника в особі Москви стимулювало їх на упереджене ставлення до реальності, коли тотожності між етносами абсолютизувалися, а відмінностями, навпаки, нехтували.

Певним чином в полоні такої упередженості опинився й молодий Володимир Вернадський, оскільки спирався переважно на заангажовані в політичному плані й орієнтовані на Москву джерела. Мимоволі він переймає їхню риторичку:

«До 1848 г. материальное положение русских было лучшее. С освобождением от крепостного ига их материальное положение ухудшилось» (Вернадский 2011b: 199–200);

«...в 50-х годах в селе Люботинах (округе Поппрадском) русская церковь обращена в костел и русский приход уничтожен» (Вернадский 2011b: 200);

«Чешские чиновники заодно с русскими и словаками противодействовали мадьярским стремлениям» (Вернадский 2011b: 172) та ін.

В результаті у читача складається враження, що угороси – це ті ж самі великороси, московіти, росіяни, які лише примхами долі опинилися за межами держави Російської.

По-третє, Володимир Іванович кваліфікує мову угоросів як російську, близьку до тієї, якою розмовляють в Москві чи Санкт-Петербурзі. Він згадує, що серед вимог москвофільського крила русинів були такі, що забезпечували розвиток російської мови: «В составленной 13 октября памятной записке угорорусы желали обнародования во всех землях Конституции 4 марта 1849 г., автономии русского языка в народных школах, русской гимназии в Ужгороде, доступа для угорорусских в университете во Львове, русской официальной газеты, уничтожения ограничения печатать кириллицей, чтобы чиновники определялись русские или знали русский язык, равноправности в политических правах с мадьярами, того, чтобы в русских полках были русские священники, лучшего раздела в комитатах народностей и прочее» (Вернадский 2011b: 195).

З іншого боку, Вернадський впадає в протиріччя з собою, коли описує здивування російських солдатів від перших контактів з русинами, мову яких вони не розуміли: «русские войска также не понимали с первого разу малороссийского наречия жителей и одинаково обходилось с венграми и славянами» (Вернадский 2011b: 193). В іншому місці В.І. Вернадський описує мад'ярів, які проводили централізаторсько-асиміляторську мовну політику. Але виявляється,

що «они нападали на издания (например, "Церковную газету" в 50-х и "Свет" в 60–70-х годах), как на такие, которые пишут не народным (малороссийским), а деланным ("российским") языком. Под видом будто бы покровительства народному языку они нападали и губили все, что поддерживало национальную жизнь этого народа. Понятно, нельзя вполне сочувственно относиться к попыткам писать для народа на языке, мало ему понятном, но раз нет других попыток, необходимо поддерживать существующее, все же лучше, чем ничто. Они в этом случае рассчитывали на поддержку России, между тем как, пиша малороссийским (народным языком), они не надеются на чью-либо помощь, так как в это время и в соседней Галиции господствовала подобная же партия» (Вернадский 2011b: 202).

Як бачимо, Вернадський усвідомлює, що мова русинів та російська мова все ж таки відрізняються одна від одної. Відмінності між ними настільки помітні, що існують перепони для порозуміння в особистісному спілкуванні. Народна мова, склад духовного життя, особливості господарства і навіть, як впливає з розповіді Вернадського про спроби демократичного відстоювання прав русинів в Австро-Угорщині, політичні традиції значно відрізняють «угороросів» і «великоросів». І лише прагматичні розрахунки москвофілів на допомогу з боку могутньої Російської імперії повертають до життя тези про ідентичність русинів та росіян, нехтуючи при цьому очевидними мовними розбіжностями.

По-четверте, що впливає з попередніх міркувань, поява на цих землях російської армії подається Вернадським як закономірне й бажане явище. Фактично ми маємо справу з виправданням військової експансії через обґрунтування необхідності захисту місцевого населення. Залишаючи поза увагою складний комплекс міждержавних стосунків, домовленість між австрійським та російським імператорами щодо приборкання угорського повстання, Володимир Іванович лише констатує, що русини спочатку підтримували повстанців, а потім відвернулися від них, розчарувавшись програмою національного відродження одного лише угорського народу. Єдинокровні росіяни постають як визволителі угороросів.

«18 мая 1849 г. полковник Хрулев с казаками в первый раз вступил в пределы Венгрии и занял местечко Стрепко. Жители приняли его с радостью, указали ему поспрятавшихся венгерских комиссаров и др. Однако следствия из усердия были для них печальны. В тот день Хрулев вышел из местечка, оставив его на произвол венгров. Действительно, через некоторое время пришли венгерские солдаты наказывать жителей. Угорорусы разбежались. Солдаты, ограбив несколько домов и тому подобное, ушли. Это было первое участие угорорусов

в активной борьбе против венгров. Впервые активные действия русских приняли сторону своих единоплеменников и жестоко за это поплатились» (Вернадский 2011b: 193).

Спираючись на спогади учасників Угорського походу росіян, Вернадський визнає, що вплив армії на місцеве населення мав переважно символічний характер: «Особенно хорошего умственного влияния русская армия иметь не могла. "Шла старая армейщина с старыми альбомами и с старыми анекдотами, песнями и каламбурами", – замечает один позднейший путешественник. И, однако, она имела влияние. Русины перенимали их песни, стихи и прочее. Следы этого в Галичине были заметны в 60-х годах. Но влияние, которое произвели русские войска, было другого рода и более важное. Масса угрорусская узнала о существовании могущественного, однородного ей русского народа. На Россию стали обращаться взоры угрорусов; России, как мы видели, стали приписывать все хорошее, приятное ему. Угরорусы почувствовали себя как бы сильнее» (Вернадский 2011b: 193).

Повертаючись через тридцять п'ять років до свого рукопису, Вернадський визнає, що не всі його прогнози реалізувалися. Закарпатські русини не були асимільовані угорцями, більш того, вони отримали автономію. Все це сприяло виникненню у Вернадського питання: «Можливо, я помилявся в своїй оцінці стану в статті (чи надрукованої?) в "Дон[скої] речи"?» (Вернадский 1994: 81).

**Висновки.** Підводячи підсумки сказаного, зазначимо, що звернення академіка В.І. Вернадського до історії закарпатських русинів розкриває його не лише як неординарного дослідника, а й як послідовного захисника інтересів малих етносів. Він писав: «Не должны и не могут погибнуть народности, не могут они слиться в одну. Не в ассимиляции всех мелких народностей в одну большую, всеобщую народность всего человечества (что было бы желательно) мы идем. Человечество не может развиваться, слившись в одно: много времени должно было бы пройти для этого, много пролиться крови. Везде, всюду у отдельных народностей должна идти мелкая, настоящая борьба человечества с природой, руководимая, однако, общими интересами. Не в громадных массах населения, сплоченных под одним правлением, но в мелких, разобщенных на вид единицах заключается сила, могущество человеческого общества» (Вернадский 2011b: 189).

Водночас, Володимир Іванович скептично ставиться до можливості входження Закарпаття до складу Росії, хоч і не приховує, що це було би, на його думку, найкращим варіантом. Протидія австрійського уряду розвитку народної культури пояснюється дослідником, з одного боку, страхом того, що русини стануть більше прихильниками Росії, ніж Австро-Угорщини, а з іншого – прагненням Відня до централізації та



свідомого гальмування процесу переростання боротьби русинів за культурну автономію на політичний сепаратизм.

У незавершеному доробку Вернадського зустрічаємо чимало змістовних суперечностей, що можна частково пояснити тенденційним характером джерел, якими користувався автор. Але за ними ми бачимо й політичну позицію науковця, схильного до панславізму та етносоціального конструкціонізму. Він особисто підтримує москвофільський дискурс русинської проблеми, стимулює до цього інших, намагаючись, вочевидь, привернути увагу російського суспільства до, як він вважав, «форпосту руського племені» в Європі. І хоч ототожнення русинів з росіянами мало штучний характер, вчений визнає його за необхідну умову потенційного зближення цих народів у майбутній перспективі.

## ЛІТЕРАТУРА

- Аксенов 2010 – *Аксенов Г.П.* Вернадский. М.: Мол. гвардия, 2010. 565 с.
- Алимов 2017 – *Алимов Д.Е.* Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // *Русин.* 2017. № 4 (50). С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/50/12
- Вернадский 1994 – *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. 272 с.
- Вернадский 2011a – *Вернадский В.И.* Заметки, выписки и библиография об Угорской Руси и угроруссах // Володимир Іванович Вернадський. Вибрані праці. Київ: НАН України, 2011. Т. 1, кн. 2. С. 204–208.
- Вернадский 2011b – *Вернадский В.И.* Угорская Русь с 1848 г. // Володимир Іванович Вернадський. Вибрані праці. Київ: НАН України, 2011. Т. 1, кн. 2. С. 187–208.
- Волощук 2014 – *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. 496 с.
- Додонов 2008 – *Додонов Р.О.* Вернадський-історик // Ноосфера і цивілізація. 2008. Вип. 6 (9) С. 29–36.
- Магочій 1994 – *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. 296 с.
- Магочій 1995 – *Магочій Павло Роберт.* Русинське питання // Політична думка. 1995. № 2–3 (6). С. 105–115.
- Мазурок и др. 1996 – *Мазурок О.С.* Недописана сторінка: невідома стаття В. Вернадського про Угорську Русь // *Карпатський край.* 1996. № 8–12. С. 74–75.



Мазурок 2003 – Мазурок О., Пеняк П., Шевера М. Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003. 94 с.

Mozgawa 2019 – *Mozgawa K.* Relacje rusinsko-ukrainskie u progu XX wieku. Rusini – Ukraińcy, czy odrębny naród? // *Poliska I Ukraina: Problemy i perspektywy* Krakow Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego. 2019. S. 469–487.

Ситник и др. 2001 – Ситник К.М., Шевченко А.И., Шевера М.В. Комісія НАН України з розробки наукової спадщини академіка В.І. Вернадського // *Регіональні перспективи*. 2001. № 4 (17). С. 125–126.

Сытник и др. 1984 – Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М. Вернадский В.И. Жизнь и деятельность на Украине. 2-е изд. Киев: Наукова думка, 1984. 368 с.

ЦДАМЛІ – Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 20. Арк. 22.

Шурхало 2018 – Шурхало Д. Скоропадський, Маннергейм, Врангель. Кавалеристи-державники. Київ: Залізний тато, 2018. 332 с.

## REFERENCES

- Aksenov, G.P. (2010) *Vernadskiy* [Vernadsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Alimov, D.E. (2017) Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative. *Rusin*. 4 (50). pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/12
- Vernadsky, V.I. (1994) *Dnevniky. 1917–1921. Otktyabr' 1917 – yanvar' 1920* [Diaries. 1917–1921. October 1917 – January 1920]. Kyiv: Naukova dumka.
- Vernadsky, V.I. (2011a) *Vibrani pratsi* [Selected Works]. Vol. 1 (2). Kyiv: NAS of Ukrain. pp. 204–208.
- Vernadsky, V.I. (2011b) *Vibrani pratsi* [Selected Works]. Vol. 1 (2). Kyiv: NAS of Ukrain. pp. 187–208.
- Voloshchuk, M.M. (2014) “Rus” v Ugors'komu korolivstvi (XI – druga polovina XIV st.): suspil'no-politichna rol', maynovi stosunki, migratsii [“Rus” in the Ugric Kingdom (11th – second half of the 14th century): Socio-political role, property relations, migration]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.
- Dodonov, R.O. (2008) Vernads'kiy-istorik [Vernadsky-historian]. *Noosfera i tsivilizatsiya*. 6 (9) pp. 29–36.
- Magocsi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [Formation of national consciousness: Subcarpathian Rus (1848–1948)]. Uzhhorod: Polichka “Karpats'kogo krayu”.
- Magocsi, P.R. (1995) Rusins'ke pitannya [Rusin problems]. *Politichna dumka*. 2–3 (6). pp. 105–115.

Mazurok, O.S. et al. (1996) Nedopisana storinka: nevidoma stattya V.Vernads'kogo pro Ugors'ku Rus' [Undated page: an unknown article by V.Vernadsky about Ugric Rus']. *Karpats'kiy kray*. 8–12. pp. 74–75.

Mazurok, O., Penyak, P. & Shevera, M. (2003) *Volodimir Vernads'kiy pro Ugors'ku Rus'* [Vladimir Vernadsky about Ugric Rus']. Uzhhorod: [s.n.].

Mozgawa, K. (2019) Relacje rusinsko-ukrainskie u progu XX wieku. Rusini – Ukraińcy, czy odrębny naród? In: Boiko, O. et al. *Polska i Ukraina: Problemy i perspektywy*. Krakow: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego. pp.469–487..

Sitnik, K.M., Shevchenko, A.I. & Shevera, M.V. (2001) Komisiya NAN Ukraïni z rozrobki naukovoï spadshchini akademika V.I. Vernads'kogo [NAS of Ukraine Commission on Scientific Legacy Development of Academician V.I. Vernadsky]. *Regional'ni perspektivi*. 4 (17). pp. 125–126.

Sytnik, K.M., Apanovich, E.M. & Stoyko, S.M. (1984) *Vernadskiy V.I. Zhizn' i deyatel'nost' na Ukraine* [V.I. Vernadsky. His life and activity in Ukraine]. 2nd ed. Kyiv: Naukova dumka.

Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine. Fund 542. List 1. File 20. 22.

Shurkhalo, D. (2018) *Skoropads'kiy, Mannergeym, Vrangel'. Kavaleristi-derzhavniki* [Skoropadsky, Mannerheim, Wrangel. Cavalry-statesmen]. Kyiv: Zalizniy tato..

**Додонов Роман Александрович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Киевского университета им. Б.Гринченко (Украина).

**Додонов Роман Олександрович** – доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії Київського університету ім. Б.Грінченка (Україна).

**Roman O. Dodonov** – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

**E-mail:** r.dodonov@kubg.edu.ua

**Александрова Елена Станиславовна** – доктор философских наук, профессор, декан историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

**Александрова Олена Станіславівна** – доктор філософських наук, професор, декан Історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

**Aleksandrova Olena** – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

**E-mail:** o.aleksandrova@kubg.edu.ua

**Додонова Вера Ивановна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Киевского университета им. Б.Гринченко (Украина).

**Додонова Віра Іванівна** – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

**Vera I. Dodonova** – Borys Grinchenko Kiev University (Ukraine).

**E-mail:** v.dodonova@kubg.edu.ua

УДК 94(477.85)“1914/1918

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/7

## **ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В БУКОВИНЕ В ДОКУМЕНТАХ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1914–1915 гг.\***

**А.Ю. Бахтурина**

<sup>1</sup> Российский государственный гуманитарный университет  
Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6

<sup>2</sup> Государственный академический университет гуманитарных наук  
Россия, 190040, г. Москва, Мароновский пер., 26  
E-mail: b-a-t13@mail.ru

### **Авторское резюме**

В истории организации гражданского управления временно оккупированными территориями Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны самостоятельное значение имеет история организации гражданского управления Буковиной. На основе документов из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) рассматриваются особенности организации гражданского управления в Буковине и проекты привлечения румынского населения к управлению территорией. Делается вывод о том, что на организацию гражданского управления в Буковине в 1914–1915 гг. влияли различные факторы, в т.ч. непосредственная близость фронта, позиция черновицкого губернатора С.Д. Евреинова, который ограничивал присутствие в Буковине неквалифицированных гражданских чиновников, чего не удалось достичь при организации управления в Восточной Галиции. Также воздействие было со стороны руководства МИД и лично министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В конце 1914 г. чиновник

---

\* Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ «Этапы развития деловой письменности: Русь/Россия в сравнительно-исторической перспективе»).

дипломатической канцелярии при штабе Ставки Верховного главнокомандующего камер-юнкер В.Н. Муравьев предложил проект создания румынской милиции и румынского самоуправления. Он считал, что это поможет привлечь Румынию на сторону Антанты. Но к этой инициативе руководство МИД и дипломатической канцелярии штаба Ставки отнеслись с большой осторожностью, проект поддержан был лишь частично. Буковинская территория, в отличие от Восточной Галиции, не привлекла столь пристального внимания российских националистов, ратовавших за объединение исторической Руси. Это также повлияло на то, что на Буковине не проводились форсированные преобразования, направленные на сближение с Российской империей. Все это определило различия как в организации гражданского управления в Буковине и Восточной Галиции, так и в политике российской администрации.

**Ключевые слова:** Буковина, Первая мировая война, Министерство иностранных дел, Ставка Верховного главнокомандующего.

## **FORMATION OF CIVIL ADMINISTRATION IN BUKOVINA IN THE DOCUMENTS OF THE SUPREME COMMANDER HEADQUARTERS AND THE FOREIGN MINISTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1914–1915\***

**A.Yu. Bakhturina**

<sup>1</sup>Russian State University for the Humanities  
6 Miusskaya Square, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

<sup>2</sup>State Academic University for the Humanities  
26 Maronovsky lane, Moscow 190040, Russia  
E-mail: b-a-t13@mail.ru

### **Abstract**

History of civil administration Bukovina during the First World War is of particular importance in the history of the organization of civil administration on the temporarily

---

\* The research was carried out at the State Academic University for the Humanities within under the state task of the Ministry of Education and Science of Russia (Project Nr. 33.1221.2017/PCH "Stages of Business Writing Development: Rus' / Russia in a Comparative Historical Perspective").

occupied territories of Austria-Hungary. The author uses documents from the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI) to study the specificity of the organization of civil administration in Bukovina and projects involving the Romanian population in the territorial administration. It is concluded that the organization of civil administration in Bukovina in 1914–1915 was influenced by various factors, among which were the proximity of the frontline, and the position of Bukovina Governor S.D. Evreinov, who limited the number of unskilled civil servants in Bukovina of unskilled civil servants, which had not been achieved by the administration in Eastern Galicia. The civil administration was also influenced by the Ministry of Foreign Affairs and personally S.D. Sazonov. At the end of 1914, the diplomatic official at the Supreme Commander Headquarters, Chamber Junker V.N. Muraviev proposed a project to create the Romanian militia and institutions of Romanian self-government. He believed that this would help to attract Romania to the side of the Entente. However, the Foreign Ministry and the diplomatic staff reacted to this initiative with great caution and supported only part of the project. Unlike Eastern Galicia, Bukovina did not attract the attention of Russian nationalists who advocated the unification of historical Russia, so Bukovina did not undergo forced reforms aimed at rapprochement with the Russian Empire. It determined the differences both in the organization of civil administration in Bukovina and Eastern Galicia, and in the policy of the Russian administration.

**Keywords:** Bukovina, Ministry of Foreign Affairs, First World War, Supreme Commander Headquarters.

В последние годы самостоятельным направлением исследований истории Восточной Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны стало изучение организации управления этими территориями после вступления туда русских войск в 1914–1916 гг. Деятельность временного военного генерал-губернаторства для управления территориями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны, в последние десятилетия является объектом пристального внимания исследователей. В значительной части работ территории Восточной Галиции и Буковины, вошедшие в состав временного военного генерал-губернаторства, и политика российской военной и гражданской администрации рассматриваются как единое целое. Нередко ученые, определяя объектом исследования историю Буковины, соединяют ее с историей Восточной Галиции, пишут о едином политическом курсе на обеих территориях в годы Первой мировой войны (Хутарев-Гарнишевский 2012: 47–58; Велика війна 2014; Глизнер 2014: 79–83). Во многом это объясняется тем, что в подавляющем большинстве делопроизводственных документов того времени Восточная Галиция и Буковина как

объекты российской политики периода Первой мировой войны не разделялись. Параллельно существуют и иные мнения. И.М. Лапина отметила особое место Буковины в российско-румынских отношениях в годы войны, не связывая эти особенности с проблемами гражданского управления (Лапина 1988: 178–195).

В исследовательской литературе также довольно прочное место занимает мнение о существенных конфессиональных и этнических отличиях Буковины от Галиции. А.Г. Нестеров в своей статье отмечает, что «к середине XIX в. в Буковине сформировалась региональная идентичность, своего рода региональный патриотизм, противопоставлявший Буковину другим землям империи» (Нестеров 2014: 68). Аналогичное мнение высказывают и другие исследователи (Кабузан 2006; Клопова 2016; Борисёнок 2018). Особо следует выделить позицию О. Добржанського, который, с одной стороны, не отрицает наличия на Буковине этнических и конфессиональных особенностей (по сравнению с Галицией), с другой – отмечает усиление связей украинцев Буковины с Галицией и иными украинскими территориями в начале XX в., что способствовало, по его мнению, утверждению идей о единой Украине (Добржанський 1999: 437).

Особое место в историографии вопроса занимает коллективное исследование украинских историков, посвященное истории организации управления Буковиной с середины XIX в. до сегодняшних дней, где рассмотрена структура гражданского управления в крае в годы Первой мировой войны (Історія розвитку 2014). Но история гражданского управления представляется более сложной, чем описание управленческих структур и их деятельности. Гражданское управление Буковиной в годы войны формировалось под влиянием совокупности самых разнообразных факторов, включавших положение территории относительно линии фронта, конфессиональную специфику, позиции отдельных чиновников и военных, внешнеполитические задачи. Существенный интерес представляют нереализованные проекты организации гражданского управления и самоуправления. Иными словами, история управления Буковиной в годы войны является существенной частью истории российской политики в регионе, что определяет необходимость ее дальнейшего изучения и привлечения новых документов.

Среди имеющих источников по данному вопросу существенный интерес представляют документы дипломатической канцелярии штаба Ставки Верховного главнокомандующего и МИД по вопросу об организации русского гражданского управления на территории Буковины. Особое место среди них занимают письма и отчеты на-дворного советника камер-юнкера Муравьева, направленного осенью

1914 г. в край «для осведомления дипломатической канцелярии об общем положении дел на Буковинском фронте и для улаживания возможных трений наших войск с румынским населением Буковины» (РГВИА 1: 153). Документы подписаны камер-юнкером Муравьевым без указания инициалов. В переписке чинов Ставки и МИД также упоминается только фамилия. С наибольшей вероятностью можно предположить, что в 1914 г. в Буковину был командирован Валериан Николаевич Муравьев (1885–1931), служивший в российском Министерстве иностранных дел, по разным данным, с 1905 (Лопухин 2008: 437) или 1907 г. (Новая филоософия 2010: 624–625). В 1914–1916 гг. Муравьев – исполняющий должность вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего. В сентябре–октябре 1917 г. он занимал пост начальника Кабинета министра иностранных дел, затем недолгое время служил в НКВД и других советских учреждениях. В 1929 г. был обвинен в антисоветской агитации, осужден и вскоре скончался. О его деятельности в МИД до революции упоминает в своих воспоминаниях В.Б. Лопухин, служивший в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД (с июня 1914 г. – 1-й Департамент). (Лопухин 2008: 15, 307–308, 437). Письма и отчеты В.Н. Муравьева по вопросам гражданского управления Буковиной сохранились в Архиве внешней политики Российской империи и Российском военно-историческом архиве и являются важным источником для изучения заявленной проблемы.

Территория герцогства Буковина, образованного в составе Австро-Венгрии в 1849 г., имела ряд существенных отличий от занятой русскими войсками Восточной Галиции. К 1910 г. в Буковине, по дореволюционным подсчетам, приведенным Г.И. Танфильевым, насчитывалось 305 тыс. русских (которых автор называл русскими малороссийской ветви), 273 тыс. румын, 103 тыс. евреев, 65 тыс. немцев и 36 тыс. поляков (Танфильев 1915: 39). По подсчетам В.М. Кабузана, доля русинов в Буковине к началу XX в. составила 38,1 % (Кабузан 2006: 285). Второй по численности группа населения Буковины были румыны (34,4 %), на третьем месте – евреи (около 13 %). Значительное еврейское население проживало в Черновцах (20 % от общего числа горожан) (Особливості буковинського 2010: 19). Украинские исследователи при подсчете населения Буковины на рубеже XIX–XX вв. не выделяют русинов в качестве самостоятельной этнической группы, отмечая, что, по данным переписи 1890 г., в крае проживало 41,37 % украинцев, 32,4 % румын, 12,8 % евреев, 9,25 % немцев и 3,67 % поляков (Добржанський 1999: 70).

Важнейшей особенностью края являлся конфессиональный состав населения, где, по данным переписи 1910 г., насчитывалось до 91 %

православных. Но, по мнению украинского историка О.Добржанського, вероисповедание на Буковине, в отличие от Галиции, не являлось точной характеристикой этнической принадлежности, поскольку нередко к одной конфессии принадлежали и украинцы, и румыны. Это обстоятельство создавало и создает затруднения при ответе на вопрос о том, украинцы или румыны являлись преобладавшей накануне войны этнической группой. На территории Буковины имелись районы, где численность украинцев колебалась от 1 до 5 % (Добржанський 1999: 69, 75). Также ученый отмечает, что перепись 1910 г. не дает точного соотношения украинцев и румын (Добржанський 1999: 75). Но даже при отсутствии точных данных об этническом составе населения Буковины к 1914 г. несомненно наличие там значительного числа румын.

Из-за проживавшего в южной части Буковины румынского населения эта территория в годы Первой мировой войны имела важное внешнеполитическое значение. Вопрос о вступлении Румынии в войну на стороне Антанты вплоть до 1916 г. оставался открытым, и, как отмечалось в отчетных документах канцелярии Ставки по гражданскому управлению, Буковина для российских внешнеполитических структур представляла «особый интерес в смысле политическом, как край, граничащий с Румынией, представляющий для нас серьезный интерес... ввиду возможного ея (т. е. Румынии. – А.Б.) выступления на нашей стороне» (РГВИА 1: 153).

Для российских военных, вступивших на территорию Буковины в 1914 г., а затем и для российской администрации в Черновцах и окрестностях этнические и конфессиональные различия между территориями Буковины и Восточной Галиции были очевидны. Они же в определенной степени влияли на политику Ставки Верховного главнокомандующего в Буковине.

29 августа 1914 г. в Восточной Галиции было образовано временное военное генерал-губернаторство приказом Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Его территорию составил театр военных действий в Австро-Венгрии. Генерал-губернаторство делилось на губернии, создание которых зависело от хода военных действий. Осенью 1914 г. были образованы Львовская и Тарнопольская губернии, затем Черновицкая, а в апреле 1915 г. – Перемышльская. Русские войска вступили на территорию Буковины в конце августа 1914 г. и 2 сентября без боя заняли Черновцы.

Уже в конце августа 1914 г. на территории Львовской и Тарнопольской губерний началось формирование новых управленческих структур. 25 августа 1914 г. тарнопольский губернатор И.Л. Чарторижский объявил, что в губернии «для восстановления порядка и



спокойствия вводится русское гражданское управление» (РГВИА 2: 21). Создание русского гражданского управления, как оно именовалось в официальных документах тех лет, включало создание новой судебной системы, назначение уездных начальников и чинов полиции. Помимо сугубо административных мероприятий, в Восточной Галиции в 1914–1915 гг. начались создание школ с преподаванием на русском языке и подготовка для них учителей. Особое внимание уделялось конфессиональным проблемам, а именно воссоединению униатов с православием.

Если Галицию чины российской администрации называли краем, «чуждым нам духовно» (АВПРИ 1: 6), то отношение к населению Буковины было иным. Камер-юнкер В.Н. Муравьев сообщал в Ставку, что православное население Буковины дружелюбно настроено к русским войскам: «Здесь начинается сплошь православное население. Здесь чувствуется новое звено между нами и ими, особенно в разговоре со священниками. Здесь особенно подчеркивается освободительный характер войны, хотя население еще не уверено вполне в прочности нашего завоевания и боится высказываться» (АВПРИ 1: 6 об.). Одновременно он отмечал, что еврейское население Буковины настроено иначе, а отсутствие на занятой русскими войсками территории действующих судов осложняет ситуацию, т. к. как нет легитимных средств воздействия на противников России.

После оккупации части Буковины была образована Черновицкая губерния, губернатором которой стал камер-юнкер С.Д. Евреинов, ранее занимавший должность бессарабского вице-губернатора. Приказом бессарабского губернатора М.Э. Гильхена от 30 августа 1914 г. Евреинов был откомандирован в распоряжение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова и военного генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского. По представлению последнего он был назначен губернатором только что учрежденной Черновицкой губернии (Раздорский 2016: 127).

В конце сентября 1914 г. представитель дипломатической канцелярии Ставки Верховного главнокомандующего В.Н. Муравьев, совершив инспекционную поездку в Восточную Галицию и Буковину, с большим одобрением отзывался о новом губернаторе: «Не могу достаточно нахвалиться здешним губернатором С.Д. Евреиновым... Здесь я нашел вдумчивость и тонкость и вместе с тем твердость гораздо большую, чем та, которая опирается на громкие окрики и запугивание населения» (АВПРИ 1: 8).

Деятельность Евреинова на посту черновицкого губернатора в годы Первой мировой войны всегда оценивалась положительно. В переписке министра иностранных дел С.Д. Сазонова и чиновни-

ка дипломатической канцелярии Ставки камергера Н.А. Базили в 1916 г. обсуждался вопрос о назначении Евреинова на пост генерал-губернатора Восточной Галиции. После ошибок, совершенных администрацией военного генерал-губернатора Г.А. Бобринского в Галиции в 1914 – начале 1915 г., кандидаты на генерал-губернаторский пост отбирались с особой тщательностью. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов предложил в качестве возможных кандидатов А.В. Кривошеина и С.Д. Евреинова. Кандидатуру первого сразу же отверг начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, считавший невозможным назначать в Галицию гражданское лицо. Против кандидатуры Евреинова он не возражал, но и не поддержал ее («принял к сведению», как сообщил Н.А. Базили Сазонову) (АВПРИ 2: 302). В итоге военным генерал-губернатором занятых по праву войны областей Австро-Венгрии по предложению А.А. Брусилова стал генерал-адъютант Ф.Ф. Трепов, а его помощником по гражданской части – С.Д. Евреинов.

Территория, находившаяся под контролем черновицкого губернатора в 1914–1915 гг., включала город Черновцы и северо-восточную часть Буковины от Прута до Днестра. На остальной территории, также занятой русскими войсками, гражданское управление не создавалось. В воспоминаниях современников основной причиной называется близость фронта. В отчетах черновицкого генерал-губернатора Евреинова также говорится об этом. Он отмечал, что в Черновицкой губернии в сентябре–октябре 1914 г. не удалось создать единую систему управления и проводить какие-либо политические мероприятия, как это было в Галиции. Губерния представляла собой прифронтовой район, что определяло политику российской администрации: «Постоянное передвижение войсковых частей с чередовавшимися занятием и очищением довольно значительных территорий само по себе лишало возможности устанавливать какое-либо определенное и твердое управление, а потому главная и подчас исключительная задача администрации лежала в поддержании возможного порядка в населении и в исполнении требований войсковых частей» (Краткий отчет 1915: 1). Но документы дипломатической канцелярии Ставки и переписка С.Д. Сазонова с ее чинами показывают, что военный фактор не был единственным препятствием к созданию в Буковине русского гражданского управления.

Формирование русского гражданского управления на территории Буковины в значительной степени зависело от внешнеполитической конъюнктуры и послевоенных планов Антанты по устройству мира и формированию новых европейских границ. Если территории Восточной Галиции, по мнению правящих верхов Российской империи,

предстояло войти в состав России, то в отношении Буковины позиция была иной.

Варианты будущего передела мира в 1914–1916 гг. рассматривали не только страны Антанты и Центральные державы, но и политики Австро-Венгрии, стремившиеся к независимости. С августа 1914 г. государства Антанты планировали раздел венгерских территорий и передачу Румынии Трансильвании, что было окончательно закреплено в секретном соглашении в 1916 г. (Пеганов 2014: 361). Румынское правительство со своей стороны прекрасно понимало, что может выдвигать значительные требования в качестве платы за вступление в войну на стороне Антанты. Румынские политики стремились и к получению всей территории Буковины. Царское правительство уже в 1914 г. не исключало возможности передачи Румынии части Буковины. Это обстоятельство непосредственным образом повлияло на формирование там русского гражданского управления.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в декабре 1914 г. писал Н.А. Кудашеву, возглавлявшему дипломатическую канцелярию Ставки Верховного главнокомандующего: «Считаю, что возможно большее занятие территории Буковины, насколько это допустимо соображениями военного характера, представит выгоды при будущих переговорах. Что же касается введения гражданского управления, то таковое предпочтительно ввести лишь в той части, которая будет окончательно за нами закреплена» (АВПРИ 3: 23). В ответ Кудашев запросил от Сазонова более четкую информацию о том, где конкретно следует создавать русское гражданское управление, какими территориями «надлежало бы ограничить сферу нашей администрации в Буковине» (АВПРИ 3: 24).

Смешанный состав населения Буковины и возможный раздел буковинской территории между Российской империей и Румынией требовали крайне осторожно отнестись к проблеме будущего разграничения.

Таким образом, частью вопроса об организации управления Буковиной стало определение административных границ русского гражданского управления с учетом послевоенной перспективы. Одной из задач инспекционной поездки камер-юнкера В.Н. Муравьева по территории Буковины стало определение реальных границ проживания русинского населения. В качестве исходных данных дипломатическая канцелярия штаба Ставки Верховного главнокомандующего использовала сведения, предоставленные представителями «москвофильского» политического направления, в т. ч. известным общественно-политическим деятелем А.Ю. Геровским. Но все они проверялись на месте, и главным было выявить районы реального

проживания русинов. Муравьев писал в дипломатическую канцелярию: «Моя главная цель – определить на месте, согласно данным Геровского, состав населения» (АВПРИ 1: 8 об.).

Неопределенность границ послевоенной Буковины влияла на организацию гражданского управления. Хотя Муравьев сообщал в Ставку, что во время поездок по территории Буковины «губернатор поручает мне где возможно ввести наше управление», но одновременно констатировал, что фактически русское гражданское управление создавалось в Черновцах и ближайшей к городу части Буковины от Прута до Днестра (АВПРИ 1: 8 об.). Позднее, в конце декабря 1915 г., он сообщал в дипломатическую канцелярию Ставки о том, что «буковинский отряд слишком малочислен и не располагает средствами для организации управления». Фактически край остался без надзора, за исключением линии, по которой располагались войска (РГВИА 2: 73).

Организация гражданского управления в Буковине зависела не только от внешнеполитических, но и от кадровых проблем. Состав российской администрации на территории Буковины был небольшим. Очень часто чиновники администрации брали на себя самые разнообразные задачи. Муравьев сообщал в связи с этим в Ставку: «Здесь у нас так мало администрации из военных чинов, что каждый должен принимать на себя самые разнообразные обязанности» (АВПРИ 1: 8 об.).

Отступление русских войск с территории Буковины осенью 1914 г. вызвало обеспокоенность Ставки. Чиновники дипломатической канцелярии Ставки при штабе Верховного главнокомандующего отмечали: «...отступление и сдача города Черновцы крайне нежелательны с точки зрения наших политических интересов. Румыния учитывает здесь каждое наше движение, и главным доводом наших сторонников в Бухаресте является именно присутствие здесь наших войск. Уход последних произведет крайне неблагоприятное впечатление, и агитация в пользу присоединения к нам значительно потеряет силу» (АВПРИ 1: 2 – 3). Беспокойство вызывало и то, что территорию могли занять румынские войска, а это затруднило бы «получение нами (т. е. Российской империей. – А.Б.) здесь впоследствии выгодной границы» (АВПРИ 1: 2 – 3).

В конце октября, несмотря на отступление русских войск, вопрос об организации управления Буковиной продолжал обсуждаться в Ставке. Особое внимание начальник штаба Ставки генерал Н.Н. Янушкевич обращал на проблему румынского населения. По этому поводу он отправил запрос генерал-губернатору Восточной Галиции Г.А. Бобринскому. Тот ответил: «Буковина должна быть поделена на 13 уездов, но население трех из них румынское, и я еще не выяснил вопроса,

должны ли мы в них ввести русскую гражданскую администрацию» (РГВИА 2: 8 об.). Таким образом, можно говорить о том, что в октябре–ноябре 1914 г. вопрос о принципах организации гражданского управления в крае оставался открытым.

Русские войска вновь заняли территорию Буковины 15 ноября 1914 г., и Черновицкая губерния просуществовала до 1 февраля 1915 г.

Вторичное вступление русских войск на территорию Буковины, по мнению некоторых чинов дипломатической канцелярии Ставки, создало возможности для влияния на позицию Румынии, где еще не был решен вопрос о вступлении в войну. Снискать «расположение» Румынии предлагалось за счет создания румынских органов самоуправления и румынской милиции на территории «местностей, населенных румынами и находящихся за пределами той части Буковины, которую желательно присоединить к России» (АВПРИ 1: 30). Камер-юнкер Муравьев представил 21 декабря 1914 г. в Ставку докладную записку, где предлагал создать румынскую милицию из местных жителей, а затем «расширить функции этой организации... В ее руки можно будет передать и управление румынскими местностями» (АВПРИ 1: 29 об.–30). По мнению Муравьева, организация милиции из буковинских румын давала массу преимуществ. В случае отступления русских войск можно было бы «передать эти местности созданным нами румынским органам» (АВПРИ 1: 30 об.) и устроить, таким образом, проблемы австрийцам, «так как им пришлось бы подавлять фактически осуществленную независимость буковинских румын». Предложение Муравьева в штабе Ставки не поддержали. Генерал Н.Н. Янушкевич наложил следующую резолюцию: «Это рано и без особых указаний С.Д. Сазонова – нельзя» (АВПРИ 1: 30 об.). В МИД также был рассмотрен проект Муравьева. Советник политического отдела МИД М.Ф. Шиллинг сообщил ему: «...министр не сочувствует предложенной Вам организации в Южной Буковине милиции из румын» (АВПРИ 1: 38). Но через несколько дней позиция Сазонова несколько изменилась. Он поддержал предложение о создании из буковинских румын милиции для сохранения порядка, но по-прежнему отрицательно относился к планам введения румынского самоуправления. По мнению министра, нельзя было в Буковине обеспечивать интересы Румынии до ее вступления в войну, иначе у румынского правительства создастся впечатление, что «румынские интересы в Буковине будут обеспечены и без вмешательства Румынии» в войну на стороне Антанты (АВПРИ 1: 42).

Вопрос об организации гражданского управления в Буковине в конце 1914 – начале 1915 г. решался в двух ведомствах: Ставке Верховного главнокомандующего и в МИД. Янушкевич поддержал

предложение Муравьева и распорядился начать введение русского гражданского управления в южной части Буковины (РГВИА 2: 74а). Министр иностранных дел Сазонов также не возражал против этого, но обратил внимание на два момента. Во-первых, он считал «желательным, чтобы высшие должности были заняты везде русскими из России и лишь низшие – местными уроженцами» (АВПРИ 4: 6), во-вторых, указывал на «необходимость строго подбора привлекаемых на службу в Буковине русских чиновников» (АВПРИ 4: 6).

Императорская помета на документе указывает, что предложения Сазонова были согласованы с Николаем II, который поддержал министра, написав: «Правильно» (АВПРИ 4: 6). В самой Черновицкой губернии мнения о создании там русского гражданского управления разделились. Евреинов немедленно телеграфировал в Ставку: «...считаю проект... почти неосуществимым на деле. Муравьев по объезде Южной Буковины присоединился к моему заключению» (РГВИА 2: 267). Но на следующий день Муравьев телеграфировал в Ставку: «Для немедленного введения в Южной Буковине управления губернатор считает нужным теперь же образовать пять новых уездов и командировать срочно потребное число нижних чинов полиции» (РГВИА 2: 268). Можно предположить, что Евреинов не поддерживал проект введения в Буковине русского гражданского управления, но под давлением чиновника дипломатической канцелярии штаба Ставки вынужден был согласиться. В пользу этого предположения говорит дальнейшая политика С.Д. Евреинова в Буковине, который всячески противодействовал прибытию туда русских гражданских чинов. Следует отметить, что практика назначений в Восточную Галицию русских гражданских чиновников впоследствии была признана крайне неудачной. Их низкий профессионализм вызывал множество нареканий. И Евреинов уже учитывал имевшийся опыт, а также и то, что территория Буковины представляла собой сложный прифронтовой район. А.Ю. Геровский отмечал, что, хотя деятельность русской администрации в Галиции в 1914 – начале 1915 г. следует признать неудачной, но черновицкий губернатор С.Д. Евреинов «единственный из администрации оказался на высоте своей задачи» (РГВИА 2: 131 об.). Он не принимал присылавшихся из России уездных начальников и полицейских, считая, что их непрофессиональные действия могут уронить престиж русской власти в крае. Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский отмечал, что ситуация в Буковине была гораздо лучше, чем в Галиции, т. к. как «русские до этого времени предоставляли самим буковинцам разбираться в своих делах» (Шавельский 1954: 47–48). Он приводил примеры действий губернатора Евреинова, который всячески предотвращал вмешательство в дела православной Буковинской митрополии.

На организацию гражданского управления в Буковине в 1914–1915 гг. влияли различные факторы, в т. ч. непосредственная близость фронта, пристальное внимание Министерства иностранных дел и лично С.Д. Сазонова к организации управления регионом, позиция черновицкого губернатора С.Д. Евреинова. Пристальное внимание МИД к буковинской территории в связи с российско-румынскими отношениями во многом влияло на появление различных инициатив, связанных с организацией управления Буковиной, в частности проекта создания румынской милиции и румынского самоуправления. Но следует подчеркнуть, что к подобным инициативам руководство МИД и дипломатической канцелярии штаба Ставки относилось с большой осторожностью.

Буковина, в отличие от Восточной Галиции, не привлекала столь пристального внимания российских националистов, ратовавших за объединение исторической Руси. Это, несомненно, повлияло на то, что на территории края не проводились форсированные преобразования для создания более тесных связей с Российской империей. Наличие значительного по численности румынского населения в условиях, когда решался вопрос о вступлении Румынии в Первую мировую войну, также стало фактором, влиявшим на создание органов гражданского управления и самоуправления и определение административных границ. В совокупности перечисленные факторы определяли различия как в организации гражданского управления в Буковине и Восточной Галиции, так и в политике российской администрации на этой территории в целом.

## ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ 1 – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 163. 18 л.

АВПРИ 2 – АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 159. 400 л.

АВПРИ 3 – АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 165. 130 л.

АВПРИ 4 – АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 174. 27 л.

Борисёнок 2018 – *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2018.

Велика війна 2014 – Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: у 2 кн. Київ, 2014. Кн. 1.

Глизнер 2014 – *Глизнер В.* Административно-территориальное разделение Галиции и Буковины русской оккупационной властью в 1914–1918 гг. // Схід. 2014. № 4 (130). С. 79–83.

Добержанський 1999 – *Добержанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ століття. Чернівці, 1999.



Історія розвитку 2014 – Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області. Чернівці: Букрек, 2014.

Кабузан 2006 – *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006.

Клопова 2016 – *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

Краткий отчет 1915 – Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией за период времени с 1 сентября по 7 октября 1914 г. и с 17 ноября 1914 г. по 1 февраля 1915 г.б. черновицкого губернатора камер-юнкера двора его императорского величества Евреинова. Киев, 1915.

Лапина 1988 – *Лапина И.М.* Вопрос о Буковине в русско-румынских дипломатических отношениях (1914–1916 гг.) // Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев, 1988. С. 178–195.

Лопухин 2008 – *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. М., 2008.

Нестеров 2014 – *Нестеров А.Г.* Герцогство Буковина в интеграционной модели Австро-Венгерской монархии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 66–71.

Новая философская 2010 – Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. II. С. 624–625.

Особливості буковинського 2010 – Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу. Донецьк, 2010.

Пеганов 2014 – *Пеганов А.О.* Национально-территориальные претензии Венгрии в Первой мировой войне // Первая мировая война в исторических судьбах Европы. Минск, 2014. С. 361.

Раздорский 2016 – *Раздорский А.И.* «Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией» в 1914–1915 гг. губернатора С.Д. Евреинова как исторический источник // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 3. С. 124–137.

РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 644. 180 л.

РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. 300 л.

Танфильев 1915 – *Танфильев Г.И.* Галиция и Буковина: Географический очерк. 1915.

Хутарев-Гарнишевский 2012 – *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Российская жандармерия на территориях Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 2. С. 47–58.

Шавельский 1954 – *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. II.



## REFERENCES

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 135. List 474. File 163.

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 135. List 474. File 159.

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 135. List 474. File 165.

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 135. List 474. File 174.

Borisenok, E.Yu. (2018) *Nesovetskaya ukrainizatsiya: vlasti Pol'shi, Chekhoslovakii i Rumynii i "ukrainskiy vopros" v mezhoennoy period* [Non-Soviet Ukrainization: the authorities of Poland, Czechoslovakia and Romania and the "Ukrainian question" in the interwar period]. Moscow: Algorithm.

Smoliy, V.A. (ed.) (2014) *Velika viyna 1914–1918 rr. i Ukraïna* [The Great War of 1914–1918 in Ukraine]. Vol.1. Kyiv: Klio.

Glizner, V. (2014) Administrative-territorial division of Galicia and Bukovina Russian occupation authorities in 1914–1918. *Skhid*. 4 (130). pp. 79–83 (in Russian).

Dobzhansky, O. (1999) *Natsional'niy rukh ukraïntsv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX stolittya* [National movement of Ukrainians in Bukovina in the second half of the 19th – early 20th century]. Chernivtsi: Zoloti litavri.

Gakman, S. et al. (2014) *Istoriya rozvitku organiv vladi na teritorii Chernivets'koi oblasti* [The History of the authorities in Chernivtsi region]. Chernivtsi: Bukrek.

Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraiintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka* [Ukrainians in the world: dynamics of population and settlement. The 1720-ies – 1989]. Moscow: RAS.

Klopova, M.E. (2016) *Rusiny, russkie, ukraiintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th century]. Moscow: Indrik.

Evreinov, S.D. (1915) *Kratkiy otchet po upravleniyu Chernovetskoy gubernii za period vremeni s 1 sentyabrya po 7 oktyabrya 1914 g. i s 17 noyabrya 1914 g. po 1 fevralya 1915 g.* b. chernovitskogo gubernatora kamer-yunkera dvora ego imperatorskogo velichestva Evreinova [Summary report on the administration of Chernivtsi province from September 1 to October 7, 1914 and from November 17, 1914 to February 1, 1915, Chernivtsi Governor, Chamber Junker of his Imperial Majesty Court Evreinov]. Kyiv: [s.n.].

Lapina, I.M (1988) *Vopros o Bukovine v russko-rumynskikh diplomaticheskikh otnosheniyakh (1914–1916 gg.)* [The question of Bukovina in Russian-Romanian diplomatic relations (1914–1916)]. In: Madievsky, S.A. (1988) *Problemy vnutri- i vneshnepoliticheskoy istorii Rumynii novogo i noveyshego vremeni* [Prob-

lems of home- and foreign policy history of Romania of the new and modern times]. Chişinău: Ştiinţa. pp. 178–195.

Lopukhin, V.B. (2008) *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former Director of the Department of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Nestor-Istoriya.

Nesterov, A.G. (2014) Duchy of Bukovina in the integration model of Austria-Hungary. *Evropa v menyayushchemsya mire* [Europe in a changing world]. Proc. of the Conference. pp. 66–71 (in Russian).

Stepin, V.V. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia. In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 624–625.

Antoshkina, L., Gadinko, A., Krasovska, G., Sigeda, P. & Sukhomlinov, O. (2010) *Osoblivosti bukovins'kogo pogranichchya: istoriya kul'turnogo polilogu* [Specificity of the Bukovina frontier: a history of the cultural polylogue]. Donetsk: Yugo-Vostok, LTD.

Peganov, A.O. (2014) Natsional'no-territorial'nye pretenzii Vengrii v Pervoy mirovoy voyne [National-territorial claims of Hungary in the First World War]. In: Bogush, V.A. (ed.) *Pervaya mirovaya vojna v istoricheskikh sud'bach Evropy* [World War I in the historical destinies of Europe]. Minsk: BSU.

Razdorsky, A.I. (2016) "Kratkiy otchet po upravleniyu Chernovetskoj gubernii" v 1914–1915 gg. gubernatora S.D. Evreinova kak istoricheskiy istochnik ["Summary report on the administration of the Chernivtsi province in 1914–1915' by Governor S.D. Evreinov as a historical source]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. "Istoricheskie nauki"*. 2 (3). pp. 124–137.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. 644.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2005. List 1. File 12.

Tanfilev, G.I. (1915) *Galitsiya i Bukovina: Geograficheskiy ocherk* [Galicia and Bukovina: A geographical essay]. [s.l.; s.n.].

Khutarev-Garnishevsky, V.V. (2012) Rossiyskaya zhandarmeriya na territoriyakh Galitsii i Bukoviny v gody Pervoy mirovoy vojny [The Russian gendarmerie in Galicia and Bukovina during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*. 2. pp. 47–58.

Shavelsky, G.I. (1954). *Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoy armii i Flota* [Memoirs of the last Protopresbyter of Russian army and Navy]. Vol. 2. New York: izd. Im. Chekhova.

**Бахтурина Александра Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (Россия).

**Alexandra Yu. Bakhturina** – Russian State University for the Humanities (Russia)

**E-mail:** b-a-t13@mail.ru

УДК 882+808.51+82-52

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/8

## **МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНИМАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАКОВ В ЗАПАДНОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОМИЛЕТИКЕ КОНЦА XVII в.**

**К.С. Шаров**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова  
Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4  
E-mail: const.sharov@mail.ru

### **Авторское резюме**

Обсуждается вопрос об антропонимике в гомилетической духовной литературе Восточной Европы (России и Речи Посполитой) во второй половине XVII в. Показано, что в эти годы сложилась уникальная ситуация: на пересечении московской, западно-русской и польской церковных литературных традиций возникло неунитатское новаторское течение в христианской гомилетической литературе («западное направление»), затронувшее православную церковь в России, Речи Посполитой и Карпатской Руси (тогда – части княжества Трансильвания). Оно явило миру рождение великих духовных произведений, соединивших московский аскетический опыт, западно-русскую поэтику и польские строгие приемы богословской аргументации. Объектом исследования выступили гомилетические и методические сочинения ксендза Фомы Млодзяновского, архимандрита Иоанникия Голятовского, архиепископа Лазаря Барановича, но основное внимание уделено исследованию трудов святителя Димитрия, митрополита Ростовского, и Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского, местоблюстителя патриаршего престола. Установлено, что в западно-русской литературной традиции антропоним обладает особой надфеноменальной сущностью: он не может быть искусственно сконструирован и некоторым метафизическим, сверхъестественным образом характеризует референта, к которому относится. Христианская гомилетическая литература Западной Руси второй половины XVII в. определяется сакрально-мистическим пониманием имени человека, которое

часто граничит с мифологическим пониманием, а элементы мифологии широко включаются в христианскую восточнославянскую проповедь указанного периода.

**Ключевые слова:** славянская духовная литература, христианская гомилетика XVII в., антропоним, имя собственное, мифология, русская проповедь, польская проповедь, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, филологические особенности проповеди, Западная Русь.

## MYTHOLOGICAL DEPENDENCY OF UNDERSTANDING PROPER NAMES AS LINGUISTIC CULTURAL SIGNS IN THE WEST RUSSIAN LITERARY HOMILETICS OF THE LATE SEVENTEENTH CENTURY

**K.S. Sharov**

M.V. Lomonosov Moscow State University  
27 Bld, 4 Lomonosovsky Avenue, Moscow, 199991, Russia  
E-mail: const.sharov@mail.ru

### **Abstract**

The paper discusses the place and role of anthroponyms in the spiritual literature of Eastern Europe (Russia, *Reç Pospolita*) in the second half of the 17th century. These years saw a unique situation in the development of spiritual literature: the intersection of South Russian, Moscow and Polish Church literary traditions gave birth to a novel a non-Uniate trend in Christian homiletical literature ("West trend"), which affected the Orthodox Church in Russia, *Reç Pospolita* and Carpathian Rus (formerly a part of the Principality of Transylvania). The West Russian literary trend produced great spiritual works, combining Moscow ascetic experience, West Russian poetics and Polish strict methods of theological argumentation. The research addresses homiletic and methodological works of Priest Tomasz Młodzianowski, Archimandrite Ioanniky Golyatovsky, Archbishop Lazar Baranovich, with the main focus laid on the works of St Dimitry, Metropolitan of Rostov, and Stefan Jaworski, Metropolitan of Ryazan and Murom, Locum Tenens of the Patriarchal throne. It is found out that the West-Russian literary tradition provides an anthroponym with a special supra-phenomenal essence: it cannot be vulgarised, debased or artificially constructed; and characterises the referent

at which it points out in some metaphysical, supernatural way. The Christian homiletic literature of West Russia in the second half of the 17th century demonstrated the sacral and mystical understanding a person's name, which often tended to a mythological understanding. The mythological elements are widely included in West Russian Christian literary homiletics of the time discussed.

**Keywords:** Slavonic spiritual literature, Christian homiletics of the 17th century, anthroponym, proper name, mythology, Russian sermon, Polish sermon, Dimitry Rostovsky, Stefan Jaworski, philological specificity of sermon, West Russia.

## Введение

Во второй половине XVII в. активно развивалось т. н. западное течение<sup>1</sup> в православном духовном сочинительстве, которое включало элементы русского и польского богословия. Под Западной Русью мы понимаем земли Руси, находившиеся в составе Польско-Литовского государства, а под западнорусским православием – православие на территории Киевской митрополии, глава которой носил титул митрополита Киевского и всея Руси. Данное течение не было униатским (Labancová 2016; Koščak, Kuňar 2017; Valčo 2017). Западнорусская православная литература, испытав влияние католицизма, достигла своего расцвета (Флоровский 2006: 378–390; Яблоков 2012: 54; Солнышкина, Кисельников 2015: 88). Можно утверждать, что литературная, художественная православная гомилетика (искусство проповеди) в тот период являлась одним из главных жанров православных духовных произведений в Западной Руси – как пастырских (используемых в целях проповеди после или во время богослужения в церкви), так и непастырских (написанных как произведения для чтения дома и самостоятельного осмысления). Среди непастырских сочинений были канонические и неканонические. Первые строго следовали христианской католической и православной теологии, вторые же могли быть написаны как светские литературные произведения, в которых гомилетический посыл был более свободным в плане богословия, мог не точно следовать канону и предназначался для более широких слоев населения (Карасев 1993: 84–85).

Вторая половина XVII в. была временем активного передела границ в Восточной Европе и теснейшего межкультурного общения. Как мы помним, в 1667 г. Украина (ряд юго-восточных левобережных воеводств Речи Посполитой) присоединилась к России: Польша уступила России по Андрусовскому перемирию значительные территории левобережных воеводств вместе с Киевом. Митрополит

Киевский и всея Руси Петр (Могила), сторонник активного сближения с Российским государством, на собственные средства основал Киево-Могилянскую академию для подготовки православных священнослужителей в Западной Руси. Однако католическое влияние на Украине продолжалось: даже содержание и форма преподавания многих теологических и литературных курсов в академии оставались такими же, как и в чисто католических духовных учебных заведениях Речи Посполитой (Корзо 2007: 28, 43, 46–48; Селезнева, Смулькина 2018). Католицизм в Западной Руси практически до конца XVIII в. (до времен Екатерины II) был синонимом образованности (Карасев 1989: 54; Карасев 1991: 75; Карасев 1999: 48; Шаров 2013: 185; Болдин 2018).

Католическая риторика оказала сильное влияние практически на всех наиболее выдающихся церковных писателей Западной Руси: митрополита Киевского и всея Руси Петра (Могила), митрополита Сильвестра (Коссова), архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия (Гизеля), архимандрита лавры Иоанникия (Голятовского), игумена Антония (Радивиловского), архиепископа Лазаря (Барановича), свт. Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского (Сумцов 1885: 76, 81; Преображенский 1909: 35; Zozulak 2016; Marek 2018).

У этой западнорусской традиции гомилетики, особенно неканонической, были и недруги. Патриарх Московский и всея Руси Иоаким, последний великий<sup>2</sup> патриарх досинодального периода, с подозрением относился к западнорусской митрополии, называл местное православие «пестрым», желая показать его сильную близость католицизму, и осуждал многие сочинения указанных церковных авторов как неприемлемые для Русской православной церкви и иногда даже еретические (Стратий и др. 1982: 125).

### **Отношение к именам собственным в юго-западной традиции русской христианской литературной гомилетики XVII в.**

Интересно, что церковные писатели, жившие в конце XVII в. на севере России, – архиепископ Феофан (Прокопович), митрополит Иосиф (Римский-Корсаков), митрополит Новгородский Иов – унаследовали литературное отношение к онимам, близкое рационалистической манере протестантских немецких и английских писателей; в то же время жившие в Западной Руси Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, а впоследствии и Феофилакт Лопатинский восприняли барочный литературный стиль, сформированный и выточенный католическими авторами (Селезнева, Смулькина 2018; Kiejzik, Orlova 2018; Shdanki-

на, Shipulina 2018). Например, на свт. Дмитрия и Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола при Петре I, оказал очень сильное литературно-богословское влияние польский проповедник, священник-иезуит Фома (Томаш) Млодзяновский (Крылов 2015: 159, 162; Хондзинский 2018: 191). От Фомы и других католических писателей-теологов XVI–XVII вв. – Корнелия а Лапиде, Кристобая де Торреса, Пьера де Бетуля, Матиаса Фабера, Жака Бениня Боссюэ – святитель Дмитрий и Стефан Яворский унаследовали сакрально-мистическое, герметическое, подчас даже сверхъестественно-магическое понимание имени человека (Федотова 1993; Крашенинникова 2015; Peterka 2016; Pukanec 2018). Исследователи-антиковеды Джон Диллон из Тринити-колледжа Дублина, Ирина Протопопова из Российского государственного гуманитарного университета (Москва), Игорь Тантлевский из Санкт-Петербургского государственного университета и Михаил Ведешкин из Института всеобщей истории РАН (Москва) полагают, что в таком отношении к именам собственным проявляются мотивы раннего и среднего платонизма (Protopopova 2016a; Protopopova 2016b; Tantlevskij 2016a; Tantlevskij 2016b; Dillon 2017; Protopopova 2017; Tantlevskij 2017a; Tantlevskij 2017b; Protopopova, Garadja 2018; Tantlevskij 2018a; Tantlevskij 2018b; Vedeshkin 2018). Мирослав Хутька из Католического университета Ружомберока в Словакии видит в этом скорее августиинанскую католическую традицию (Hut'ka 2018). При этом подчеркивается, что антропоним для этих церковных писателей почти всегда используется в коннотативном смысле (Зубов 2001: 32–34; Chernyak 2017: 82).

Невозможно согласиться с Юрием Самариным, сказавшим, что, «хотя язык XVII и XVIII столетий значительно разнится от языка предшествовавших столетий и представляет много нового и странного, но подробного изучения он не стоит» (Самарин 1880: 390). Полагаем, Самарин здесь немного поспешен в своих выводах: этот стиль может послужить весьма ценным филологическим объектом для нашего понимания особенностей христианской литературной гомилетики рассматриваемого периода.

В данной статье мы сосредоточимся на особом понимании места и роли антропонимов в духовных сочинениях представителей западного направления духовной литературы, объединившего церковных писателей Польши, Московской Руси и Западной Руси. Главными представителями «антропонимического» направления русской духовной литературы можно считать свт. Дмитрия Ростовского и местоблюстителя патриаршего трона Стефана Яворского. Тем не менее эти писатели сами не изобрели данное отношение к антропонимике «с нуля»: на них, безусловно, повлияла предшествующая польская и западнорус-

ская традиция, в которой постепенно закладывался определенный подход к композиции литературных духовных произведений (Крылов 2014: 11). В этом подходе присутствует пиетет перед использованием имен собственных вообще и антропонимов в частности.

### Антропонимы как инструменты денотации и коннотации

И Дмитрий, и Стефан очень широко используют имена собственные: древневосточные, античные, славянские и германские имена соседствуют у них друг с другом. В «Слове во Святую и Великую неделю Пасхи» Стефан пишет о сравнении случаев великой радости в ветхозаветные времена и пасхальной радости, насыщая текст антропонимами до предела:

Многия бяху радости в мире сем велия и неизреченныя, но не всемирныя и окончание свое имущыя. «Радовахуся ужики вси *Авраамли*, егда одоиса *Исаак* сын его» (Быт., гл. 21, ст. 8). Велия бяхе радость и в дому *Захарии*, егда родися *Иоанн* предтеча: превелия евреем, свободнымся ига работы, и изшедшим из Египта. Велия жителем Вифулийским торжества вина бяхе, егда *Иудиф* непобедимаго уби *Олоферна*. Радовахуся зело Иудеи, егда от убийства *Аманова* избави их *Есфирь* царица. Настоящая радость толико вящшая есть Церкви православной, елико не дому единому, стране коей, или граду, но всемирная, конца не имущая, все создание увеселяющая, *Христос* воскресе! (Стефан 2014: 28).

Дмитрий, Стефан и Иоанникий Голятовский усвершенствовали литературную традицию наименования Фомы Младзяновского. У Фомы в его пространных, но достаточно сухих по стилю проповедях антропонимов, используемых в функции обычной денотации, не очень много. Они ограничиваются, в основном, именами и титулами Иисуса Христа и Божьей Матери:

Милая *Украина*, в чем же ты утонула? В слезах бедных людей...

Милая *Отчизна*, как же ты из королевства, когда-то на весь мир своими богатствами знаменитейшего, превратилась в страну бедную, наполовину пустую?

Потоп слез людей убогих залил тебя.

Наконец, четвертый грех, взывающий к *Богу* в *Польше*, – это грех плоти. Этот грех распространился по всей *Польше* сегодня, как чума. Между нами сейчас происходят грехи, о которых в *Польше*, как и во всем мире, никто не слышал. Кто этим грешит, тот обычно этим и



наказан бывает. Этот грех уничтожит *Польшу* и в рабство отправит ее к чужестранцам.

И трубы вместе с Давидом должны так воззвать по всей *Польше* к братьям нашим, к полякам, уже погибающим, уже на волоске только остающихся в своей воле: отверни, *Господи*, лице Твое и все беззакония мои изгладь.

Спросил как-то, как до нас история доносит, король Ян Казимир святейшего отца Иосифа из ордена отцов францисканцев, каков конец польской войны на *Украине*.

Помолился отец Иосиф и ответил: *Бог* хочет сделать эту землю необитаемой.

А кто делает ее необитаемой? *Поляки* через свои грехи.

О *Господи*! Не только отверни лице Твое от наших грехов, но и уничтожь их! Истреби их как можно больше, *Господи*, истреби все беззакония наши в *Польше*, чтобы и в *Польше* нам не пришлось бы терпеть из-за этих грехов наших всего того, что к нам уже пришло на *Украину*.

*Богородице Госпожа*! Омой нас от грехов совести нашей в Крови *Христа* и дел наших, чтобы через исправление и покаяние мы прославили *Бога*, и не призывай на грехи наши, ни сейчас, ни в час смерти нашей. Аминь (Młodzianowski 1935: 26–27).

## Антропонимы как маркеры качеств

Часто в своих литературных проповедях Дмитрий и Стефан используют антропонимы в качестве негативных квалитативов, но иногда, реже – в качестве позитивных. Так, в одном из сочинений на мифологический античный сюжет свт. Дмитрий использует греческие имена *Симонид*, *Солон*, *Зенон* и *Платон* для подчеркивания любви к мудрости, рассудительности, созерцательности и религиозности. Интересно, что у Дмитрия в этом сочинении и женские античные мифологические имена *Филлида*, *Гипермнестра*, *Гипсипила*, *Дидона* используются также как маркеры положительных общечеловеческих качеств – мужества, честности, прямодушия, преданности и верности, а не только свойств характера, понимавшихся в XVII в. как традиционно женские (Sukhanova, Vorobyova 2017). В этом, вероятно, также сказался пietet, проявляемый святителем по отношению к платонизму, ведь у Платона и ранних платоников мужские и женские добродетели не разделяются, как, например, у Аристотеля (Шаров 2012; Федоров, Федоров 2018; Шаров 2019; Druga 2017). Как для Дмитрия, так и для Стефана использование антропонимов как маркеров плохих или хороших качеств человека осуществляется в их собственном кровавом контексте; эти авторы не делятся контекстом с читате-

лем, призывая читателя к соработничеству, попыткам самостоятельно догадаться о контексте. Вероятно, в этом сказывается приверженность Стефана и Дмитрия барочному стилю в литературе; им совершенно чужд зарождавшийся в те годы классицизм, в котором человеческое имя трактовалось сугубо рационально.

Также изучаемые нами авторы совершенно чужды традиции конструирования говорящих имен. Нельзя сказать, что в литературе барокко не использовались говорящие имена; наоборот, именно барокко явило миру расцвет говорящих антропонимов: Мольер, Расин, Корнель, Лафонтен – все они широко использовали данный прием. Однако свт. Дмитрий и Стефан уходят от него, возможно, считая его слишком «низким», грубым, простонародным. Оба они – литературные эстеты, им чуждо любое «опошление», приземление слова. Использование говорящих имен – слишком очевидный трюк, не заставляющий читателей рассуждать, докапываясь до истинного смысла имени, а преподносящий им смысл наименования человека на блюде, и поэтому этот прием не созвучен Дмитрию со Стефаном. К тому же, вполне возможно, эти церковные писатели, унаследовав платоническое сакрально-мистическое понимание человеческого имени, считали конструирование говорящих имен некоторым разрушением святости человеческого имени как такового, своего рода профанацией системы наименования, созданной Богом.

### Имена собственные как лингвокультурные символы

Фома Младзьяновский прономинацию в своих сочинениях не использует, но широко применяет символизм. Например, рассуждая об обращении апостола Павла, он пишет:

Анания видел в Савле *Савла*, а *Павла* в нем не видел.

А Господь Иисус, напротив, видел в нем *Павла* и больше не видел *Савла*.

Не таково око человеческое, каково око Божье.

Тебе кажется, что это *плевелы*, а Бог видит, что это *пшеница* (Młodzianowski 1935: 31).

*Савл* у Младзьяновского становится символом ветхозаветного греховного существования людей, удаленности от Бога, добровольного ослепления глаз, умов и сердец, в то время как *Павел* – символ спасения человечества Иисусом Христом через его распятие и воскресение. Можно метафорически сказать, что *Савл* остался в Тарсе – родном городе апостола, а *Павел* объял своей проповедью

всю Римскую империю. Но Анания в Дамаске в момент обращения бывшего гонителя христиан еще не мог разглядеть, что за *Савлом* скрывается *Павел*.

Иоанникий Голятовский, в отличие от Фомы, широко использует и символизм, и прономинацию. Мы сейчас не догадываемся, что научные исторические рассуждения Льва Гумилева и Георгия Вернадского о происхождении этнонима «казак» от слова «хазар» восходят к мифологическим объяснениям Иоанникия, согласно которым некий древний хазарский хан *Козар*, или *Козак*, оказывается вовсе не инославным иностранцем, а настоящим русином, русом (Суляк 2017; Суляк 2018), как его и называет архимандрит Иоанникий (Иоанникий 2001: 137). У Иоанникия цепочка имен следующая: *хазар* → *козар* → *Козар* (*Козак*) → *козак* (Иоанникий 2001: 137–138).

Здесь у Иоанникия, скорее всего, мы сталкиваемся с историческим мифотворчеством, поскольку, опираясь на исторические и археологические сведения о хазарах и казаках, трудно отождествить древний этнос хазар и достаточно современную на XVII в. этносоциальную культурную идентичность казаков (первые свидетельства об употреблении на Руси этнонима «казак» относятся к царствованию московского князя Иоанна Калиты). Однако миф, как показывает французский филолог Ролан Барт, не требует какой бы то ни было рационализации и исторических доказательств, он сам обуславливает и объясняет ход истории (Барт 1989: 95). Изобретенная мифологическая версия истории становится в сознании читателей мифа реальнее самой истории, она изменяет исторические события необходимым образом и вписывает их в общую картину (Климова 2013; Мельникова 2018; Санина, Чертушкина 2018). Культурный миф всегда обладает внутренней непротиворечивостью и высокой степенью логичности, а ход истории – далеко не всегда (Радионова 2015; Шаров 2015; Краснобаева-Черная 2018).

Однако нам важно не то, что Иоанникий реальную историю подменяет мифами своего собственного сочинительства, но то, что он изобретает весьма остроумные литературные способы и приемы символизма и прономинации онимов, которые он здесь и использует. Мифологизация этнонимов и топонимов – отличительная филологическая характеристика не только Голятовского, но и Симеона Полоцкого, Иннокетия Гизеля, Лазаря Барановича и отчасти митрополита Киевского Петра. Психологи В. Емелин и А. Тхостов называют подобную филологическую мифологизацию определенной психологической геокогнитивной картой и видят в ней психологический подтекст (Emelin, Tkhostov 2018: 132). Многие из них прямо или косвенно связаны с Иерусалимом, причем не обязательно реальным городом, а

часто – с Небесным Иерусалимом как культурным архетипом (Borisov 2018; Simsky 2018; Tretyakova 2018). Примечательно, что в гомилетических сочинениях церковных писателей Северной и Центральной России (клириков и первоиерархов Русской православной церкви Московского патриархата) такой черты вовсе не наблюдается (Melik-Gaykazyan 2017; Melik-Gaykazyan, Melik-Gaykazyan, Tarasenko 2018).

У Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского, так же, как и у Иоанникия Голятовского, и прономинация, и символизм используются достаточно широко и во многих случаях вместе (см., напр.: Дмитрий 1848: т. 2, 547–548, т. 3, 102–103; Стефан 2015: 323–325).

Свт. Дмитрий такой кластеризацией имен, реферирующих к материальным объектам, проводит своего рода материализацию антропонима, превращение имени из идеального объекта в объект визуально и физически доступный, который можно ощутить, представить по памяти, вспомнить как наглядный образ во время молитвы (Joussellin, Mailenova 2018: 145). Используя терминологию Валерия Савчука, который ввел понятие «образная вернисажность» (Савчук 2016), можно сказать, что святитель в своей проповеди выстраивает некий лингвосимволический «вернисаж», выставку имен собственных для создания сверхъяркости образов Иисуса и Божьей матери для придания им неземного ослепительного блеска – не только филологического, но и визуального.

Стефан Яворский связывает психологическое и языковое измерения в приеме кластеризации имен-символов:

Аффекты или страсти ко украшению слова весьма ключимствуют. Без аффектов слово не сладостно, яко увядшо и гнило содевается. Тем же аффекты суть яко душа слову, или соль брашну, без которых слово мертво и не сладостно... (Стефан 1878: 80). Имя же человеце есть бо аффектов вместилище тайное... (Стефан 2015: 254).

Кластеризация символов – православное литературное изобретение Дмитрия и Стефана; у Фомы Младзяновского и вообще католических польских писателей она отсутствует. Филолог Олег Донских полагает, что высокая степень метафоричности, свойственная подобной символизации имен собственных, говорит о переходе к новой понятийной системе, о расширении координат мыслительных схем и о выстраивании новой системы отношений человека и Бога в тексте проповеди (Donskikh 2018a; Donskikh 2018b). Полагаем, именно такой символизм и метафоричность понимания онимов в конце XVII в. приведет впоследствии к расцвету в Западной Руси гимнографического жанра православного акафиста.

## Заключение

Развитие западнорусского направления неуниатской церковно-литературной гомилетики в Восточной Европе было подготовлено в XVII в. трудами Петра Могилы, Иоанникия Голятовского, Лазаря Барановича, Антония Радивиловского, Иннокентия Гизеля, Симеона Полоцкого, а также католического автора Фомы Млодзяновского, но ярче всего проявилось в сочинениях святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, и Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола при императоре Петре I. Важной особенностью западнорусской гомилетической литературы, особенно неканонической, является мифологизация онимов. Мифологическая обусловленность трактовки различных видов онимов становится характерной филологической доминантой гомилетической литературы рассматриваемого периода.

Онимы в рамках такой проповеди получают метафизическое прочтение: они имеют вечную сущность, не могут быть созданы искусственно и определенным сверхъестественным образом характеризуют объекты, именами и названиями которых они являются. Здесь мы видим сакрально-мистическое понимание имени, в т. ч. человеческого имени: в этой традиции знать имя человека – значит обладать определенной властью над ним.

Западное течение русской гомилетической литературы, направление русской литературы барокко, характеризуется широким качественным, символическим, прономинативным и коннотативным использованием онимов. Через применение бессюжных кластеров как стилистической особенности это течение способствовало расцвету акафиста как церковно-литературного жанра в Западной Руси, привело к массовому появлению акафистов и проникновению приемов их композиции в другие сферы литературы. Это течение явилось совершенно новым словом во всем гомилетическом сочинительстве славянской Восточной Европы.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Западным оно называлось относительно положения Москвы.
2. Я говорю «великий» в смысле его независимости от политической власти в России. Патриарх Иоаким, в сущности, исполнял роль правителя государства при царе Феодоре Алексеевиче, Иоанне Алексеевиче и молодом Петре, как патриарх Филарет за полвека до того был фактическим правителем при своем сыне, царе Михаиле Федоровиче Романове.
3. Перевод с польского здесь и далее мой.

## ЛИТЕРАТУРА

Барт 1989 – *Барт Р.* Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Болдин 2018 – *Болдин В.А.* «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности»: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 318–334.

Дмитрий 1848 – *Димитрій (Ростовський), митр.* Сочиненія святого Дмитрія, митрополита Ростовскаго: в 5 т. М.: Синодальная типографія, 1848.

Зубов 2001 – *Зубов В.П.* Русские проповедники. М.: УРСС, 2001. 232 с.

Иоанникий 2001 – *Іоанникій (Голятовський), архім.* Передмова до книжки «Скарбниця», Новгород-Сіверський, 1676 року // Тисяча років української суспільно-політичної думки: у 9 т. Т. 3, кн. 2: Остання чверть XVII – початок XVIII ст. Київ: Дніпро, 2001. С. 136–140.

Карасев 1989 – *Карасев Л.В.* Парадокс о смехе // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 47–65.

Карасев 1991 – *Карасев Л.В.* Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 68–86.

Карасев 1993 – *Карасев Л.В.* Гоголь и онтологический вопрос // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 84–96.

Карасев 1999 – *Карасев Л.В.* Nervoso Fasciculoso (о внутреннем содержании гоголевской прозы) // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 43–65.

Климова 2013 – *Климова М.Н.* Святость и соблазн (образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 90–95. DOI: 10.17223/19986645/24/8

Корзо 2007 – *Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVII–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: Канон+, 2007. 620 с.

Краснобаева-Черная 2018 – *Краснобаева-Черная Ж.В.* Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 4 (54). С. 98–116. DOI: 10.17223/19986645/54/6

Крашенинникова 2015 – *Крашенинникова О.А.* Неизвестная проповедь Стефана Яворского о российском гербе (1702) // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 29–38.

Крылов 2014 – *Крылов А.О.* Свт. Димитрий Ростовский и евхаристические споры в России конца XVII века // Русское богословие: исследования и материалы / Под ред. Н.Ю. Сухова и прот. П.В. Хондзинского. М.: ПСТГУ, 2014. С. 7–35.

Крылов 2015 – *Крылов А.О.* Святитель Димитрий Ростовский и Фома Младзяновский как проповедники: общее и различное // История и культура Ростовской земли. Ростов: Ростовский Кремль, 2015. С. 157–167.

Мельникова 2018 – *Мельникова С.В.* Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н.Ф. Исааковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И.П. Домского, 1823–1889) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 2 (52). С. 184–200. DOI: 10.17223/19986645/52/11

Преображенский 1909 – *Преображенский А.* Св. Димитрий Ростовский как проповедник. Казань: Центральная типография, 1909. 46 с.

Радионова 2015 – *Радионова А.В.* Ситуация как сюжетобразующая и композиционная единица лирического текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 151–162. DOI: 10.17223/19986645/36/12

Савчук 2016 – *Савчук В.В.* Мир вернисажа: визуально-антропологическое исследование // Прахема. Т. 3, № 1. С. 26–33.

Самарин 1880 – *Самарин Ю.Ө.* Стефанъ Яворский и Теофанъ Прокоповичъ // Ю.Ө. Самаринъ. Сочинения: в 12 т. М.: Д. Самаринъ, 1880. Т. 5. 464 с.

Санина, Чертушкина 2018 – *Санина К.Г., Чертушкина Е.В.* Тема кризиса культурной идентичности в творчестве Танидзаки Дзюньитиро и концепция «Утраченной Японии» Алекса Керра // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 2 (52). С. 201–215. DOI: 10.17223/19986645/52/12

Селезнева, Смутькина 2018 – *Селезнева А.В., Смутькина Н.В.* Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 352–371. DOI: 10.17223/18572685/54/21

Солнышкина, Кисельников 2015 – *Солнышкина М.И., Кисельников А.С.* Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 86–99. DOI: 10.17223/19986645/38/7

Стефан 1878 – *Стефанъ (Яворский), митр.* Риторическая рука. СПб.: Об-во любителей древней письменности, 1878. 173 с.

Стефан 2010 – *Стефан (Яворский), митр.* Камень веры Православно-Кафолической Восточной Церкви. М.: Об-во памяти игумении Таисии, 2010. 768 с.

Стефан 2014 – *Стефан (Яворский), митр.* Сочинения. Саратов: Научная книга, 2014. 510 с.

Стефан 2015 – *Стефан (Яворский), митр.* Похвальные и торжественные слова, переписка. Саратов: Научная книга, 2015. 626 с.

Стратий и др. 1982 – *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наукова думка, 1982. 374 с.

Суляк 2017 – *Суляк С.Г.* Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии // Русин. 2017. № 1 (47). С. 80–91. DOI: 10.17223/18572685/47/7

Суляк 2018 – Суляк С.Г. Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества // Русин. 2018. № 1 (51). С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Сумцов 1885 – Сумцовъ Н.Ө. Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столетія. Вып. 1. Лазарь Барановичъ. Харьковъ: Типографія М. Зильберберга, 1885. 189 с.

Федоров, Федоров 2018 – Федоров В.В., Федоров М.В. Городские пространства власти: диахронный аспект // Praxema. 2018. Т. 5, № 3. С. 170–178. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-170-178

Федотова 1993 – Федотова М.А. О двух источниках украинских проповедей Димитрия Ростовского (Фома Младзяновский и Корнелий а Липиде) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. № 38. С. 343–350.

Флоровский 2006 – Флоровский Г.В., *прот.* Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006. 608 с.

Хондзинский 2018 – Хондзинский П.В., *прот.* Святитель Димитрий Ростовский и боголовское наследие древнего Киева // Православие и православная культура в эпоху святого Димитрия Ростовского. Ростов: Изд-во Спасо-Яковлева Димитриево монастыря, 2018. С. 187–197.

Шаров 2012 – Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38–51.

Шаров 2013 – Шаров К.С. Л.В. Карасев – Гоголь в тексте // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 184–186.

Шаров 2015 – Шаров К.С. Д.Н. Кавтарадзе – Мастерская игр. Ремесло и искусство // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 210–215.

Шаров 2019 – Шаров К.С. Древний Рим и женщины-администраторы // Schole. 2019. Т. 13, № 1. С. 106–114.

Яблоков 2012 – Яблоков И.Н. Предметные области философии религии (к дискуссии в современной отечественной литературе) // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 49–59.

Borisov 2018 – Borisov E.V. Hidden arguments of visual predicates // Praxema. 2018. № 4. P. 49–60. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-49-60

Chernyak 2017 – Chernyak A.Z. Meaning as convention: a puzzling effect of Aristotelian theory of names // Schole. 2017. № 11 (1). P. 78–94. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4520

Dillon 2017 – Dillon J. *Paideia Platoniké*: Does the later Platonist programme of education retain any validity today? // Schole. 2017. № 11 (2). P. 321–332. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6463

Donskikh 2018a – Donskikh O.A. Significance of Aristotle for modern system of education // Schole. 2018a. № 12 (1). P. 207–219. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10426

Donskikh 2018b – Donskikh O.A. Splitting concepts: steps of reflection // Schole. 2018b. № 12 (2). P. 402–425. DOI: 10.21267/schle.12.2.06



Druga 2017 – *Druga M.* Pereonskí mnísi a panónske misie na prelome tisícročí // *Konstantinove Listy*. 2017. № 10 (2). P. 75–87. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.75-87

Emelin, Tkhostov 2018 – *Emelin V.A., Tkhostov A.S.* Cognitive vs technological maps of geospace // *Praxema*. 2018. № 4. P. 125–141. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-125-141

Hut'ka 2018 – *Hut'ka M.* Charizma a poslanie Augustiánskych kláštorov v stredoveku na území dnešného slovenska // *Konstantinove Listy*. 2018. № 11 (2). P. 132–142. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.132-142

Joussellin, Mailenova 2018 – *Joussellin Ch., Mailenova F.G.* L'objectivation du corps et nouvelles technologies // *Praxema*. 2018. № 4. P. 142–147. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-142-147

Kiejzik Orlova 2018 – *Kiejzik L., Orlova N.K.* Semantics of the Icon, revealed in friendship: Father Sergius Bulgakov and Sister Ioanna Reitlinger // *Praxema*. 2018. № 3. P. 202–213. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-202-213

Koščák, Kuhar 2017 – *Koščák S., Kuhar K.* Rimski prvosvećenici u vrijeme ćirilometodske misije // *Konstantinove Listy*. 2017. № 10 (2). P. 43–61. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.43-61

Labancová 2016 – *Labancová N.* Medzi bratmi: spor o dedičstvo červeného kláštora // *Konstantinove Listy*. 2016. № 9 (2). P. 26–38. DOI: 10.17846/CL.2016.9.2.26-38

Marek 2018 – *Marek M.* Kacíři, heretici, bludáři a boj proti kacířstvu v stredovekom Uhorskom kráľovstve // *Konstantinove Listy*. 2018. № 11 (2). P. 98–131. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.98-131

Melik-Gaykazyan 2017 – *Melik-Gaykazyan I.V.* The ignoramus paradox: The time of visual symbolism domination // *Praxema*. 2017. № 4. P. 49–64. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-49-64

Melik-Gaykazyan, Melik-Gaykazyan, Tarasenko 2018 – *Melik-Gaykazyan I.V., Melik-Gaykazyan M.V., Tarasenko V.F.* Projective consulting on the “axis of syntactics” // *Praxema*. 2018. № 4. P. 169–185. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-169-185

Młodzianowski 1935 – *Młodzianowski T.*, Rev. Wybór Kazań. Tom 1: Kazania niedzielne. Warszawa: Księgarni Św. Wojciecha, 1935. 244 s.

Młodzianowski Młodzianowski T., Rev. (1699) Rozmyślenia albo Lekcyja Duchowna, na trzy księgi podzielone. Lublin: W. Drukarni Collegium Societatis. 504 s.

Peterka 2016 – *Peterka M.* Cyrilometodějská stezka jako příležitost pro využití a interpretaci společného evropského kulturního dědictví // *Konstantinove Listy*. 2016. № 9 (2). P. 106–118. DOI: 10.17846/CL.2016.9.2.106-118

Protopopova 2016a – *Protopopova I.* Μῦθος versus Λόγος and “Dying Philosophers” in the Phaedo (57–64B) // *Schole*. 2016a. № 10 (1). P. 164–182.

Protopopova 2016b – *Protopopova I.* Who goes to whom for the feast, or On corruption of proverbs in Plato's *Symposium* (Smp. 174a3–c7) // *Schole*. 2016b. № 10 (2). P. 409–418. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2949

Protopopova 2017 – *Protopopova I.* Soul, mind and space: as Aristotle “misunderstands” Plato (De anim. 406b-407b) // *Schole*. 2017. № 11 (1). P. 203–207. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4529

Protopopova Garadja 2018 – *Protopopova I., Garadja A.* Reading a woman (Rep. 454d) // *Schole*. 2018. № 12 (2). P. 426–432. DOI: 10.21267/schole.12.2.07

Pukanec 2018 – *Pukanec M.* K pôvodu kyjevských listov z onomastického hľadiska // *Konstantinove Listy*. 2018. № 11 (2). P. 78–86. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.78-86

Simsky 2018 – *Simsky A.D.* The image-paradigm of Jerusalem in Christian hierotopy // *Praxema*. 2018. № 3. P. 101–113. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-101-113

Shdankina, Shipulina 2018 – *Shdankina G.I., Shipulina N.B.* The philosophy of search and realization of a Russian miracle in the film by Daniil Zinchenko “The Elixir” // *Praxema*. 2018. № 2. P. 151–174. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-151-174

Sukhanova, Vorobyova – *Sukhanova S.J., Vorobyova D.O.* The visual (the architectural *ekphrasis*) in Ovid’s poem “Metamorphoses” // *Praxema*. 2017. № 4. P. 105–115. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-105-115

Tantlevskij 2016a – *Tantlevskij I.* Further Considerations on Possible Aramaic Etymologies of the Designation of the Judaeon Sect of Essenes (Ἑσσαῖοι/Ἑσσηνοί) in the Light of the Ancient Authors Accounts of Them and the Qumran Community World-View // *Schole*. 2016a. № 10 (1). P. 61–75.

Tantlevskij 2016b – *Tantlevskij I.* The notions *natura naturans* and *natura naturata* in Spinoza’s philosophy as possible correlates of two Jewish terms for the “nature”: *tôledeṭ* / *tôlādāh* and *teḥa* // *Schole*. 2016b. № 10 (2). P. 377–381. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2945

Tantlevskij 2017a – *Tantlevskij I.* Possible parallels in Ecclesiastes’ and Aristotle’s reflections concerning the eternity and immortality of the soul in correlation with its intellectual and ethical merits // *Schole*. 2017a. № 11 (1). P. 133–143. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4523

Tantlevskij 2017b – *Tantlevskij I.* What is man? Outlines of the answer in Aristotle’s “Protrepticus” and its substantiation and development in the Stagirate’s subsequent works // *Schole*. 2017b. № 12 (2). P. 460–465.

Tantlevskij 2018a – *Tantlevskij I.* How to come to the correct solution? To the interpretation of the epistemological definition of the method of comparison in Aristotle (Ethica eudemia, VII, 1245b.13–14) and Ecclesiastes 7:27 // *Schole*. 2018a. № 12 (1). P. 72–85. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10416.

Tantlevskij 2018b – *Tantlevskij I.* The universe in man’s soul: Aristotle, De anima, III, 8, 431b. 20–24 and Ecclesiastes 3:10–11 // *Schole*. 2018b. № 12 (1). P. 86–89. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10417

Tretyakova 2018 – *Tretyakova T.E.* Visual event as an educational innovation // *Praxema*. 2018. № 1. P. 134–156. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-134-156

Valčo 2017 – Valčo M. Chemnitz's eucharistic Christology as an impulse for ecumenical dialogue between East and West // Konstantinove Listy. 2017. № 10 (2). P. 141–150. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.141-150

Vedeshkin 2018 – Vedeshkin M. Bribe and Punishment: To the Question of Persistence of Pagan Cults in Late Antiquity // Scholē. 2018. № 12 (1). P. 259–275. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10429

Zozulak 2016 – Zozulak J. Historické pozadie vzniku Byzantskej filozofie // Konstantinove Listy. 2016. № 9 (1). P. 110–118. DOI: 10.17846/CL.2016.9.1.110-118

## REFERENCES

Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Moscow: Progress, Univers. pp. 72–130.

Boldin, V.A. (2018) “Languages are not studied by sympathies or antipathies, but only by requirements of practical suitability”: the dispute between academists Lamansky and Stoyanovich about the role of the Russian language for integration of the Slavs in the early 20th century. *Rusin*. 54. pp. 318–334 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/19

Dimitry Rostovsky, St. (1848) *Sochineniya svyatago Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v 5tt.* [Works of St Dimitry, Metropolitan of Rostov, in 5 vols]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.

Zubov, V.P. (2001) *Russkie propovedniki* [Russian Preachers]. Moscow: URSS.

Ioanniky Golyatovsky, archimandrite. (2001) Peredmovya do knizhki “Skarbnitsya”, Novgorod-Siverskii, 1676 roku [Introduction to the Book “Treasury” written in Novgorod-Siversky in 1676]. In: Shevchuk, V. (ed.) *Tisyacha rokiv ukrains'koi suspil'no-politichnoi dumki*. Vol. 3. Kyiv: Dnipro. pp. 136–140.

Karasev, L.V. (1989) Paradoks o smekhe [The paradox about the laughter]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 47–65.

Karasev, L.V. (1991) Mifologiya smekha [The mythology of the laughter]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 68–86.

Karasev, L.V. (1993) Gogol i ontologicheskii vopros [Gogol and the ontological question]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 84–96.

Karasev, L.V. (1999) Nervoso Fasciculoso (o vnutrennem soderzhanii gogolevskoy prozy) [Nervoso Fasciculoso (About the inner content of Gogol's prosaic works)]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 43–65.

Klimova, M.N. (2013) Holiness and temptation (the image of Mary of Egypt in Russian literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 24. pp. 90–95 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/24/8

Korzo, M.A. (2007) *Ukrainskaya i belorusskaya katekheticheskaya traditsiya kontsa XVII–XVIII vv.: stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovaniy* [Ukrainian and Belarusian catechetical tradition of the late XVII–XVIII centuries: formation, evolution and the problem of borrowing]

nian and Belorussian Catechismal Tradition of the Late 17th – 18th Centuries: Formation, Evolution and the Borrowing Problem]. Moscow: Kanon+.

Krasnobaeva-Chernaya, Zh.V. (2018) Experience of understanding the axiological world image in phraseology: a structural organization (based on Russian, Ukrainian, English and German). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 98–116 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/6

Krashenninnikova, O.A. (2015) Neizvestnaya propoved' Stefana Yavorskogo o rossiiskom gerbe (1702) [An Unknown Stefan Jaworski's Sermon about the Russian Coat of Arms]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2. pp. 29–38.

Krylov, A.O. (2014) Svt. Dimitrii Rostovskii i evkharisticheskie spory v Rossii kontsa XVII veka [St. Dmitry of Rostov and eucharistic controversies in Russia in the late 17th century]. In: Sukhov, N.Yu. & Khondzinsky, P.V. (eds). *Russkoe bogoslovie: issledovaniya i materialy* [Russian Theology: Studies and Materials]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities. pp. 7–35.

Krylov, A.O. (2015) [St. Dmitry of Rostov and Tomasz Młodzianowsky as preachers: Common traits and differences]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli* [History and Culture of Rostov]. Proc. of the Conference. Risotv, 2014. Rostov: Rostovskii Kreml'. pp. 157–167 (in Russian).

Melnikova, S.V. (2018) Siberia as an object of scientific, philosophical and artistic comprehension in the works of Nil (Nikolay Isakovich, 1779-1874), archbishop of Irkutsk, and Iakov (Ieronim Donsky, 1823-1889), bishop of Yakutsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 52. pp. 184–200 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/11

Preobrazhensky, A. (1909) *Sv. Dimitriy Rostovskiy kak propovednik* [St. Dmitry Rostovsky as a Preacher]. Kazan: Tsentral'naya tipografiya.

Radionova, A.V. (2015) Situation as a plot and composition unit of the lyric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 36. pp. 151–162 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/36/12

Savchuk, V.V. (2016) World vernissage: Visual-anthropological study. *Praxema – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 26–33 (in Russian).

Samarin, Yu.F. (1880) *Sochineniya v 12 tt.* [Works in 12 vols]. Vol. 5. Moscow: D. Samarin.

Sanina, K.G. & Chertushkina, E.V. (2018) The theme of cultural identity crisis in creative works of Tanizaki Junichiro and the concept of Lost Japan by Alex Kerr. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 52. pp. 201–215 (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/12

Selezneva, A.V. & Smulkina, N.V. (2018) Images of the Slavic countries in the consciousness of Russian citizens (A case study of Ukraine and Belarus). *Rusin*. 4. pp. 352–271 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/21

Solnyshkina, M.I. & Kiselnikov, A.S. (2015) Text complexity: study phases in Russian linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitet. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 38. pp. 86–99 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/38/7

Stefan Jaworski, Most Rev. (1878) *Ritoricheskaya ruka* [Rhetoric Science]. St. Petersburg: Obshchestvo lyubitelei drevnei pis'mennosti.

Stefan Jaworski, Most Rev. (2010) *Kamen' very Pravoslavno-Kafolicheskoi Vostochnoi Tserkvi* [The Stone of Faith of Orthodox Catholic Eastern Church]. Moscow: Ob-vo pamyati igumenii Taisii.

Stefan Jaworski, Most Rev. (2014) *Sochineniya* [Works]. Saratov: Nauchnaya kniga.

Stefan Jaworski, Most Rev. (2015) *Pokhval'nye i torzhestvennye slova, perepiska* [Commendable and Festive Words, Letters]. Saratov: Nauchnaya kniga.

Stratiy, Ya.M., Litvinov, V.D. & Andrushko, V.A. (1982) *Opisanie kursov filosofii i ritoriki professorov Kievo-Mogilyanskoi Akademii* [The Description of Philosophy and Rhetoric Courses of Kievo-Mogilyanskaya Academy's Professors]. Kyiv: Naukova Dumka.

Sulyak, S. (2017) The ethnonym rus in the anthroponymics of Medieval Moldavia. *Rusin*. 47. pp. 80–91 (in Russian) DOI: 10.17223/18572685/47/7

Sulyak, S. (2018) Rusin toponymy of Carpatho-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian principality. *Rusin*. 51. pp. 134–161 (In Russian) DOI: 10.17223/18572685/51/10

Sumtsov, N.F. (1885) *K istorii yuzhno-russkoi literatury semnadsatogo stoletiya. Vyp. 1. Lazar' Baranovich* [On the History of South Russian Literature of the Seventeenth Century. Issue 1. Lazar Baranovich]. Kharkov: M. Zilberberg.

Fedorov, V.V. & Fedorov, M.V. (2018) The urban space of power: The diachronic dimensions. *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 170–178 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-170-178

Fedotova, M.A. (1993) O dvukh istochnikakh ukrainskikh propovedei Dimitriya Rostovskogo (Foma Mlodzyanovskii i Kornelii a Lapide) [About two sources of Ukrainian sermons of Dimitry Rostovsky (Tomasz Młodzianowski and Cornelius a Lapide)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 38. pp. 343–350.

Florovsky, G.V. (2006) *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata.

Khondzinsky, P.V. (2018) Svyatitel' Dimitrii Rostovskii i bogoslovskoe nasledie drevnego Kieva [St. Dimitry Rostovsky and Theological Heritage of Ancient Kiev]. In: Khondzinsky, P.V. et al. *Pravoslavie i pravoslavnaya kul'tura v epokhu svyatogo Dimitriya Rostovskogo* [Orthodoxy and Orthodox Culture in the Age of St. Dimitry of Rostov]. Rostov: Monastery of St. Jacob Saviour. pp. 187–197.

Sharov, K.S. (2012) Muzhchiny i zhenshchiny v verbal'noy kommunikatsii: problema genderlekta [Men and women in the verbal communication: The problem of genderlect]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 38–51.

Sharov, K.S. (2013) L.V. Karasev – Gogol v tekste [L.V. Karasev – Gogol in his text]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 184–186.

Sharov, K.S. (2015) D.N. Kavtaradze – Masterskaya igr: Remeslo i iskusstvo [D.N. Kavtaradze – The game studio: The craft and art]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 210–215.

Sharov, K.S. (2019) Ancient Rome and female administrators. *Schole*. 13(1). pp. 106–114 (in Russian).

Yablokov, I.N. (2012) Predmetnye oblasti filosofii religii (k diskussii v sovremennoy otechestvennoy literature) [Subject fields of philosophy of religion (to the discussion in the modern Russian literature)]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 49–59.

Borisov, E.V. (2018) Hidden arguments of visual predicates. *Praxema – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 49–60 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-49-60

Chernyak, A.Z. (2017) Meaning as convention: a puzzling effect of Aristotelian theory of names. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11 (1). pp. 78–94 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4520

Dillon, J. (2017) *Paideia Platonikê*: Does the later Platonist programme of education retain any validity today? *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11(2). pp. 321–332. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6463

Donskikh, O.A. (2018a) Significance of Aristotle for modern system of education. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12(1). pp. 207–219 [in Russian] DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10426

Donskikh, O.A. (2018b) Splitting concepts: steps of reflection. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (2). pp. 402–425 (in Russian). DOI: 10.21267/schole.12.2.06

Druga, M. (2017) Pereonskí mnísi a panónske misie na prelome tisícročí [Monks from Pereon and the Pannonian Missions at the Turn of Millennium]. *Konstantinove Listy*. 10 (2). pp. 75–87. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.75-87

Emelin, V.A. & Tkhostov, A.S. (2018) Cognitive vs technological maps of geospace. *Praxema – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 125–141 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-125-141

Hutka, M. (2018) Charizma a poslanie Augustiánskych kláštorov v stredoveku na území dnešného slovenska [Charism and the Mission of Medieval Augustinian Monasteries in the Area of Modern Slovakia]. *Konstantinove Listy*. 11 (2). pp. 132–142. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.132-142

Joussellin, Ch. & Mailenova, F.G. (2018) L'objectivation du corps et nouvelles technologies. *Praxema – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 142–147. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-142-147

Kiejzik, L. & Orlova, N.K. (2018) Semantics of the Icon, revealed in friendship: Father Sergius Bulgakov and Sister Ioanna Reitlenger. *Praxema – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 202–213. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-202-213

Košćak, S. & Kuhar, K. (2017) Rimski prvosvećenici u vrijeme ćirilometodske misije [Roman Pontiffs in the Time of Cyrillo-Methodian Mission]. *Konstantinove Listy*. 10 (2). pp. 43–61. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.43-61

Labancová, N. (2016) Medzi bratmi: spor o dedičstvo červeného kláštora [Between Brothers: The Dispute over Legacy of Červený Kláštor]. *Konstantinove Listy*. 9 (2). pp. 26–38. DOI: 10.17846/CL.2016.9.2.26-38

Marek, M. (2018) Kacíři, heretici, bludáři a boj proti kacířstvu v středověkom Uhorskem kráľovstve [Heretics, Apostates, Schismatics and the Fight Against Heresy in the Medieval Kingdom of Hungary]. *Konstantinove Listy*. 11 (2). pp. 98–131. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.98-131

Melik-Gaykazyan, I.V. (2017) The ignoramus paradox: The time of visual symbolism domination. *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 49–64 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-49-64

Melik-Gaykazyan, I.V., Melik-Gaykazyan, M.V. & Tarasenko, V.F. (2018) Projective consulting on the “axis of syntactics”. *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 169–185 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-169-185

Młodzianowski, T. (1935) *Wybór Kazań*. Vol. 1. Warsaw: Księgarni Św. Wojciecha.

Młodzianowski, T. (1699) *Rozmyślenia albo Lekcyja Duchowna, na trzy kśięgi podzielone*. Lublin: W. Drukarni Collegium Societatis.

Peterka, M. (2016) Cyrilometodějská stezka jako příležitost pro využití a interpretaci společného evropského kulturního dědictví [The Route of Cyril and Methodius as an Opportunity for the Use and Interpretation of the Common Euporean Cultural Heritage]. *Konstantinove Listy*. 9 (2). pp. 106–118. DOI: 10.17846/CL.2016.9.2.106-118

Protopopova, I. (2016a) Μῦθος versus Λόγος and “Dying Philosophers” in the Phaedo (57–64B). *Schole – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (1). pp. 164–182 (in Russian).

Protopopova, I. (2016b) Who goes to whom for the feast, or On corruption of proverbs in Plato's *Symposium* (Smp. 174a3-c7). *Schole – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (2). pp. 409–418 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2949

Protopopova, I. (2017) Soul, mind and space: as Aristotle “misunderstands” Plato (De anim. 406b–407b). *Schole – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11 (1). pp. 203–207 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4529

Protopopova, I. & Garadja, A. (2018) Reading a woman (Rep. 454d). *Schole – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (2). pp. 426–432 (in Russian). DOI: 10.21267/schole.12.2.07

Pukanec, M. (2018) K pôvodu kyjevských listov z onomastického hľadiska [On the Origin of the Kiev Leaflets from the Onomastic Point of View]. *Konstantinove Listy*. 11 (2). pp. 78–86. DOI: 10.17846/CL.2018.11.2.78-86

Simsky, A.D. (2018) The image-paradigm of Jerusalem in Christian hierotopy. *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3. pp. 101–113 (in Russian).



DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-101-113

Shdankina, G.I. & Shipulina, N.B. (2018) The philosophy of search and realization of a Russian miracle in the film by Daniil Zinchenko "The Elixir". *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 151–174 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-151-174

Sukhanova, S.J. & Vorobyova, D.O. (2017) The visual (the architectural *ekphrasis*) in Ovid's poem "Metamorphoses". *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 105–115. DOI: DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-105-115

Tantlevskij, I. (2016a) Further Considerations on Possible Aramaic Etymologies of the Designation of the Judean Sect of Essenes (Ἐσσαιῶν/Ἐσσηνοῖ) in the Light of the Ancient Authors Accounts of Them and the Qumran Community World-View. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (1). pp. 61–75.

Tantlevskij, I. (2016b) The notions *natura naturans* and *natura naturata* in Spinoza's philosophy as possible correlates of two Jewish terms for the "nature": *tôledet* / *tôlādāh* and *teba*. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (2). pp. 377–381. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2945

Tantlevskij, I. (2017a) Possible parallels in Ecclesiastes' and Aristotle's reflections concerning the eternity and immortality of the soul in correlation with its intellectual and ethical merits. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11 (1). pp. 133–143. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4523

Tantlevskij, I. (2017b) What is man? Outlines of the answer in Aristotle's "Protrepticus" and its substantiation and development in the Stagirite's subsequent works. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11 (2). pp. 460–465 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6473

Tantlevskij, I. (2018a) How to come to the correct solution? To the interpretation of the epistemological definition of the method of comparison in Aristotle (*Ethica eudemia*, VII, 1245b.13–14) and Ecclesiastes 7:27. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (1). pp. 72–85 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10416

Tantlevskij, I. (2018b) The universe in man's soul: Aristotle, *De anima*, III, 8, 431b. 20–24 and Ecclesiastes 3:10–11. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (1). pp. 86–89 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10417

Tretyakova, T.E. (2018) Visual event as an educational innovation. *Praxema – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1. pp. 134–156 (in Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-134-156

Valčo, M. (2017) Chemnitz's eucharistic Christology as an impulse for ecumenical dialogue between East and West. *Konstantinove Listy*. 10 (2). pp. 141–150. DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.141-150



Vedeshkin, M. (2018) Bribe and Punishment: To the Question of Persistence of Pagan Cults in Late Antiquity. *Schole – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (1). pp. 259–275. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10429

Zozulak, J. (2016) Historické pozadie vzniku Byzantskej filozofie [Historical Background of the Origin of Byzantine Philosophy]. *Konstantinove Listy*. 9 (1). pp. 110–118. DOI: 10.17846/CL.2016.9.1.110-118

**Константин Сергеевич Шаров** – кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия).

**Konstantin S. Sharov** – M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia).

**E-mail:** const.sharov@mail.ru

УДК 811.161; 81'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/9

# НОМИНАТИВНЫЙ СОСТАВ ЯЗЫКА РУСИНОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАРОДА

**Г.Н. Старикова**

Томский государственный университет  
Россия, 634055, Томск, проспект Ленина, 36  
E-mail: gstarikova@yandex.ru

## Авторское резюме

Рассматривается номинативный состав языка русинов в аспекте его происхождения как отражение особенностей формирования данного этноса. Русинская лексика характеризуется развитой синонимией, которая сформировалась во многом под влиянием экстралингвистических факторов. Важнейшими из последних являются, с одной стороны, естественная территориальная изолированность карпатских русинов, с другой – поликультурное окружение, многократная смена государственного статуса этих земель, а также современное широкое расселение народа по ряду стран мира. В статье отмечены специфические черты лексики русинского языка: наличие в ней древнего пласта славянской лексики (*зане, рало, рамня*), уникальные образования от исконных корней (*букварник, еднота, мукарити, окнастый*), большого числа заимствований из языков соседних народов – венгерского (*гуляш, легинь*), немецкого (*мельдувати, крам*), румынского и молдавского (*каманак, мелай*), а также западно- (*пруслук, хлопча*) и южнославянских (*багателя, ружа*). Отдельное внимание уделено синонимичному ряду *окно, возур, выглед, обол*ок и др., сформированному под влиянием родственных языков, а также терминам пастушества, отражающим своим составом отмеченные особенности лексической системы языка в целом: архаику восточнославянских языков (*чередарь, пастырь*), славянизмы (*бача, елевникарь, елочерь, ялочерь*), заимствования из неродственных языков (*бовгарь, вакарь, гуляш, кондаш, чабан*).

**Ключевые слова:** русинистика, язык русин, русинская лексика, народная культура, этнолингвистика, номинация, термины пастушества.

# THE NOMINATIVE COMPOSITION OF THE RUSIN LANGUAGE AS THE EVIDENCE OF THE CULTURE-SPECIFIC LIVING CONDITIONS OF THE PEOPLE

**G.N. Starikova**

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia  
E-mail: gstarikova@yandex.ru

## Abstract

The article discusses the nominative composition of the Rusin language in terms of its origin, as a reflection of this ethnic group formation. The Rusin lexicon is characterized by developed synonymy, largely formed under the influence of extralinguistic factors, the most important of which, on the one hand, is the natural territorial isolation of the Carpathian Rusins, and, on the other hand, their multicultural environment, multiple changes in the state status, as well as the current broad settlement of the ethnic group in the world. The author identifies the specificity of the Rusin lexicon, including an ancient layer of Slavic words (*zane, ralo, ramnja*), unique formations from the ancestral roots (*bukvarnik, ednota, mukariti, oknastyj*), a large number of borrowings from the languages of neighboring peoples – Hungarian (*guljash, letin*), German (*mel'duvati, kram*), Romanian and Moldavian (*kamanak, melaj*), as well as Western- (*prusluk, hlo-pcha*), and South Slavic (*bagatelja, ruzha*) languages. Special attention is paid to the synonymous row “*okno, vozur, vygljad, obolok*”, etc., formed under the influence of cognate languages, and to the shepherd terms, reflecting the specified features of the lexical system of the language at a more general level: archaic units (*cheredar, pastyr*), Slavic units (*bacha, elevnikar, elocher, yalocher*), borrowings from unrelated languages (*bovgar, vakar, gulyash kondash, chaban*).

**Keywords:** Rusin studies, Rusin language, Rusin lexicon, folk culture, ethnolinguistics, naming, shepherd terms.

## Введение в проблему

Аксиомный характер утверждения об отражении в лексической системе любого языка специфики геополитических условий жизнедеятельности народа, особенностей его менталитета не отрицают

актуальности исследований в этнолингвистическом русле. Мнение педагога, языковеда Л. Чопея, что «поєдні люде звыкли поиншак уявити свої гадкы»<sup>1</sup>, приведенное в иллюстративной части одной из статей словаря И. Керчи (Керча 2007b: 108), легко доказывается русинским материалом, что демонстрирует тематика докладов ежегодных конференций «Славянские языки в условиях современных вызовов»<sup>2</sup>. Анализируемая в них русинская лексика рассматривается как яркие, культурно маркированные знаки, отражающие ценности этноса, специфику его представлений о мире и месте человека в нем, тесно связанные с историей развития народа. В частности, два года назад автору довелось отстаивать эту мысль на материале лексической группы «Наименования праздников», развитая синонимия в которой сформировалась во многом под влиянием экстралингвистических факторов (Старикова 2016). Важнейшими среди последних являются, с одной стороны, естественная территориальная изолированность карпатских русинов, с другой – поликультурное окружение, многократная смена государственного статуса этих земель, а также современное широкое расселение народа по ряду стран. Особые условия бытования русинов обусловили специфические черты языка, лексический уровень которого характеризуется наличием в нем древнего пласта славянской лексики и большого числа заимствований из языков соседних народов – венгерского, немецкого, румынского, молдавского, а также западно- и южнославянских.

Материалом настоящего исследования стала русинская лексика, отражающая внешние условия жизнедеятельности этноса. Источниками для нее послужили двухтомные *Русинско-русские словари* И. Керчи (Керча 2007a; Керча 2007b; Керча 2012a; Керча 2012b)<sup>3</sup>, некоторые диалектные словари (ГГ; Онышкевич 1966; СЛ и др.). Собранный номинативный материал верифицировался другими лексикографическими трудами – прежде всего этимологическими (ЭССЯ; ЕСУМ), а также толковыми (СУМ), выводами лингвистических работ сходной тематики.

**Лексика языка русинов в аспекте происхождения (как отражение специфики условий бытования этноса).** Как указывал видный деятель галицко-русинского возрождения Я. Головацкий (1814–1888), «вся подкарпатская страна и карпатское погорье заселены были с доисторических времен племенами славянскими» (Головацкий 2008: 226), поэтому, несмотря на разновременное вхождение отдельных частей этих земель в различные государственные объединения, в т. ч. неславянские, народ, называемый карпатороссами, угрорусами, угрорусинами, относится к славянам, соответственно, основу его лексической системы составляет **общеславянская лексика**. Та его часть, которая в большей степени определенности считает себя русинами

(бойки, лемки, гуцулы), представляет восточнославянскую языковую группу, развивавшуюся в условиях сильного влияния западных и южных славянских языков. Уже первое знакомство со словарями языка русинов поражает лексикой, известной по древнерусским текстам: *веверка*, *вевериця* 'белка', *жила* 'вена', *зане*, *понеже* 'ибо, потому что', *котора* 'раздор', *перека* 'спор', *поломень* 'пламя', *поорати* 'вспахать', *рало* 'плуг, культиватор', *пораловати* 'взрыхлить', *рамо*, *рамня* 'плечо', *рекше* 'то есть, то бишь' и др. Примечательно, что абсолютное большинство из них *Етимологічний словник української мови* (ЕСУМ) отмечает как областные или устаревшие.

Как представляется, об «определенной изолированности праславянской карпатской лексики в славянском мире» (Осипова 1991: 190) могут свидетельствовать а) в значительной степени реликтовая для восточных славян лексика, известная, например, древнерусскому, но утраченная русским, белорусским, отчасти украинским языком; б) уникальные (прежде всего для восточной группы языков) дериваты от праславянских корней. Примерами первой группы могут служить *жир* 'буковые орешки; лесной корм вообще', *сесь* 'этот', *межичас* 'межвременье, переходный период', *мотуз*, *мотузя* 'бечева, шнурок' (укр. *мотуз*, *мотоуз* – 'канат') (ЕСУМ 3: 524), *мур* 'стена', *порота* 'суд присяжных', *ротити* 'клясться, присягать' < д.-рус. *рота* 'клятва, божба, присяга', ср. укр. диалектное *ротити*, *рутити* 'проклинать', *рочити(ся)* 'присягать' (ЕСУМ 5: 127), *оногди*, *оногдички* (ГГ: 139) 'недавно, на днях' и др. Во вторую входят производные типа *легойко* 'легко, ловко, проворно' (ср. укр. *злегенька*, *легко*, пол. *lekki*, *leciutko*, слвн. *lahkotno*, слвц. *lahko*, чеш. *lehce*, хорв. *polako*), *мукарити* 'мучить; мучиться' (ср. укр. *мучачи*, *мучити*, болг. *гриза* / *измъчвам*, пол. *męczyć*, слвц. *mučiť*, хорв. *mučiti*, чеш. *mučit*), *ледовати́ти* 'леденеть, становиться льдом' (ср. рус. *леденеть*, обл. *леднеть*, в.-луж. *lódnjeć*, пол. *lodnieć*), аналогично – *мури́во* 'кладка', *мури́ско* 'крепостная стена', *муровати* 'строить из камня, кирпича', *поперсник* 'нагрудник, слюнявчик', *персняк* 'нагрудный ремень конской сбруи', *персатый*, *персовый* 'грудастый', 'к груди относящийся' < *перса* 'грудь коня' и *персо*, мн. *перса* 'женская грудь', ср. укр. *перса* (в обоих значениях), *персистий*, *персний* 'грудной', *персовий* 'выпуклый' (ЕСУМ 4: 365), *попересень* 'поперечный ремешок шлеи хомута' (ЕСУМ 4: 516) и др.

Не просто территориальная близость с родственными по языку народами, а временами и совместная государственная история с рядом из них способствовали вхождению в русинский западно- и южнославянизмов. Первая группа представлена, прежде всего, заимствованиями из польского, словацкого, чешского, вторая – из словенского, (сербо)хорватского, причем нередкая общность этих

образований в названных языках затрудняет определение непосредственного источника заимствования лексической единицы. Так, *юнак* ‘юноша, молодец’ с этой же формой бытует в укр., блр., болг., а также в пол., с.-хорв., слвн., слвц., чеш. (*junak*), макед. (*јунак*). Близкую картину можно наблюдать со словами *єдинак / єдиначка* ‘единственный ребенок’, *млин* ‘мельница’, *борзиту* ‘торопить, ускорять’, *юриту* ‘действовать проворно’, *юха / юшка* ‘суп; нечто жидкое’ и др. Чаше всего словари указывают на польский язык как на источник или же посредник при восприятии слов русинами: *гасло* ‘пароль’ (пол. *hasło*, ср. чеш., слвц. *heslo*, слвн. *geslo*), *жебы* ‘чтобы’ (пол. *żeby, ażeby*), *набіл* ‘молочные продукты’ (пол. *nabiał*), *гуля* ‘нарост’ (пол. *gula*, слвц. *guľa*), *гарбата* ‘чай’ (СЛ: 45) (пол. *herbata*, др. языки – *чай, čaj, čaj*), *оґер* (СЛ: 102), *оґер, оґирь* (Піскунов 1882: 162) ‘жеребец’ (укр. *огир*, пол. *ogier*), *ямник* ‘охотничья собака, такса’ (пол. *jamnik*) и др.

Я. Головацкий в своем историко-этнографическом очерке о Карпатской Руси неоднократно подчеркивал тесную связь этих земель с хорватами и сербами, предположительно с чехами, называя будущее Угорье местом исхода этих народов на современные территории своих стран (Головацкий 2008: 224, 226). В частности, словарь А. Павлешина, в котором представлен говор лемков, позволяет увидеть, как своеобразие языка русинов этой этнической группы, так и большее его сходство на лексическом уровне с хорватским языком по сравнению с украинским, диалектной разновидностью которого он назван в этом сводном лексикографическом труде (СЛ). Некоторые иллюстрации к сказанному представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Сопоставление русинского (лемковского говора) с украинским  
и хорватским языками**

Значение	Русинский	Украинский	Хорватский	СЛ, страница
‘хлеб, булка’	адзимка	паляниця	lepinja	27
‘азбука, алфавит’	абецадло (абетка)	алфавіт	abeceda (alfabet)	27
‘безразлично’	багателя	байдуже	bagatela	28
‘бархат, плюш’	баршан	плюш	baršun	29
‘пальцы’	батаньці	пальці	prsti	29
‘разговор’	бесыда	розмова	razgovor	30
‘близнецы’	близьці	близнята	blizanci	31
‘башмаки, туфли’	боканчы	черевики	cipele, bakandže	33
‘сметана’	верхнина	сметана	vrhnje	37
‘прошлогодний’	вінський	минулорічний	lanjsk	40
‘туалет, нужник’	выходок	туалет	zahod	44
‘бич, нагайка’	корбач	нагайка	korbač, bič	82

Таким образом, словари дают возможность увидеть в лексическом составе языка русинов большое количество уникальных образований от праславянских корней, напр., *букварник* ‘недоучка’ (Керча 2007а: 100), *борз’опул’ко*, *борзи(е)йко* ‘быстренько’ (Онышкевич 1966: 89), *боржи(й)* ‘спешно, резвее’ (Керча 2007а: 91), *окнастий* ‘с большими окнами’ (Піскунов 1882: 166), *наличман* ‘маска; намордник’ (ГГ: 130), *єднач* ‘соглашатель’, *єднати* ‘вести переговоры, договариваться; посредничать; извиняться, мириться’, *єднанка* ‘переговоры, перемирие’, *єдноговур* ‘монолог’, *єдинець* ‘отдельный человек, личность’, *єднота* ‘единство’ (Керча 2007а: 267), ср. укр. *єдність*, с.-хорв., чеш., словц. *jednost*, пол. *jedność* (ЭССЯ 6: 18) и др.

Специфические региональные условия породили вариативность среди однокорневых наименований: *крітиковати*, *крітізовати* ‘критиковать’, *ласкати*, *лащити* и *голубити*, *голубкати* ‘ласкать’, *пола*, *половина*, *половиця*, *половка* ‘половина’, *попити*, *поповати* ‘работать попом’, *посув*, *посувок*, *посуваня* ‘движение, перемещение, подвижка’; *поточа*, *поточок*, *поточина*, *потук* ‘ручей, ручеек, поток’; *пятниця*, *пятюк* ‘пятый день недели’, *сїда’к*, *сї’дало*, *сїдиско* (СЛ: 130), ‘сиденье’ и др. В этом можно видеть как влияние соседних языков, так и богатый деривационный потенциал языка русинов, в т. ч. развившийся под влиянием первых. Данное замечание, надо полагать, справедливо и в отношении разнокорневых лексем в синонимических рядах. В представленной ниже таблице материал демонстрирует и уникальные образования в языке русинов на фоне других языков, родственных и неродственных, и показывает возможность заимствования из последних некоторых лексических единиц или же их образования в русинском по образцу указанных языков (табл. 2).

Активное влияние близкородственных языков, в частности, проявляется в русинском наличии лексических дублетов с полногласными и неполногласными сочетаниями: *пропрека* и *перека* ‘спор’, *половий* и *плавий* ‘бледно-желтый’, *передок* и *предок* ‘передок’, *воробок*, *воробель* и *врабель* ‘воробей’ и др.

Яркой иллюстрацией русинской специфики на фоне славянского окружения может служить, например, ряд существительных, обозначающих ‘отверстие в стене для воздуха и дневного света, обычно застекленное’. Так, для русинов доминантной единицей является *окно* – общее для большинства славянских языков: укр. *вікно*, блр. *акно*, словн., пол., чеш. *ókno*, с.-хорв. *òkno*, в.-луж., н.-луж. *wokno* и др., причем однозначным оно подается только в (Керча 2007b: 16). В частности, в болг. *окно* – это еще ‘оконное звено’, ‘дырка’, ‘прорубь’, ‘арка моста’, ‘сусек в амбаре’, ‘соляная копь (шахта)’, ‘прогалина в посевах’ и подобное, аналогичные значения в макед., чеш., пол., серб. и др. В укр.

*вікно* – ‘окно’, ‘прорубь’, ‘озерко’, ‘углубление в топи, болоте’; ‘свободное время между учебными занятиями’<sup>4</sup> (СУМ 1: 671), в рус. – ‘родник’, ‘ловушка для птиц’, ‘ячей сети’ и др., в слвн. *ôkno* – также ‘зazor’, ‘мера полевых работ’, причем в основном значении оно уже вытесняется заимствованием *balcón* (ЭССЯ 32: 45–47).

Таблица 2

## Сравнение русинской лексики с лексикой контактных языков

Значение	Русинский язык	Другие славянские языки	Неславянские языки
‘охота’	<i>полёваня, полёвка, полёвачка, ловитва, ловецтво, ловы, ловля, нагонка, гайтовы, вадаска</i> (Керча 2012b: 82), <i>мысливство</i> (Піскунов 1882: 136)	укр. <i>полювання, мисливство, охота, лови</i> , болг. <i>лов, ловуване</i> , пол. <i>polowanie, łowy łowiectwo, myślistwo</i> , слвц. <i>lov, lovu</i> , слвн., с.-хорв. <i>lov</i> , чеш. <i>lov, hon, honitba, honba</i>	венг. <i>vadászat</i>
‘родинка’	<i>материнський знак, знамень, знаменька, поприк, леньча</i> (Керча 2012b: 326)	укр. <i>родимка</i> , болг. <i>бенка, мол, петно</i> , пол. <i>pieprzyk, znamię, myszka</i> , чеш. <i>mateřské, znaménko</i>	нем. <i>Muttermal, Nävus</i> , венг. <i>lencse</i>
‘тишина’	<i>тихость, тихо-та, тишина, тихо, німота, мертвость</i> (Керча 2012b: 460)	укр. <i>тиша, тишина</i> , чеш. <i>ticho, klid, tichost, tišina, mír</i> , хорв., слвн. <i>tišina</i> , слвц. <i>ticho</i> , пол. <i>cisza, milczenie, pokój</i>	
‘ледокол’	<i>ледоборець, ледоламач</i> (Керча 2012a: 442)	рус. <i>ледокол</i> , укр. <i>криголам</i> , хорв. <i>ledolomac</i> , чеш. <i>ledoborec</i> , слвн. <i>ledolomilec</i> , слвц. <i>ľadoborec</i> , пол. <i>lodołamacz</i> , болг. <i>ледоразбивач</i>	

Подобная полисемия обусловлена древностью слова и многозначностью его производящего: *око* – не только ‘глаз’, ‘глазок’, ‘взгляд’, ‘зрение’, ‘догляд (уход)’, как в укр. (СУМ 5: 665), но и ‘затон’ (слвн.), ‘ячейка’ (в-луж., пол.), ‘петля, силок’ (полаб., пол.), ‘леток в улье’ (рус. и блр.) и проч. (ЭССЯ 32: 41). Архаичные «мерные» значения существительного в (СУМ 5: 672) подаются при *око*<sup>2</sup> как ‘единица веса около 1,2 килограмма’, ‘мера объема для хмельных напитков в 1–1,5 литра’ // ‘бутыл, фляжка такого объема’, но трактуется слово как заимствование из тур. *okka* ‘мера веса’ (ЕСУМ 4: 171). В русинском разводятся (*в*)*око* ‘глаз’ и *око* ‘впередсмотрящий’ с пометой *мор[ское]* (Керча 2007b: 16), а в гуцульских говорах *око* ‘глаз’, ‘старинная мера жидкости в один литр’, соответственно, *оковий* – это ‘литровый’ (ГГ: 138).



Согласно мнению составителей ЭССЯ, *окно* представляет древнейшее название данной реалии у славянских народов, тогда как прочие ее обозначения являются местными новообразованиями (ЭССЯ 32: 47). К числу последних могут быть отнесены слов. *oblok*, с.-хорв. *pròzor* / *prozor* и *òblok*, болг. *прозорец* (ЕСУМ 4: 137), в т. ч. областные единицы украинского языка: *прозурка* 'глазок, небольшое отверстие' (ЕСУМ 4: 594); *визір* 'окно', *прозір* 'отверстие для дыма', *прозірок* 'тайное оконце' (ЕСУМ 2: 279–280), а также *облак*<sup>2</sup>, *облок*<sup>2</sup>, *оболок*<sup>2</sup> 'окно' (ЕСУМ 4: 135, 137, 140). По данным используемых словарей, в языке русинов одновременно с *окно* в этом значении выступают еще такие лексемы: *возур*, *вызур*, *выгляд* (*выгляд* – СЛ: 43), а также *оболок* и *облак* (Керча 2012b: 37). Здесь обращает на себя внимание как уникальное для славянства образование с корнем *гляд-*, так и в целом большое количество этих слов у русинов, что может свидетельствовать или о заимствованиях из родственных языков, или о параллельном самостоятельном развитии этих единиц на базе общих производящих – скорее всего, под влиянием тех же «соседей». Заметим попутно, что уменьш. *окенко* 'окошко' с передним гласным (Керча 2007b: 16) соответствует не восточнославянским (ср. укр. *віконце*, *оконце*, рус. *оконко*, *оконце*, блр. *воконко*, *воконце*), а западно- и южнославянским образованиям – чеш. *okénko*, *okýnko*, *okénce*, слов. *okienko*, *okience*, слов. *ókence* и др. (ЭССЯ 32: 47–48).

Если дериваты с *зір-* / *зор-* / *зур-* и *гляд-* прозрачны с точки зрения мотивации, то формы *облак* / *облок* / *оболок*, как будто подсказывающие наличие в них полногласия и двух видов неполногласия, наталкивающие этим чередованием на связь с рус. *облако*, вызывают законные исследовательские вопросы. Обращение к ЭССЯ показало, что его авторы представляют два ряда гомогенных субстантивных омонимов (\**obvolka* I / \**obvolko* I / \**obvolkь* I и \**obvolka* II / \**obvolko* II / \**obvolkь* II), восходящих к глаголу \**obvelkti*. Первые формы дали, например, в рус. *оболока* – 'одежда' (отсюда *оболокаться* – одеваться), 'чехол', 'крышка', 'помутнение роговой оболочки глаза', укр. диал. *оболока* 'заболонь – молодой слой древесины под корой', а вторые – *облако* 'облако, туча', 'туман, марево' (ЭССЯ 31: 84–87). Там же составители замечают, что «проведение жесткой границы между этими двумя группами» невозможно (ЭССЯ 31: 87), как затруднительно, например, соотносить с каким-то одним значением корня русинские слова типа *оболікати* / *оболочи* 'облекать, окутывать, зачехлять' или *оболочина* 'наволочка'. Наличие у подобных образований значений 'пленка', 'нечто открытое / закрытое' еще сохраняет надежду сблизить названия окна со словом *облако*.

Данное предположение разбивается этимологическими справочниками, хотя и различным путем. Так, авторы названного выше сло-

варя соотносят «оконную» семантику с глаголом \*lękt'i со значением 'гнуть, сгибать, ставить силки' (ЭССЯ 15: 62). Образованное от него \*oblękt'i дало \*oblōkь: с.-хорв. стар. *obluk, oblak* 'окно (сводчатое)', слвн. *oblok* – 'окно' и 'дуга', чеш. *oblouk* – 'круг; полукруг'; пол. *obląk, obłęk* – 'дуга; полукружье' (ЭССЯ 28: 27). По версии ЕСУМ, данные образования восходят к \*obyль < obvль – 'круглый, овальный': д.-рус. *обль, обвьль*, рус. *облый*, укр. *віблий*, пол. *obły*, чеш., слвц. *oblý*, слвн. *óbel* (ЕСУМ 1: 388). От него образованы с.-хорв. *ōblok*, слвн. *óblok*, слвц. *oblok*, венг. *oblak* – 'окно', 'круглое оконце', откуда они проникли в карпатские говоры. На заимствованный характер указывает фонетический облик слов, т. к. на местной почве должно было возникнуть *віблок*. Полногласный же вариант (*оболок*) появился в результате ложной аналогии с *оболок*, имеющим параллельные неполногласные диалектные варианты (ЕСУМ 4: 135–137).

Представляется, что возникновению ложной аналогии могли поспособствовать образования с корнем \*boln-, давшие ряд образований со сходной семантикой и тем же типом чередований гласных с плавным: слвн. *blāna* 'пленка, кожица, пергамент'; чеш. *blána* 'пленка, мездра, перепонка на пальцах у птиц, плева, заболонь у коры деревьев' и др., слвц. *blana* – 'кожица, пленка', пол., н.-луж. *blona* 'плева, перепонка, кожица', рус. *болонá* 'заболонь', укр. *болóна* 'плева, оболочка; оконное стекло', блр. *болóна / балона* – 'большое стекло в раме окна'. От этого корня рус. *болонка* 'окончина, стекло в раме, маленькое окно в избе'; н.-луж. *blonka* 'клеточка, ячейка медового сота'; чеш. *blanka* 'уменьш. к *blána*'. Следует отметить, что к \*bolнь (и.-е. \*bhol-n < bhel- 'надуваться, разбухать') возводят и слвн. *bloun* 'облако', *blon* 'облако; большая кладь сена для просушки' (ЭССЯ 2: 175–177). В русинском этот корень представлен лексемами *блана* 'пленка (в мясе); перепонка' (Керча 2007а: 84), *болона* 'оболочка', *болонка* 'перепонка' (Керча 2007а: 90), *оболонщик* 'стекольщик' (Піскунов 1882: 160).

Таким образом, синонимический ряд *окно, возур, вызур, вигляд, оболочка* и *облака* в языке русинов сформирован исконными и заимствованными из близкородственных языков единицами, также восходящими к праславянским корням. В семантике представленных слов переплелись идеи 'глаз, смотреть', 'круглый, изогнутый', 'пленка, стекло', 'облако' – тоже не без влияния контактных языков.

Как следует из содержания приведенных выше таблиц, номинативному богатству в лексике русинов в немалой степени способствовали и **заимствования из неродственных языков**, поскольку, повторим слова историка, «в Карпатах пересекались политические границы» многих государств (Головацкий 2008: 225). Так, отражением вхождения части русинских земель в состав Австро-Венгрии стало пополнение

лексики мадьяризмами и германизмами. Некоторые примеры слов первой группы: *алдомаш* (*алдамаш*), (*одомаш* – СЛ: 104) ‘магарыч работнику’ (*áldomás*), *біреш* ‘батрак’ (*béres*), *босорка* (*босорканя*) ‘ведьма’ (*boszorkány*), *гомба*, *гомба* (ГГ: 53) ‘пуговица’ (*gomb*), *діномданом* ‘вечеринка’ (*dinomdánom*), *леґінь* ‘подросток, хлопец’ (*legeny*), *тарка*, *тарчуля* ‘домашнее животное пестрой масти’, а также *тарый*, *тарканистый*, *таркастый* ‘пестрый’, *таркастость* ‘пестрота’ (*tarka* ‘пестрый’) и др. Из немецкого восприняты слова *анцуг* (*анцук*) ‘костюм’ (*Anzug*), *брадрура* (*братрура*) ‘духовка’ (*Bratröhre*), *ґанц* ‘совсем, полностью’ (ГГ: 51 (*ganz*), *ґешефт* ‘спекуляция; прибыль’ (*Geschäft*), *мельдувати* (*миндовати*) ‘уведомлять’ (*melden*), *фашинґы* ‘пирушка, вечеринка’ (*Fasching*), *ташка*, *ташочка* ‘сумка’, а также *ташочки* ‘растение пастушьа сумка’, *ташкарь* ‘сумочник’, *ташкари* ‘сумчатые животные’, *ташковый* ‘сумочный’ (*Tasche* ‘мешок, сумка; карман; кожанух’) и др. Давние дружественные связи русинов с предками современных румын, длительное время бывших единовѣрцами восточных славян и использовавших язык последних в церковном богослужении до середины XVII в. (Суляк 2005: 54–55; Головацкий 2008: 245–246, 252), обеспечили приток восточнороманизмов в русинский. Среди них: *больфа* (*бульфа*, *гольфа*) ‘нарыв; нарост на дереве’ (рум. *bólfă*), *брицара* ‘манжет, обшлаг рукава; браслет’ (молд. *брэцарэ*, рум. *brățără*), *каманак* ‘гуцульская шапка, берет’ (молд. *команак*, *команэк*, рум. *comănaș*), *лунга* (*лунка*) ‘заливной луг’ (молд. *лункэ*, рум. *luncă*), *мелай* (*малай*, *милай*) ‘кукуруза’ (рум. *mălăi*), *млака* ‘болото’ (молд. *млакэ*, рум. *mlăcă*), *путера* (ГГ: 159) ‘сила, мощь’ (рум. *putere*) и др. На этносах региона сказались татаро-монгольское нашествие и долгое пребывание под вассалитетом Османской империи, отозвавшиеся в языке русинов тюркизмами: *гепсом* ‘разом, полностью, целиком’ (*hepsi* ‘весь’), *кербач* (*корбач*) ‘плеть, нагайка’ (*kirbaç, kirpaç*), *чабан* ‘пастух овец’ (*çoban*) и др.

Тесные межэтнические и, соответственно, межкультурные контакты способствовали превращению ряда слов в своего рода интернационализмы, что доказывается следующими примерами: *алярм* ‘тревога, волнение’ (нем. *Alarm*, рум. *alarmă*, пол., босн., слов. *alarm*, макед. *алармот*), *лімпа* (ГГ: 113), *лімпи* (*лімерки*) (СЛ: 89) ‘стремьянка, лестничка’ (рум. *lăitră*, нем. *Lieter*, венг. *a létra*), *періль* ‘замок’ (пол. *rygiel*, нем. *Riegel*, чеш., хорв. *rigel*, блр. *рыгель*), *бунда* ‘пальто, теплая куртка, шуба’ (венг., пол., чеш., слов., с.-хорв. *bunda*, рум. *bîndă*, болг. *бунда*), *мереньдя*, *мерендарька* (Керча 2007а: 505) ‘узелок с пищей в дорогу, на работу; натурплата’, *мерендя*, *мериндя* (ГГ: 122) ‘еда, провиант, харч; сумка для еды; большое вымя у овцы, коровы’ (слов. *merinda*, чеш. *merenda*, пол. *mierenda, mierzenda, merenda*, рум. *merinde*) и др. Работа со словарями способствует также выявлению славянизмов в неродственных языках

контактирования, в числе которых *birka* 'овца', *medve* 'медведь', *szerda* 'среда' (венг.), *pestriț* 'пестрый', *izvor* 'родник', *bolnav* 'больной', *nevastă* 'жена', *a goni* 'гнать' (рум.) и др.

Таким образом, активные международные связи стимулируют пополнение лексических систем иноязычными единицами, что вкупе с результатами их графического, фонетического, морфологического, словообразовательного, семантического освоения в целом ряде языков и их диалектов порождает богатую синонимию номинативных средств: *чай, тея, гербата (гарбата); кукурудзи (курудзи), кукуруз (кукурудз)* (ГГ: 106), *кукуриця* (СЛ: 85), *тенґериця, кендериця, мелай* (Керча 2012а: 432); *гнів, ярость, мирєг* (Керча 2012а: 190), *пизьма, пизмо* (ГГ: 149); *посоходити, поцукрити* 'посахарить'; *чоботарь, чижмарь, шустер* 'сапожник, башмачник' и др., маркируя тем самым наиболее значимые с позиций национального менталитета фрагменты мира.

Особенностью принимающего языка является активное словопроизводство на базе заимствованных слов, например *файн!* 'хорошо, молодец!', *файный, файно, файненький, файніти* 'хорошеть, красоваться', *пофайніти, файнота* 'красота, прелесть', *файнушок, файнушочка, файнятко* 'хорошенький, -ая (о детях)' (Керча 2007б: 524); *бунда, бундина* 'теплая куртка, полушубок, доха', *бундастый* 'лохматый, косматый', *бундату(ся)* 'кутать(ся)', *бундаш* 'лохматая собака; тост в яичнице' (Керча 2007а: 101–102). Это свидетельствует о высоком адаптационно-деривационном потенциале языка русинов, в т. ч. на уровне значений. Так, на основе *марга* 'скот, рогатый скот' < венг. *marha*, с.-хорв. *мърха* (ЕСУМ 3: 390) образованы *марговый, маржачный* 'скотский', *марженина* 'говядина', *маржина* 'скотина', *маржинський* 'говяжий', а также *марговатый* 'нахальный', *маржинство* 'глупость, выходка' (Керча 2007а: 496) и др. Часть этих образований может быть заимствованием из польского (*marzena, marzyna*), хотя есть основания предполагать здесь и самостоятельное параллельное развитие в языке русинов.

В свою очередь синонимия способствует развитию семантики и стилистики номинативных средств. Так, одним из наиболее обширных, по нашим данным, в языке русинов предстает синонимический ряд *пастух* (более 40 единиц), что соответствует исконно скотоводческому образу жизни этноса (Суляк 2005: 50). В этом ряду достаточно большая группа слов толкуется общим 'пастух' (*пáстырь* и *пасты'рь, пастух*), 'пастух стада' (*ватажка, чередарь*<sup>5</sup>) и относительно общим 'пастух крупнорогатого скота' (*бóвгарь* и *бовга'рь, вакарь, гайдей, гуляр, гуляш, коровар, короварь*, а также *єлевникарь, єлочерь (ялочерь, ілочерь), янчер, янчирь, ярчар*), т. е. «пастух яловой худоби» – говяжьего стада, которое обозначается как *єлівник, ілівник, ялівник* (ГГ: 66–67). Объект заботы

пастухов может конкретизироваться: у *короваря* – коровы, *гуляша* и *бовгаря* – бычки, *конюхаря*, *коняря* – лошади; *телятника*, *телетника*, *телечера* – телята, *волы* – у *вол(ов)аря*, буйволы – у *буволяря*, козы – у *козаря*, свиньи – у *кондаша* и *свинаря*, овцепас называется *югасом*, *бачей*, *чабаном*, *ватагом*, *баранарем*, *баранчаром*. Если соотносить слова *янчер*, *янчирь*, *ярчар* с *єрка* (*єрька*, *ярка*) ‘молодая овца’, *єрче* (*ярче*) ‘ягненок’ *єрчук* (*єрчук*) ‘молодой баран’, то их тоже следует отнести в последнюю подгруппу. В числе других обстоятельств деятельности отмечается время (*нанучник*), место пастбы (*полонинчик* – ‘пастух на полонине’, т. е. на пастбище, в долине). Старший чабан – это *ватаг*, а помощники пастуха, подпаски названы *пастушок*, *бойтарь*, *гус(к)арь*, *свинарьчик*, *кондащик*, а также *стрункар* (*струнгарь*) (ГГ: 191), который пропускает овец к дойке по *струнке* (*струнге*) – специальному проходу в кошаре. Феминативы *бовгарька*, *пастырька*, *гус(к)арька*, *чередарька*, *свинарька*, *козарька*, *кондашка* могут обозначать как работников, так и жен пастухов, чьи роли в реальности, надо полагать, обычно совмещаются (или совмещались). Поэтому глаголы с общим значением ‘выполнять работу пастуха (подпаска)’ (*пастуховати*, *бовгарити* (*бовгарувати*), *гулярити*, *чередарити*, *козарити*, *кондашити*, *воларити*, *пастырити*, *югасити*, *гуляшити*, *бойтарити*, *ватагувати*, *ватажити*) могут обозначать, вероятно, деятельность не только мужчин, но и женщин.

Значительная часть этих слов зафиксирована в ГГ, что указывает на их областной характер, помету «у гуцулов» имеют некоторые из них (*гуляш*, *бовгарь*) и в РРС. Никакой другой дополнительной информации о сфере употребления отмеченных слов материалы использованных в статье источников не несут. В целом же данная группа слов иллюстрирует своим составом яркие особенности лексической системы языка русинов: архаику для восточнославянских языков (*чередарь*, *пастырь*), славянизмы (*бача*, *єлевникарь*, *єлочерь*, *ялочерь*), заимствования из неродственных языков (*бовгарь*, *вакарь*, *гуляш*, *кондаш*, *чабан*).

**Выводы.** Исторически так сложилось, что русины неоднократно находились в ситуации вполне реальной потери своей национальной идентичности в условиях монгольской, польской, австро-венгерской, османской колонизации (Суляк 2005: 56). Развиваясь в полиязычном окружении, нередко в условиях недружественной по отношению к себе государственной политики, этнос сохранил отчасти древнерусскую языковую основу – вполне возможно, в наибольшей среди восточнославянских языков степени. Самобытная история регионов сформировала серьезные различия в некогда более едином языке бойков, гуцулов, лемков, что даже ставит под вопрос правомочность употребления термина *русинский язык*. Выявленная в статье бога-

тейшая синонимия, соединяясь лишь в работах исследователей, в определенной части развивается в параллельных языковых подсистемах. Сегодня в них сосуществуют лексические единицы, ведущие свою историю с праславянского периода, со словами, пришедшими из языков соседних народов, а также воспринимаемыми из фонда современных интернационализмов. Иноязычная лексика легко ассимилируется, становясь базой деривации для новых слов по издревле сложившимся продуктивным для языка словообразовательным моделям, тем самым служа доказательством, что этнокультурные особенности ярче всего проявляются в языке его носителей.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Разные люди привыкли различно выражать свои мысли».
2. См. публикации в международном историческом журнале «Русин» (с 2015 г.).
3. Указание на страницы этих источников, основных для автора, дается преимущественно в перечне примеров, где присутствует материал других лексикографических справочников, дополняющий словари И. Керчи, – во избежание путаницы.
4. В русинском последнее значение выражается словом *пролишок* (Керча 2012b: 37).
5. См. об этом корне более подробно: Дронова 2015.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусское  
болг. – болгарское  
босн. – боснийское  
в.-луж. – верхнелужицкое  
венг. – венгерское  
д.-рус. – древнерусская  
и.-е. – индоевропейское  
макед. – македонское  
мн. – множественное число  
молд. – молдавское  
н.-луж. – нижнелужицкое  
нем. – немецкое  
обл. – областное  
пол. – польское

полаб. – полабское  
рум. – румынское  
рус. – русское  
серб. – сербское  
слвн. – словенское  
слвц. – словацкое  
ср. – сравните  
с-хорв. – сербско-хорватское  
тур. – турецкое  
укр. – украинское  
уменьш. – уменьшительное  
хорв. – хорватское  
чеш. – чешское

## ЛИТЕРАТУРА

ГГ – Гуцульські говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Головацкий 2008 – Головацкий Я. Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 224–261.

Дронова 2015 – Дронова Л.П. Генетические связи слав. \*ščerda: семантическая реконструкция // Русин. 2015. № 3 (41). С. 183–190. DOI: 10.17223/18572685/41/13

ЕСУМ 1 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 631 с.

ЕСУМ 2 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1985. Т. 1. 570 с.

ЕСУМ 3 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 1. 552 с.

ЕСУМ 4 – Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 656 с.

ЕСУМ 5 – Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5. 704 с.

Керча 2007a – Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007a. Т. 1. 608 с.

Керча 2007b – Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007b. Т. 2. 608 с.

Керча 2012a – Керча И. Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012a. Т. 1. 580 с.

Керча 2012b – Керча И. Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012b. Т. 2. 596 с.



- Онышкевич 1966 – *Онышкевич М.О.* Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61–105.
- Осипова 1991 – *Осипова М.А.* К изоглосным связям праславянской лексики карпатского ареала // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо. Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 189–194.
- СЛ – *Mali rječnik lemківskog govora ukrajinskog jezika* // Ur. Pavlešin A. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu, 2007. 290 s.
- Піскунов 1882 – *Піскунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.
- Старикова 2016 – *Старикова Г.Н.* Названия русинских праздников как свидетельство языковой и этнокультурной специфичности народа // Русин. 2016. № 3 (45). С. 146–161. DOI: 10.17223/18572685/45/11
- Суляк 2005 – *Суляк С.Г.* Русины: страницы истории // Русин. 2005. № 1. С. 49–60.
- СУМ 1 – *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1970. Т. 1. 799 с.
- СУМ 5 – *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1974. Т. 5. 840 с.
- ЭССЯ 2 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.
- ЭССЯ 6 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1979. 222 с.
- ЭССЯ 15 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. 263 с.
- ЭССЯ 28 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2001. 266 с.
- ЭССЯ 31 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2003. 269 с.
- ЭССЯ 32 – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 2005. 238 с.

## REFERENCES

- Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul'ski govirki. Korotkiy slovník* [Hutsul dialects. A Brief Dictionary]. Lviv: NAS of Ukraine.
- Golovatsky, Ya. (2008) *Karpatskaya Rus'* (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Rus' (historical and ethnographic essay)]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 224–261.
- Dronova, L.P. (2015) Genetic Relationship of \*cerda: Semantic Reconstruction. *Rusin*. 3 (41). pp. 183–190 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/13
- Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukrajinskoj movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.



Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Onyshkevich, M.O. (1966) Slovar' boykovskogo dialektu [Glossary of Boykos dialect]. In: Kalnyn, L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic lexicography and lexicology]. Moscow: Nauka. pp. 61–105.

Osipova, M.A. (1991) K izoglossnym svyazyam praslavyanskoy leksiki karpat'skogo areala [To isoglossic relations of the Pre-Slavic vocabulary of the Carpathian area]. In: Bulatova, R.V., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (eds) *Slavistika. Indoevropeistika. Nostratika. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Dybo* [Slavistics. Indo-European studies. Nostratics. On the 60th birthday of V.A. Dybo]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 189–194.

Dragičević, S. (2007) *Mali rječnik lemkijskog govora ukraïnskog jezika*. Zagreb: Društvo za ukraïnsku kulturu.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little Russian – Red Ruthenian Dictionary of Living Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

Starikova, G.N. (2016) The names of Rusin holidays as the evidence of linguistic and ethno-cultural specificity of the nation. *Rusin*. 3 (45). pp. 146–161 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/11

Sulyak, S.G. (2005) Rusyny: stranitsy istorii [Rusins: Pages of history]. *Rusin*. 1. pp. 49–60.

Bilodid, I.K. (ed.) (1970) *Slovník ukraïns'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1974) *Slovník ukraïns'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1975) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1988) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (2001) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 28. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (2003) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 31. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (2005) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Vol. 32. Moscow: Nauka.

**Старикова Галина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

**Galina N. Starikova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** gstarikova@yandex.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/10

## ПОНЯТИЕ «ЖАЛОСТЬ» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

**С.А. Толстик**

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36  
E-mail: stolstik@mail.ru

### Авторское резюме

Языковая репрезентация важнейших культурно значимых понятий находится в сфере интересов современной лингвистики. В статье представлена история формирования понятия «жалость, чувство сострадания» в русинском языке. Данное понятие выражают три русинских существительных – однокоренные лексемы *жаль*, *жалость* и *посанунок*. Сравнительно-исторический и лингвогеографический анализ данного синонимического ряда позволил выявить, что представленное языковое выражение исследуемого понятия не является собственно русинским: оно либо унаследовано из праславянского лексического фонда (лексические единицы с корнем *жал-*), либо заимствовано из диалектов польского языка (лексическая единица *посанунок*). Реконструированные мотивирующие признаки, сформировавшие понятие «жалость» в русинском языке, были следующими: во-первых, признак праславянского характера \*‘то, что жалит, вызывает боль’ > ‘сочувствие чужой боли’ > ‘жалость’ (*жаль*, *жалость*), во-вторых, признак, вызванный польским влиянием ‘бережное, щадащее отношение’ > ‘жалость’ (*посанунок*).

**Ключевые слова:** русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, номинация, историческая лексикология.

# THE CONCEPT “PITY” IN THE HISTORY OF THE RUSIN LANGUAGE

S.A. Tolstik

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia  
E-mail: stolstik@mail.ru

## Abstract

Modern linguistics pays much attention to the linguistic representation of the most important culturally significant concepts. The article focuses on the history of the concept “pity, compassion” in the Rusin language, where this concept is expressed by three Rusin nouns: ‘*zhal*’; ‘*zhalost*’ and ‘*posanunok*’. A comparative historical and linguogeographic analysis of this synonymic series has shown that the linguistic expression of the concept under study is not Rusin as such: it is either inherited from the Proto-Slavic lexical fund (lexical units with the root ‘*zhal-*’), or borrowed from Polish dialects (‘*posasunok*’). The reconstructed motivating signs that formed the concept “pity” in the Rusin language were as follows: firstly, a pro-Slavic character ‘something that stings, causes pain’ > ‘sympathy to someone else’s pain’ > ‘pity’ (*zhal*; *zhalost*’); secondly, a sign caused by the Polish influence ‘respectful, sparing attitude’ > ‘pity’ (*posanunok*).

**Keywords:** Rusin language, Slavic languages, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, nomination, historical lexicology.

Жалость – одно из важных культурно значимых понятий, характеризующих человека, его чувства, поведение, отношение к другим людям, поэтому репрезентация данного понятия находится в сфере интересов современных лингвистов в разных аспектах. Чаще всего в современной лингвистике понятие / концепт «жалость» рассматривается как важнейший элемент русской языковой картины мира, например, в статьях А.Е. Бочкарева «О жалости и смежных понятиях в русском языковом сознании» и Л.Г. Ефановой «Норма милосердия в русской языковой картине мира», в кандидатской диссертации В.С. Мельниковой «Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту» и в некоторых других работах (Ефанова 2010; Мельникова 2011; Бочкарев 2017).

Так, А.Е. Бочкарев, описывая синтагматические отношения слова *жалость*, реконструирует прототипическую ситуацию и рассматривает жалость в метафорической проекции (по отношению к живому

существу, жидкой субстанции, автономной силе и т. д.). Л.Г. Ефанова, рассматривая жалость как разновидность ценностного отношения человека к явлениям действительности, говорит, что их оценка может быть сравнительной и нормативной. В.С. Мельникова делает вывод о том, что в русской языковой картине мира представлены три вида жалости: жалость-сострадание, жалость-огорчение и жалость-любовь, и рассматривает эти три варианта на материале художественной литературы (произведений А.П. Чехова).

Славянской лексике с корнем *жал-* посвящен ряд работ, например, несколько статей С.М. Толстой: «Лики любви в зеркале славянских языков», «*Желать* и *жалеть*: этимология и семантика» (Толстая 2012a; Толстая 2012b). В первой работе автор лексику с корнем \**žal-* рассматривает как обозначение понятия «любовь», во второй обращается к анализу семантической структуры славянского гнезда \**žal-*, исходным значением которого является состояние боли. Интересующий нас лексический материал с корнем *жал-* в историческом аспекте анализировался и на русинском материале, но как репрезентация понятия «тоска, печаль», но не «жалость»: русин. *жаль* отражает «наиболее ранний этап представления об этой эмоции [тоска / печаль] в сознании славян» (статья Л.П. Дроновой «Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи») (Дронова 2018: 118).

Мы опирались прежде всего на выводы указанных работ С.М. Толстой и Л.П. Дроновой, но славянскую лексику с корнем \**žal-* рассматриваем как репрезентацию другого понятия – понятия «жалость».

Чтобы выявить особенности формирования понятия «жалость» в русинском языке, определим, когда и в связи с чем это понятие возникло, самостоятельно либо под влиянием других языков и культур, что именно и на каком этапе послужило мотивирующим признаком для каждого из его трех репрезентантов.

Глубина формирования указанного понятия выявляется на основе языковых данных с использованием прежде всего сравнительно-исторического метода. Для этого мы обращаемся сначала к материалам русинского языка, затем, по мере необходимости, – к данным других восточнославянских и всех остальных славянских языков.

Лексические единицы для анализа мы набирали по двужычно-му «Русско-русинскому словарю» И. Керчи. Так, в русинском языке понятие «жалость» (как чувство сострадания) выражают три существительных: однокорневые *жаль*, *жалость* и *посанунок*. Доминантой приведенного синонимического ряда, по данным словаря И. Керчи, является лексема *жаль* (она указывается первой в «Русинско-русском словаре» и выражает разные аспекты интересующего нас понятия «жалость») (Керча 2007a: 272; Керча 2012b: 265).

Слова *жаль*, *жалость* и их однокорневые образования, во-первых, широко представлены в русинском языке с семантикой жалости, сожаления, сострадания (существительные *жаль*: *сполный жаль* 'соболезнование', *жалость*, глагол *жаловати* 'жалеть, сожалеть': *Он такой чулувик, шчо нікого не жалуйе* 'Он такой человек, что никого не жалеет', прилагательное *жалостливый* 'сердобольный, жалостливый', производное от него наречие *жалостливо* 'сердобольно, жалостливо', а также другие лексемы, в основном прилагательные: *жалостный* 'достойный сожаления', 'жалобный, плачевный, жалкий', *жалуючий* 'жаляющий, сожалеющий', *жалусливый* 'жалостливый', *жальный* 'жалобный', *жалішливий / желішивый* 'добросердечный, жалостливый, сочувствующий чужому горю': *Така добра, желішива дитина, шо дай божи, аби ніколи сама не слабувала* 'Жалостливый ребенок, что дай боже, чтобы никогда сама не была слабой', *жаловати* 'сожалеть': *Дуже жалуву* 'Я очень сожалею') (Керча 2007а: 272; Сабадош 2008: 83; СБГ 2005: 109).

Во-вторых, русинская лексика с корнем *жал-* также развивает и многочисленные другие значения: например, значения, характеризующие близкие к жалости эмоции и чувства ('тоска, грусть, печаль': *жаль*: *Жаль за домовинов* 'тоска по родине', *Прийти жаль кому* 'взгрустнуться', *жальний* 'печальный, грустный', *жалостный* 'грустный, печальный, неутешный, жалобный', *жалостно* 'грустно, печально, жалобно': *Не лишай мене стару – просила мати жалостно* 'Не бросай меня старую – просила жалобно мать').

Лексика с корнем *жал-* обозначает также выражение этих чувств с помощью каких-либо действий / ритуалов – 'сетование, стенание': *жаль*: *Прийміт муй жаль* 'примите мое соболезнование', *жалковати* 'пенять, плакаться, сетовать': *Яв ся Иваник барз турбовати тай жалковати* 'Стал Иванушка сильно переживать и плакаться', 'соболезнование': *Жалуву з вами* 'соболезную вам / Примите мое соболезнование', а также значения 'траур', 'скорбь': *глубокий жаль* 'скорбь, горечь', *носити жаль* 'быть в трауре', *жаловати* 'скорбить': *Жалує за умершим*, сущ. *жалкованя* 'сетование, стенание', *жалоба* 'траур по умершему': *Літературны общества... розличны сполкы сими днями... держат жалобу за великим поетом* 'В эти дни литературные общества, различные союзы скорбят по умершему великому поэту', *жалобный* 'скорбный, скорбящий, траурный': *Дня 23 децембра с.р. Пудк. Общество Наук подержало жалобное заседание в память смерти своёго основателя и почестного члена Николая Козмы* '23 декабря этого года Подк. общество наук провело траурное заседание в память смерти своего основателя и почетного члена Николая Козмы' (СБГ 2005: 109; Керча 2007а: 272).

Значение бережного отношения к чему-либо / кому-либо представлено также в семантической структуре многозначного глагола *жаловати*: 'беречь, щадить': *Шо ви добрий тато, то витко по тому, шо іти жалуєте* (Керча 2007а: 272; Сабадош 2008: 83). В семантической структуре глагола *жаловати* наблюдается также производное значение скупости как излишней, чрезмерной бережливости (Керча 2007а: 272; Сабадош 2008: 83).

Поскольку данные истории русинского языка нам практически недоступны, для выявления истоков и глубины значения 'жалость' следует обратиться к материалу других славянских языков.

Анализируемая лексика с корнем *жал-* относится к общеславянскому лексическому фонду. В остальных славянских языках она также представлена с семантикой жалости, сочувствия, бережного отношения, грусти, скорби, траура (особенно в южнославянском ареале), а также в ряде случаев – скупости и в некоторых других близких значениях:

– др.-рус. *жаль, жалость* 'горе'; *ревность, жаловати* 'жалеть, сожалеть', 'оказывать милость', 'щадить', *желети* 'сожалеть, скорбеть';

– рус. *жалость* 'чувство соболезнования, сострадания', *жаль* 'о чувстве жалости', 'о чувстве грусти' (безличное сказуемое), *жалеть* и др.;

– укр. *жаль, жалість* 'жалость', *жаліти, жалувати* 'сочувствовать кому-либо';

– блр. *жаль* 'жалость', 'горе, скорбь', 'огорчение', *жалосць* 'жалость' и др.;

– болг. *жал* 'жаль', *жалост* 'жалость';

– с.-хорв. *жалост* 'горе, печаль; траур'; *жао* 'жаль', *жаљити* 'жалеть, оплакивать кого-либо';

– словен. *žalovati* 'быть в трауре', 'оплакивать, скорбеть';

– ст.-сл. *ЖАЛЬ* 'могила, гробница', *ЖАЛОСТЬ* 'усердие, рвение', *ЖАЛИТИ* 'сетовать', 'скорбеть';

– чеш. *žal, žalost* 'печаль, скорбь, горе' / книжн. *žel* 'жаль, жалко', *želeť* 'жалеть';

польск. *żal* 'жаль', *żałować* 'жалеть', 'грустить', 'скупиться' и др. (Преображенский 1959а: 221; ЕСУМ: 1985: 186; СлРЯ 1985: 471; ЭБ 1985: 207; Фасмер 1986: 34–35; СС 1994: 212; Черных 1999: 290–291; Brückner 1974: 661; SJP: <https://sjp.pl/%C5%BCa%C5%82owa%C4%87>).

Первичным значением для приведенной лексики было 'жалить, колоть' (ср. глагол \**žaliti* в разных славянских языках). Далее семантика, по всей видимости, развивалась следующим образом: 'жалить, колоть' > 'вызывать боль' > 'испытывать боль' > 'сочувствовать чужой боли, жалеть'. С.М. Толстая говорит об универсальности такого семантического перехода от 'страдать' к 'сострадать', т.е. 'испытывать боль за другого человека' (Толстая 2012b: 274).

Итак, мотивирующим признаком для однокорневых слов *жаль* и *жалость* в данном случае был 'чувство, которое жалит, вызывает боль', и признак этот праславянского происхождения.

И последняя лексема, выражающая понятие «жалость» в русинском языке, – это существительное *посанунок*. Помимо значения 'жалость' (*Мыслѣв му перейшла хмарка посанунку ид жонї, же ей тримат не як бы собі заслужила* 'Его мысли затмила минутная жалость к жене, что он к ней относится не так, как она этого заслуживает') оно имеет в русинском языке значение 'бережность, заботливое отношение': *З посанунком* 'бережно' (Керча 2007b: 147; Керча 2012a: 265).

Данное существительное является производным от русинского глагола *посановати* 'пожалеть' (*Прийшла там, тай ся тым людѣм поскаржила... люде ей посановали* 'Пришла туда да этим людям пожаловалась, люди ее пожалели / ей посочувствовали'), который в русинском языке также имеет значение бережного отношения 'поберечь, пощадить': *Посануй, чуловіче, матір, б овна та вдна* 'Береги, человек, мать, так как она у тебя одна' (Керча 2007b: 147; Сабадош 2008: 264). В свою очередь, *посановати* образовано префиксальным способом от глагола *сановати* / *санувати* (*sanuvati*) 'жалеть': *Malenkom ho sanoval* 'я немного его жалел', 'беречь, щадить': *Skirni my sanuvali* 'Зачем мы это берегли' (контексты на латинице зафиксированы в варианте русинского языка на территории Словакии), *Сановати природу* 'беречь природу', *Мене муй чулувік санує* 'Меня мой муж бережет', возвратный глагол *сановатися* 'беречься', 'быть уважаемым' (Керча 2007b: 315; Šišková 2009: 143). Семантика бережного отношения и уважения отражена и в других бесприставочных однокорневых образованиях *санованый* 'береженный; уважаемый': *Санована чулувіком жена* 'Уважаемая мужем жена', *санованя* 'щадающее отношение; бережность' 'уважение': *Санованя околиця* 'охрана окружающей среды', *сановный* 'бережный', *сануючий* 'щадающий', *сануючи* 'щадя, бережно': *Сануючи ваші чувства* 'Щадя ваши чувства' (Сабадош 2008: 327; Керча 2012b: 315–316).

Для выяснения истоков значения жалости, уточнения развития семантики обратимся к данным остальных славянских языков. В них не отмечены ни анализируемое *посанунок*, ни другие образования с корнем *сан-*.

В русинский язык данная лексика, по всей видимости, была заимствована из польского языка, где представлен другой начальный корневой согласный – *ш*.

Основные значения этих лексем в польском языке – прежде всего, 'уважение', а также 'бережное отношение к кому-либо / чему-либо' и другие близкие значения, ср. *szanować* 'уважать, относиться к кому-либо с уважением', 'беречь, щадить', 'предостерегать, предупреждать',



считаться с чем-либо, возвратная форма *szanować się* 'иметь чувство собственного достоинства', 'соблюдать профессиональную этику с принятыми в определенной среде правилами, нормами', 'уважать друг друга', 'заботиться о своем здоровье', *szanowanie* 'уважение, почитание', *szanowny* 'уважаемый, почтенный', *szanowność* 'почтенность' (SJP PWN: <https://sjp.pwn.pl/szukaj/szanowa%C4%87.html>). В найденном нами польском лексикографическом материале жалость выражается через бережное отношение субъекта к кому-либо / чему-либо.

В свою очередь в польский язык эти слова были заимствованы из германских языков, где тоже представлена семантика бережного отношения, положительной оценки, ср. ср.-в.-нем. *schönen* 'щадить, беречь', н.-в.-нем. *schönen* 'щадить, беречь, уважать', т. е. 'обходиться с кем-либо хорошо' (ЕСУМ 2012: 375–376; Brückner 1974: 540 и др.). Из польского языка эта лексика была заимствована с семантикой уважения и бережного отношения в восточнославянские языки, а также в еще один западнославянский язык – словацкий, ср. укр. *пошанувати* 'проявить уважение', 'угостить, попотчевать кого-либо в знак уважения', *пошана*, *пошаноба*, *шана* 'уважение', *шанувати* 'уважать', 'проявлять заботу, ухаживать за кем-либо', *шановний*, *шанований* 'уважаемый', блр. *пашана*, *пашанаванне* 'уважение', *пашанота* 'почитание', *панашонтны* 'приличный', *шанаваць* 'бережно относиться, беречь, заботливо оберегать', 'относиться с уважением, почтением, уважать' и др., рус. зап. и южн. диал. *шановать* / *шанувать* / *шеновать* 'любить, уважать, почитать, чтить, угождать', 'угощать, потчевать' (твер., ржев.), *шанованье* 'действие по глаголу *шановать*', *пошановать* 'пожалеть', слов. *šanovat'* 'бережно относиться к чему-либо', 'щадить, жалеть', *šanovlivý* 'бережливый, экономный, расчетливый' (Даль 1882: 640; СРС 1976: 513; СУМ 1976: 478–479; СУМ 1980: 404–406; ЭБ 1993: 259; ЕСУМ 2006: 375; ТСБМ: <https://www.skarnik.by/tsbm/93459>). Русское диал. *пошановать* 'пожалеть' встречается только в речи русского населения Буковины как заимствование из русинского: *Кто чужого пошанует* (СРНГ 1997: 23).

Начальный согласный *с* в корне заимствованного существительного *посанунок* в русинском языке можно объяснить мазурением (одна из польских диалектных особенностей), т. е. смешением шипящих и свистящих согласных звуков, например, польск. *szyja* – *syja* 'шея', *żaba* – *zaba* 'лягушка'. Так, в польских говорах наряду с *(po)szanować* наблюдается вариант однокорневого глагола с начальным корневым свистящим *(po)sanować* в значении 'уважать, угождать': *luż ja was posanuje* 'уж я вам ужоу = уж я к вам бережно отнесусь' (Karłowicz 1906: 289), а также однокорневые образования без префикса *sanować* 'беречь', *sanowliwy* 'уважающий', *saniący* 'уважающий, уважаемый': *Do tych uściwych, saniących ojców i gospodarzy* (Karłowicz 1906: 289; Karłowicz 1907:

282–283). В русинский язык, по всей видимости, этот фонетический вариант пришел из польских говоров с мазурением. В ЕСУМ высказывается и другая версия появления начального корневого согласного в форме указанных полонизмов – угорское влияние, ср. венгр. *szánni* ‘жалеть, щадить’ (ЕСУМ 2006: 178). Влияние венгерских форм на форму русинских заимствований является возможным, но вряд ли можно этим пояснить появление начального *s-* в польских диалектных формах.

Итак, в русинский, как и в другие восточнославянские языки, анализируемое слово было заимствовано из польского, что легко объяснить контактами восточных славян с носителями данного языка вследствие территориального и культурного взаимодействия. Трудно судить однозначно о времени заимствования, т.к. мы не располагаем историческими словарями русинского языка, а в исторических словарях других восточнославянских языков данный материал отсутствует. В польском языке лексика с этим корнем была заимствована в XIV в., ср. ст.-польск. глагол в форме *szonować* из ср.-в.-нем. *schönen* (Преображенский 1959b: 87; Фасмер 1987: 404; ЭБ 1993: 259; ЕСУМ 2012: 375–376; Brückner 1974: 540). Следовательно, в русинский язык из польского анализируемая лексика была заимствована позже.

Мотивирующим признаком в данном случае для *посанунок* ‘жалость’ был признак ‘бережное отношение’ (польское влияние). Нельзя сказать однозначно, где именно сформировалось значение жалости: либо оно было заимствовано из польского языка (возможно, в ненайденном нами диалектном материале), либо возникло уже в русинском языке на базе заимствованного польского значения ‘бережное отношение’.

Подводя итоги, отметим, что признаки, формирующие понятие «жалость», в русинском языке были реконструированными:

1. Наиболее глубокий признак, формирующий понятие «жалость», – реконструированный признак праславянского происхождения \*‘то, что жалит, вызывает боль’ > ‘сочувствие, к чужой боли, жалость’ (лексика с корнем *жал-*: *жалъ*, *жалость*). Поскольку анализируемое понятие «жалость» характеризует одно из базовых человеческих чувств / эмоций, его исторические корни имеют как раз наибольшую глубину.

2. Второй признак – более поздний, вызванный польским влиянием, – ‘бережное, щадящее отношение’ (лексема *посанунок*).

Таким образом, представленное языковое выражение понятия «жалость» не является собственно русинским по происхождению: оно либо унаследовано из праславянского языка (значение ‘жалость’ в гнезде \**žal-* сформировалось еще на праславянском уровне), либо заимствовано из польского языка.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусский; болг. – болгарский; венгр. – венгерский; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский, зап. – западный; н.-в.-нем. – нижневерхненемецкий; польск. – польский; ржев. – ржевский; русин. – русинский; русск. – русский; с.-хорв. – сербохорватский; ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий; словц. – словацкий; словен. – словенский; ст.-польск. – старопольский; ст.-сл. – старославянский; твер. – тверской; укр. – украинский; чешск. – чешский; южн. – южный.

## ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев 2017 – *Бочкарев А.Е.* О жалости смежных понятиях в русском языковом сознании // *Slavica Slovaca*. 2017. Ročník 52. Číslo 2. S. 110–121.

Даль 1882 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и значит. умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–В. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 710 с.

Дронова 2018 – *Дронова Л.П.* Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи // *Русин*. 2018. № 52. С. 118–125.

Ефанова 2010 – *Ефанова Л.Г.* Норма милосердия в русской языковой картине мира // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2010. № 4 (12). С. 15–23.

ЕСУМ 1985 – *Етимологічний словник української мови* = *Этимологический словарь украинского языка*. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / Голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко: в 7 т. Т. 2: Д–Копці. Київ: Наукова думка, 1985. 569, [1] с.

ЕСУМ 2006 – *Етимологічний словник української мови* = *Этимологический словарь украинского языка*. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / Голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова: в 7 т. Т. 5: Р–Т. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.

ЕСУМ 2012 – *Етимологічний словник української мови* = *Этимологический словарь украинского языка*. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / Голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова: в 7 т. Т. 6: У–Я. Київ: Наукова думка, 2012. 568 с.

Керча 2007а – *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = *Русинско-русский словарь*. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007а. 608 с.

Керча 2007б – *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = *Русинско-русский словарь*. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007б. 608 с.

Керча 2012а – *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = *Русско-русинский словарь* – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012а. 580 с.

Керча 2012b – *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012b. 596 с.

Мельникова 2011 – *Мельникова В.С.* Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту: автореф. дис. .... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 21 с.

Преображенский 1959a – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Труды института русского языка. Т. 1: А–О. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959a. 674 с.

Преображенский 1959b – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Труды института русского языка. Выпуск последний: Тело–Ящур. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959b. 674 с.

Сабадош 2008 – *Сабадош І.* Словник Закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.

СБГ 2005 – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

СРС 1976 – Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.

СС 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10 000 слов / Ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

СЛРЯ 1985 – Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. Т. 1: А–Й. М.: Рус. яз., 1985. 696 с.

СРНГ 1997 – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов; ред. О.Д. Кузнецова: в 49 вып. Вып. 31: Почестно–Присуть. СПб.: Наука, 1997. 432 с.

СУМ 1976 – Словник української мови: в 11 т. Т. 7: Поїхати–Приробляти / Зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1976. 724 с.

СУМ 1980 – Словник української мови: в 11 т. Т. 11: Х–Ь / Зав. ред. І.К. Білодід; ред. тому С.І. Головащук. Київ: Наукова думка, 1980. 700 с.

СС 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10 000 слов / Ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <http://skarnik.by> (дата обращения: 25.05.2019).

Толстая 2012a – *Толстая С.М.* Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012a. С. 587–597.

Толстая 2012b – *Толстая С.М.* Желать и жалеть: этимология и семантика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика, Слово и текст. М., 2012b. С. 269–280.

Фасмер 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 2: Е–Муж. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 4: Т–Яшур. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Черных 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип: в 2 т. Т. 1: А–Пантомима. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.

ЭБ 1985 – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В.Д. Лабко [і інш.]; рэд. В.У. Мартынаў: в 13 вып. Вып. 3: Г–Ішчэ. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. 407 с.

ЭБ 1993 – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В.Д. Лабко [і інш.]; рэд. В.У. Мартынаў: в 13 вып. Вып. 8: Немарачэ–Паяць. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 267 с.

Brückner 1974 – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 805 s.

Karłowicz 1906 – Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 4: P. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1906. 466 s.

Karłowicz 1907 – Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 5: R S Ś T. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1907. 462 s.

Šišková 2009 – Šišková R. Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2009. 200 s.

SJP – Słownik języka polskiego. URL: <http://sjp.pl> (дата обращения: 26.05.2019).

SJP PWN – Słownik języka polskiego PWN. URL: <http://sjp.pwn.pl> (дата обращения: 23.05.2019).

## REFERENCES

Bochkarev, A.E. (2017) O zhalosti i smezhnykh ponyatiyakh v russkom yazykovom soznanii [On zhalost' (pity) and related concepts in the Russian linguistic consciousness]. *Slavica Slovaca*. 52 (2). pp. 110–121.

Dal, V.I. (1882) *Tolkovyý slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: Wolf.

Dronova, L.P. (2018) The concept “melancholy/sadness” in the Rusin language: historical and areal links. *Rusin*. 52. pp. 118–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/9

Efanova, L.G. (2010) Norma miloserdiya v russkoy yazykovoy kartine mira [The norm of mercy in the Russian language picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University. Journal of Philology*. 4 (12). pp. 15–23.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

- Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.
- Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: In 7 vols]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.
- Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
- Melnikova, V.S. (2011). *Emotsional'nyy kontsept "zhalost'" v russkoy yazykovoy kartine mira: ot slovary k tekstu* [The emotional concept "pity" in the Russian language picture of the world: from dictionary to text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
- Preobrazhensky, A.G. (1959a) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
- Preobrazhensky, A.G. (1959b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
- Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koï govorki sela Sokirnitsya Khust'skogo rayonu* [The Dictionary of Transcarpathian dialect of Sokirnitsa village, Khust district]. Uzhhorod: Lirab.
- Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko-ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Rus. yaz.; Slovatsk. ped. izd-vo.
- Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovins'kikh govórok* [The Dictionary of Bukovina Dialects]. Chernitsi: Ruta.
- Evgenieva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkyy yazyk.
- Filin, F.P. (ed.) (1997) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 31. St. Petersburg: Nauka.
- Mandrika, M.L. (ed.) (1976) *Slovník ukraïnskoï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.
- Mandrika, M.L. (ed.) (1980) *Slovník ukraïnskoï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.
- Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavonic Dictionary: by manuscripts of the 10th – 11th centuries]. Moscow: Russkyy yazyk.
- Krapiva, K. (ed.) (1977–1984) *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskay movy* [The Explanatory dictionary of the Belarusian language]. [Online] Available from: <https://skarnik.by> (Accessed: 25th May 2019).

Tolstaya, S.M. (2012) *Liki lyubvi v zerkale slavyanskikh yazykov* [The faces of love in the mirror of Slavic languages]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety* [Meanings, texts and other exciting stories]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 587–597.

Tolstaya, S.M. (2012) *Zhelat' i zhalet': etimologiya i semantika* [*Zhelat'* and *zhalet'*: etymology and semantics]. In: Zhuravlev, A.F. (ed.) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistika, Slovo i tekst* [The Slavic and Balkan Linguistics. Paleoslavistics, Word and Text]. Moscow: Institute of Slavic Studies.

Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 2. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd. ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Martynaw, V.U. (ed.) (1985) *Etymalogichny slownik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 3. Minsk: Navuka i tekhnika.

Martynaw, V.U. (ed.) (1993) *Etymalogichny slownik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 8. Minsk: Navuka i tekhnika.

Brückner, A. (1974) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish dialects]. Vol. 4. Kraków: Jagiellonian University.

Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish dialects]. Vol. 5. Kraków: Jagiellonian University.

Šišková, R. (2009) *Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník* [The areal study of vocabulary of Rusin dialects of eastern Slovakia. The Differential dictionary]. Prague: Slovanský ústav AV ČR.

Poland. (n.d.) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. [Online] Available from: <http://sjp.pl> (Accessed: 26th May 2019).

Poland. (n.d.) *Słownik języka polskiego PWN* [The Polish Language Dictionary PWN]. [Online] Available from: <http://sjp.pwn.pl> (Accessed: 23th May 2019).

**Толстик Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Svetlana A. Tolstik** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [stolstik@mail.ru](mailto:stolstik@mail.ru)



УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/11

## ВПЕРЕДИ ИЛИ ЗАРАНЕЕ? О РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГЛАГОЛАХ С ПРИСТАВКОЙ *ПРЕД-* / *PŘED-*

Ю.А. Вострова<sup>1</sup>, Ю.В. Филь<sup>2</sup>

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: [vostrovayuliya@gmail.com](mailto:vostrovayuliya@gmail.com)

<sup>2</sup> E-mail: [2fil@inbox.ru](mailto:2fil@inbox.ru)

### Авторское резюме

Рассматриваются результаты сопоставительного анализа русских и чешских глаголов с префиксами *пред-* и *před-* соответственно. Исследование основано на традиции изучения глагольной (в т. ч. префиксальной) семантики, одним из результатов которого стало осознание приставки как относительно самостоятельного носителя смысла (в терминологии М. Докулила – «агглютинирующей частицы»). В статье актуализируется способность некоторых префиксов, присоединяясь к глаголу, задавать определенный сценарий, по которому развивается обозначаемое глаголом действие, корректировать его семантику, «ориентировать» глагол на функционирование в определенной дискурсивной сфере. В результате исследования выявляются различия в частных значениях префикса в русском и чешском языках, существенные расхождения в развитии его семантики: от пространственного (находиться впереди чего-либо, кого-либо; располагать перед чем-либо, кем-либо) до проспективного (совершить действие заранее, заблаговременно). Характеризуется различающаяся в сопоставляемых славянских языках деривационная активность приставки в сфере глагола и имени. Обращение к Национальному корпусу русского языка и Чешскому народному корпусу позволяет описать дискурсивное своеобразие единиц с рассматриваемым префиксом в сопоставляемых языках: от религиозно-богословской сферы до научной, политической и др.

**Ключевые слова:** русский глагол, префикс *пред-*, чешский глагол, префикс *před-*, пространственное значение, проспективное значение.



## AHEAD OR BEFORE? ABOUT RUSSIAN AND CZECH VERBS WITH THE PREFIX *PRED-* / *PŘED-*

Y.A. Vostrova<sup>1</sup>, Y.V. Fil<sup>2</sup>

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup>E-mail: [vostrovayuliya@gmail.com](mailto:vostrovayuliya@gmail.com)

<sup>2</sup>E-mail: [2fil@inbox.ru](mailto:2fil@inbox.ru)

### Abstract

This article describes the results of comparative analysis of the Russian and Czech verbs with prefixes *pred-* and *před-* respectively. The research is based on the verb semantic studies in the Russian tradition (including prefixal studies), which resulted in understanding a prefix as a particle which has its own relatively separate meaning (in M. Dokulil's terminology, "agglutinating particle"). The authors emphasise the capacity of some prefixes, added to a verb, of giving a certain plan of functioning to an action meant by the verb; modifying their semantics, make the verb function in a certain discourse. The research has shown the differences in individual meanings of the prefixes in Russian and Czech, considerable divergence in their semantics development: from spatial meaning (to be in front of something / somebody; to put something in front of something / somebody) to prospective meaning (to do an action in advance). The authors describe the derivational activity of the prefix in the sphere of verb and noun, which is different in the Slavic languages compared. Drawing on the Russian and the Czech National Corpus, the authors describe the various discourse peculiarities of lexical units with the prefix in these compared languages (religion, science, politics, etc.).

**Keywords:** Russian verb, prefix *pred-*, Czech verb, prefix *před-*, spatial meaning, prospective meaning, discourse.

Способность глагола активно сочетаться с приставками является отличительной чертой всех славянских языков, несмотря на варьирующийся в них спектр передаваемых префиксами значений, деривационную активность приставок и продуктивность словообразовательных типов приставочных единиц.

Славянские глаголы и префиксы как их структурно-семантические компоненты имеют длительную историю изучения, объединяющую

дериватологическую (см. работы Б.Н. Головина, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, О.М. Соколова, И.С. Улуканова, М.В. Черепанова и др.) и аспектологическую (см. труды А.В. Бондарко, А.В. Исаченко, С. Карцевского, Ю.С. Маслова, Е.В. Петрухиной, М.А. Шелякина и др.) исследовательские традиции. В рамках первого научного направления рассматривались отношения между производящим и производным словами, вычленимость аффиксов в структуре производного слова, словообразовательные формации глаголов, продуктивность структурно-семантических типов глаголов и, как следствие, деривационная активность глагольных префиксов. Сферу интересов второго направления составляли вопросы содержания славянского вида, соотношения префиксации и перфективации, видовых пар глаголов, лексических и чистовидовых значений приставок, их функции, а также способы глагольного действия, в рамках которых приставки реализуются как характеризующие глаголы с точки зрения протекания действия.

В качестве основополагающего в данной статье принимается положение об особом статусе глагольного префикса в структуре глагола – не только как важного компонента глагольной основы, отвечающего за формирование определенной части глагольного содержания, но и как обладающего собственной семантикой относительно автономного носителя информации о действии и его параметрах. В данной статье продолжается исследование префиксальной семантики в сопоставительном аспекте, который расширяет возможности описания аффиксальных единиц языка за счет обращения к материалу близкородственных языков, обнаруживающих сходства и различия в реализации приставок.

Несмотря на то что приставки являются связанными единицами, их статус более свободной единицы (прежде всего, по сравнению с суффиксами), своего рода агглютинирующей глагольной частицы, однако обладающей подвижной системой собственных значений и / или оттенков значения, отмечается в целом ряде исследований (Соколов 1964; Черепанов 1975; Волохина, Попова 1993; Петрухина 1996; Кронгауз 1998; Лебедева 1999; Королева 2003; Королева 2007; Серышева, Филь 2012; Dokulil 1962 и др.). В данной работе мы ориентируемся также на уже существующие (в т.ч. сопоставительные) исследования, посвященные функционированию производных единиц, выполненные на материале корпусных данных (Нагель 2015; Резанова 2017; Филь, Резанова 2018 и др.).

Сформированные из предлогов приставки унаследовали от них значения и некоторую автономность в глаголе, «они отделены от производящей основы ясным швом, и поэтому их сравнительно легко выделить» (Dokulil 1962: 49); в силу их своеобразной агглютинатив-

ной природы сохраняется самостоятельность префиксов (Черепанов 1965). Значение приставки рассматривается исследователями во взаимодействии с глагольной основой и контекстом, в котором функционирует глагол: приставка задает сценарий, по которому развивается действие (Добрушина, Меллина, Пайяр 2001), при этом «именно на глагольном префиксе лежит роль конкретизатора и трансформатора исходного действия» (Королева 2007: 206).

По мнению О.М. Соколова, помимо того, что префиксы вносят в глагол специфические оттенки значения, они обладают *стилистическими функциями*, которые «определяются их способностью фигурировать в качестве различительных знаков, например, диалектизмов, просторечий, отличающих их от собственно литературной лексики» (Соколов 1964: 16). Если перенести это утверждение в иную плоскость, то представляется возможным предположить, что *в некоторых случаях* приставка *оказывается способна отвечать за* приуроченность глагола к определенному типу дискурса. Это детерминировано как признаками самого дискурса, так и свойствами (в первую очередь, семантическими) отдельных префиксов. В той или иной дискурсивной практике существует запрос на языковые единицы разного уровня, отвечающие интенциональной направленности этой речевой практики, в результате чего единицы, отвечающие данному запросу, оказываются востребованными в этой практике. Исследователи отмечают, что дискурсы оперируют «специальными номинациями (медицинские, бухгалтерские, методические и под. термины, наименования официальных структур, реалий политической жизни государства и др.)» и особыми речевыми формулами «при трансляции институционально значимого содержания (*в соответствии с требованиями...*, *на основании вышесказанного...* и под.)» (Тубалова 2014: 40). Представляется, что в качестве подобных «специальных номинаций» могут выступать и некоторые типы префиксальных глаголов.

Отметим, что приставки в их исконном пространственном значении (и соответственно глаголы с этими приставками) не могут быть привязаны к определенной дискурсивной сфере, т. е. единицы с пространственной семантикой нейтральны к типу дискурса, в котором они функционируют: *внести блюдо, войти в систему, выйти из кафе, сойти с дистанции* и т. п. Однако среди отдельных значений префиксов встречаются те, которые коррелируют с тематической составляющей определенного дискурса, его коммуникативными интенциями. В этом случае приставка задает модель для порождения единиц, востребованных в данном дискурсе. Так, например, глаголы с приставкой *пере-* в репродуктивном значении (заново, повторно, иногда по-новому совершить действие) находят применение в

юридическом дискурсе, дискурсе документа: *переквалифицировать преступление, перезахоронить тело, перепроверить данные* и т. п.

Пространственные значения приставок, унаследованные ими от предлогов, благодаря семантическим трансформациям со временем способны перерастать в более сложные значения, складывающиеся из тесного взаимодействия содержания префикса, глагола и контекста его употребления (Королева 2007). Подобные смысловые преобразования префикса ведут к тому, что в языке складываются устойчивые модели, по которым в дальнейшем образуются новые глагольные единицы с преобразованным «отпространственным» значением приставки. Подобные модели варьируются даже в близкородственных языках.

Как представляется, продемонстрировать сказанное можно на материале глаголов с русской приставкой *пред-* и чешской *před-*, выражающих разные направления развития семантики префикса и дискурсивное своеобразие глагольных единиц с данным префиксом.

Прежде всего, следует отметить старославянское происхождение префикса *пред-* (Черепанов 1975). По данным Старославянского словаря (Старославянский словарь 1999), составленного по рукописям X–XI вв., в старославянском языке представлено 19 глаголов с *пред-*: *прѣдварити*, *прѣдвести*, *прѣдзьрѣти*, *прѣдизводити*, *прѣдѣити*, *прѣдѣлагати*, *прѣдѣлежати*, *прѣдѣложити*, *прѣдѣпоказати*, *прѣдѣполагати*, *прѣдѣпоставити*, *прѣдѣпосълати*, *прѣдѣставити*, *прѣдѣстати*, *прѣдѣсѣсти* и др.

Первоначально, как и остальные префиксы, *пред* выполнял функцию предлога и имел следующие значения:

1) указание на объект, к лицевой стороне которого направлено действие / движение или по лицевую сторону которого происходит действие, а также указание на лицо, по отношению к которому совершается действие: *кадило приносимъ прѣдъ тѣ; петръ же стоѣа прѣдъ враты*;

2) указание на отрезок времени, раньше которого совершается действие: *въ сѣб(отъ) прѣдъ въздвигомъ кр(ъ)ста* (Старославянский словарь 1999).

Таким образом, предлог, а далее приставка имели пространственное значение нахождения впереди (*прѣдѣстати*, *прѣдѣлежати*, *прѣдвести*, *прѣдѣити*) и значение «переднего времени», при котором действие совершается заблаговременно, заранее по отношению к другому (*прѣдварити*, *прѣдѣпоказати*). При этом если пространственное значение (нахождения впереди, внутри, сверху и т. п.) для подобных единиц являлось совершенно типичным, то перспективное значение «заранее, наперед, заблаговременно совершить (или

совершать) действие, названное мотивирующим глаголом» (Русская грамматика 1980: 368), представляется особым: через подобие пространству определяются время и те события, которые в рамках него происходят; то, что произойдет, мыслится как находящееся впереди. Данные глаголы «чрезвычайно показательны в отношении передачи смыслов, соотносимых с мыслью об указующем начале веры, предначертанности человеческой жизни» (Филь 2011: 38). По мнению Т.И. Вендиной, в X–XI вв. вся деятельность, все восприятие жизни и мироустройства славян соотносились с высшей, неподвластной человеку силой – Богом (Вендина 2002). В образе Бога воплощалась та сила, благодаря которой можно было заглянуть вперед, заранее узнать, увидеть, почувствовать.

По мнению М.А. Шелякина, существует естественная связь между пространственным и перспективным значением приставки, при этом инвариантное значение приставки – «быть впереди в пространстве и времени», независимо от того, к какой основе она присоединяется (Шелякин 1998: 231–232).

Кроме того, у предлога *перед* (а позднее у соответствующей приставки) отмечалось родственное пространственному сравнительно-определятельное значение превосходства одного предмета над другим. Р.И. Мальцева считает, что «значение переднего плана переосмысливается в значение превышения степени признака (количественно-определятельного значения), превосходства кого-либо перед кем-либо» (Мальцева 1999: 25–26). Это находит прямое или опосредованное отражение в значении русских и чешских глаголов с исследуемой приставкой: *предводить* / *предводитель*; *předčít* (превосходить).

Характеризуя русские глаголы с префиксом *пред-*, необходимо отметить, что данная приставка в силу ее старославянского происхождения считалась непродуктивной (Черепанов 1975), однако авторы Русской грамматики характеризуют словообразовательный тип глаголов с *пред-* как продуктивный, представленный в т.ч. новообразованиями, относящимися к книжной лексике: *предучесть*, *предслышать*, *преднайти* (Русская грамматика 1980: 368). Кроме того, появляются новые отглагольные образования, свидетельствующие о деривационной активности префикса: *предприниматель*, *представитель* и др.

В современном русском языке насчитывается более 100 **глаголов** с приставкой *пред-*: *предвидеть*, *предотвратить*, *предназначить*, *предусмотреть*, *предугадать*, *предупреждать*, *предуготовить*, *предшествовать* и др.; а также легко **образующиеся от глаголов имена** типа *предложение*, *представитель*, *предприниматель*, *предусмотрительный*, *предначертательный* и незначительное количество

**существительных с пространственным значением** типа *предбанник, предместье, предсердие*; **отыменные прилагательные** *предвоенный, предзакатный, предобеденный, предпоследний* и т. п. (Словарь русского языка 1985–1988). Преобладающее количество рассмотренных глагольных единиц относится к глаголам состояния, интеллектуальной, перцептивной, речевой деятельности.

В современном чешском языке зафиксировано меньшее количество **глаголов** с аналогичным префиксом: *přednožit* (поднять ногу вперед), *předběhnout* (обогнать, перегнать, пройти без очереди), *předčítat* (читать вслух, оглашать), *předčít* (превосходить), *předehrát* (сыграть для демонстрации чего-л.), *předepsat* (предписать, назначить), *předepřít* (предварительно простирать), а также преобладающее по сравнению с русским языком количество **именных и наречных единиц** *předčítač* (чтец, декламатор), *předehra* (прелюдия), *předejíždění* (обгон), *předložka* (коврик у кровати; предлог), *předhistorie* (предыстория), *předhoří* (предгорье), *přednáška* (лекция), *přednes* (изложение, чтение), *předprseň* (парапет), *předprodej* (предварительная продажа), *předběžně* (предварительно), *předčasně* (преждевременно), *předěšle* (в прошлый раз) (Slovník spisovného jazyka českého 1960–1971). В отличие от русского языка, среди чешских глаголов с *před-* выделяются глаголы местоположения, физической деятельности.

Таким образом, данные русского и чешского языков демонстрируют, что единицы с рассматриваемой приставкой широко представлены в сопоставляемых славянских языках, однако сферы деривационной активности префикса (глагольная в русском языке, именная в чешском языке) различаются.

Анализ русских глаголов с приставкой *пред-* показывает, что большинство данных единиц сохранило и развило перспективное значение приставки (исключение составляют те глаголы, в которых пространственное значение нахождения впереди переосмыслилось и не воспринимается буквально: *предложить, предводить, представить, предъявить*). Это подтверждают и лексикографические источники, и данные Национального корпуса русского языка: *Жар меня томил; я предвидел бессонную ночь и рад был поболтать с добрым человеком*. Тургенев, Уездный лекарь (Словарь русского языка 1985–1988: 363); *Петру Константиновичу предвещали блестящую будущность, но, как выражались в те времена, он «попал в историю»*. Никулин, Московские зори (Словарь русского языка 1985–1988: 363); *Что же касается материальной составляющей – что ж, трудности предвидятся, но мы к ним готовы* (Известия. 2002.10.04) (НКРЯ); *Рассмотренные процедуры предназначены для решения задач безусловной оптимизации и составляют инвариантную часть алгоритмической базы*

*оптимального выбора* (Информационные технологии. 2004) (НКРЯ); *А вот те бактерии, которые образуют споры (защитный слой, **пред-дохраняющий** от неблагоприятных воздействий окружающей среды), называются бациллами* (Наука и жизнь. 2008) (НКРЯ).

Источниками дальнейшего анализа глаголов с *пред-* и *před-* послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru>) и Českého národního korpusu (ČNK) (<https://www.korpus.cz>). Материалы указанных корпусов позволяют выявить распределение исследуемых единиц по сферам функционирования текстов, в которых зафиксированы рассматриваемые глаголы.

Отметим, что в данной работе мы используем понятие *сфера функционирования*, предлагаемое создателями НКРЯ и сближающееся с понятием *дискурсивная сфера*. Под ним подразумевается «социально-значимая область общественно-речевой практики, которая объединяет тексты определенного содержания и целевого назначения и связана вследствие этого с определенными разновидностями языка» (Савчук 2005: 70). *Функциональные сферы* представляют сферы речевой деятельности (официально-деловую, публицистики, церковно-богословскую и т.п.) и «определяют выбор правил речевого поведения, форм речевого взаимодействия автора и адресата, выбор речевых жанров, принципов построения и языкового оформления высказываний» (Савчук 2005: 71). Кроме того, нами учитывался и такой параметр метатекстовой разметки в корпусе, как *тема текста*.

Нами были проанализированы контексты использования русских глаголов с приставкой *пред-*, представленные в Национальном корпусе русского языка (объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов) (НКРЯ).

Учитывая старославянское происхождение *пред-* и общую тематическую направленность старославянских текстов, мы предположили, что это должно накладывать отпечаток на функционирование глагольных единиц с данным префиксом и на их закономерную привязанность к церковно-богословской практике. Анализ данных выборки из материалов церковно-богословской сферы корпуса показал значительную репрезентативность исследуемых глаголов в данной сфере: *На самом деле, думаю, что это меня, недостойного, утешает Господь, желая показать мне, дать мне **предвкусить** сладости иночества* (Иеромонах Никон (Беляев)); *Но эта первая борьба, закончившаяся полной победой, – она для нас **предreshает** грядущую, последнюю победу, когда Господь приидет во славе Своей* (протоиерей В.П. Свенцицкий); *При этом американские пуритане считали, что модель Завета (договора) реализуется на трех уровнях: во-первых, основополагающий завет благодати между Богом и членами неви-*



димой церкви (то есть **предызбранными** к спасению) <...> (Альфа и Омега. 2000); *Идите и скажите ученикам, дабы уразумели время сие, **предвозвещенное** пророком Осией, возвестившим: «...от беззаконников Он побитен был, и в два дня исцелил мир, и в третий день воскреснет, и живы будем пред Ним»* (Журнал Московской патриархии. 2004.04.26) (НКРЯ).

Дальнейший анализ контекстов употребления русских глаголов с *пред-* показал, что большинство единиц реализовано не только в текстах церковно-богословской сферы, но и в других функциональных сферах. Так, например, глагол **предуготовлять** представлен в 14 контекстах церковно-богословской сферы из 25 зафиксированных корпусом контекстов; **предвозвещать** – в 10 из 47 контекстов; **предуказать** – в 8 из 54 контекстов; **предубедить** – в 3 из 100 проанализированных контекстов (общее количество вхождений – 163); **предуведомить** – в 3 из 100 проанализированных контекстов (общее количество вхождений – 275), **предопределять** – в 2 из 100 проанализированных контекстов (общее количество вхождений – 532) и т. п. (НКРЯ).

Результаты анализа вхождений русских проспективных глаголов с *пред-* в НКРЯ свидетельствуют об активной реализации данных единиц в учебно-научной, официально-деловой и других сферах употребления в текстах с тематикой «Политика и общественная жизнь», «Медицина; Здоровье и медицина», «Бизнес, экономика, финансы, коммерция» и др.

Проиллюстрируем сказанное:

*Этому заседанию **предшествовали** (480 документов, 1 867 вхождений) большая работа и постоянный обмен мнениями всех участников переговорного процесса* (Дипломатический вестник. 2004) (официально-деловая сфера функционирования / тематика текста «Политика и общественная жизнь»).

*Программа ликвидации полиомиелита **предусматривает** (423 документа, 3 256 вхождений) повсеместное прекращение вакцинации ОПВ через определенное время после глобального исчезновения диких вирусов* (Вопросы вирусологии. 2002.10.14) (учебно-научная сфера функционирования / тематика текста «Медицина; Здоровье и медицина»).

*Дальнейшее тесно связано со свойствами хиггсовского бозона, существование которого **предсказывается** (2 194 документа, 5 968 вхождений) так называемой стандартной моделью* (Наука и жизнь. 2008) (публицистическая сфера функционирования / тематика текста «Наука и технологии, физика»).

*ГКРФ устанавливает, что условия договора определяются по усмо-*



трению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия **предписано** (140 документов, 1 476 вхождений) **законом или иными правовыми актами** (Адвокат.01.12.2004) (официально-деловая сфера функционирования / тематика текста «Право») и т. п. (НКРЯ).

Следует отметить, что русские единицы с приставкой *пред-* оказались востребованными в текстах тех тематических сфер, которые нацелены на поиск ответов о мироустройстве (политика, медицина, наука, юриспруденция и т. п.). Как представляется, подобные глаголы сохраняют «старославянский след» в своем функционировании: если ранее сила, которая была в состоянии «предсказать» будущее, была представлена Богом, то на современном этапе она оказалась связана с наукой, законом, медициной.

Несмотря на относительную семантическую самостоятельность приставки, она связана с глагольной основой отношения формального и семантического взаимодействия, поэтому утверждать, что принадлежность рассматриваемых единиц к указанным дискурсивным сферам определяется исключительно префиксом и задаваемой им моделью, нельзя. Для того чтобы показать, что основная функция выражения «переднего времени» лежит именно на приставке, чем и определяется функциональное своеобразие всего приставочного глагола, были рассмотрены контексты употребления приставочных (с *пред-*) и бесприставочных глаголов.

Так, рассмотрение контекстов на запрос глагола **предписывать** демонстрирует, что в основном он употребляется в текстах с тематикой «Наука и технологии; физика, философия», «Политика и общественная жизнь», «Право», «Бизнес, коммерция, экономика, финансы»: *Указывается способ, которым «слепая» природа эволюционирует от простого к сложному, действуя как бы против течения, **предписываемого** общим законом развития материи* (Знание – сила. 2009); *Весьма быстро в июне 2001 г. парламент принял имеющие рамочный характер правительственные предложения по Закону о реформе особых и санкционированных юридических лиц, указывающие направления и формы реорганизации этих предприятий и **предписывающие** правительству в короткие сроки разработать соответствующий план реализации реформы* (Проблемы Дальнего Востока. 2002.12.30); *Неправомерность применения 100 % ставки налога в данном конкретном случае можно было бы обосновать другими причинами, например, тем, что в течение 10 (!) лет норма понималась вполне однозначно (историческое толкование), а также ссылкой на п. 7 ст. 3 НК РФ, **предписывающий** неясности законодательства толковать в пользу налогоплательщиков (специальное правило толкования)* (Бухгалтерский учет. 2004.12.06) (НКРЯ).

Анализ контекстов употребления глагола *писать* показывает принципиально иную картину в сравнении с глаголом *предписывать*: *Флобер обедал на краешке письменного стола, Дюма писал на краешке обеденного* (Рецепты национальных кухонь: Франция (2000–2005)); *В рижском спектакле сценография Ф. Вогербауэра была лаконична, но все же воссоздавала ностальгически-гумилевскую атмосферу старой «заводы», где «есть дом с голубыми ставнями, с креслами давними», а мелодии латышского маэстро Р. Паулса и итальянского А. Аннекино были вполне созвучны настроению, как писали в старину «Треплева шопеновских вальсов»* (Экран и сцена. 2004.05.06); *Академия наук по этому поводу писала не одну записку в правительство* (Вестник РАН. 2003) и т.д. (НКРЯ). Приведенные контексты указывают на отсутствие закрепленности глагола *писать* к определенной сфере употребления. Это дает возможность предполагать, что в данном случае именно на префиксе (и, как следствие, на глаголе с данной приставкой) лежит нагрузка своеобразного дискурсивного маркера. Несмотря на аналогичные результаты анализа других пар глаголов, утверждать, что приставка отвечает за прикрепленность всей глагольной единицы к определенной сфере употребления текста в целом, не стоит. По всей видимости, причины обнаруженной корреляции значительно сложнее и требуют дальнейшего изучения.

Возвращаясь к обозначенному в заглавии статьи вопросу «*Впереди или заранее?*», в отношении русского языка следует ответить «Заранее» из-за преобладающего числа глаголов с приставкой *пред-* именно в проспективном, а не в пространственном значении.

Переходя к анализу чешских единиц с приставкой *před-*, сразу отметим, что говорить об устойчивой приуроченности рассматриваемых единиц к текстам какой-либо сферы употребления нельзя. Прежде всего, это связано с набором частных значений префикса, детерминированным иной семантической историей преобразования приставки в чешском языке в сравнении с русским.

Приставка *před-*, как и аналогичный предлог, в зависимости от значения основы, с которой соединяется, имеет в качестве основного локальное значение (Slovník spisovného jazyka českého 1960–1971), как и в русском языке, а также ряд временных значений, которые в некоторых случаях представляются размытыми, зависящими от контекста.

Как показал анализ единиц с данным префиксом, в чешском языке представлены единицы следующих групп.

1. Глаголы с пространственным значением префикса «*находиться впереди чего-либо, кого-либо; располагать перед чем-либо, кем-либо, совершать действие в передней части чего-либо*»: *předkláněť* (на-

клонять вперед), *předkládat* (класть, раскладывать перед кем-либо), *předložit* (выложить перед кем-либо, представить доказательства), *přednožit* (поднять ногу вперед), *předsunout* (выдвинуть вперед). Следует отметить, что некоторые из значений рассматриваются как не прямые пространственные: *předložit*, *přednášet* (читать лекцию – перед кем-либо), *předčítat* (читать вслух, оглашать перед кем-либо), однако в них еще остается след пространственного значения. Как и предполагалось, анализ корпусных данных демонстрирует отсутствие привязанности этих единиц к определенной сфере функционирования в силу общей нейтральности единиц с пространственными приставками в отношении сферы употребления текстов, в которых данные единицы реализуются.

Проиллюстрируем сказанное на примере употребления глагола *předklánět* (наклонять вперед) (69 документов, 92 вхождения): *Řidič se na sedadle předkláněl, oběma rukama svíral volant a netrpělivě pokyvoval hlavou* (Benioff David) (beletrie, próza<sup>1</sup>); *Najednou se Nina předklání a pánové zaplesali* (Valašský deník. 2014) (publicistika, tradiční publicistika); *Tomáš Berdych se předkláněl, v obličeji měl bolestivou grimasu* (Mladá fronta Dnes. 2011) (noviny, tradiční publicistika)... *si na vlastní život a na další rozvoj vyděláváme sami a před nikým se nemusíme veleuctivě předklánět* (Technický týdeník. 2011) (časopis, profesní literatura / technika) и т. п. (ČNK). Приведенные примеры свидетельствуют об использовании глаголов в текстах разных сфер употребления: художественной, публицистической, научной.

Пространственное значение приставки *před-* активно поддерживается и неглагольными единицами: *předhoří* (предгорье), *předpolí* (предполье), *předpokoj* (передняя, прихожая), *předohrud'* (предгрудь – зоологический термин), *předradlička* (предплужник).

Особо стоит отметить те единицы, в которых *před-* выступает во временном значении предшествования чего-либо чему-либо: *předbouřkový* (предгрозово́й), *předhistorický* (доисторический), *předjarní* (предвесенний), *předjaří* (канун весны), *předehra* (прелюдия), *předevčím* (позавчера), *především* (главным образом, прежде всего).

2. Вторую группу чешских единиц с рассматриваемым префиксом образуют глаголы со значением действия, совершенного сверх меры, значением превосходства, значимости действия или объекта (об аналогичном значении предлога *pred* см.: Мальцева 1999), не представленного в русском языке. Данное значение возникло на основе пространственного и ассоциируется с нахождением впереди, а следовательно, в позиции лидера: *předběhnout* (обогнать, перегнать), *předčit* (превосходить), *předehnat* (перегнать), *předimenzovat* (преувеличивать размеры), а также *přednost* (преимущество), *přednosta* (начальник, заведующий), *přednostní* (первоочередной).

Среди рассмотренных контекстов употребления глаголов в данном значении также не отмечено доминирования какой-либо функциональной сферы текстов, в которых реализуются единицы.

Например, глагол *předčít* (превосходить) (308 документов, 816 вхождений): *Realita předčila všechna očekávání* (In magazin. 2014) (časopis, volnočasová publicistika); *Stehlík souhlasí s tím, že jsou v Bruselu byrokraté, ale tuzemští je podle něho často daleko předčí* (Zemědělec. 2011) (noviny, profesní literatura / zemědělství); ...*mohu ve vsí skromností prohlásit, že jeho schopnosti v této oblasti předčily vše, co jsem doposud zažil* (Du Maurier Daphne) (beletrie / próza) (ČNK). Приведенные примеры, как и другие рассмотренные, демонстрируют нейтральность данного глагола (а также аналогичных единиц) к типу сферы употребления текстов, в которых он зафиксирован. Подобные единицы встречаются в текстах художественной, научной, публицистической сферы употребления с разной тематической направленностью.

3. Как и в русском языке, в чешском функционируют глаголы с приставкой *před-* в проспективном значении, однако, в отличие от русских единиц, здесь можно говорить о двух типах подобного значения.

Во-первых, это немногочисленные единицы со значением «совершить действие, предшествующее основному или последующему, предварительно по отношению к другому». Аналоги таких глаголов в русском языке представлены единицами с другими префиксами: *předepřít* (предварительно простирать), *předhřívát* (предварительно подогревать), *předklíčit* (прорастить, земледельческое), *předprodat* (предварительно продать, заключить сделку), *předtisknout* (предварительно напечатать бланк).

Во-вторых, это «собственно проспективные» глаголы, обозначающие действие, совершающееся заранее по отношению к другому, с опережением, в результате чего происходит своеобразное «заглядывание» вперед: *předcházet* (предупреждать, предотвращать), *předjímat* (предвосхищать), *předpovědět* (предсказать), *předepsat* (предписать, назначить), *předslat* (предпослать), *předvídat* (предвидеть, предусматривать), *předznamenát* (послужить предзнаменованием), а также *předpověď* (прогноз, предсказание), *předplacení* (подписка на что-то, абонемент).

Анализ контекстов на запросы в Чешском народном корпусе данных единиц показал, что и в этом случае нельзя говорить о наличии приуроченности рассматриваемых глаголов к какой-либо определенной сфере употребления, при этом многие из единиц вообще не имели вхождений в корпусе (в этом заключается принципиальное отличие чешских проспективных глаголов от русских аналогичных единиц).

Так, глагол *předjímat* (предвосхищать) (164 документа, 341 вхождение) характеризуется разнообразием текстов, в которых реализуется, – традиционной и современной публицистике, специальной и художественной литературе: *Zatím nelze předjímat žádné závěry* (Právo. 2014) (noviny, tradiční publicistika); *V tom předjímají další hnutí, která prosazují stejné myšlenky s ještě větší razancí a neústupností* (Harries Karsten) (kniha, oborová literatura); «*Bude to zajímavé*», – *předjímal obhájce Cadel Evans* (Sport. 2011) (časopis, volnočasová publicistika / sport); *Dny, noci, klapal jsem odpovědi na dotazy a nabídky poptávek, radil jsem a omlouval se, každou větou předjímal nadávky...* (Chochola Václav) (kniha, beletrie) (ČNK).

Исключение составляет глагол *předepsat* (предписать, назначить) (294 документа, 619 вхождений), который, как показывают данные корпуса, используется преимущественно в текстах специальной, публицистической сферы употребления с медицинской тематикой: *Pokud to skladba léků dovolí, může Vám lékař předepsat lék, který bude šetřit žaludek* (Moje zdraví. 2013) (časopis, populárně naučná literatura / lékařství); *Určitě ale každý ví, zda byl v daném roce na rentgenu či jiném vyšetření a jaké léky mu doktoři předepsali* (Deníky Moravia. 2011) (noviny, tradiční publicistika) и т. п. (ČNK). По всей видимости, можно охарактеризовать этот глагол как специальную номинацию для медицинского дискурса. Отметим, что и русский глагол предписать (в нескольких значениях) характеризуется аналогичным функционированием.

Отвечая на вопрос, обозначенный в названии статьи, следует отметить, что для чешских глаголов с *před-* характерно и пространственное (впереди), и перспективное (заранее) значения.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что проведенное исследование русских и чешских глаголов с префиксами *пред-* и *před-* продемонстрировало определенное сходство в деривационной активности указанных приставок в современных русском и чешском языках и существенные различия в их частных значениях и в дискурсивном своеобразии глаголов с данными приставками.

Прежде всего следует отметить семантические расхождения в значениях приставок *пред-* и *před-*: русский префикс в глагольной сфере развивает значение перспективности, в то время как в чешском языке аналогичная приставка реализует не только перспективное, но и пространственное, а также превосходное значения.

Данные Национального корпуса русского языка предоставляют контексты употребления глаголов с префиксом *пред-* в текстах церковно-богословской сферы функционирования, что объясняется, прежде всего, прошлым подобных единиц. Однако глаголы с *пред-*, которые изначально актуализировали религиозное мировидение, оказались

значимыми в других сферах функционирования текстов, которые нуждаются в единицах с проспективной семантикой (медицина, наука, право и т. п.). При сравнении контекстов употребления глаголов с приставкой *пред-* и без нее выявлено, что префикс продолжает функционировать как типичный носитель проспективного смысла, значимого для указанных выше сфер употребления.

Как показывает проведенный анализ контекстов употребления глаголов с приставкой *před-* в Чешском народном корпусе, утверждать, что существует корреляция между единицами с приставкой *před-* и определенной сферой употребления текстов, в которых функционируют подобные глаголы, нельзя. Прежде всего, это связано с наличием у чешского префикса пространственного значения и более диффузной семантики в целом.

## ПРИМЕЧАНИЕ

1. Здесь и далее контексты и их характеристика приводятся в соответствии с типом их представления в ČNK.

## ЛИТЕРАТУРА

Вендина 2002 – Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Волохина, Попова 1993 – Волохина Г.А. Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.

Добрушина, Меллина, Пайар 2001 – Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 270 с.

Королева 2003 – Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.

Королева 2007 – Королева Ю.В. Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) (раздел в коллективной монографии) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др.; отв. ред. проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-plus, 2007. С. 188–225.

Кронгауз 1998 – Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.

Лебедева 1999 – Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.

Мальцева 1999 – *Мальцева Р.И.* Предлоги и приставки в русском языке XI–XVII вв.: Семантическая и функциональная революция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 36 с.

Нагель 2015 – *Нагель О.В.* Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 28.01.2018).

Петрухина 1996 – *Петрухина Е.В.* Производная глагольная номинация: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) // Вестник МГУ. Филология. 1996. № 6. С. 42–55.

Резанова 2017 – *Резанова З.И.* Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. DOI: 10.17223/18137083/60/14

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

Савчук 2005 – *Савчук С.О.* Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. 2005. С. 62–88.

Серышева, Филь 2012 – *Серышева Ю.В., Филь Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы со смягчительной семантикой в языковом сознании носителей русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 29–36.

Словарь русского языка – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 3. 752 с.

Соколов 1964 – *Соколов О.М.* О значении и функциях русских глагольных префиксов // Лингвистический сборник / Ред. И.А. Воробьева, О.М. Соколов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. С. 8–19.

Старославянский словарь 1999 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.

Тубалова 2014 – *Тубалова И.В.* Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

Филь 2011 – *Филь Ю.В.* О глагольной полипрефиксации в старославянском языке // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 37–41.

Филь, Резанова 2018 – *Филь Ю.В., Резанова З.И.* *Dáme si pívko nebo čajíček?* Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 193–206.



Черепанов 1965 – Черепанов М.В. О формировании структурно-семантического типа образований со сложным префиксом *недо-* в русском языке // Ученые записки Саратовского педагогического института. Саратов, 1965. Т. 43. С. 76–110.

Черепанов 1975 – Черепанов М.В. Глагольное словообразование в современном русском языке: учеб. пособие. Саратов, 1975. 119 с.

Шелякин 1998 – Шелякин М.А. О значениях приставки *пред-* в русском языке // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского / Под ред. Н.А. Козинцевой. СПб.: Наука, 1998. С. 230–234.

ČNK – Český národní korpus (ČNK). URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 8.05.2019).

Dokulil 1962 – Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: ČAV, 1962. 263 s.

Slovník spisovného jazyka českého 1960–1971 – Slovník spisovného jazyka českého: ve 4 dílů / Ústavu pro jazyk český ČSAV; Za vedení B. Havráнка (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky. Praha, 1960–1971. URL: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&st=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (дата обращения: 10.05.2019).

## REFERENCES

Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the Old Slavic language]. Moscow: Indrik.

Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: the semantic structure and systematic relationships]. Voronezh: Voronezh State University.

Dobrushina, E.R., Mellina, E.A. & Payar, D. (2001) *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [The Russian prefixes: polysemy and semantic unity]. Moscow: Russkie slovari.

Koroleva, Yu.V. (2003) *Poliprefiksals'nye glagoly v russkom yazyke* [Multi-prefixal verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Koroleva, Yu.V. (2007) *Kategoriya prostranstva i sposoby ee transformatsii v yazyke (na materiale russkikh glagol'nykh prefiksov) (razdel v kollektivnoy monografii)* [Category of space and ways of its transformation in the language (a case study of Russian verbal prefixes)]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [The pictures of Russian World: Spatial Models in the Language and Text]. Tomsk: UFO-plus. pp. 188–225.

Krongauz, M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [The prefixes and verbs in the Russian language: the semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Lebedeva, N.B. (1999) *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksals'nykh glagolov)* [Polysituationality of verbal semantics (a case study of Russian prefixal verbs)]. Tomsk: Tomsk State University.



Maltseva, R.I. (1999) *Predlogi i pristavki v russkom yazyke XI–XVII vv.: Semanticheskaya i funktsional'naya revolyutsiya* [Prepositions and prefixes in the Russian language in the 11th – 17th centuries. The semantical and functional revolution]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.

Nagel, O.V. (2015) Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 3 (41). pp. 226–240 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/16

*The Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 28th March 2018).

Petrukhina, E.V. (1996) Proizvodnaya glagol'naya nominatsiya: modifikatsiya i mu-tatsiya (na materiale russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov) [The derivative verbal nomination: modification and mutation (a case study of the Russian and West Slavic languages)]. *Vestnik MGU. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 6. pp. 42–55.

Rezanova, Z.I. (2017) Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 161–173 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/60/14

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Savchuk, S.O. (2005) Metatekstovaya razmetka v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: bazovye printsipy i osnovnye funktsii [The metatextual marking in the Russian National Corpus]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik. pp. 62–88.

Serysheva, Yu.V. & Fil, Yu.V. (2012) Polyprefixal verbs with diminutive semantics in language consciousness of russian language speakers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 29–36 (in Russian).

Evgenieva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

Sokolov, O.M. (1964) O znachenii i funktsiyakh russkikh glagol'nykh prefiksov [On meanings and functions of the Russian verbal prefixes]. In: Vorobieva, I.A. & Sokolov, O.M. (eds) *Lingvisticheskii sbornik* [Linguistic collection]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–19.

Tseytlin, R.M., Veчерка, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [The Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5(31). pp. 38–52 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/9

Fil, Yu.V. (2011) Polyprefixation of verbs in the old Slavonic language. *Vestnik*

*Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 352. pp. 37–41 (in Russian).

Fil, Yu.V. & Rezanova, Z.I. (2018) Dame si pivko nebo cajicek? Genre and contextual conditions of diminutives use in Russian and Czech languages. *Rusin.* 2 (52). pp. 193–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/14

Cherepanov, M.V. (1965) O formirovanii strukturno-semanticheskogo tipa obrazovaniy so slozhnym prefiksom nedo- v russkom yazyke [On the structural-semantic type of formations with a complex prefix nedo- in the Russian language]. *Uchenye zapiski Saratovskogo pedagogicheskogo insituta.* 43. pp. 76–110.

Cherepanov, M.V. (1975) *Glagol'noe slovoobrazovanie v sovremenном russkom yazyke* [The verbal word-formation in the modern Russian language]. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute.

Shelyakin, M.A. (1998) O znacheniyakh pristavki pred- v russkom yazyke [On the meanings of prefix pred- in the Russian language]. In: Kozintseva, N.A. (ed.) *Tipologiya. Grammatika. Semantika* [Typology. Grammar. Semantics]. St. Petersburg: Nauka. pp. 230–234.

*The Czech National Corpus.* [Online] Available from: <https://www.korpus.cz> (Accessed: 8th May 2019).

Dokulil, M. (1962) *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov* [Word-formation in the Czech Language. The theory of word's formation]. Prague: CAV.

Havránka, B. (ed.) (1960–1971) *Slovník spisovného jazyka českého* [Dictionary of the Czech Literature Language]. Prague: ČSAV. [Online] Available from: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPT&where=hesla&hsubstr=no> (Accessed: 10th May 2019).

**Вострова Юлия Александровна** – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Yulia A. Vostrova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [vostrovayuliya@gmail.com](mailto:vostrovayuliya@gmail.com)

**Филь Юлия Вадимовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Yulia V. Fil** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [2fil@inbox.ru](mailto:2fil@inbox.ru)

УДК 81'373:39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/12

## **ЗООМОРФИЗМЫ КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ: РУССКО-ПОЛЬСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ**

**Т.А. Гридина<sup>1</sup>, Н.И. Коновалова<sup>2</sup>**

Уральский государственный педагогический университет  
Россия, 620017, г. Екатеринбург, проспект Космонавтов, 26

<sup>1</sup>E-mail: tatyana\_gridina@mail.ru

<sup>2</sup>E-mail: sakralist@mail.ru

### **Авторское резюме**

В статье анализируется семантика фразем, включающих в свой состав зооморфные номинации, которые относятся к числу универсальных метафорических моделей, транслируя при этом как стереотипные, так и национально специфические мотивы восприятия образа животного в применении к характеристике человека. Особый интерес вызывает сопоставительный анализ символики зооморфных образов в составе фразем родственных славянских языков, в частности русского и польского, как трансляторов восточнославянской и западнославянской концептосфер. В названных языках, как показывает словарный материал, реализован неодинаковый набор возможных смыслов многозначных зооморфных символов. Кроме того, сходные тематические группы зооморфных номинаций обладают разными коннотациями. На основании лингвокогнитивного анализа выделены как языковые лакуны, так и вариативные фразеологические вербализации сходных когний в сфере зооморфных фразеонимаций сравниваемых языков. К этноязыковым лакунам в сфере зооморфных фразеонимаций русского или польского языков относятся: 1) польские фраземы с зоонимами, эквивалентные по значению русским без зоонимов; 2) польские фраземы с зоонимами, не имеющие эквивалентов в русском языке; 3) русские безэквивалентные фраземы с зоонимами. Вариативные фразеологические вербализации сходных когний включают: 1) польские и русские фраземы, мотивированные разными зооморфизмами; 2) польские и русские фраземы, мотивированные одинаковыми зооморфизмами;

но имеющие разные коннотации. Сопоставительный анализ таких единиц в разных языках предполагает, во-первых, учет исходных пресуппозиций (знаний о повадках животного, его образе жизни, внешнем виде и т. п.); во-вторых, учет многозначности и специфических коннотаций зооморфного символа в соответствующем языке; в-третьих, обнаружение сходств и различий как в выборе актуальных для каждого из сравниваемых языков когнитивных и мотивационных оснований фразеологического означивания, так и в репертуаре этноспецифичных зооморфных метафор.

**Ключевые слова:** межъязыковые универсалии, этнокультурная специфичность, фразеологизм, метафора, символика зооморфизмов, картина мира.

## **ZOOMORPHISMS AS THE BASIS FOR MODELLING PHRASEOLOGICAL SEMANTICS: RUSSIAN-POLISH EQUIVALENTS**

**T.A. Gridina<sup>1</sup>, N.I. Konovalova<sup>2</sup>**

Ural State Pedagogical University

26 Kosmonavtov Avenue, Yekaterinburg, 620017, Russia

<sup>1</sup>E-mail: tatyana\_gridina@mail.ru

<sup>2</sup>E-mail: sakralist@mail.ru

### **Abstract**

The paper analyzes the semantics of phrasemes containing zoomorphic nominations which refer to the universal metaphoric models conveying both stereotyped and nationally specific motifs of perceiving the image of an animal as applied to the characteristics of a human being. The focus is laid on the comparative analysis of zoomorphic imagery in phrasemes of related Slavic languages (namely Russian and Polish) regarded as the means of conveying East Slavic and West Slavic linguistic picture of the world. The research shows that the analyzed languages realize the unequal sets of possible meanings of polysemantic zoomorphic images. Moreover, similar thematic groups of zoomorphic nominations have discrepant connotations. The cognitive-linguistic analysis was used for distinguishing between linguistic lacunae and variable phraseological verbalizations of similar cognitions in the sphere of phraseological nominations in the languages compared. Ethnolinguistic lacunae in the sphere of zoomorphic phraseological nominations in Russian and Polish include the following: (1) Polish phrasemes with zoonyms equivalent to Russian phrasemes without zoonyms; (2) Polish phrasemes with zoonyms having no

equivalent in Russian; (3) Russian non-equivalent phrasemes with zoonyms. Variable phraseological verbalizations of similar cognitions include: (1) Polish and Russian phrasemes motivated by different zoomorphisms; (2) Polish and Russian phrasemes motivated by the same zoomorphisms but having different connotations. The comparative analysis of such units in the two languages includes (1) taking into account initial presuppositions (knowledge of the habits, the way of life, the appearance, etc. of the animal); (2) taking into account the polysemy and specific connotations of zoomorphic symbols in the language; (3) defining similarities and differences both in cognitive-motivational bases for phraseological signification, and the repertoire of zoomorphic metaphors in the languages compared.

**Keywords:** inter-linguistic universals, ethnocultural specificity, phraseologism, metaphor, zoomorphic symbolism, picture of the world.

«Язык <...> допускает свободное использование только в рамках своего характера», но в то же время «в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии» (Гумбольдт 1985: 372).

Данный тезис задает широкую перспективу исследования самых разных векторов коллективного и индивидуального сознания, отражаемых каждым конкретным языком. Эту мысль развивает следующее определение: «Язык – дешифрующая <окружающий мир> культурная модель» (Лотман 2001: 427).

Этноспецифические и типологические аспекты вербального означивания явлений действительности ярко проявляются в сфере метафорической номинации, которая выступает способом оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания. Особой концептуальной нагруженностью и этническим своеобразием характеризуется народная фразеология, в которой отчетливо проявляется национальная идентичность (Ting-Toomey 1988).

Переносное значение фразеологизма моделируется путем образного переосмысления объективно «заданной» когниции (знания о реальных свойствах обозначаемого) на основе ее соотнесения с новым денотатом. Такое переосмысление, в частности, осуществляется в русле аксиологических доминант антропоморфизации зоонимов, принятых в конкретной лингвокультуре. Зооморфизмы относятся к числу универсальных моделей метафорической (в т. ч. и фразеологической) номинации, отражающей как стереотипные, так и национально специфические мотивы восприятия образа животного в применении к характеристике человека. Стереотип понимается как «представления о предмете, сформировавшемся в рамках определенного коллективного опыта и определяющем то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и

т. п.; в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» (Бартминский 2005: 15; Bartminski 1996).

В научной парадигме изучения зоонимических номинаций представлены исследования их структуры, семантики и прагматики, символики и моделей метафоризации в разных языках. Например, имеются такого рода публикации (монографии и диссертации) на сопоставительном материале русского, немецкого, французского, английского, испанского, китайского, турецкого, монгольского и других языков (Гура 1997; Киприянова 1999; Огдонова 2000; Устуньер 2004; Каменская 2008; Гукетлова 2009; Подгорная 2016 и т. п.). Особую ценность в области описания символики зоонимов в славянских языках представляет фундаментальный проект «Славянские древности» в пяти томах под редакцией Н.И. Толстого (2004), а также монографическое издание «Символика животных в славянской народной традиции» (Гура 1997). Можно констатировать, что сложившийся к настоящему времени научный «конкорданс» открывает широкие перспективы для сопоставительных исследований – с выделением разных векторов осмысления зооморфизмов как этнокультурного и собственно языкового феномена, в частности, в качестве популярной в сфере фразеоломинаций метафорической модели. Вместе с тем роль зооморфных образов (их когнитивных и мотивационных проекций) в моделировании семантики фразеологизмов как в русском, так и в других языках не была предметом пристального внимания и комплексного описания данного фрагмента языковой картины мира (в т. ч. в сопоставительном аспекте).

Особый интерес в этом плане вызывает сопоставительный анализ символики зооморфных образов в составе фразеологических единиц родственных славянских языков, в частности, русского и польского – как трансляторов восточнославянской и западнославянской концептосфер.

Представляется, что наиболее объективные данные в этом плане можно получить путем сравнительного анализа одноязычных (русского и польского) фразеологических словарей, поскольку двуязычные словари довольно часто используют такую стратегию толкования, как буквальный пословный перевод или лексическое калькирование компонентного состава иноязычного устойчивого выражения (без объяснения оснований образной мотивации). В одноязычных же словарях материал дается с позиций соответствующей лингвокультуры, отражая особенности языкового сознания ее носителя.

В качестве материала для данной статьи были использованы наиболее полные и авторитетные в научном плане уникальные

одноязычные академические словари, не имеющие аналогов в лексикографической практике:

1. Польский фразеологический словарь Piotra Müldnera-Nieckowskiego «Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy» (далее – WS 2004). Данный лексикографический источник содержит 200 тыс. устойчивых выражений, 38 тыс. словарных статей, включающих, помимо развернутых толкований, описание типовых ситуаций употребления фразеологизмов в речи и соответствующие иллюстративные контексты. Реализованный в словаре идеографический принцип представления материала комплексно отражает тематический репертуар фразеологизмов с базовым лексическим компонентом (в т. ч. зоонимическим), что обеспечивает репрезентативность выборки для целей конкретного исследования. В нашем случае отбор осуществлялся методом сплошной выборки фразем с зоонимическим символом. Общий объем выборки составил более 300 единиц, включающих компонент-зооним. Из них были проанализированы только те фраземы, в которых этот компонент выступает в качестве зооморфизма, лежащего в основе мотивации и моделирующего семантику устойчивого выражения, т. е. транслирует метафорический смысл, связанный с характеристикой человека.

2. «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» / Отв. ред. В.Н. Телия (далее – БФСРЯ 2006). Словарь содержит свыше 1 500 фразеологизмов. Как отмечается самими авторами данного лексикографического издания, «в нем показаны не только языковые особенности фразеологизмов, но и их неразрывная связь с культурой. В словаре выделены «гнезда» фразеологизмов, в основе которых лежит единый образ» (БФСРЯ 2006: 2). Такая структурная организация словаря делает его адекватным и продуктивным инструментом сопоставительного анализа соответствующих фразеологизмов в русском и польском языках.

В статье был принят иллюстративный принцип представления материала, отражающий типологию межязыковых соответствий с учетом наиболее частотных и продуктивных моделей актуализации образной символики зоонимических номинаций в составе фразем.

В родственных славянских лингвокультурах вполне закономерно ожидать развития у зооморфизмов сходной или тождественной символики. Это подтверждается целым рядом эквивалентных по значению фразем, выявляющих типовые доминанты восприятия зооморфных образов в сравниваемых языках: *пес* – верность (см. пол. *wierny jak pies* – рус. *верный пес*); *волк* – голод (пол. *głodny jak wilk* – рус. *голодный как волк*); *пчела* – трудолюбие (пол. *pracowity jak pszczoła* – рус. *трудо-*



любивый как пчела); (малый мозг) *птицы* – символ низкого интеллекта (пол. *mieś ptasi mózdzek* – рус. *птичий мозг*, *куриные мозги* – о глупом человеке, см., однако, пол. *mądra wrona* – об умном, умудренном опытом человеке; соответствующую коннотацию имеет символика *вороны* и в русском языке); *заяц* – трусость, быстрота (пол. *czmychać jak zając* – рус. *удирать*, *дрожать как заяц*); *осел, теленок* – упрямство, строптивость (пол. *uparty jak osioł / tyłek*) – букв. упертый как осел / теленок, см. рус. *упрямый /как/ осел* и *упираться как теленок* – преимущественно ситуативное употребление по отношению к ребенку) и т. п.

Однако, как известно, в разных лингвокультурах реализован неодинаковый набор возможных смыслов, присущих многозначным зооморфным символам (см. об этом, напр.: Гридина, Коновалова, Лундаажанцан 2018). Кроме того, даже сходные тематические группы зооморфных номинаций обладают разными коннотациями как в неродственных, так и в родственных языках. Сказанное вполне коррелирует с идеей выявления этноязыковых различий, которые определяются «варьированием содержания одноименных концептов, выдвижением отдельных концептов на роль ключевых в данной <культуре>, различием систем языковых моделей, репрезентации смыслов концепта» (Резанова 2011: 26).

На основе словарных данных (см. список литературы) нами выделены типы польско-русских соответствий, отражающих как этноязыковые лакуны в самом репертуаре зооморфных образов, актуальных для указания на те или иные свойства человека, так и вариативные аспекты моделирования фразеологической семантики с использованием многозначной символики одних и тех же зооморфизмов в сравниваемых языках. Рассмотрим особенности каждого типа.

## **I. Этноязыковые лакуны в сфере зооморфных фразеонимаций русского или польского языков:**

**1.1. Польские фразеологические единицы с зоонимами, эквивалентные по значению русским фраземам без зоонимов.** Например: francuski *piesek* – *iron. wrażliwy, bardzo delikatny* (WS 2004: 527) – иронически об излишне чувствительном, изнеженном человеке; см. *wrażliwy* – ‘чувствительный, впечатлительный’ (Słownik 2002: 545). Метафорическое переосмысление базируется на пресуппозиции, отсылающей к внешнему виду и образу жизни комнатных собачек, требующих особого ухода, «тепличных» условий; мотивационная обработка когнитии «маленькая французская собачка» (таких завезли в Польшу из Франции) осуществляется по принципу «ассоциативной идентификации» (Гридина 1996) повадок животного с характером капризного человека: *Co ten jej mąż taki delikatny jak francuski piesek?* (Słownik 2002: 545). В русском языке эквивалентное значение имеют фраземы, в ос-



нове которых лежат «растительная» (*тепличне растение*) и «вещная» модели антропоморфной образной номинации (*кисейная барышня*): кисея «выступает в роли символа легкости, тонкости, т. е. чего-либо требующего особо осторожного и внимательного обращения, что с помощью метонимического переноса... *ткань* – *человек* создает образ изнеженного, выросшего и живущего в условиях постоянной заботы и комфорта... человека» (БФСРЯ 2006: 328). Обе фразеоломинации иронически употребляются и по отношению к девушке, и по отношению к мужчине, обычно молодому человеку, который ведет себя подобным образом, например, боится холода, вечно чем-то недоволен, требует к себе повышенного внимания. Также см. *gruba ryba* – *osoba ważna, wpływową, ustosunkowaną* (WS 2004: 678) – о человеке влиятельном, занимающем высокий пост, и рус. эквиваленты *важная шишка* – важный, значительный человек (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 769).

**1.2. Польские фраземы с зоонимами, не имеющие подобных семантических эквивалентов в русском языке.** Например, *rządzić się jak szara gęś* – букв. *править, как серый гусь*, ‘хозяйничать, самовольничать’: *W naszej firmie żona szefa rządzić się jak szara gęś* (WS 2004: 232); *zapuszczać żurawia* – заглядывать где-то, zwykle z ukrycia, potajennie, bez czyjeś wiedzy – ‘что-либо рассматривать тайно, без чьего-либо ведома’ (вытягивая шею, подобно журавлю, подглядывать за кем-, чем-либо; букв. *запускать журавля*); *robić kogoś w konia* – *oszukiwać kogoś, wykorzystywać; żartować, kpić sobie z kogoś*. Букв.: *сделать из кого-то коня* ‘обманывать, высмеивать, ставить кого-то в глупое положение’: *Nie rób mnie w konia, przecież wiem, że to samochód twojego ojca* (WS 2004: 319). Образный смысл выражения основан, очевидно, на той пресуппозиции, что конь (лошадь) выполняет за человека тяжелую работу. Также см. смысл выражения *помыкать кем-либо* (как помыкают, управляют конем) и русскую поговорку *работа дураков любит*.

*Rozumieć się jak tyse (konie, kobyły)* – *rozumieć się bardzo dobrze, mieć wspólny język*. Букв.: *знать как лысого коня* ‘хорошо понимать кого-то, иметь общий язык с кем-то’: *Po trzydziestu latach małżeństwa rozumieją się jak tyse konie* (WS 2004: 319). См. рус. *знать как облупленного*. В основе такой мотивации идея удаления внешней оболочки с чего-, кого-либо.

*Ktoś fałszywy jak kot* – *zakłamany, obłudny*: ‘о лживом, лицемерном человеке’. *Nie lubię go, bo est fałszywy jak kot, ugryzie w najmniej oczekiwanej chwili* (WS 2004: 325). Букв.: *фальшивый, как кот*, укусит в самый неожиданный момент.

**1.3. Русские фраземы с зоонимами, не имеющие эквивалентов в польском языке.** Например, *ленивый тюлень* – ‘о неповоротливом, неторопливом, медлительном и, как правило, полном мужчине’. По

данным словарей *Wielki słownik frazeologiczny z przysłówkami* (2009) и *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego* (2004), подобного фразеологического соответствия в польском языке не отмечено. Эта лакуна (как и другие подобные ей) объясняется неактуальностью самой реалии в польской лингвокультуре. Как известно, тюлень – северное животное, не обитающее на территории Польши. И хотя само слово *foka* (тюлень) в польском языке существует, его символический потенциал не востребован фразеологическими моделями зооморфной номинации.

## II. Вариативные фразеологические вербализации сходных зооморфных когний.

**2.1. Польские и русские фраземы, мотивированные разными зооморфизмами:** пол. *spić (ciągnąć, opić się) jak bąk* – *напиться как выпь* и рус. *напиться как свинья*. В основе зооморфных аналогий лежит идея утраты много выпившим человеком контроля над собой – в польском это, очевидно, потеря связности речи (мотивация по принципу «ассоциативной выводимости», в опоре на звукоподражательную номинацию болотной птицы, обладающей характерным голосом, см. пол. стар. *bakać* «весело кричать, ругать» (ЭС 1974: 142)). Возможна и другая версия образного переосмысления зоонима *bąk*: в состав польского фразеологизма входит многозначный глагол *ciągnąć*, одно из переносных значений которого ‘тянуться к чему-либо, тяготеть к чему-либо’. С учетом этого значения можно предположить связь образного основания данной фраземы с разными компонентами семантического гештальта, «...структура которого упорядочивает отдельные элементы обозначаемого в целостный образ» (Алефиренко 2005: 21–22). В данном случае актуализируется когнитивный стереотип восприятия *болота* как природного объекта, затягивающего человека в трясину; отсюда метафорическая аналогия «испытывать непреодолимую тягу к выпивке, спиртному (буквально тому, чему невозможно противостоять: алкоголь затягивает, как болото)». *Выпь* (*bąk*) – птица, живущая на болоте, что определяет метонимическую связь «болотная птица – пьяный человек»: см. *Przez całą noc ciągnął pivo jak bąk*. В русском языке коррелирующий по семантике фразеологизм восходит к другой пресуппозиции: это утрата возможности пьяного человека стоять на ногах (см. визуализированную метафору *валяться как свинья в грязи*).

К этой же группе относятся и следующие фразеологические варианты:

– пол. *baran wilkowi nie towarzysz* (*баран волку не товарищ*) и рус. *гусь свинье не товарищ*. В первом случае актуализирована пресуппозиция «волк – хищное животное, пищей для которого может стать и баран» (соответственно, дружба между жертвой и хищником

невозможна, что становится основой метафорического переосмысления исходной когнитии при переносе в антропоморфную сферу для фразеологического воплощения оппозиции *сильные – слабые мира сего*). Во втором случае это метафорическое выражение отношений между людьми разного социального статуса в опоре на символику и оценочные коннотации зооморфизмов: *гусь* (важничанье, заносчивость, чванливость, мнимая значимость) и *свинья* (нечистоплотность в поступках, подлость, безнравственность, грубость). Когнитивными основаниями такого метафорического осмысления зоонимических образов, соотносимых с *высоким* и *низким* положением человека в обществе, служат типовые визуализированные представления об особенностях «походки» гуся (см. *важный как гусь, ходит как гусь*) и повадках свиньи (см. *валяться в грязи как свинья*);

– *czarna (parszywa) owca* – ktoś kompromitujący społeczność, do której należy, i potępiany przez nią; odszczepieniec, wyrzutek (WS 2004: 504). Букв.: *дрянная, паршивая овца* – ‘человек, скомпрометировавший себя недостойными поступками и изгнанный (презираемый) обществом; изгой, отщепенец’. В русской фраземе *паршивая овца* (сокращенный вариант пословицы *одна паршивая овца все стадо портит*; см.: *овца с паршой* – шелудивая, покрытая струпами, от которой заражаются другие овцы) актуализирован смысл ‘о плохом, оказывающем дурное влияние на окружающих человеке’ (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 487). Фразеологический коррелят польского *czarna owca*, актуализирующий отрицательные коннотации цветообозначения *черный* (плохой, не такой, как должно, подобный паршивой овце), в русском языке отсутствует. Однако подобную символику антонимичного прилагательного *белый* можно обнаружить в русской фраземе *белая ворона* – ‘о человеке, чье поведение и / или внешний вид выходит за рамки общепринятых норм’;

– *ruszać się jak mucha w smole – poruszać się bardzo wolno, leniwie, ospale, bez energii; robić coś o cię żale* (WS 2004: 417). Букв.: *как муха в смоле* (‘двигаться с трудом, делать что-либо очень медленно, лениво, как бы засыпая, без энергии’). Фразема имеет два значения: 1) ‘Медленно передвигаться’ – вариативное в плане соотношения зооморфных образов с символикой медленного движения в сравниваемых языках (см. пол. *mucha* и рус. *улитка, черепаха*). Отметим также иной способ вербализации исходной пресуппозиции в рус. *ползти как черепаха* и пол. *posuwać się żółtym krokiem* – *идти черепашиим шагом* (Słownik 2002: 584). Зооморфный символ *улитка* в том же фразеологическом значении польской лингвокультурой не востребован. 2) ‘Медленно работать’ – в русском языке данное значение маркируется тем же зооморфным символом, что и в польском,

но соотносительно с другой пресуппозицией. Ср.: *как сонная муха* – о человеке, который работает вяло, без инициативы, подобно мухе, засыпающей осенью и теряющей свою активность.

Разными зооморфными образами в русском и польском языках представлено значение 'плакать, заливаться слезами, выражая сильные эмоции голосом': *plakać jak bóbr* (букв.: *плакать как бобр*) и рус. *реветь как белуга*.

Образная фразеологическая вербализация значения «не иметь музыкального слуха, плохо петь» выражается в польском и русском языках как одинаковыми (*медведь / слон на ухо наступил*), так и разными зооморфными символами: *kocia muzyka* (букв.: *кошачья музыка*). В русском языке *кошачьи вопли, кошачий хор* – о «пении» мартовских котиков, может рассматриваться как мотивационная пресуппозиция для развития соответствующего переносного смысла выражения.

Символическая корреляция зооморфных образов для выражения одинакового смысла в русском и польском языках наблюдается и в следующих фраземах: *Mieć zajączka, zajączki w głowie 'być potyłym mieć bzika'* (сойти с ума, быть сумасшедшим, букв.: *иметь зайчиков в голове*): *Wasza sąsiadka ma zajączka w głowie i chodzi od domu do domu, szukając męża, którym umarł trzy lata temu* (WS 2004: 918); см. рус. *иметь тараканов в голове*. В обоих сравниваемых языках значение фразеологизмов моделируется зооморфными образами, передающими идею хаотичного движения мыслей.

**2.2. Польские и русские ФЕ, мотивированные одинаковыми зооморфизмами, но имеющие разные коннотации.** Например, *kocie oczy* – кошачьи глаза. *Zdolność dobrego widzenia w ciemności. Nasz ogrodnik ma kocie oczy; zauważył nas, kiedy wracaliśmy z nocnego spaceru* (WS 2004: 485). Букв.: *способность человека хорошо видеть в темноте, подобно кошке* (перен. 'об очень наблюдательном, бдительном человеке'); см. рус. *кошачьи глаза* – о том, у кого глаза по цвету и / или форме подобны глазам кошки.

Любой зооморфный образ, представленный в составе фразеологизмов, как видно из приведенных примеров, не всегда может быть интерпретирован однозначно, обнаруживая разные проекции своей символической вариативности с учетом взятых за основу пресуппозиций. Например, польская фразема *mieć muchy w nosie* (букв.: *иметь мух в носу* 'о человеке, который часто пребывает в плохом настроении без повода – капризничает, обижается, злится на кого-либо') восходит к одному из векторов символики *мухи*. Этот зооморфный символ имеет разнообразные когнитивные истоки, в т. ч. сакральные: «...является воплощением души и связан с психической сферой человека» (Гура 2004: 340), оценочно коннотированные бытовые представления

(мелкое, жужжащее, злобное, нечистое, надоедливое насекомое, летит на сладкое, кусает и т. п.). Из этих возможных пресуппозиций для образной фразеологической обработки символа муха в русской и польской лингвокультурах взят вектор «внутреннее состояние и настроение, эмоциональные качества человека» (Гура 2004: 341). В частности, в приведенной польской фразе отражается значение, фиксируемое также и в других славянских языках (чеш., рус., укр., болг.), – «гнев, вздорность, раздраженность, дурное расположение духа... см. рус. *какая муха тебя укусила, брюзжит, что осенняя муха и т. п.*» (Гура 2004: 341). Относительным ситуативным эквивалентом данной фраземы можно в какой-то степени считать рус. *встать не с той ноги*. См.: *ona nic, tylko ma muchy w nosie, a z taką babą nie złatwisz żadnej sprawy* (WS 2004: 416). Букв.: с такой бабой никакое дело не сладишь; см. также рус.: *(с ним, с ней) каши не сварить*.

Другие когнитивные векторы обработки символики данного зоонима представлены в эквивалентных по смыслу польских и русских фраземах *брюзжать как муха* – ‘о сварливом человеке’ (см. пол. *Brzęczeć jak naprzykrzona, uprzykrzona mucha* – ‘брюзжать как надоедливая, назойливая муха’: *Mam już dość! Brzęczysz jak naprzykrzona mucha*). Пресуппозиция «лететь на сладкое, прилипнуть к чему-то» находит выражение в польском *Lecieć jak mucha do miodu* – ‘о человеке, который испытывает тягу, влечение к чему-то, кому-либо (как муха к меду)’. См. русский вариант фразеологизма *прилип как муха* с отрицательной коннотацией навязчивости общения.

Подводя итоги сказанному, отметим, что семантика фразеологических единиц с зооморфной символикой предстает как результат образной обработки когнитивного стереотипа, лежащего в основе мотивационной версии данного вида фразеологической номинации. Сопоставительный анализ таких фразем в разных языках предполагает в качестве комплексной модели анализа, во-первых, учет исходных (объективных) пресуппозиций (знаний о повадках животного, его образе жизни, внешнем виде и т. п.); во-вторых, учет многозначности и специфических коннотаций зооморфного символа в соответствующем языке; в-третьих, обнаружение сходств и различий как в выборе актуальных для каждого из сравниваемых языков когнитивных и мотивационных оснований фразеологического означивания, так и самого репертуара этноспецифичных зооморфных метафор.

Проанализированный материал позволяет отметить в качестве наиболее частотных следующие типы фразеологических зооморфных соответствий: а) коннотативные «сдвиги» в обработке разными лингвокультурами однотипных когниций; б) вариативность зооморфных фразеологизмов в сопоставляемых языках, обусловленную как изби-

рательностью мотивационных оснований образного переосмысления зоонима, так и этнокультурной выделенностью разных тематических групп зоонимов в национальных картинах мира. Лакунарность в данной группе фразеоломимаций представлена в меньшей степени, очевидно, ввиду того, что зооморфная метафора как межъязыковая универсалия в родственных языках тяготеет к «конгруэнтности» в плане предпочтения популярной стратегии обозначения человека через образ животного.

Предлагаемая модель анализа представляется продуктивной для лексикографической обработки народной фразеологии «как феномена, обладающего самостоятельной лингвокультурной ценностью и транслирующего особый тип традиционной народной ментальности» (Гридина, Коновалова 2017: 123).

## ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2005 – *Алефиренко Н.Ф.* Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию В.М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 21–27.

Бартми́нский 2005 – *Бартми́нский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Бирих, Мокиенко, Степанова 2005 – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

БФСРЯ 2006 – *Большой фразеологический словарь русского языка.* Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.

Гридина 1996 – *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Гридина, Коновалова 2017 – *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131. DOI: 10.17223/22274200/11/8

Гридина, Коновалова, Лундаажанцан 2018 – *Гридина Т.А., Коновалова Н.И., Лундаажанцан П.* Национальная специфика ассоциативного контекста зооморфной метафоры // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 131–142.

Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира: на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.



Гура 1997 – Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Гура 2004 – Гура А.В. Муха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 340–343.

Каменская 2008 – Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 18 с.

Киприянова 1999 – Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 12 с.

Лотман 2001 – Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.

Огдонова 2000 – Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 21 с.

Подгорная 2016 – Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 24 с.

Резанова 2011 – Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / Ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15–94.

Славянские древности 2004 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004.

Устуньер 2004 – Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.

ЭС 1974 – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 1 (А – \*besědylivъ) / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. 214 с.

Bartmiński 1996 – Bartmiński J. Kosmos T. I. O «Słowniku stereotypów i symboli ludowych» // Słownik stereotypów i symboli ludowych. Koncepcja całości i redakcja. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. 221 s.

Słownik 2002 – Słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / Sergiusz Chwatow, Mikołaj Timoszuk. Toruń: Wydawnictwo REA, 2002. 646 s.

Ting-Toomey – Ting-Toomey S. Intercultural Conflict Styles: A Face-Negotiation Theory // Theories in Intercultural Communication / Y.Y. Kim, W. Gudykunst (eds). Sage, Newbury, Calif., 1988. P. 213–235.

WS 2004 – Müldner-Nieckowski P. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy. Warszawa: Świat Książki, 2004. 1088 s.

## REFERENCES

Alefrenko, N.F. (2005) *Frazeologicheskoe znachenie: priroda, sushchnost'*,

*struktura. Grani slova* [Phraseological meaning: nature, essence, structure. Word Facets.]. Moscow: ELPIS. pp. 21–27.

Bartminsky, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreb-lenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [Great phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel: AST: Lyuks.

Gridina, T.A. (1996) *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii* – Russian Journal of Lexicography. 11. pp. 119–131 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8

Gridina, T.A., Konovalova, N.I. & Lundaazhantsan, P. (2018) Natsional'naya spetsifika assotsiativnogo konteksta zoomorfnoy metafory [National specificity of associative context of zoomorphic metaphor]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2. pp. 131–142.

Guketlova, F.N. (2009) *Zoomorfnyy kod kul'tury v yazykovoy kartine mira: na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov* [The geomorphic code of culture in the linguistic picture of the world: on the material of the French, Kabardino-Circassian and Russian languages]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

Humboldt, W. fon. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Translated from German. Moscow: Progress.

Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.

Gura, A.V. (2004) *Mukha* [Fly]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5-ti t.* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 340–343.

Kamenskaya, V.M. (2008) *Aksiologicheskii aspekt ustoychivyykh zoomorfnykh sravneniy i zoomorfnykh paremiy ispanского yazyka* [Axiological aspect of sustained zoomorphic comparisons and zoomorphic paremiias of the Spanish language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Kipriyanova, A.A. (1999) *Funktsional'nye osobennosti zoomorfizmov (na materiale frazeologii i paremiologii russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov)* [Functional features of zoomorphism (based on phraseology and paremiology of Russian, English, French and modern Greek)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.

Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Universe of the Mind]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB.

Ogdonova, Ts.Ts. (2000) *Zoomorfnyaya leksika kak fragment russkoy yazykovoy*



*kartiny mira* [Zoonymic vocabulary as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Podgornaya, V.V. (2016) *“Naivnaya anatomiya” v angliyskoy yazykovoy kartine mira* [“Naive anatomy” in the English language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Rezanova, Z.I. (2011) *Diskursivnye kartiny mira. Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Discursive images of the world. Images of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S. pp. 15–94.

Tolstoy, N.I. (ed.) (2004) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar’*. V 5 t. [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Ustunier, I. (2004) *Zoomorfnaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh* [The zoomorphic metaphor characterizing a person in Russian and Turkish]. Abstract of Philology Cand. Ekaterinburg.

Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologičeskij slovar’ slavyanskikh yazykov: praslavyanskij leksičeskij fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Slavic Lexical Fund]. Moscow: Nauka.

Bartmiński, J. (1996) Kosmos. “O Słowniku stereotypów i symboli ludowych”. In: Bartmiński, J. (ed.) *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. [Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols]. Vol. 1. Lublin: University of Marie Curie-Skłodowska.

Chwatow, S. & Timoszuć, M. (2002) *Słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski* [Russian-Polish, Polish-Russian Dictionary]. Toruń: Wydawnictwo REA.

Ting-Toomey, S. (1988) Intercultural Conflict Styles: A Face-Negotiation Theory. In: Kim, Y.Y. & Gudykunst, W. (eds) *Theories in Intercultural Communication*. Newbury, Calif.: Sage. pp. 213–235.

Müldner-Niećkowski, P. (2004) *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: Wyrażenia, zwroty, frazy* [Great Phraseological Dictionary of the Polish Language: Idioms, Sayings, Phrases]. Warsaw: Świat Książki.

**Гридина Татьяна Александровна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Россия).

**Tatiana A. Gridina** – Ural State Pedagogical University (Russia).

**E-mail:** tatyana\_gridina@mail.ru

**Коновалова Надежда Ильинична** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Россия).

**Nadezhda I. Konovalova** – Ural State Pedagogical University (Russia).

**E-mail:** sakralist@mail.ru

УДК 811

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/13

## ИНТЕРФЕРЕНТНОЕ ВЛИЯНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ ТАТАРСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ\*

**О.В. Нагель<sup>1</sup>, И.Г. Темникова<sup>2</sup>**

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

<sup>2</sup> E-mail: temnikova196@mail.ru

### Авторское резюме

Авторы фокусируются на проблеме изучения языковых ландшафтов функционирования русского языка и анализе ситуации активного языкового интерферентного вмешательства со стороны контактирующих с ним языков. Обсуждаются условия, определяющие стабильность языковых систем и законы взаимопроникновения элементов одной системы в другую. Интерферентные вмешательства исследуются сквозь призму языковых ошибок в речи билингвов, выявляемых на материалах проектов по созданию подкорпусов контактно-обусловленной русской речи. Исследуя отклонения от литературного стандарта русского языка в устной речи татарско-русских билингвов на территории Южной Сибири, авторы рассматривают и классифицируют конкретные примеры предположительной интерференции материнского языка билингвов на их языковые практики на русском. Выделяемые модели интерферентного влияния также соотносятся с аналогичными моделями, выявленными на материале других контактирующих с русским языков (шорский, дагестанский, таджикский, якутский, кыргызский).

**Ключевые слова:** языковое контактирование, интерференция, билингвы, корпус устной речи, языковые отклонения, ошибки.

---

\* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ (№ 14. Y26.31.0014).

# THE TATAR LANGUAGE TRANSFER IN THE SPEECH OF TATAR-RUSSIAN BILINGUALS\*

O.V. Nagel<sup>1</sup>, I.G. Temnikova<sup>1</sup>

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup> E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

<sup>2</sup> E-mail: temnikova196@mail.ru

## Abstract

To discuss the conditions ensuring language system stability and defining the laws of language interactions, the authors review the studies aimed at the research of the transfer in the Russian speech of Turkic-Russian bilinguals caused by their native languages. The phenomenon under consideration is stated and categorized on the basis of the language errors spotted in the oral speech of bilinguals and tagged in spoken corpora developed by research groups. To exemplify the cases of mother language transfer in the Russian speech of bilinguals, the authors analyse the language errors in the speech of Tatar-Russian bilinguals and correlate them with the errors in other language pairs (Russian-Shor, Russian-Dagestani, Russian-Tajik, Russian-Yakut, Russian-Kyrgyz).

**Keywords:** language contacts, transfer, bilinguals, spoken corpus, language errors.

Тесные экономические и культурные связи России с территориальными соседями на протяжении всей истории ее существования определили условия контактирования русского языка с другими языками, что оставляло отпечатки на языке каждой из сторон взаимодействия.

В настоящее время одним из фокусов теоретической лингвистики является исследование функционирования русского языка как языка межнационального общения в различных условиях его бытования и с учетом лингво-социальной характеристики его носителей. Исследуются языковые трансформации в аспекте их корреляции как с типологическими характеристиками контактирующих языков, так и с экстралингвистическими условиями их функционирования

---

\* The research is supported by Grant Nr. 14.Y26.31.0014 of the Government of the Russian Federation.

(социальный портрет говорящих и географический, политический и экономический профиль территории функционирования).

Тот факт, что русский язык в Российской Федерации является государственным и одновременно продолжает выполнять функции языка межнационального общения в республиках РФ и в СНГ, предоставляет лингвистам богатый материал для исследования интерферентных явлений как в диахронии, так и в синхронии. По данным переписи населения 1989 г., в СССР русским языком свободно владели 86 % жителей страны, а перепись 2010 г. подтвердила, что русским языком в большей степени владеет и все нерусское население страны, и подавляющее большинство «отдельных» народов. Так, в 2010 г. на это указало 138 млн чел. (99,4 % из числа ответивших на вопрос о владении русским языком) (Население России 2013).

Согласно данным Всероссийской переписи населения, проведенной по состоянию на 14 октября 2010 г. (Всероссийская перепись 2010), общая тенденция расширения русскоязычия, зафиксированная переписями населения второй половины XX в., продолжилась и в первом десятилетии XXI в.

Данная ситуация определяет интерес исследователей к изучению языковых контактов русского языка внутри РФ и выявлению его трансформаций с учетом особенностей территориальных зон, социальных условий функционирования русского языка и типологических различий контактирующих языков. Изучение интерференции с лингвистической точки зрения связано с выявлением условий, определяющих устойчивость языковых систем, законов взаимопроникновения элементов одной системы в другую и их взаимодействия, что требует обширного эмпирического материала.

В настоящее время активно ведется работа по созданию корпусов контактно-обусловленной русской речи носителей языков различных контактных зон как на территории России, например, корпус контактно-обусловленной русской речи билингвов – носителей малых языков севера Сибири и Дальнего Востока (Корпус контактно-обусловленной русской речи 2019) и корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири (Корпус устной речи русско-тюркских билингвов 2019), так и за ее пределами, например, русский учебный корпус (Русский учебный корпус). Материалы вышеперечисленных корпусов демонстрируют конкретные примеры речевых практик билингвов, обусловленные соответствующими языковыми контактами, с одной стороны, и социокультурными условиями (недоосвоенность русского языка, доминирование русского языка, смена языковой политики и т. д.) – с другой.

Создание корпуса устной речи тюркско-русских билингвов является одним из важных направлений работы исследовательской группы в

рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», который реализуется на базе Томского государственного университета. Глобально данный проект направлен на изучение исторического развития и современного состояния языков и культур Южной Сибири в аспекте их взаимодействия. В процессе реализации одной из целей проекта, а именно создания корпуса русской речи шорско-русских, татарско-русских и хакасско-русских билингвов, проживающих на территории Южной Сибири, собирается, аннотируется и анализируется в корпусе обширный эмпирический материал – записи устной речи русско-тюркских билингвов. Типологически релевантные признаки разрабатываемого корпуса, основные принципы отбора текстов и принципы метаразметки корпуса, обусловленные исследовательской направленностью проекта, представлены в ряде публикаций З.И. Резановой (Резанова 2017; Резанова 2019).

Необходимо отметить, что важной составляющей разрабатываемого корпуса является многоярусная система маркирования отклонений от речевого стандарта (в качестве стандарта используется русский литературный язык). Глубина разметки может достигать нескольких ярусов, отображаемых системой тэгов; в первую очередь, отклонение определяется как относящееся к одному из языковых уровней (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический), что отмечается соответствующим тэгом; следующий ярус относит рассматриваемое отклонение к определенному типу языковых явлений, существующих внутри языкового уровня, что также отмечается тэгом; наконец, возможна дальнейшая конкретизация, мотивируемая необходимостью отражения интерферентных явлений – тэгами маркируются варианты отклонений при использовании форм, единиц конкретного языкового уровня, например «перевалочный база (SyntAgrGen) была раньше» (SyntAgrGen маркирует отклонение в речи билингва на синтаксическом уровне, нарушение формы согласования по роду).

Разработчики корпуса вполне отдают себе отчет в том, что природа отклонений от речевого стандарта может быть различной. Представляемая работа нацелена как раз на определение природы отклонений от речевого стандарта в устной спонтанной речи тюркско-русских билингвов на русском языке: отклонения от речевого стандарта, определяемые 1) устным характером коммуникации; 2) влиянием сибирских русских народных говоров и просторечий; 3) интерферентным влиянием родного языка (татарский, шорский или хакасский). Заключение о внутриязыковом или межьязыковом характере отклонения делается на основе привлечения данных, представленных в описаниях рассматриваемых подсистем русского

языка (Земская, Китайгородская, Ширяева 1981; Палагина 1984; Палагина 1989; Араева 1991 и др.) и структурных особенностей тюркских языков (СИГТЯ 1984; СИГТЯ 1988; СИГТЯ 2001).

Таким образом, в рамках обсуждаемого проекта отклонения от речевого стандарта русской письменной речи выявляются и классифицируются в зависимости от обусловленности разными факторами, среди которых особое место занимает влияние материнского языка билингва. Важно также отметить, что носители билингвизма, речевые практики которых представлены в корпусе, принадлежат к разным возрастным и социальным группам и имеют различное образование. Метаразметка корпуса, выполненная на основе анализа данных социалингвистической и языковой анкет (Marian, Blumenfeld, Kaushanskaya 2017), позволяет проводить анализ речевых структур с учетом социалингвистических характеристик билингва (возраст, пол, образование, возраст и уровень усвоения родного и второго языка и т. д.).

В ходе составления социалингвистического портрета русско-тюркских билингвов, проживающих на территории Южной Сибири, была выявлена динамика проявления интерферентно обусловленных явлений в речевой практике разных возрастных групп, например шорско-русских билингвов (Резанова, Дыбо 2019), выделенных по результатам социалингвистического и психалингвистического портретирования исследуемых билингвов: в первую возрастную группу вошли билингвы в возрасте до 35 лет, во вторую – от 35 до 65 лет, в третью – билингвы в возрасте старше 65 лет (Резанова, Темникова, Некрасова 2018).

В результате предварительного анализа речевых данных представителей трех возрастных групп татарско-русских билингвов было обнаружено, что в целом в речи респондентов второй и третьей возрастных групп наблюдается более широкий спектр отклонений от нормы разговорного русского языка на разных языковых уровнях.

В данной статье анализируются речевые практики носителей татарско-русского билингвизма на основе записей устной речи, сделанных в д. Эушта, д. Черная речка Томского района. Общая длительность звучания используемого материала – 5 часов, длина текстов – более 50 тыс. словоупотреблений. Анализ ограничивается примерами выявленных отклонений синтаксического уровня, а именно нарушений синтагматических связей слов в устной речи татарско-русских билингвов, относящихся к третьей возрастной группе. Морфология как формообразование, лексика и фонетика находятся за пределами исследовательского внимания.

Татарский язык определяется респондентами третьей возрастной группы как первый (по порядку усвоения языков), родной, в боль-

шинстве случаев активный (около 30 % респондентов указали его как пассивный).

Анализ речевых отклонений позволяет выделить несколько основных типов, а именно нарушение согласования и трансформации порядка слов, которые можно проследить в речи респондентов и которые соотносятся с интерферентными моделями, выделяемыми исследователями на материале других языковых пар.

В первую очередь следует отметить случаи деформации синтаксических связей, вызванные несовпадением грамматических категорий русского и татарского языков, в частности нарушений согласования в роде, например<sup>1</sup>: «...очень среди, вот, молодежи было популярно наука» (Р.А., 77, 3, в); «Северный перевалочный база была» (Т.С., 78, 3, с); «Вот ферма рядом было у нас» (Т.С., 78, 3, в); «Там большой площадка есть» (Т.С., 78, 3, в); «Нее из Анжерки приезжий молодая девушкой была» (Т.С., 78, 3, в).

Отсутствие согласования по роду формы прошедшего времени глагола, составной части именного сказуемого и формы существительного в позиции подлежащего предположительно вызвано различием в составе морфологических категорий существительного и глагола, в частности, отсутствием в татарском языке категории рода. Известно, что в тюркских языках отсутствует категория грамматического рода, а также какое бы то ни было согласование определения с определяемым (Резанова, Дыбо 2019: 205), и, соответственно, ошибки в согласовании рода в речи билингов являются ожидаемыми в языковых парах, отличающихся по данному типологическому признаку. Так, подобного рода интерференция также наблюдается в языковых парах русский – кыргызский (Макеева 1995), русский – таджикский (Касымова 1985) и в русской речи билингов-саха (Иванова 2002).

Следующим типом отклонений в речи татарско-русских респондентов являются случаи нарушения согласования в числе, например, «Ну, потом в конце как-то он как-то договорились» (Э.Ф., 70, 3, в); «Точные техника» (Р.А., 77, 3, в); «Начальный классы, по-моему» (Т.С., 78, 3, в), что на первый взгляд выглядит нелогичным, поскольку категория числа у глагола присутствует и в русском, и в татарском языке. По мнению авторов, здесь можно предположить косвенное влияние отсутствия категории рода в татарском языке, вследствие чего говорящий предпочитает следовать стратегии нейтрализации, выбирая форму множественного числа, где категория рода не дифференцируется. Как отмечает А.В. Дыбо, грамматическая категория числа в тюркских языках отличается от соответствующей категории в русском в аспекте системы функционирования и взаимодействия с другими грамматическими категориями. «Число – не обязательно

выражаемая категория; единственное число является немаркированным для тюркских языков, соответственно, практически всегда, когда выражение количества не попадает в фокус высказывания, употребляется форма единственного, а не множественного числа» (Резанова, Дыбо 2019: 205).

Деформация синтаксических связей в речи татарско-русских билингвов наблюдается также в многочисленных случаях нарушения глагольного управления во фразе глагол + существительное в косвенном падеже, например, «...там плавали гуси были раньше, гуси полно были там» (Т.С., 78, 3, с); «Постоянное жительство» (Т.С., 78, 3, с); «Ничего нету, кого, клуб даже нету» (Н.Б., 79, 3, с); «Я ребенку не дам» (Э.Ф., 70, 3, в); «старший брат работает начальник Омской железной дороги» (Р.А., 77, 3, в); «Был, был Сабантуй был, площадка сделали» (Т.С., 78, 3, в); «...потеряли, нету ребенок, нету, где ребенок» (Т.С., 78, 3, в).

Категория падежа присутствует и в русском, и в татарском языке, в обоих языках есть формы именительного и винительного падежей со сходными значениями субъекта и объекта действия, но, как и в случае с категорией числа, в тюркских языках категория падежа, будучи также не обязательно маркированной категорией, характеризуется существенными различиями в формально семантической структуре, системе оппозиций частных грамматических значений. Именительный падеж, т. е. наименее маркированный падеж назывной формы и субъекта, – это форма имени с нулевым окончанием. Исследователи отмечают, что в речи, например, шорско-русских билингвов выявлено употребление русского именительного падежа: а) в локативной конструкции при предлоге (видимо, по аналогии с тюркской послеложной конструкцией); б) в позиции прямого объекта, в т. ч. в отрицательных предложениях; в) в позиции приименного определения, в т. ч. в количественной конструкции; г) в функции цели при глаголах движения (Резанова, Дыбо 2019: 206).

В татарском языке противопоставление форм именительного и винительного падежей имеет еще один дополнительный признак – выражение значения определенности – неопределенности, что может являться причиной возникновения подобных отклонений в русской речи татарско-русских билингвов и расценено как проявление интерферентного влияния родного языка.

Влияние родного языка на падежное согласование в русском отмечаются также и в других языковых парах. А.Э. Макеева говорит о том, что типичными ошибками в речи кыргызско-русских билингвов являются неверное употребление предлогов с падежами, неправильная постановка окончаний при правильном предложном сочетании и



пропуск предлогов, что, по мнению автора, может быть обусловлено несовпадением семантических структур падежных форм русского и кыргызского языков. Трудность для кыргызско-русских билингов представляют также значения родительного и винительного, выражения их объектного значения, значение творительного падежа, отмечается ошибочное употребление предлога для выражения орудия действия (Макеева 1995). На основе сопоставительно-типологического изучения русского и дагестанских языков Т.И. Магомедова выявляет типичные ошибки в русской речи дагестанцев-билингвов, связанные с употреблением именительного падежа вместо винительного (в дагестанских языках правая валентность переходного глагола реализуется в форме винительного падежа) (Магомедова 2012). Нарушения функциональной дистрибуции подчинительных связей абстрактных и конкретных номинаций в предложном и беспредложном управлении проявляются в речи билингов-саха (Иванова 2002). Таким образом, можно говорить о предположительной системности интерферентной модели падежного согласования в рассмотренных языковых парах.

В речи татарско-русских билингов третьей возрастной группы также отмечаются примеры того, что респонденты строят свои высказывания, используя порядок слов, который не соответствует нормам, принятым в русском литературном языке, но встречающийся в устной русской разговорной и диалектной речи. Установление точной природы (интерферентная vs диалектная / разговорная) данных отклонений требует дополнительного изучения. В нашем исследовании предлагаем рассмотреть лишь некоторые отклонения, соотносящиеся с преобладающими моделями порядка слов татарского языка.

Во-первых, можно выделить устойчивый тип предложений с порядком слов, характерным для тюркских языков, языков номинативного строя, где конструкция «подлежащее – дополнение – сказуемое» является преобладающей, например, «У нас рядом Казахстан был» (Р.А., 77, 3, в); «...в школе не совсем дела хорошо шли» (Р.А., 77, 3, в); «...много, тогда много (ребятишек) было» (Р.А., 77, 3, в); «...родной, по-русски плохо знаю» (Т.С., 78, 3, в); «Там большой площадка есть» (Т.С., 78, 3, в); «Мужик татарский был» (Т.С., 78, 3, в); «Вот здесь дом, щас только ломали, постоянно стоял» (Т.С., 78, 3, в); «Муж деревенский здесь был» (Т.С., 78, 3, в); «Конечно, не забыла, дак мало, мало умею, буквы ладно знаю» (Т.С., 78, 3, в).

Во-вторых, говорящий может использовать отличный от нормы русского литературного языка порядок слов, например притяжательное прилагательное после определяемого слова («отец мой с матерью»), что также может быть отнесено к разряду явлений как разговорного, диалектного плана, так и вызванных интерферентным влиянием

родного языка, в котором принадлежность выражается формантами, расположенными в постпозиции к корню существительного. Или, например, высказывания, построенные по типу «Я / очень трудно сказать» (Р.А., 77, 3, в), по мнению авторов, могут представлять собой результат конфликта эргативной конструкции, встречающейся в русском языке, и номинативной стратегии, свойственной и русскому, и татарскому языкам, что также можно отнести как к явлениям устного разговорного стиля, так и явлениям интерферентного характера (см. также различия в формальной организации синтаксических структур (эргативная конструкция дагестанских языков) (Магомедова 2012); синтаксические ошибки на материале лимассольского корпуса русской речи (Павленко 2016); деформации синтагматической связи слов в языковой паре якутский – русский (Иванова 2002) в речи билингов типологически разных языковых пар), которые еще требуют более тщательной проработки для выявления их природы. Дальнейшего изучения также требуют отклонения на синтаксическом уровне, характеризующиеся опущением слов, связывающих части сложного предложения, на лексическом уровне встречаются случаи употребления общерусских слов в других значениях, на морфологическом уровне отмечаются отдельные немногочисленные отклонения от нормы образования форм глагола, интерферентную природу которых, как и их системность при сопоставлении языковых практик билингов других языковых пар, еще предстоит исследовать с привлечением всего доступного корпусного материала.

## ПРИМЕЧАНИЕ

1. Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингов Южной Сибири, хранящейся в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором; фиксируется возраст на время записи; отнесенность к группе (1, 2, 3); образование (н – начальное, с – среднее, н-с – неполное среднее; с-с – среднее специальное, в – высшее).

## ЛИТЕРАТУРА

Араева 1991 – Араева Л.А. Говоры Кузбасса в их современном состоянии // Тезисы докладов координационного совещания по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Кемерово, 1991. С. 54–55.

Всероссийская перепись 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/index.php> (дата обращения: 12.04.2019).

Земская 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276с.

Иванова 2002 – Иванова Н.И. Интерферентные явления в устной речи билингвов-саха: На материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2002. 188 с.

Касымова 1985 – Касымова С.Дж. Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола): дис. .... канд. филол. наук. М., 1985. 183 с.

Корпус контактно-обусловленной русской речи 2019 – Корпус контактно-обусловленной русской речи. URL: [http://web-corpora.net/tsakorpus\\_russian\\_nonst/index.html](http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/index.html) (дата обращения: 10.05.2019).

Корпус устной речи русско-тюркских билингвов 2019 – Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири. URL: <http://https://nekrasovaed3.wixsite.com/website> (дата обращения: 10.05.2019).

Магомедова 2012 – Магомедова Т.И. Культура русской речи в условиях полиязычия Дагестана: лингводидактический аспект // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 2–3. С. 7–16.

Макеева 1995 – Макеева А.Э. Интерферентные явления в русской речи кыргызов-билингвов (морфолого-синтаксический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1995. 18 с.

Marian, Blumenfeld, Kaushanskaya 2017 – Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 07.09.2018).

Население России 2013 – Население России 2010–2011. Восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.

Павленко 2016 – Павленко А. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 23–32.

Палагина 1984 – Русские говоры Среднего Приобья / Под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1984. Ч. 1. 201 с.

Палагина 1989 – Русские говоры Среднего Приобья / Под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1989. Ч. 2. 323 с.

Резанова 2017 – Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7

Резанова, Темникова, Некрасова 2018 – Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

Резанова 2019 – Резанова З.И. Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: разметка отклонений от речевого стандарта // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 127–140. DOI: 10.17223/22274200/11/7

Резанова, Дыбо 2019 – Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманит. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

Русский учебный корпус – Русский учебный корпус. URL: <http://web-corpora.net/RLC> (дата обращения: 10.05.2019).

СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. 488 с.

СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. 557 с.

СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001, 288 с.

## REFERENCES

Araeva, L.A. (1991) Govory Kuzbassa v ikh sovremennom sostoyanii [Modern Kuzbass dialects]. In: Belousova, G.G. (ed.) *Tezisy dokladov koordinatsionnogo soveshchaniya po problemam izucheniya sibirskikh govorov kafedr russkogo yazyka vuzov Sibiri, Urala i Dal'nego Vostoka* [Abstracts of the coordination meeting of the departments of Siberian, Urals and Far East universities on the problems of studying Siberian dialects of the Russian language]. Krasnoyarsk: [s.n.], pp. 54–55 (in Russian).

Russian Federation. (2011) Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [National Census. 2010]. *Demoskop Weekly*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/index.php> (Accessed: 12th April 2019).

Zemskaya, E.A. (ed.) (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.

Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryaev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Wordformation. Syntax]. Moscow: Nauka.

Ivanova, N.I. (2002) *Interferentnye yavleniya v ustnoy rechi bilingvov-sakha: Na materiale televizionnoy rechi predstaviteley gumanitarnoy intelligentsii* [Transfer cases in Sakha bilinguals' oral speech: based on television speech of the humanitarian intelligentsia]. Pholology Cand. Diss. Yakutsk.

Kasymova, S.Dzh. (1985) *Grammaticheskaya interferentsiya v russkoy rechi tadzhikov (na materiale glagola)* [Grammar transfer in Russian speech of the Tajiks: the verb case study]. Pholology Cand. Diss. Moscow.

*Korpus kontaktno-obuslovlennoy russkoy rechi bilingvov-nositeley malykh yazykov Severa Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Corpus of Contacted Russian Speech of bilinguals of small languages of the North of Siberia and the Far East]. [Online] Available from: [http://web-corpora.net/tsakorpus\\_russian\\_nonst/index.html](http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/index.html) (Accessed: 10th May 2019).

*Korpus ustnoy rechi russko-tyurkskikh bilingvov Yuzhnoy Sibiri* [Corpus of Orals Speech of Russian-Turkic Bilinguals in South Siberia]. [Online] Available from: <http://https://nekrasovaed3.wixsite.com/website> (Accessed: 10th May 2019).

Magomedova, T.I. (2012) Kul'tura russkoy rechi v usloviyakh poliyazychiya Dagestana: lingvodidakticheskiy aspekt [Russian speech in polylingual Dagestan]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 2-3. pp. 7–16 (In Russian).

Makeeva, A.E. (1995) *Interferentnye yavleniya v russkoy rechi kyrgyzov-bilingvov (morfologo-sintaksicheskii aspekt)* [Transfer cases in the speech of bilingual Kirgizians]. Abstract of Philology Cand. Diss. Bishkek.

Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questi onnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (Accessed: 7th September 2018).

Vishnevsky, A.G. (ed.) (2013) *Naselenie Rossii 2010–2011* [Population of Russia, 2010–2011]. Moscow: HSE.

Pavlenko, A. (2016) Russkiy yazyk kak lingva franca v zarubezhnoy sfere obsluzhi-vaniya [Russian as lingua franca in service industry abroad]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 1. pp. 23–32.

Palagina, V.V. (1984) *Russkie govory srednego Priob'ya* [Russian Dialects of the Middle Ob]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Palagina, V.V. (1989) *Russkie govory srednego Priob'ya* [Russian Dialects of the Middle Ob]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7

Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

Rezanova, Z.I. (2019) The Oral Speech Corpus of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: The Marking of Deviations from the Speech Standard. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 127–140 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7

Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language interaction in Shor-Russian bilinguals' speech in Southern Siberia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2 (187). pp. 195–211 (in Russian). DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.035

*Russkiy uchebnyy korpus* [Russian educational corpus]. [Online] Available from: <http://web-corpora.net/RLC> (Accessed: 10th May 2019).

Tenishev, E.R. (ed.) (2001) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka.

Tenishev, E.R. (ed.) (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow: Nauka.

Tenishev, E.R. (ed.) (1984) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika* [Comparative grammar of Turkic languages. Phonetics]. Moscow: Nauka.

**Нагель Ольга Васильевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

**Olga V. Nagel** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [olga.nagel2017@yandex.ru](mailto:olga.nagel2017@yandex.ru)

**Темникова Ирина Геннадьевна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

**Irina G. Temnikova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [temnikova196@mail.ru](mailto:temnikova196@mail.ru)

УДК 8123,811.133.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/14

## ОБЫДЕННАЯ СЕМАНТИКА БИОНИМОВ В СЛАВЯНСКИХ И НЕСЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

**Н.Б. Лебедева<sup>1</sup>, Т.Г. Рабенко<sup>2</sup>**

Кемеровский государственный университет

Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

<sup>1</sup> E-mail: nlebedevab@yandex.ru

<sup>2</sup> E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

### Авторское резюме

Работа включена в этнолингвистическую проблематику в аспекте ее описания обыденного языкового и метаязыкового сознания. Представлены результаты экспериментального исследования бионимов *петух*, *ворона*, *осел* с целью выявления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках. Данные экспериментов выявляют как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионимов, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира, идиоэтническим обыденным языковым сознанием, культурно-историческими традициями. Так, установлено амбивалентное отношение к образу петуха в исследуемых лингвокультурах. При сохранении во всех лингвокультурах мифологического восприятия петуха как птицы, предвещающей своим характерным криком восход солнца, обнаружены признаки национально обусловленной символики петуха, реализуемой в различных регистрах: от возведения этой птицы в ранг национального символа (французы), придания ей особого символического значения (символ трудолюбия для китайцев) до несколько иронично-снисходительного отношения к ней (русские и сербы). Довольно однородная картина вырисовывается в отношении бионима *ворона*. Обнаружено последовательно негативное отношение к этому образу во всех вовлеченных в исследование языках. Однако, сходясь в оценке вороны как птицы с черным оперением, питающейся падалью и предвещающей дурные вести, носители разных языков расходятся в ином объекте оценивания – ее различных поведенческих ха-

рактических, видя в ней птицу вороватую, жадную и глупую (русские, сербы) или шумную и крикливую (казахи, китайцы). Выявлены универсальные и национально-специфические характеристики бионима *осел*. При общем восприятии осла как домашнего животного, которое является воплощением глупости и упрямства, обнаруживаются иные признаки, значимые в рамках национальной картины мира, где осел является символом трудолюбия (китайский и казахский язык) либо существом, ассоциирующимся с исламской (казахи) или христианской картиной мира (русские, сербы, французы).

**Ключевые слова:** лингвокультурология, национальная картина мира, сопоставительная лексикография, обыденная семантика, языковое сознание, бионим.

## THE COMMONPLACE SEMANTICS OF BIONYMS IN SLAVIC AND NON-SLAVIC LINGUISTIC CULTURES (THE RESULTS OF THE EXPERIMENT)

N.B. Lebedeva<sup>1</sup>, T.G. Rabenko<sup>2</sup>

Kemerovo State University

6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia

<sup>1</sup> E-mail: nlebedevab@yandex.ru

<sup>2</sup> E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

### Abstract

The paper deals with ethno-linguistic description of everyday language and metalanguage consciousness. It presents the results of experimental research into commonplace semantics of bionyms *rooster*, *crow*, *donkey* in languages which differ both typologically and genetically. The experiments have revealed both the universal characteristics of bionyms, presented in the language consciousness of native speakers, and the idio-ethnic features determined by the national picture of the world. So, the image of the rooster causes an ambivalent attitude in the analyzed linguistic cultures. While maintaining the mythological perception of the rooster as a bird foreshadowing the sunrise with its crow, there are signs of the nationally-based rooster symbolism in all linguistic cultures in various registers: from the national symbol (the French), or a symbol of diligence (the Chinese) to ironic attitude (the Russians and Serbs). All the languages under analysis display negative attitude towards the bionym *crow*. The common features in different languages include descriptive characteristics, such as



the bird with black coat, eating carrion and auguring ill. However, there are various behavioural characteristics that differ from language to language: thieving, greedy and stupid (the Russians and Serbs) or noisy and boisterous (the Kazakhs and Chinese). The paper also reveals both universal and national-specific characteristics of the bionym *donkey*. Alongside with its general perception as a domestic animal, the embodiment of stupidity and stubbornness, there are characteristics significant to the national pictures of the world, in which the donkey is a symbol of diligence (the Chinese and Kazakhs), a useless animal in terms of meat consumption (the Kazakhs), or a creature associated with the Christian world view (the Russians, Serbs, French).

**Keywords:** linguoculturology, national picture of the world, comparative lexicography, commonplace semantics, language consciousness, bionym.

Идея славянской взаимности, восходящая к работам А.А. Потебни (Потебня 2003), вновь актуализировалась в условиях современной геополитической и языковой ситуации (Ремнева 2016: 9). В контексте решения проблемы единства и разнообразия славянских языков и культур отмечается исследовательский интерес к описанию языкового сознания носителей различных славянских языков, в т. ч. в сопоставительном аспекте (Сергеева 2009; Уфимцева 2009; Лебедева 2017). Подобного рода исследования «дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» (Уфимцева 2009). При этом особую значимость приобретают не только сопоставительные исследования межславянского характера, но и исследования, где решаются проблемы сопоставления славянских языков с языками иных групп.

Одним из аспектов такого рода сопоставительных исследований является лексикографический аспект, связанный, в частности, с созданием одно- и разноразличных ассоциативных словарей, основанных на получении фактологического материала посредством метода ассоциативного эксперимента. Об особой значимости обозначенного метода для лингвокультурологических исследований пишет А.А. Леонтьев: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть "культурную" специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его "семантические обертоны", – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм» (Леонтьев 1977).

Динамично развивающаяся сопоставительная лексикография открывает широкие возможности для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, свойственных лексическому ассоциированию носителей различных языков. Полагаем, что целенаправленное сопоставление материала, который получен от представителей различных лингвокультурных сообществ, повышает объективность выводов и позволяет избежать поспешных обобщений.

Настоящее исследование выполнено в русле лексикографического проекта «Опыт разноязычного словаря обыденной семантики бионимов», разрабатываемого международным научным коллективом<sup>1</sup> под руководством профессора Н.Д. Голева (Голев, Дебрени 2013; Голев и др. 2015). Суть этого проекта заключается в экспериментальном исследовании различных бионимов с целью выявления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках. Теоретическая значимость работы определяется, помимо прочего, ее включенностью в этнолингвистическую тематику и проблематику обыденного языкового и метаязыкового сознания.

В основе заявленной в исследовании научно-поисковой деятельности лежит гипотеза о том, что обыденная семантика, являющаяся результатом рефлексивной деятельности рядовых носителей языка, сложным образом коррелирует с семантикой, представленной в нормативных словарях, составленных профессиональными лексикографами.

На этапе создания «Опыта разноязычного словаря» лексикографической обработке подверглось 10 бионимов, представленных в разных языках: *волк, ворона, заяц, муха, мышь, осел, петух, роза, теленок, яблоко*. Кажущаяся немногочисленность лексем оправдана трудоемкостью работы по систематизации и обработке данных, полученных в результате разработанного анкетного опроса. В настоящем исследовании предлагаются предварительные результаты описания рефлексивной деятельности носителей ряда славянских (русского, сербского) и неславянских (китайского, французского, казахского) языков по поводу бионимов *петух, ворона, осел*.

Несколько слов о методике сбора материала. Количество привлекаемых по каждому заданию информантов составило в среднем 150 чел. В большинстве своем это студенты филологических факультетов вузов. Эксперимент проходил в очной форме. Каждый участник эксперимента получал три опросных листа (на бумажном носителе) с одним из трех слов-стимулов и в течение 10–15 минут должен был заполнить их от руки, ответив на вопросы. Реакция в зависимости от задания могла быть выражена в виде слова, словосочетания, фразы.

Информантам предлагалось четыре задания, разработанных в указанном проекте, в русле которого выполнялось данное исследование:

1) назовите первое пришедшее вам на ум слово, после того как вы услышали или прочитали данное слово;

2) что обозначает данное слово (задание представлялось в форме типа *петух / ворона / осел – это...*);

3) заполните пропуск в предложениях типа *Они..., как петухи / вороны / ослы*;

4) напишите фразу с данным словом, которая сразу приходит вам на ум.

Все четыре задания выполнялись последовательно в одну экспериментальную сессию. Задания формулировались с такой целью, чтобы эксплицировать обыденную семантику различных уровней: понятийную, концептную, ассоциативную, что проявляется в приводимых ассоциативных рядах, типовых сравнениях и прецедентных текстах. На данном этапе исследования осуществлена лишь предварительная систематизация разноязычного материала. В последующем предполагается его дифференциация с учетом характера экспликации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (она сопряжена с первым вопросом), понятийной (связана со вторым вопросом), концептной, отражаемой в прецедентных фразах и типовых сравнениях (связана с третьим и четвертым вопросами). В рамках настоящего исследования дифференциация результатов по четырем заданиям не имела принципиального значения<sup>2</sup>, поэтому при анализе в круглых скобках указывается общее количество реакций, полученных при выполнении всех четырех типов заданий.

Задания предъявлялись респондентам на их родном языке. Мета-языком описания послужил русский язык, на который переводились результаты, полученные в ходе опроса на других языках. На четыре типа заданий получено разное количество ответов, поскольку испытуемые могли фиксировать несколько реакций в рамках одного задания. При исследовании фиксировались все ответы.

Получены следующие данные по четырем типам заданий:

### **Петух**

рус.: 1–272, 2–193, 3–225, 4–168 (всего 858 реакций);

серб.: 1–168, 2–138, 3–208, 4–148 (662);

франц.: 1–261, 2–344, 3–242, 4–351 (1 198);

кит.: 1–204, 2–296, 3–223, 4–287 (1 010);

казах.: 1–298, 2–279, 3–322, 4–366 (1 265).

### **Ворона**

рус.: 1–299, 2–239, 3–224, 4–249 (1 011);

серб.: 1–180, 2–143, 3–149, 4–165 (637);

франц.: 1–254, 2–328, 3–269, 4–334 (1 185);

кит.: 1–183, 2–281, 3–173, 4–217 (854);

казах.: 1–261, 2–150, 3–161, 4–320 (892).

### **Осел**

рус.: 1–245, 2–233, 3–224, 4–247 (949);

серб.: 1–170, 2–157, 3–147, 4–177 (651);

франц.: 1–231, 2–312, 3–237, 4–326 (1 106);

кит.: 1–216, 2–264, 3–175, 4–255 (910);

казах.: 1–317, 2–315, 3–317, 4–369 (1 318).

Данные экспериментов позволяют выявить как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионима, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира и историко-национальными традициями носителей сопоставляемых языков.

Обобщим результаты данных, полученных в результате проведенного эксперимента.

**Бионим «петух».** *Универсальные характеристики бионима «петух».* Для носителей всех исследуемых языков петух – это птица; типовая ассоциативная реакция – домашняя птица. Определяя значение слова «петух», носители всех задействованных в исследовании языков называют сходные признаки. Среди них прежде всего внешняя характеристика птицы: рус. *птица с разноцветными перьями, острый клюв и шпоры* (118); серб. *животиња црвеног перја и оштрог кљуна, птица великих крила* (72); казах. *әдемі қауырсыны* «красивые перья», *әтеш айдарлы әдемі* «у петуха красивый гребешок» (91); франц. *coloré* «цветастый», *qui a de belles ailes* «у него красивые крылья» (67); кит. 尾巴 «хвост», 紅冠 (12) «красный петуший гребень» (34).

Называется среда обитания петуха. Будучи едиными в определении места проживания этой птицы (негородская среда обитания), носители разных языков именуют эту территорию деревней или селом (славянские народы): рус. *живет в деревне* (7), *деревенский петух* 7 (24); серб. *будилник људи не селу, сеоска корисна животиња* (12); аулом (казахи): *ауыл* «аул», *ауылда сағаттың орнына жүреді* «в ауле используется вместо часов» (17); птичьим двором или фермой (французы): *qui vit en basse cour avec les poules* «живет на птичьем дворе с курицами», *oiseau (un) de basse cour* «птица с птичьего двора» (21). Данные реакции отражают идиоэтнические особенности, определяемые традиционной культурой каждого из народов.

В разных культурах петух выступает как символ солнца и грядущего дня. Корнями такое соответствие уходит в мифологию. Подобно солнцу, петух «отсчитывает время», возвещая своим криком мир о приходе нового дня. Для людей крик петуха является ориентиром

времени, своего рода живыми часами, естественным сигналом пробуждения. В фактологическом материале всех задействованных в исследовании языков широко представлены лексемы, актуализирующие мифологический признак исследуемого бионима. В определениях петуха типовыми реакциями являются характеристики, связанные с особенностями его поведения. Поскольку петух устойчиво ассоциируется с птицей, извещающей о начале нового дня, частотны лексемы, объединяемые семантическими компонентами «утро», «пробуждение»: рус. *утро* 47, *будильник* 21 (237); серб. *jutro* 36, *zora* 8 (226); кит. 早晨 45 «утром», 早起 31 «рано встает» (136); франц. *réveil matin (un)* 6 «будильник», *celui qui nous réveille le matin* 2 «тот, который будит по утрам» (388); казах. *оятaды* 17 «будит», *оятқыш / оятар* 6 «будильник», *таң намаз* «утренняя молитва» (244).

Во всех языках широко представлены ассоциаты, репрезентирующие способ, коим петух оповещает о начале нового дня, – он издает характерный громкий крик. Петух устойчиво ассоциируется с лексемами, объединяемыми семантическим компонентом «голос»: рус. *кукарекать* 12, *громко кукарекает* 12 (75); серб. *кукурикање* 8, *кукурику* 6 (99); кит. 咕咕叫/啼叫 13 «кукарекает», 早叫 «рано кукарекает» (99); франц. *bruyant* 9 «шумный», *volatile (un) bruyant!* «громкая птица» (91); казах. *басты ауыртады қарқылдап* «причиняет головную боль своим пением», *дауысы жарқын үй құсы* «птица с ярким голосом» (77).

Одним из проявлений жизненной силы петуха является его исключительная воинственность. Драчливость и задор, характерные для поведения петуха, активно отражаются в исследуемом материале – в ассоциативных рядах и фразах: рус. *драчливый* 7, *петухом налететь* 2 (47); серб. *ратоборни, храбри, копрца се као петао* (31); кит. 很威武 «очень воинственный», 愛打架 «любит драться» (19); франц. *tiens, c'est l'emblème du gaulois... et du français!* «он драчливый и самодовольный» (17); казах. *ұрыншақ* «задира, забияка», *қоқиланып жүргенді ұнатады* «ему нравится высовываться / задираться» (12).

Вместе с тем при обнаружении в исследуемом материале всех языков лексем, эксплицирующих признак «драчливость / воинственность», в большей мере эти лексемы представлены в ответах представителей славянских лингвокультур.

*Национально-специфические характеристики бионима «петух».* Анализ данных опроса позволяет обнаружить национально-специфические характеристики, приписываемые исследуемому биониму.

Известно, что петух является одним из символов Франции, когда-то он считался священной птицей в Галлии. Подобное символическое значение петуха широко репрезентировано во французском материале: *symbole de la France* 27 «символ Франции», *symbole (le) de la*

*Gaule* «символ Галлии» (66). В ответах респондентов, представляющих славянские (русскую и сербскую) и казахскую лингвокультуры, ассоциации подобного рода отсутствуют, а в китайском материале они единичны: 法國人 «француз», 法國的國鳥 «птица страны во Франции».

Возможно, этим символическим значением объясняется большое количество «французских» ассоциаций, характеризующих следующие признаки.

1. Гордый, самодовольный вид петуха. Ряды ассоциаций и сравнительных выражений возглавляет реакция *fier* 127 «гордый», см. также: *fier comme un coq, il s'élança sur la scène pour déclamer sa réplique* «гордый, как петух, он кинулся на сцену, чтобы продекламировать свой текст» (219). Ср. представленное в ответах русскоязычных информантов выражение «ходить петухом» (т. е. с гордым и важным видом).

В ответах китайских респондентов данный признак актуализирован значительно меньше: 有精神的 4 «высокомерный», 自傲的 3 «заносчивый», 驕傲 3 «зазнайство» (17).

В ответах русских и сербских информантов подобные ассоциации носят единичный характер: рус. *гордый* 3; серб. *поносан* 5, *горд и све жели само за себе*. Однако здесь частотны лексемы, актуализирующие признак «важничать». Напуская на себя важность, принимая внушительный вид, петух представляется птицей важной и заносчивой: рус. *заносчивый, как петух* 2; *важничать* 2; серб. *шепуре, самоуверен, разметлив*. См. серб. устойчивое ироническое выражение *шепури се као петао пред кокошкама*, представленное в ответах 17 информантов. О снисходительно-ироническом отношении к этой птице свидетельствуют и выражения *ку-ку-ри-ку, петле, не гази ми метле!*; *снашао се као петао у кокошке; ко је срећан, и петлови му јаја носе*.

2. Привлекательный внешний вид за счет яркого красивого оперения: франц. *beau* 4 «красивый», *beau surtout quand ça chante* «красивый, особенно когда поет» (94).

Показательны в плане национальной специфики французской лингвокультуры ассоциации *les plumes de coq font de très beaux chapeaux* «из петушиных перьев делают красивые шляпки», а также *et si bon au vin* «очень вкусный в вине», *le coq au vin c'est un très bonne spécialité!* «петух в вине – очень хорошее блюдо!». Известно, что петух в вине – одно из главных французских блюд, классика французской кухни. Ассоциации, актуализирующие данный признак, представлены в ответах 27 респондентов.

Ассоциации, фиксирующие потребительское отношение к петуху, в ответах славянских и китайских респондентов единичны: рус. *куриный суп*; серб. *добра супа, реклама за супе из кесица*; кит. 香菇雞湯 «куриный бульон с грибами», 食物 «еда».

Исключительная воинственность, драчливость, задор, любвеобильность, свойственные поведению петуха, делают его в глазах французских респондентов олицетворением мужского начала: *celui qui dans le poulailler domine ses dames, il est aussi connu pour son chant au lever du soleil* «тот, который в курятнике подавляет дамочек, также известный за пение на восходе», *le coq est macho* «петух-мачо» (73). Ср. единичные кит. ассоциации 大男人主義 «мужской шовинизм», 生命中的熱情 «страстный в жизни», а также серб. ассоциации, явно с ироничным подтекстом: *оличење мушкараца који су глупи и надмени, леп и шарен заводник међу кокошкама, женскарош*.

Этот признак актуализируется и в прецедентных текстах: франц. *le coq du village* «первый парень на деревне» (букв. «петух деревни»), *rentrez vos poules, je lâche mon coq* (букв. «я выпускаю своего петуха, берегите своих кур»). Эти ироничные замечания звучат в адрес самодовольного и любвеобильного молодого человека.

В плане обнаружения национальной специфики китайской лингвокультуры показательны ответы респондентов, объединяемые семантическим признаком «трудолюбие». Для представителей китайской лингвокультуры петух – это трудолюбивая и исполнительная птица: 勤勞 «трудолюбивый», 早起勤奮的象徵 «символ трудолюбия», 聞雞起舞 «рано вставай и усердно занимайся» (310). Петуху свойственны 認真的 «аккуратность» и 規律正常的生活 «планомерная жизнь». Интересны ассоциации 革命先鋒號領群雄 «революционный авангард управляет передовым отрядом», 權力是一切 «власть – это всё», характеризующие особенности китайского менталитета.

В ответах китайских информантов особый акцент делается на красном петушином гребне: 雞冠是紅色的 «красный петушиный гребень» (21). Петух считается в Китае своего рода знаком удачной судьбы. Чиновникам принято дарить петухов или фигурку петуха с огромным гребнем (возможно, это фаллический символ) с пожеланиями удачи в работе.

Таким образом, в исследуемых лингвокультурах обнаруживается двойственное отношение к образу петуха. При сохранении мифологического представления об этой птице, предвещающей своим характерным криком восход солнца и начало дня, обнаруживаются признаки национально обусловленной символики петуха, которая реализуется в различных форматах: от придания ему особого символического значения (символ трудолюбия для китайцев) и даже возведения в ранг национального символа (французы) до иронично-снисходительного отношения (русские и сербы, см. серб. *орао, кој не зна да лети*).

**Бионим «ворона».** Универсальные характеристики бионима «ворона». Для носителей всех задействованных в исследовании языков ворона –



это птица; типовая ассоциативная реакция – птица. Характеризуя ворону, носители всех вовлеченных в исследование языков отмечают цвет оперения этой птицы – черный: рус. *черная* (118); серб. *црна* 59, *птица са црним перјем* (146); кит. 黑色的 33 «черная»; 在天空飛 的黑鳥 «черная птица, которая летает в небе» (115); франц. *oiseau (un) noir* 141 «черная птица»; *oiseau (un) au plumage noir qui tire vers le bleu* «птица с черным, почти синим опереньем» (297); казах. *қара құс* «черная птица», *қапқара құс* 3 «черная-пречерная птица» (147).

Вероятно, темным оперением вороны, ее привычкой есть падаль объясняется частотность ассоциаций, связанных с темой некоего предзнаменования или предвестника гибели и смерти: рус. *пита-ется падалью* 11, *вестник беды* 8 (99); серб. *птица злослутница* 3, *сматра се доносиоцем лоших вести* (84); кит. 不吉利的鳥 47 «несчастливая птица», 帶來壞消息的鳥 8 «птица, которая приносит плохие новости» (212); казах. *далада келгенде қарға қарғыстайды* «в степи ворона проклинает», *қарғыстайтын* «проклинающая» (10). Данный признак значительно меньше актуализирован в ответах казахских респондентов.

*Национально-специфические характеристики бионима «ворона».* В исследуемом материале широко представлены лексемы и выражения, негативно оценивающие ворону, ее неблагоприятные «моральные» качества. Для представителей славянских лингвокультур ворона – это птица, отличающаяся воровскими замашками, рассеянностью, невнимательностью, жадностью и болтливостью. Эти характеристики отражаются следующим образом:

а) в ассоциативных рядах: рус. *воровка* 4, *воровство* 3, *наглая* 5, *жадная* 5, *глупая* 5 (151); серб. *грабливица*, *похлепа* (95). Признак жадности, вредоносного воздействия на человека актуализируется и в прецедентных текстах: серб. *нападао као врана кукуруз* 2, *вране су ти попиле мозак* 6.

б) в определениях значений лексемы «ворона»: рус. *птица-воровка* 7; серб. *птица грабливица* 3;

в) в сравнительных конструкциях: рус. *безмозглая, как ворона* 8; *болтливая, как ворона* 5; серб. *грабљиви* 6, *грабежљиви* 4.

Лексемы, актуализирующие подобные признаки вороны, эксплицируются в других языках, но они имеют единичный характер: казах. *ашкөз* «жадная, завистливая», *аңқау* «рассеянная»; франц. *rusé* 4 «хитрая, лукавая», *fourbe* 2 «коварная, вороватая». Во французском языке слово «ворона» имеет значение *délateur* «анонимный шантажист, стукач, доносчик». Это значение устойчиво проявляется в ассоциативном ряду.

Отрицательное отношение к вороне у славян проявляется в оценке не только ее небезупречных «моральных» качеств, но и ее способ-



ности производить специфический крик. Наряду с нейтральными лексемами *каркать*, *кар-кар*, *каркающая*, которые актуализируются в речи носителей всех задействованных в исследовании языков, в ответах сербских информантов представлены такие пейоративные определения значения исследуемого бионима, как *крештава*, *крлати* (34). Подобные ответы дают и русские информанты: *мерзко каркающая птица*, *криктивная птица* (36).

Ворона узнаваема по специфическому карканью и представителями других лингвокультур (см. кит. 聲音難聽 «плохо поют», 聲音難聽 19 «обладают плохим голосом»), но их негативную оценку вызывает способность вороны производить много шума за счет своего громкого карканья: см. кит. 很吵 8 «очень шумные», 吵鬧的 54 «шумные» (173).

В ответах казахских информантов частотны ассоциации, актуализирующие способность этой птицы не только много кричать, но и кричать без толку: *көп сөйлейді* «много говорит»; *қарқылдайды / қақылдайды* 25 «каркает», перен. «говорун, болтун» (75).

В сфере «прецедентные тексты» имеют место цитаты из песен и сказок, отражающие особенности восприятия этого бионима в описываемых языках.

В русскоязычных ответах частотны ассоциации, отсылающие к известной басне И.А. Крылова: *вороне как-то бог послал кусочек сыру* 14 (44). Эзоповский сюжет басни в интерпретации Лафонтена вспомнили и французские респонденты: *Le corbeau et le renard c'est un mythe célèbre d'Ésope et de La Fontaine* «Ворона и Лисица – миф Эзопа и Лафонтена» (74). В ответах русских информантов обнаруживаются другие ассоциации: строки песни «Черный ворон, что ж ты вьешься» 7; детской потешки «Сорока-ворона кашку / лапшу варила, деток кормила» 4.

Для сербских информантов лексема «ворона» ассоциируется с народной песней «*Две вране долетеле са Косова*».

В ответах китайских респондентов представлены ассоциации, актуализирующие притчу о вороне: 喝水 «пить воду», 把石頭丟到水裡 «кладет камень в бутылку» (у китайского народа есть притча, в которой рассказывается о вороне: для того чтобы выпить воды из бутылки, она бросает в нее камни, тем самым уровень воды поднимается, и она легко пьет воду из бутылки), а также устойчивое выражение 天下烏鴉一般黑 «все вороны в мире одинаково черны» в значении «все злодеи одинаковы».

Казахские респонденты вспомнили пословицы: *қарға баласын аппағым дейді* 23, букв. «своего птенца называет беленьким», соответствующая русской пословице *всякому свое дитя милее*; *қарға қарғаның көзін шұқымайды* 12 «ворон ворону глаз не выклюет».

Итак, рассматриваемый материал отражает мифологические представления человека о вороне. Для представителей всех вовлеченных в исследование лингвокультур ворона – это птица с черным оперением, предвестница гибели, смерти, птица, питающаяся падалью. Причем данный признак в меньшей степени представлен в казахском материале. Образ вороны отрицательно оценивается носителями всех рассматриваемых языков. При этом русские и сербские информанты категоричны в оценке «моральных» качеств вороны: ворона – птица-воровка, подлая и жадная. Представителям азиатских лингвокультур видится в вороне птица, производящая много шума – и шума бестолкового.

**Бионим «осел».** *Универсальные характеристики бионима «осел».* Для носителей всех вовлеченных в исследование языков осел – это домашнее животное, которое ассоциируется с глупостью и упрямством: рус. *глупый* 26, *упрямый* 21 (162); серб. *глуп* 38, *тврдоглав* 11 (197); казах. *ақымақ* «дурак» (51); франц. *bête* 70 (глупый), *bonnet* 12 (колпак)<sup>3</sup> (215); кит. 笨 4 «глупый», 笨蛋 «дурак» (5).

Определяя лексему «осел», все информанты отмечают, что это животное тягловое (осел используется в качестве верхового или вьючного животного): рус. *тащит груз, перевозит тяжелые вещи* (87); серб. *терет* 16, *товар* 8 (42); кит. 載貨的動物 «животное, которое перевозит товары», 辛苦 4 «выполняет трудную работу» (182); франц. *cheval (un) de somme* «тягловая лошадь», *animal (un) tête qui peut porter de lourdes charges* «упрямое животное, которое может переносить тяжелые грузы» (143); казах. *арба тасиды* 3 «тащит арбу», *жүк тасиды* «носит поклажу / груз» (132).

*Национально-специфические характеристики бионима «осел».* Респонденты, представляющие азиатские лингвокультуры, акцентируют внимание на прагматически значимых свойствах осла. В речи китайских (несколько больше) и казахских информантов обнаруживаются лексемы, актуализирующие признак «трудолюбие»: кит. 任勞任怨 14 «трудолюбивый», 吃苦耐勞 «выносливость / трудолюбие» (239); казах. *еңбекқор* 7 «трудолюбивый», *барлық жұмысты істейді* «делает всю работу» (115).

Отмечая трудолюбие осла, китайские респонденты акцентируют внимание на таком высоко ценимом китайцами качестве, как добросовестное выполнение своего долга: 耐操 «трудится настойчиво», 忍耐以及完成任務 «терпеливо выполняет задания», 辛苦 «упорный труд» (139). Ответы иных информантов обнаруживают подобного рода ассоциации, но они единичны и немногочисленны, к примеру: серб. *радни*.

В ответах казахских респондентов отражается мифологическое восприятие исследуемого бионима. Известно, что Коран и Сунна

запрещают употребление в пищу животных, которые являются харамом (харам в шариате – запретные действия). Среди них осел. Носители казахской лингвокультуры дали специфические ответы, актуализирующие религиозный компонент: *есек арам жануар дейді халық* «в народе осла считают поганым животным», *есек шайтанға жақын жануар, түнде есектің қасына баруға болмайды* «близкое к шайтану животное, ночью нельзя подходить к ослу», *есектің етін жегуге қазақтарға тыйым салынған* «у казахов запрещено есть ослиное мясо» (36). Ср. франц. *saucisson* 2 «колбаса».

Бионим «осел» является частью и христианской картины мира. В русском, сербском и французском материале (христианские лингвокультуры) представлены ассоциации, отсылающие к библейскому сюжету. Анализ прецедентных фраз с лексемой «осел» обнаруживает общие закономерности употребления этого слова носителями сопоставляемых языков: рус. *на нем восседал Иисус Христос; на осле Иисус въехал в Иерусалим*; серб. *света животиња 2; животиња, за којој ј Иисус ушао у Јерусалим*.

Однако при сохранении мифологического представления об образе осла в ответах русских и сербских информантов обнаруживаются ассоциации, отражающие иронически пренебрежительное отношение к этому животному: см. рус. устойчивые выражения *когда нет лошади, то и осел скотина 12; осла и в львиной шкуре узнаешь 4*; серб. *он је спао с коња на магарца 2; не зову магарца на свадбу да коло игра, него да воду вуче 7; за магарца и на свадби има посла*.

Ассоциации французских информантов изобилуют доброжелательными и сочувственными оценками: *doux 3* «ласковый», *gentil et inoffensif* «милый и безобидный», *sympathique* «симпатичный» (64). Образ осла ассоциируется у франкоязычных информантов с рядом прецедентных текстов: песней «*Mon âne, mon âne a bien mal à la tête*» 4 «У моего осла болит голова», произведением «*Mémoires d'un âne*» «Записки Осла» графини де Сегюр и др.

Примечательно, что в разделе «Литературные образы и персонажи» носители китайского языка нередко указывают европейские источники 史瑞克 «Шрек», 布萊梅樂隊 «бременский оркестр», 小熊維尼的朋友 «друг Винни-Пуха» (20). Этот факт свидетельствует о значительной степени вестернизации китайской молодежи, представители которой выступили информантами.

Таким образом, ассоциативный портрет бионима «осел», представленный в речи разноязычных информантов, амбивалентен. В мифологическом представлении осел оказывается животным, особо почитаемым у христиан (русских, сербов, французов) и вместе с тем нечистым (харамным) у мусульман (казахов). Наряду с восприятием

осла как воплощения трудолюбия и исполнительности (китайцы, казахи) обнаруживаются лексемы с пейоративной коннотацией, актуализирующие восприятие осла как персонификации ряда человеческих пороков (во всех исследованных языках): глупости, лени, тупого упрямства.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы двух порядков: лингвокультурологический и методологический. Общие признаки семантики бионимов объясняются отражением объективных свойств референтов (физических, биологических, поведенческих и прочих характеристик), которые частично зависят от национальных и культурных особенностей информантов. Определенную роль играет степень распространенности данного объекта в жизни представителей лингвокультуры: в тех культурах, в которых данный референт известен мало, его характеристики отличаются бедностью, однообразием. Мифологизированность мотивационных признаков нередко обнаруживается в тех лингвокультурах, где данный бионим малораспространен. В них не так подробен и детализирован образ этих бионимов, нет особых эмоциональных описаний, как в культурах, в которых он привычен (ср.: русские информанты, с одной стороны, китайские и французские – с другой).

Ассоциативное портретирование бионимов высвечивает ценностные доминанты национальной картины мира, позволяя представить и сравнить национальные характеры, соотносимые с наиболее устойчивыми, характерными для данной национальной общности особенностями восприятия окружающего мира и форм реакций на него. И в этой совокупности эмоционально-чувственных проявлений каждого народа высвечиваются разные его характеристики, к примеру трудолюбие и исполнительность (китайцы), доброжелательность и искушенность в «любовных делах» (французы), скромность и честность (русские, сербы), приверженность традициям (казахи)

Методологический вывод можно сформулировать следующим образом: представленный анализ данных, полученных экспериментальным путем, позволяет заглянуть в глубины обыденного языкового сознания, являющегося ядром данной лингвокультуры, что свидетельствует о продуктивности предложенной методики.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. В международный научный коллектив входят: казахская группа, рук. Л.К. Жаналина; китайская группа, рук. О.П. Сологуб; русская группа, рук. Л.Г. Ким; французская группа, рук. М. Дебрэнн; сербская группа, рук. С.В. Стеванович.

2. Дифференциация результатов по четырем заданиям имеет существенное значение при изучении, к примеру, степени фразеологического потенциала слов-бионимов (Лебедева 2018).

3. Провинившемуся ученику надевали колпак с ослиными ушами в качестве наказания.

## ЛИТЕРАТУРА

Голев, Дебрени 2013 – *Голев Н.Д., Дебрени М.* Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 80–92.

Голев и др. 2015 – *Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В.* Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3 (41). С. 39–54.

Лебедева 2017 – *Лебедева Н.Б.* Обыденная семантика бионима «мышь» в русском, казахском, сербском и китайском языках (по результатам эксперимента) // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2017. Т. 17, № 9. С. 135–138.

Лебедева 2018 – *Лебедева Н.Б.* Синхронно-генетический аспект русской паремиологии (по данным эксперимента) // Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии. Оломоуц: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. С. 136–141.

Леонтьев 1977 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Потебня 2003 – *Потебня А.А.* Язык и народность. Рига: Даугава, 2003. 31 с.

Ремнева 2016 – *Ремнева М.Л.* Приветственное слово // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: труды и материалы. М.: МАКСПресс, 2016. С. 8–10.

Сергеева 2009 – *Сергеева Л.А.* Ценностный аспект языкового сознания (по данным русского и чешского языков) // Славянские языки и культуры в современном мире: международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 289–290.

Уфимцева 2009 – *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111.

## REFERENCES

Golev, N.D. & Debrenne, M. (2013) Raznoyazychnyy sopostavitel'nyy slovar' obydennoy semantiki bionimov: kontseptsiya, leksikograficheskiy projekt i opyt

ego realizatsii [A multilingual dictionary of bionyms: conceptual basis of the lexicographic project]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya komunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*.11 (2). pp. 80–92.

Golev, N.D., Kim, L.G. & Stevanovich, S.V. (2015) A Multilingual Dictionary as a Reflection of Slavic Mental-Linguistic Unity and Cross Cultural Differences. *Rusin*. 3 (41). pp. 39–54 (in Russian). DOI 10.17223/18572685/41/3

Lebedeva, N.B. (2017) Trivial semantics of bionima “mouse” in Russian, Kazakh, Serbian and Chinese languages (based on the experimental results). *Vestnik Kyrgyzsko-rossiyskogo slavyanskogo universiteta*. 17 (9). pp. 135–138.

Lebedeva, N.B. (2018) Sinkhronno-geneticheskiy aspekt russkoy paremiologii (po dannym eksperimenta) [Synchronous genetic aspect of Russian paremiology (according to the experiment)]. In: *Issledovaniya russkoy i slavyanskoy frazeologii v diakhronii i sinkhronii* [Research of Russian and Slavic phraseology in diachrony and synchrony]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

Leontiev, A.N. (1977) *Deyatel'nost', Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

Potebnya, A.A. (2003) *Yazyk i narodnost'* [Language and Nationality]. Riga: Daugava.

Remneva, M.L. (2016) [Welcome speech]. *Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Proc. of the Third International Symposium. Moscow: MAKSPress (In Russian).

Sergeeva, L.A. (2009) [Axiological aspects of language awareness (in the Russian and Czech languages)]. *Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Proc. of the International Symposium. Moscow: MAKSPress (In Russian).

Ufimtseva, N.V. (2009) *Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie* [The Russian image of the world: systematicity and content]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (8).

**Лебедева Наталья Борисовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

**Natalya B. Lebedeva** – Kemerovo State University (Russia).

**E-mail:** nlebedevab@yandex.ru

**Рабенко Татьяна Геннадьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

**Tatyana G. Rabenko** – Kemerovo State University (Russia).

**E-mail:** tat.rabenko@yandex.ru

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/15

## THE BACHKA-SREM RUSIN ANIMAL IDIOMS AND THEIR ENGLISH EQUIVALENTS\*

**M. Feysa**

Novi Sad University

2 Dr. Zoran Dyindych Street, Novi Sad, 21000, Serbia

E-mail: fejsam@gmail.com

### **Abstract**

The paper deals with the analysis of the Bachka-Srem Rusin animal idioms and their English counterparts. The author provides an overview of Rusin animal idioms as used in Rusin dictionaries and distinguishes their English counterparts as used in English dictionaries. There are three distinctive groups of names: those included on both languages, different animal or no animal at all in the English counterpart. These three kinds of counterparts are clearly marked in the paper which is useful to systematize Rusin phraseology and to find the English equivalents. Generally speaking, the paper aims at observing the way in which the meanings of the Bachka-Srem Rusin animal idioms are conveyed by the idioms of the English language.

**Keywords:** animal idioms, Rusin language, English language, translation equivalents, contrastive analysis.

---

\* The paper is part of Projects Nr. 187002 (Languages and Cultures In Time and Space) and Nr. 187017 (Discourses of Minority Languages, Literatures and Cultures In Southeast and Central Europe) supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

# БАЧКО-СРЕМСКИЕ РУСИНСКИЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ И ИХ АНГЛИЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

**М. Фейса**

Университет г. Новый Сад  
Сербия, 21000, ул. З. Диндича, 2  
E-mail: fejsam@gmail.com

## **Авторское резюме**

Анализируются анималистические идиомы в бачко-сремском русинском языке и их английские эквиваленты. С одной стороны, приведен обзор идиом с названиями животных в русинском языке, которые содержатся в словарях русинов, с другой стороны, показаны их отличия от английских эквивалентов, которые используются в английских словарях. Три группы эквивалентов четко обозначены в статье, которая будет полезна для систематизации русинской фразеологии и поиска английских эквивалентов. Целью этой статьи является наблюдение за тем, как значения анималистических идиом русинов Бачки и Срима передаются идиомами английского языка.

**Ключевые слова:** анималистические идиомы, русинский язык, английский язык, переводные эквиваленты, контрастный анализ.

## **Introduction**

David Crystal writes that the year 2000 marked the end of a decade in which linguistic revolution took place. He also emphasizes that dramatic linguistic changes do not happen very often. The emergence of new media such as newspapers, telephone and television also led to linguistic change, but the impact of the Internet can certainly be described as revolutionary (Crystal 2001). What makes the language of the Internet linguistically unique is its combination of written and spoken language characteristics. Naomi Baron uses a metaphor to describe this new form of language and names it a “linguistic centaur – half speech, half writing” (Baron 2001: 248).

Young members of the Rusin community, being members of a national minority, are aware that they should use at least three languages: the state language (Serbian), the mother tongue (Rusin) and the global language (English) (Feysa 1990, Feysa 2010). The use of English as a



lingua franca and as a learner language implies a growing familiarity with the English language. Much of English communication, both professional and private, takes place all over the world between non-native speakers. One of the most difficult parts of a language to learn is phraseology. This research is aimed to help the Rusins to systematize Rusin phraseology and to find the English equivalents to the Rusin ones. We are aware that we can not fully express ourselves or understand others if we do not know the most common phraseologisms. The term *phraseologism* was introduced in linguistics of the Bachka-Srem Rusins by Yuliyana Ramach (2002: 456). As its synonym we will use the term *idiom* in this paper (according to: Varga, Groszler 2008; Ivanovska, Groszler 2011). Idiom is a succession of words (terms, phrases or sentences) which is stable in its structure and meaning. Its meaning is not obvious through knowledge of the individual meanings of the constituent words but must be learnt as a whole. Idiom meaning has been created through common use for decades or for centuries.

The research corpus has mainly been formed on the basis of two lexicographic works – two-volume *Serbian-Rusin Dictionary* (Ramach et al. 1995; Ramach et al. 1997) and *Rusin-Serbian Dictionary* (Ramach et al. 2010). The corpus consists of 190 Rusin idioms. Their equivalents have been established on the basis of the following dictionaries: two-volume encyclopedic *An English-Serbocroat Dictionary* (Ristich et al. 1974), *Serbocroatian-English Dictionary* (Benson 1977) and *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (Hornby 1977). In establishing equivalency we are close to Werner Koller who considered that equivalence deals with equivalent items in specific ST–TT (source text – target text) pairs and contexts and that it is possible to distinguish “five different types of equivalence: (a) denotative equivalence involving the extralinguistic content of a text, (b) connotative equivalence relating to lexical choices, (c) text-normative equivalence relating to text-types, (d) pragmatic equivalence involving the receiver of the text or message, and, finally, (e) formal equivalence relating to the form and aesthetics of the text” (Koller 1979: 186–191; Baker, Saldanha 2011: 96–97; according to Panou 2013: 4).

After establishing semantic equivalency we have compared Rusin animal idioms and their English counterparts. We have distinguished three kinds of English counterparts: a) English idioms that include the same animal names as the ones in Rusin idioms (they are underlined in the following chapter); b) English idioms with different animal names than the ones in Rusin idioms (they are italicized in the following chapter); c) English equivalents without animal names (they are not marked).

Generally speaking, the purpose of this paper is to observe the way in which the meanings of the Bachka-Srem Rusin animal idioms are conveyed by the idioms of the English language.

### Rusin Animal Idioms and Their English Counterparts

AHNETS – *ahnets Bozhi: The Lamb of God* (Jesus Christ).

BARAN – *nabrats* (navishats, natrepats) *na sebe yak baran na rohi*: to take too many obligations (literally: as a ram on its horns); *lapits barana*: to be covered with mud (literally: as after catching a ram).

BIYALA – *motsni yak biyala: as strong as a bull* (literally: as strong as a buffalo).

BARANCHE – *vovk u baranchetsovey skori*: a wolf in a lamb's skin; *mirni yak baranche*: to be very quiet (literally: as a lamb).

BUBA – *ma bubu u hlavi: to have a bee in one's bonnet* (literally: he has a bug in his head); *voshli mu bubi do hlavi*: to be nuts (crazy); *buts mirni yak buba*: to be very quiet.

BUYAK – *hvatsits buyaka za rohi*: to take the bull by the horns; *yak buyak na chervene napadats*: to attack (literally: as when a bull attacks something red); *richits (drets she) yak buyak*: cry loudly (literally as a bull); *von nye mozhe baylagovats z buyakom*: he can not control it (literally: a bull).

TSELYE – *piyani yak tselye: as drunk as a fish, as drunk as a billed owl* (literally: as drunk as a calf); *patrits yak celye na novu kapuru: like a dying pig in a thunderstorm* (literally: looking like a calf at a new gate; to be completely baffled); *umilne tselye (tselyatko) dva kravi tsitsa*: he plays both sides (literally: a sweet calf sucks two cows); *piyani yak tselye*: very drunk (literally: as drunk as a calf); *yak tselye pri tsitski*: to attach to somebody (as a calf to cow's udder); *i krava starsha a tselyetsu rits lyizhe*: sometimes old people must respect youth (literally: a cow is older but it licks a calf's rear); *ked poshla krava nay idze i tselye*: when we gave so much money let's give a little more (literally: when a cow went away let a calf go away as well).

HAD – *noshits hada u pershokh*: to shelter somebody who turns out to be ungrateful; *sichats yak had*: to use bad language; *ists hadovi do piskokh, stanuts hadovi na khvost*: to get into trouble.

HOLUB – *lyepshe tashchok u ruki yak holub na dreve: a bird in the hand is worth two in the bush* (literally: a bird in the hand is better than a pigeon in the tree).

HUSKA – *yak na husku voda, yak ked na husku vodi plyushnye*: he has no influence on anyone (literally: as water on a goose); *nye za huski sheno (bo ho roztzahayu)*: it is not for you (literally: hay is not for geese).

HUSHE – bezhits yak hushe za yahodu: unrestrainably run (literally: as a gosling to mulberry fruit).

KHROBAK – *mats khrobaka u hlavi: to have a bee in one's bonnet* (literally: he has a worm in his head).

YAHNYATKO – zhertvene yahnyatko: sacrificial lamb; vovk u yahnyatkovoy skori: a wolf in a lamb's skin

KACHE – bridke kache: ugly duckling; zmoknuti yak kache: to get drenched (literally: as a duckling); bezhits yak kache (kachata) za yahodu: unrestrainably run to do something usually bad (literally: as a duckling to mulberry fruit); nye za kachata machanka: it is not for you (literally: sauce is not for ducklings).

KANDUR – patriits (pazherits she) yak kandur na kolbasi (slanyinu): his mouth is watering (literally: as tomcat's mouth to sausages or bacon); dali kandurovi kolbasi chuvats: they made a mistake (literally: they let a tomcat to guard sausages); khodzits yak kandur kolo kolbasokh: to walk around all the time (literally: as a tomcat around sausages).

KACHKA – pravi she zlata kachka: to be nice only in special occasions (literally: pretends to be a golden duck).

KON' – robits yak kon': to work like a horse; darovanomu kon'ovi she nye patri do zubokh: do not look a gift horse in the mouth; troyanski kon': Trojan horse; buts na kon'u (kon'ove): be successful (literally: to be on a horse); spadnuts z kon'a na magartsa (osla): out of the frying pan into the fire (or: to be moved down to a lower rank; literally: as from horseback to donkeyback); to anyi kon' nye mozhe vitrimats: that's more than flesh and blood can stand (literally: that can not be endured even by a horse); virobeni yak kon': worn-out (literally: as a horse); von nye mozhe baylagovats z kon'om: he can not control it (literally: he can not ride a horse).

KOZA – i koza sita i kapusta tsala: everyone is satisfied (literally: both the goat is full and the cabbage has not been touched).

KRAVA – krava: cow ("stupid, clumsy woman"); umilne celye (celyatko) dva kravi tsitsa: he plays both sides (literally: a sweet calf sucks two cows); ya nye krava za doyenye: I am not made of money (literally: I am not a cow to be milked); i charna krava dava bile mlyeko: it is all the same (literally: a black cow also gives white milk); dobra zhena yak tota krava tso do polnoho zhokhtara virgnye: she only seems to be a good woman (literally: she is as a good woman as the cow that spills milked milk); i krava starsha a tselyetsu rits lyizhe: sometimes old people must respect youth (literally: a cow is older but it licks a calf's rear); ked poshla krava nay idze i tselye: when we gave so much money let's give a little more (literally: when a cow went away let a calf go away as well); nye stoyi tsi krava na nohi: be more patient (literally: a cow does not stand

on your foot); nye chuval ya z tobu kravi: we are not that close (or: we are not on an equal footing; literally: I did not watch over cows with you); shvechi tsi yak kravi shedlo: it does not become you (literally: it becomes you as a saddle becomes a cow); rozrutsats (roztrests) yak krava vihrizki: to make a mass (literally: as a cow after eating its food).

KROKODIL – krokodilski slizi: crocodile tears.

KURA – rozumi she yak kura do piva: he doesn't understand anything (or: it is Greek to him; literally: he understands it as a hen understands beer); i shlyepey kuri she uydze zarno: sometimes even a person who has no qualifications (gift) for a job may be successful (literally: even a blind hen finds a grain); yomu kura a mnye vaytso: you gave the bigger and the better to him (literally: a hen to him and an egg to me); krutsi she yak kura z vaytsom: he walks around not knowing what to do (literally: as a hen with an egg); lyehats z kurami: to go to bed very early (literally: to lie down with hens); shedats yak kura na banti: to know when to withdraw (literally: to sit as a hen in its chicken house); od starey kuri lyepsha yushka: old wine is best (literally: the soup is better from an old hen).

KURCHE – zamervic she yak kurche do klocha: to get into a difficult situation (literally: like a chicken in tow); uchi kurche kvoku: he tries to explain something to someone who knows it better (literally: a chicken teaches a hen).

LASTOVKA – persha lastovka nye prinoshi yar: one swallow does not make spring.

LEBED – lebedova pisnya: swan song.

LYISHKA – hamishni (lukavi) yak lyishka: cunning (literally: as a fox).

LYEV – yak lyev: like a lion.

MAGARETS / OSEL – *tvardohlavi yak magarets: as stubborn as a mule*; pravits dakoho magartsom, pravits (robits) z dakoho magartsa: to make a fool out of somebody (literally: to make a donkey out of somebody); stoyi yak magarets medzi ovtsami: stands and works nothing (literally: stands as a donkey among sheep); dats (cherats) konya za magartsa: to give a more valuable thing for a less valuable one (literally: to give a horse for a donkey); pravits z mukhi magartsa: to make a mountain out of a molehill (literally: to make a donkey out of a fly); spadnuts z konya na magartsa: out of the frying pan into the fire (or: to be moved down to a lower rank; literally: as from horseback to donkeyback); to anyi magarets nye mozhe vitrimats: that's more than flesh and blood can stand (literally: that can not be endured even by a donkey); stari yak stari magarets: very old (literally: as old as an old donkey).

MACHKA – ked machki nyet mishi po hizhi behayu: when the cat is away, the mice will play; vadza (skladayu) she yak pes i machka: to fight

like cats and dogs; *kupic mačku u mehu*: to buy a pig in a poke (literally: to buy a cat in a sack); bavits she z dakim yak machka z mishu (mishom): to play with somebody (literally: as a cat with mouse); ked tse machka nye preskochi: uncertain expectation (literally: if a cat does not jump over you).

MAYMUN – spravovats she yak maymun, virabyac yak maymun: to play the ape, to act like a monkey.

MEDVEDZ – zrobic dakomu medvedzhu usluhu: to do somebody a disservice (literally: to do somebody a bear's favour).

MAZGA – tvardohlavi yak mazga: as stubborn as a mule.

MISH / MISHA – ked machki nyet, mishi po hizhi behayu: when the cat is away, the mice will play; holi yak mish: to be as poor as a church mouse; zmoknuti jak miš / miša: to get drenched (literally: as a mouse); menshi od misha: very small (literally: smaller than a mouse); skrits she do mishovey dziri: to withdraw into a shell (literally: to hide in a mouse hole); tsikho ye yak mish u dziri: he is silent (literally: as a mouse in a mouse hole); nye vidno tse yak biloho misha: you can not be seen (literally: like a white mouse).

MUKHA – umerali (padali) yak mukhi: they died (dropped) like flies; *zabits z yednim vderen òm dva mukhi*: to kill two birds with one stone (literally: to kill two flies with one blow); pravits z mukhi magartsa: to make a mountain out of a molehill (literally: to make a donkey out of a fly); zaplyests she yak mukha do pauchini: to get into a difficult situation (literally: like a fly in spider's web); lyipnyu she na nyu yak mukhi na med: many boys stick with her (literally: as flies to honey); znats od choho mukhi zdikhayu: he always finds a solution (literally: he knows what makes flies die); von zabiva mukhi: he works nothing (literally: he kills flies).

OSA – osovo (oshe) hnyizdo: wasp's nest, *hornet's nest*; nye *rushaj osovo (oshe) hnyizdo*: let sleeping dogs lie (literally: do not touch wasp's nest).

OVTSA – charna ovtsa: black sheep; stratsena ovtsa: lost sheep; vovk u ovchey skori: a wolf in sheep's clothing; nye chuval ya z tobu ovtsi: we are not that close (or: we are not on an equal footing; literally: I did not tend sheep with you); zverits ovtsi vovkovi: to have no confidence in someone (literally: to commit sheep to wolf's care).

PAPAGAY – nauchits datso yak papagay: to learn something like a parrot.

PCHOLA – vredni yak pchol(k)a: a busy as a bee.

PES – yak pes na lantsu: like a chained dog; vadza (skladayu) she yak pes i machka: to fight like cats and dogs; rutsits psom: to throw to the dogs; pes khtori vel'o breshe, nye kusa: barking dogs don't bite; *hladni yak pes*: as hungry as a bear (literally: as a dog); znats od choho psi zdikhayu: he always finds a solution (literally: he knows what makes dogs die); to bi anyi pes na khvost nye pozberal: no one would swallow

that story (literally: even a dog will not collect it with its tail); anyi bi ho pes nye prebrekhal: he talks too much (literally: a dog would not outbark him); anyi pes nye zbrekhnye na n`ho: nobody will pay attention to him (literally: a dog would not bark at him); hrikh psa vihnats vonka: it is bad weather (literally: it is a sin to send a dog out of a house); virni yak pes: faithful (literally: as a dog); treba tsi to yak psu piyata noha: you do not need it (literally: you need it as a dog needs the fifth leg); zhits yak pes na pazdzerchu: to have a hard life (literally: to live like a dog on boon of flax); nabits dakoho yak psa: to beat up black-and-blue, to beat mercilessly (literally: to beat someone like a dog); nahnyiwal she yak babin pes: he got very angry (literally: he got angry as granny's dog); nye budze zoz psa slanyina: nothing will become of him (literally: you will never make bacon of a dog); nye ver psu anyi ked shpi: do not trust a bad man (literally: a dog even when it sleeps); pes psa pozna: a bad man recognizes another bad man easily (literally: a dog recognizes a dog); poysts yak pes z kostsu (pshim lyitsom): to go away discouraged (literally: to go away as a dog with a bone or with dog's face); pridze i na psa mraz, chekay pshe nye budze vshe tak: he will have bad days too (literally: frost will cause injuries to a dog as well; wait, dog, it will not be always like this); pushch psa pod stol vigrabe she na stol: ungrateful persons always want more (literally: When you let a dog go under the table it will get on the table); tsiganyi yak pes: he always lies (literally: he lies as a dog); shvechi yak psovi dzvonchok (piyata noha): that does not become him (literally: that becomes him like a bell or the fifth leg becomes a dog); khodzi yak kurti pes: he always looks for something (literally: he walks like a tailless dog).

PRASHE – yests yak prashe: to make a pig of oneself; nashey shvinyi prashe: our man (literally: our swine's pig); buts trinaste prashe: to be unnecessary (literally: to be the thirteenth pig)

PREPILKA – yomu tuzok a mnye prepilku: you gave the bigger and the better to him (literally: a bustard to him and a quail to me).

PTITSA – ptitsa selyidbenyitsa: bird of passage; shpivats yak ptichka: to sing like a bird; yak ptitsa nyebesna: to do something like a bird; *yak ptitsa na konare: like a fish in water* (literally: like a bird on a branch); ptitsa she po piryu pozna: appearances tell (literally: one can recognize a bird by its feathers).

RIBA – vel`ka riba: big fish; drobna riba (ribka): small fish; yak riba na sukhim (na brehu): he is like a fish out of water; yak riba u vodi: like a fish in water; *buts tsikho yak riba: he is as quiet as a mouse* (literally: be as quiet as fish); u tey vodi plyiva riba: that's the heart of the matter (literally: that's the water a fish swims in); odnyimats she yak riba na sukhim: to try hard (literally: strive for water like a fish on dry soil);

tsvenka yak riba: it is easy to catch him (literally: he can be caught as a fish); od hlavi riba shmerdzi: the problems start at top (literally: a fish starts to smell from its head).

SOKOL – *oko sokolovo: an eagle's eye* (a falcon's eye).

SLON – *pravits z mukhi slona: to make a mountain out of a molehill* (literally: to make an elephant out of a fly).

SHVINYA – *piyani yak shvinya: as drunk as a fish, as drunk as a billed owl* (literally: as drunk as a pig); nye chuval ya z tobu shvyni: we are not that close (or: we are not on an equal footing; literally: I did not watch over pigs with you); shvin'ski obichay: indecent behaviour (literally: pig's habit); oblyech shvinyu do zlata, a vona poydze do blata: he can not change (literally: even if a pig wore clothes made of gold it would go into mud); tsaha she yak shvin'ski chereva: he walks slowly (literally: he drags his feet as pig's guts drag); nashey shvyni prashe: our man (literally: our swine's pig).

TASHCHOK – *lyepshe tashchok u ruki yak holub na dreve: a bird in the hand is worth two in the bush* (literally: a bird in the hand is better than a pigeon in the tree); nyich mu nye khibi lyem tashche mlyeko: he has everything (literally: he lacks nothing but sparrow's milk); dhe she tashchok lyahnye tam ho nazad tsahnye: a man always becomes homesick (literally: a sparrow always wants to go back to the place where it lays eggs).

TUZOK – *yomu tuzok a mnye prepilku: you gave the bigger and the better to him* (literally: a bustard to him and a quail to me).

USHA / VSHA – *tsikho ye yak usha / vsha u khrasti: he is as quiet as a mouse* (literally: he is as quiet as a louse in crust).

VIDRA – *Rusin yak vidra: a Rusin is a resourceful person* (literally: a Rusin is like an otter).

VOL – *von vol: he is an ox* ("stupid person"); *robits yak vol: to work like a horse* (literally: to work as an ox); *yests yak vol: to eat too much* (literally: to eat as an ox); *dats dakomu yak volovi: to give somebody too much to eat* (literally: to give somebody to eat as an ox); *preysts yak vol: to pass by someone without greeting* (literally: to pass by like an ox); *chezhko tomu domu (domovi) dhe rozkazuye krava volovi: it is bad for a house in which a woman commands* (literally: it is bad for a house in which a cow commands an ox).

VOVK / FARKASH – *hladni yak vovk: as hungry as a wolf; buts hladni yak vovk: to have a wolf in the stomach; vovk (farkash) shersts menya, alye norov nyigda: a wolf changes its appearance but never its character; vovk u ovchey skori: a wolf in sheep's clothing; budzits vovka khtori shpi: to wake a sleeping wolf; zverits ovtsi vovkovi: to have no confidence in someone* (literally: to commit sheep to wolf's care); *patriits yak (zbeshnyeti) vovk: be very angry* (literally: to look like a mad wolf).



VRANA – *bila vrana: black sheep*; *vrana vrani oko nye vidzhubnye*: people of the same kind will not harm themselves (literally: a crow will not peck an eye out to another crow).

ZAYATS – *boyazhlyivi yakzayats*: as timid as a hare; *zabits naraz dva zayatsi*: to kill two birds with one stone (literally: to kill two rabbits with one shot); *u tim lyezhi zayats*: that's the heart of the matter (literally: that is where a rabbit lies); *zayacha dusha (shertso)*: real coward (rabbit's soul or heart).

ZHABA – *zhabu nye treba honyits do vodi*: it is easy to persuade him (literally: you do not have to drive a frog into water); *klyipka yak zhaba* u mutlyanki: he blinks the eyes (literally: he blinks like a frog in mud); *nye modlyel she dyido babi nye budzem she ya yedney zhabi*: you are not worthy of begging (literally: a grandpa did not beg grandma and I shall not beg a frog); *zhimni yak zhaba*: he is a cold person (literally: he is as cold as a frog); *naduti yak zhaba*: he is full of conceit (literally: he has become swollen as a frog).

## Result Analysis

We have inventoried 190 Rusin idioms containing names of animals or parts of animals. 54 names of animals are included in the Rusin idioms. The most frequent ones are: *pes* (dog) – in 23 idioms; *krava* (cow) – in 11; *riba* (fish) – in 9; *kon`* (horse) and *magarets* (donkey) – in 8; *tselye* (calf), *kura* (hen), *mish* (mouse), *mukha* (fly) and *vovk* (wolf) – in 7; *shvinja* (swine) and *vol* (ox) in 6; *ahnets / baranche / yahnyatko* (lamb), *machka* (cat), *ovtsa* (sheep), *ptitsa* (bird), *zhaba* (frog) – in 5; *buyak* (bull), *kache* (duckling), and *zayac* (rabbit) in 4 etc. Each animal included in Rusin idioms present a common reference point that in time triggered the same association in the minds of native speakers and gives a piece of information of their experience.

There are 46 English counterparts containing the same animal names: *wolf* and *lamb* – 5 times; *dog* and *fish* – 4 times; *horse*, *sheep* and *bird* – 3 times; *cat* and *mouse* – 2 times; *bull*, *duckling*, *cow*, *crocodile*, *swallow*, *swan*, *fox*, *lion*, *monkey / ape*, *mule*, *fly*, *wasp / hornet*, *parrot*, *bee*, *pig*, *ox* and *hare* – once. Some counterparts, such as those with *wolf*, *lamb*, *dog* and *fish* are identical (for ex. *vovk u ovchey skori*: a wolf in sheep's clothing; *vadza she yak pes i machka*: to fight like cats and dogs; *yak riba u vodi*: like a fish in water; *zhertvene yahnyatko*: sacrificial lamb). This almost perfect equivalency points to similar life experience that the speakers of Rusin and English shared in the past.

There are 20 English counterparts containing different animal names. Only *fish* appears three times; *fish* conveys the meanings “drunk” (< *tselye*), “quiet” (< *riba*) and “free” (< *ptitsa*). *Bee*, *bird* and *mouse* appear



twice. *Bee* is used instead of “bug” and “worm” in somebody’s head, *bird* is used instead of “sparrow” and “fly”, and *mouse* instead of “fish” and “louse” conveying the meaning “quiet”. The following animal names are used only once: *buffalo, owl, mule, pig, dog, bear, mouse, eagle, horse*.

There are 124 English counterparts not containing animal names. In these cases the counterparts convey the basic meanings of Rusin idioms. Literal translations of Rusin idioms have been provided in order to present their structure.

Animals in idioms of both languages often embody particular features, for ex. dogs represent people who are faithful or people who have a hard life since they are chained and depend on their masters; sheep represent stupid and naive persons; pigs are dirty and unpleasant; wolves are dangerous and evil; bees are hard-working; rabbits are fast and afraid; foxes are cunning etc.

## Conclusions

Out of 190 Rusin idioms containing names of animals or parts of animals 46 English counterparts contain the same animal names, which makes 24.2 % (or about one fourth) of the research corpus, and 20 English counterparts contain different animal names, which makes 10.5 % (or about one tenth) of the research corpus. Generally speaking, English counterparts of Rusin animal idioms which do not exhibit animal names make two thirds of the research corpus. The use of different terms to express the same things is mostly determined by the cultural difference between the Rusin and the English societies.

We believe that this kind of research is very helpful for translators into English and translators into the Bachka-Srem Rusin. We also believe that the contrastive analysis has enabled students to be aware of similarities and differences in Rusin and English animal idioms to a great extent. Idioms of a language are not easy to master and further research is needed.

## REFERENCES

- Baker, M. & Saldahna, G. (eds) (2011) *Routledge Encyclopaedia of Translation Studies*. London; New York: Routledge.
- Baron, N. (2001) *Alphabet to Email: How Written English Evolved and Where It's Heading*. London: Routledge.
- Benson, M. (1977) *Srpskohrvatsko-engleski rechnik* [Serbocroatian-English Dictionary]. Belgrade: Prosveta.

Crystal, D. (2001) *Language and the Internet*. London: Cambridge University Press.

Fejsa, M. (1990) *Anglijski elementi u ruskim yaziku* [English Elements in the Rusin Language]. Novi Sad: Ruske slovo.

Fejsa, M. (2010) *Nova Srbija i nyena rusinska manyina / Nova Serbiya i yey ruska menshina* [The New Serbia and Its Rusin Minority]. Novi Sad: IK Prometey & KPD DOK.

Hornby, A. (1977) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford University Press.

Ivanovska B. & Groszler, A. (2011) Animal Idioms In German and Their Macedonian Equivalents. In: Tochanats D. & Gudurich S. (eds) *Primenyena lingvistika danas – izmedyu teoriye i prakse*. Novi Sad: Drushtvo za primenyenu lingvistiku Srbiye, Filozofski fakultet u Novom Sadu & Filoloshki fakultet u Beogradu. pp. 27–36.

Koller, W. (1979) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle and Meyer.

Panou, D. (2013) Equivalence in Translation Theories: A Critical Evaluation. *Theory and Practice in Language Studies*. 3 (1). pp. 1–6. DOI: 10.4304/tpls.3.1.1-6

Ramach, Yu., Fejsa, M. & Medyeshi, H. (1995) *Srpsko-rusinski rechnik / Serbsko-ruski slovniki* [Serbian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Novi Sad: Univerzitet u Novim Sadze – Filozofski fakultet – Katedra za ruski yazik i literaturu & Druzhtvo za ruski yazik i literaturu.

Ramach, Yu., Fejsa, M. & Medyeshi, H. (1997) *Srpsko-rusinski rechnik / Serbsko-ruski slovniki* [Serbian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Belgrade: Zavod za uchebnyiki i nastavni sredstva, Univerzitet u Novim Sadze – Filozofski fakultet – Katedra za ruski yazik i literaturu & Druzhtvo za ruski yazik i literaturu.

Ristich, S., Simich, Zh. & Popovich V. (1974) *An English-Serbocroatian Dictionary / Entsiklopediski englesko-srpskohrvatski rechnik*. Vol. I-II. Belgrade: Prosveta.

Ramach, Yu. (2002) *Gramatika ruskoho yazika* [Grammar of the Rusin Language]. Belgrade: Zavod za udzhenike i nastavna sredstva.

Ramach, Yu., Timko-Dyitko, O., Medyeshi, H. & Fejsa, M. (2010) *Rusko-serbski slovniki / Rusinsko-srpski rechnik* [Rusin-Serbian Dictionary]. Novi Sad: Univerzitet u Novim Sadze – Filozofski fakultet – Katedra za ruski yazik i literaturu & Zavod za kulturu voyvodyanskih Rusnacokh.

Varga, A. & Groszler, A. (2008) Animal Idioms and Their Romanian Equivalents. *Lucrări științifice*. 40 (3). pp. 369–373.

**Mikhailo Feysa** – University of Novi Sad (Serbia).

**Фейса Михайло** – доктор лингвистических наук, профессор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета Нового Сада (Сербия).

**E-mail:** fejsam@gmail.com

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/16

## МОРФОНОЛОГІЯ РУСИНЬСЬКОГО ЯЗЫКА: СУЧАСНИЙ СТАВ І ВЫСЛІДКЫ БАДАНЯ

**К. Копорова**

Пряшівска універзіта у Пряшові –  
Інштітут русиньского языка і културы  
ул. 17. новембра, 15, Пряшів, 08005, Словенско  
E-mail: kkorov@gmail.com

### Резюме

В статі пробуєме дефіновати на выбратых прикладах русиньських назывників, придавників і часослов проблематику морфонології як релативно нового приступу к морфемній будові слова. Іншпіруєме ся чеськыма і російскыма лінгвістами і їх розумінєм морфонології як гранічної дісціпліны меджі фонологієв і морфологієв. Морфонологія стоїть десь меджі фонологієв і морфологієв. Кедь фонологія досліджує фонемы і їх функції в сістемі языка, а морфологія досліджує формы словозміны в сістемі языка, так предметом досліджованя морфонології суть фонемы в їх соодношіню з морфемами і словоформами. Нато, жебы пройти путь од фонології ід ґраматіці, не є важне знати, яке є конкретне значіння морфа, лем є важне знати, ці тото значіння екзістує або нїт. Обсяг значіння ся потім одкрыє на пути од слова ці словоформы ку ґраматіці.

**Ключовы слова:** русиньський язык на Словакії, морфонологія, морф, морфемна будова слова.

# **МОРФОНОЛОГИЯ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**К. Копорова**

Пряшевский университет в Пряшеве –  
Институт русинского языка и культуры  
Словакия, 08005, Пряшев, ул. 17 ноября, 15  
E-mail: kkorovov@gmail.com

## **Авторское резюме**

В статье мы пробуем определить на выбранных нами примерах русинских существительных, прилагательных и глаголов проблематику морфонологии как относительно нового подхода к морфемному строению слова. Мы опираемся на понимание морфонологии как пограничной дисциплины между фонологией и морфологией в представлении чешских и русских лингвистов. Если фонология исследует фонемы и их функции в языковой системе, а морфология исследует словесные формы в языковой системе, предметом исследования морфонологии являются фонемы в их связи с морфемами и словоформами. Чтобы перейти от фонологии к грамматике, не важно знать конкретное значение морфа, но важно знать, существует ли это значение. Содержание значения затем появляется на пути от слова (или его формы) к грамматике.

**Ключевые слова:** русинский язык в Словакии, морфонология, морф, морфемное строение слова.

## **MORPHONOLOGY OF RUSIN: CURRENT STATE AND RESEARCH RESULTS**

**K. Kaporova**

University of Prešov – Institute of Rusin Language and Culture  
15 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia  
E-mail: kkorovov@gmail.com

### Abstract

Using selected examples of Rusin nouns, adjectives and verbs, the paper defines morphophonology as a relatively new approach to the morphemic structure of words. The authors were inspired by Czech and Rusin linguists and their perception of morphophonology as an interdisciplinary field connecting phonology and morphology. Morphophonology is a boundary discipline between phonology and morphology. If phonology examines phonemes and their function in the language system and morphology examines the verbal forms in the language system, the subject of morphophonology research is phonemes in their relationship with morphemes and word forms. In order to go from phonology to grammar, it is not important to know the specific meaning of morph, but it is important to know whether or not that meaning exists. The content of meaning then appears on the road from the word (or its shape) to grammar.

**Keywords:** Rusin language in Slovakia, morphophonology, morph, morphemic structure of words.

**Морфонологія як научна дисципліна.** Морфонологія як самостатна дисципліна, в котрій ся досліджують елементи штруктури **морфів**, **морфем** і **словоформ** (точніше – їх фонемна штруктура, їх алтернація в тотожных елементах і їх споєвання на стыках морфем), ся виділила в лінгвістіці лем недавно. Морфонологія стоїть десь меджі **фонологієв** і **морфологієв**. Кедь фонологія досліджує фонемы і їх функції в системі языка, а морфологія досліджує форми словозміны в системі языка, так предметом досліджованя морфонології суть фонемы в їх соодношіню з морфемами і словоформами. Як справно твердить Ю.С. Степанов (Степанов 1975: 111), морфонологія стоїть десь в середині пути меджі фонологієв і ґраматіков з єдиніцєв ей баданя – **морфом**, котрый є гранічнов значімов частєв слова або словоформи, т. є. частєв слова далше неділимов без страты свого значіня. Нато, жебы пройти путь од фонології ід ґраматіці, не є важне знати, яке є конкретне значіня морфа, лем є важне знати, ці тото значіня екзістує або нїт. Обсяг значіня ся потім одкрыє на пути од слова ці словоформи ку ґраматіці.

**Термін морф і принцип виділення морфів.** Термін **морф** (і остатні терміны з ним споєны як **аломорф**, респ. **варіант морфа**) были зареґістрованы в лінгвістіці релатівно недавно (в 40-х рр. 20. ст. в америцькій дескриптивній лінгвістіці), зато панує іщі шырока рознородость в толкованю понятя морфонології і ей основної єдиніці – морфа. З нашого погляду, в сучасности в лінгвістіці переважає замір, **вычлєнити шырше учіня о значімых частях слов ці словоформ – морфах і морфемах, а то – морфеміку. Тоты значімы части слов / словоформ (котры суть предметом баданя морфонології) ся можуть досліджо-**

вати з розлічних поглядів: з погляду штруктуры (будованя) морфів і з погляду формалных закономірностей, характерізуючіх споёваня морфів у словоформі. Фунґованя морфем – то уж є предметом словотворіня і формотворіня (Плішкова 2015: 135–188). З того можеме зробити ясне заключіня: морфема є конкретнов реалізаціёв морфа у слові.

**Морф ся стає морфемов аж при ёго фунґованю у словотворіню і формотворіню.** К установліню морфа можеме дійти з двох боків: од векшых єдиніць як є він самотный – од слов, словоформ і словных споінь і од єдиніць меншых од нёго – звуків і фонем. Мы рішили преферовати першый способ.

Записати морф можеме розлічними способами:

а) хосновати звичайный ортографічний запис, напр.: *ряд*: ***p'am – p'ad***;  
б) записовати лем фонемы морфа (фонемный запис), напр.: *дѣтський*: ***д'іт'-ск-ыј***;

в) вызначовати каждый варіант фонемы в морфі – алофон (алофонный / фонетічний запис), напр.: *дѣтський*: ***д'іц'-к-ыј***; *розджамити*: *рож – жам – и<sup>е</sup> – ти<sup>і</sup>*.

Далше є потребне дати курту характерістіку прінціпів выділєваня морфів у словоформах, стотожнёваня слов і морфем, а тыж указати рекомендованы виды морфем. Морфы ся выділюють із зложіня словоформ. Словоформа є єдна із маніфестацій (видів екзистенції) слова. Словоформа ся выділює в тоці речі як значімый одрізок, характерізований двома даностями: 1) релатівнов слободов перемішіня в тоці речі; 2) непроникливостёв (непропустностёв), т. зн. неспособностёв впускати водну до себе даякы значімы одрізкы речі, маючі першу даность – слободу перемішіня в тоці речі. У сінсемантічных слов перша даность ся проявлять барз огранічено, або ся цалком не проявлять. Напр., споія: *хыжа стоіть на бережку* – ся складать із штирѣх словоформ: 1) **хыжа**, 2) **стоіть**, 3) **на**, 4) **бережку** – бо каждая з них має істе (даяке) значіня, причім одрізкы того споія *хыжа*, *стоіть*, *на бережку* суть способны перемішовати ся в одношіню єдного к другому (порів.: *на бережку стоіть хыжа*, *стоіть хыжа на бережку* і т.п.). Лемже одрізок *на бережку* може впускати меджі себе другы (іншы) слова, про котры є характерна перша даность значімого одрізку словоформы (порів.: *на высокім бережку*, *на маленькім бережку* і т.п.), што нам потверджує, же *на* не діспонує першов даностёв словоформы, але і так є самостатным одрізком току речі. Порівняня семантічно і формално соодносных (помірных) слов і словоформ указує ся на граніці їх значімых частей. Лінгвісты то демонструють звичайно на формах розлічных автосемантічных частей речі (Степанов 1975: 112; Шведова 1980: 172–190; Dokulil a col. 1986: 178 і ін.). Мы сі то укажеме на прикладах порівняня адьєктивных словоформ тіпу *твердоватый* –

*твердовата – твердоватого; тісноватый – тісновата – тісноватого (глуховатый, туповатый, узковатый і т.д.)*, котры доволують в них виділити общу значіму часть *твердоват-, тісноват-* (в термінології словотворіння – словотворну основу (Ямбур, Плїшкова, Копорова 2016: 153) і єднакы значімы части *-ый, -а, -ого* (в термінології словотворіння – словотворный формант (Ямбур, Плїшкова, Копорова 2016: 153). Лемже тоты єднакы части можеме виділити і в словоформах тіпу *стар-ый – стар-а – стар-ого; нов-ый, нов-а, нов-ого* і т.д. Сучасні але порівняня словоформи тіпу *глуховатый* із словоформами тіпу *глух-ый, глух-а, глух-ого; нов-ый, нов-а, нов-ого* дає можность в першім тіпі прикладів словоформ вычленити аж три значімы части *глух-оват-ый* (три морфемы: корінєву, суфіксалну і флективну), а в другім лем дві: *глух-ый, -а, -ого* (дві морфемы: корінєву і флективну).

Далше членіння даного тіпу словоформ не є можне, затоже ниякий другый звуковий комплекс, виділёваний у тім тіпі словоформ, не діспонує таким значінєм, котре бы вытваряло составну часть слов указанного тіпу. З того виходить, же виділёваны значімы составны части даного тіпу словоформ суть мінімалны.

**Мінімална значіма часть словоформи, найменша єдиніця плану виражіння, котру мож стотожнити з обсяговим планом, ся называють морфом.** За морфы ся узнавають лем неперерываны послїдовности (слїдуючі за собов) фонем, але морфом може быти ай єдна фонема, котра ся повторює в розлічных словах єднакого тіпу (напр., тематічний морф, флективний морф і т. п.).

Подобный опис і становлїня морфа найдеме і в чеській академічній ґраматіці (Dokulil 1986: 177 і далше), де ся говорить, же кедь розчленюєме поступно слово (словоформу) на все меншы безпосередні составны части, дійдеме к найменшым частям, котры іщі мають знаковый характер, т. зн. же суть іщі охарактерізованы як з боку виражіння, так з боку значіння: *«Takové nejmenší části mající svůj výraz a význam, vyčlenitelné na základě jejich opakování (v různých kombinacích) v jiných slovních tvarech, nazývame morfy»*.

**Морф і морфема.** Може іщі інакше бы сьме могли увести, же морф є єден із формалных підвидів морфемы ці видозмін морфемы, выступаючий в розлічных словах і словоформах. То значить, же морф і морфема суть соодносны (súvisiace) языковы єдиніці: морф є лінеарна єдиніця і може быти безпосереднє вычленена в тоці речі, а морфема є обобщена (згорнута / zovšeobecnená) єдиніця, котрой конкретныма представителями суть морфы (або аломорфы) (*стіл<sup>1</sup>; стіл<sup>2</sup>; стол<sup>1</sup>; стол<sup>2</sup>: стіл-0, стіл<sup>2</sup>-ці, стол-ик, стол<sup>2</sup>-ар*). З того зробиме іщі єдно заключіння, же морфема ся вычленює в слові тогды, кедь в словоформах даного слова ся дасть виділити хочь лем єден морф даной морфемы.

Словоформа ся може складати лем з єдного морфа (*гнєдь, на, бац*) або з дакількох морфів (*нес-у, вод-иц-я, писа-тель-к-а*).

Морфы, з котрых ся складають словоформи русиньского языка, ся ділять на коріньовы і афіксалны. Основным способом словотворіння в русиньскім языку є афіксація (Ямбур, Плїшкова 2004: 179). Афіксалны морфы наслідно ділиме на префіксалны, суфіксалны, інтерфіксалны і флективны.

Але меджі лінгвістами не є єднозначный погляд у термінології – ці, напр., называти єднотливы форми коріньовых морфем, возникаючих при словозміні **морфами** (напр. коріньовы морфы – лексеми *кінь: кон´ – а, кін´ – ск – ый*; ці коріньовы морфы лексеми *дав – и – ти, давл´ – у*), або їх называти лем алтернованыма формами коріньовой морфемы? Напр., словацькый лінгвіста Ян Горецькый про літературный словацькый язык вычленив префіксалны дерівачны морфемы (не морфы), коріньовы морфемы, дерівачны морфемы, модіфікачны морфемы, формовы морфемы, коґруенчны морфемы і релачны морфемы, але тематічны **морфы**, інтерфігованы **морфы** і споюючі **морфы**. Як приклад уводить, же тематічны морфы часослов типу *rozumieť* ся реалізують двома способами (як двойгласный *-ie-*, і як єден гласный *-e-*): *rozum-ie-ť, rozum-e-j*. Подобны часослова того типу: *civ-ie-ť, civ-ie-m, civ-e-l, vy-civ-e-ný* (Ondruš, Sabol 1981: 164–167). Мы ся але приклониме, як сьме высше спомянули, к погляду, же будеме называти ай коріньовы, респ. іншы найменшы значімы єдиніці в їх змінєній реалізації (формов алтернації) **морфами**, а вшыткы тоты морфы (їх взаємне зосполчїня) будуть творити єдну сорту морфемы в єй розлічных реалізаціях. То значіть, же з высшеуведжєных прикладів по два коріньовы морфы *кінь, кон´ і дав, давл´* творять єдну коріньову морфему в розлічных єй реалізаціях у слові.

Коріньовый морф ся становлює через понятя основы, а основа – через понятя флективного і постфіксального морфів.

**Флективныма морфами** в русиньскім языку суть такы морфы, взаємна заміна котрых у словоформах приводить к зміні роду, чїсла, паду і особы, напр.: *жен-а, же-ны, жен-у..., жєн-ы; червен-ый, червен-а, червен-е, червен-ы; пишу-у, пиш-еш, пиш-е, пиш-еме* і т. д. Кажда словоформа русиньского языка обягує в собі не веце як єден флективный морф. Флективны морфы стоять звичайно на кінцю словоформи. По них у словоформах можуть стояти лем морфы типу **-сь, -ська** (*який-сь, хто-ська*).

Основов словоформи ся называють тотя часть словоформи, яка зїстає по одторгнутю флективного морфа і постфіксального морфа. При хыбіню тых морфів основа є матеріално згодна із словоформов.

**Коріньовый морф** є тот морф, котрый є повинно притомный в кожій словоформі і може ся дочїста згоджовати з основов.



**Афікалны морфы** – то суть морфы, неповинно притомны в кождій словоформі і в повности ся нігда не згоджують з основов.

**Афікалны морфы**, находячі ся в складі основы перед коріньовым морфом, ся называють **префікалныма морфами**, а находячі ся меджі коріньовым морфом і флективным морфом ся называють **суфікалныма морфами**. Афікалны морфы, стоячі меджі двома коріньовыма морфами ся называють **інтерфікалныма** (споюючіма) морфами.

З погляду значіння, коріньовы морфы суть протиставлены афікалным морфам тым, же коріньовы морфы суть лексичным ядром словоформи, яке несе ей основне, емінентне значіння. Опроти тому, афікалны морфы мають у словоформі доповнюоче, помічне значіння будь словотворне, або ґраматичне (формотворне), веце обще як коріньовый морф даной словоформи.

**Морфы і аломорфы.** Зосполчіня (споїня) морфів, выступаючих в розлічных словоформах, вытварять морфему тогды, кедь тоты морфы суть в одношіню єден к другому аломорфами або варіантами.

Зосполчіня коріньовых морфів (ай аломорфів або варіантів) вытварять коріньову морфему або корінь словоформи. Споєность таких самых афікалных морфів вытварять афікалну морфему або афікс. Односно їх положіння ці міста в словоформі ся выділюють такы виды афіксів: **флексія (закончіня), постфікс, суфікс, префікс (предпонка) і інтерфікс (споюючий афікс)**. Морфема може быти представлена і єдиным морфом (нелем зосполчінєм), напр.: префікс **вы-** (*вылетіти*), часословна флексія **-у** (ортоґрафічно -у і -ю: *нес-у, кур-ю* і т.д.).

Вшыткы морфемы ся ділять на вязаны і вольны (невязаны). Вольны морфемы суть такы, котры мають хочьлем єден морф, матеріално згодні з основов словоформи (напр., морфема **-рук-** / **-руч-**, де першы з морфів фунгує в основі слова **рук-а**, а далшы все в споїню з іншыма морфами основы: **руч-к-а, руч-н-ый** і т.п.). У функції вольных морфем можуть выступати лем коріні словоформ. К вязаным морфемам ся односять ушыткы афікалны морфемы.

Слово (лексема) ся в русиньскім языку з ґраматичного погляду становлює як зосполчіня словоформ, основы котрых суть тотожны подля значіння і складають ся з тотожных або близких по формі морфів, причім самотны словоформы ся розлічають флективныма морфами або морфами, котры ся споюють до суфіксів, называных словозмінныма. Слово може быти представлене і єдинов словоформов, напр.: *раз, у, но, жаль, ніт* і т.д.

Поки іде о подмінкы ужываня морфів, так в одношіню єден к другому розлічны морфы єдой морфемы (а то той самой) суть або аломорфами, або варіантами (аломорф – од грець. слова *allos* – іншы).

Аломорфами той самой морфемы суть морфы, характерізованы єднозначно такыма признаками (розознаками):

1. Даны морфы мають тотожне (ідентичне) значіння.

2. Тоты морфы суть формално (фонематично) близкы, під чім треба розуміти часточну ідентичність фонем і їх наслідования при таких розділах: а) на місті даякой фонемы неєднофонемного морфа в другім морфі ся обявлять інша фонема, напр.: *низ-к-ый* – *ниж-ин-а*, *молок-о* – *молоч-ник*, *нос-и-ти* – *нош-у* – *вы-наш-ам* – *вы-нес-ти* і т. д.; б) єден з морфів творить часть другого, будучі меншым од нёго на даякий одрізок, творячий ёго зачаток або конець, напр.: **-ова-**, **-ва-**, **-а-** (*высып-ова-ти*, *спозна-ва-ти*, *высып-а-ти-*; *од-*, *одо-* (*од-копнути*, *одо-гнати*); в) єдна із середушніх фонем морфа хыбує в другім морфі (*сон* – *сна*, *день* – *дня*, *пень* – *пня*, *называти* – *назвати* і т. п. (Ябур, Плішкова, Копорова 2015: 42–49).

Указаны признакы можуть фунговати каждый окреме або і ведно, напр.: *писати* – *пишу*, *отець* – *отчій*, *перу* – *прати*, *зову* – *звати* і т. д.

К тому пункту ся жадать припоіти дві **позначкы**:

а) Незгода согласных фонем, протилежных подля крітерія твердості / мягкости, не порушує формалну близкость морфів. Напр., морфы **бра-**, **бер-**, **бер-** (*брати*, *берь*, *бере*) признаєме формално близкыма (т. є. аломорфами).

б) Семантично тотожны (єднакы) морфы, выступаючі в словоформах того самого слова, суть аломорфами незавісно од того, ці вни суть формално близкы, або ні (*ід-у* / *йд-у* – *ішо-в* / *йшо-в* – *іш-ла* / *йш-ла*).

3. Суть позиції, в котрых не може фунговати (выступати) даякий з морфів, бо ёго фунгованя є подмінене сусідніма морфами. Тота подміненость може быти двояка:

а) Формална розділность морфів, котра є подмінена формалнов структуров сусідніх морфів фонемным зложінєм їх зачаточной або концёвой части, зложінєм складів або характером акценту. Напр., з двох аломорфів єдної морфемы **-ств(о)** і **-єств(о)**, тот другый може стояти (фунговати) лем по морфах законченых на свистячий (шыплячий) согласный, але першый не має такы огранічіня, напр.: *божество*, *торжество* і т. п., але – *богатство*, *братство*, *духовенство*, *выдавательство* і т. д. Далє, напр., уміщіня морфів префіксалных морфем тіпу **в-** / **во-** **од-** / **одо-** і т. п. є подмінене множеством і якостєв зачаточных фонем тых морфів, котры слідують по них. Подобно є подмінене поужытя многих суфіксалных морфів єднотливых частей речі. Напр., демінутівы женьского роду з єдного боку хоснують суфіксы **-к-**, **-очк-**, **-оньк-**, а з другого **-енк-**, **-а (-я)** і т. д.

Тота проблематика собі жадать подробный выскум в розділі словотворіня і формотворіня. На ліпше порозумліня даного тверджіня уведеме іші приклад із формотворіня: суфіксалны морфы часослов тіпу на **-а-** / **ај-**, **-е-** / **-еј-**, **-и-** / **-иј-**, **-у-** / **-уј-** і т. д. у формах часованя суть

розміщені так: морфи, што ся кінчать на **а, е, и, у** і т. д., выступають в позиції перед согласныма, а морфи закінчені на **ј** выступають перед гласныма, напр.: *гра-ти* – *грај-уть*, *гни-ти* – *гниј-уть*, *дути*, *біліти* і тд.<sup>1</sup>

б) Формалний розділ не є споєний з формалнов штурктурув сусіднього морфа, але із сусіднім морфом в цілости як носителем істого значіння. Так, напр., суфіксальний морф адъективів **-н** не може стояти по хоцькотрім із суфіксів **-іст-** / **-ист-**, **-іст'-** / **-ист'-** – тогды, кедь тот належить ід субстантивным основам. В тых припадах в адъективах фунгує морф **-ічн-** (хоць в бісідній речі го замінює скоро все словакізм **-іцк-** / **-іц'к-**): *песімістичный*, *ідеалістичный*, *фантастичный* і т. д. Лемже в інших морфах і їх споїнях, законченых на **-ист-** / **-іст-** може морф **-н** без проблемів стояти, напр.: *ненавистный*, *очістный* і тд. При подробній аналізі бы подобных прикладів мож было найти много.

Коріньова морфема часослов тіпу *заморозити* – *заморожовати*, *загородити* – *загороджовати* і т.п. є в інфінітиві представлена двома аломорфами – **мороз-** / **морож-**, **город-** / **городж-**, якы стоять перед суфіксальныма морфами розділных значінь **-и (ти)** і **-ова (ти)**. Коріньова морфема слов *рук-а*, *руч-к-а*, *руч-іш-е*, *руч-н-ый* є представлена аломорфами **рук-** перед ушыткыма флексіями окрем флексії **-і** (де ся жадать морф **руц'-**), **руч** – перед суфіксальныма морфами **-к(а)**, **-іш(е)**, **-н(ый)** (*ручка*, *ручіще*, *ручный*). Коріньова морфема, выступаюча в слові *высокий*, може быти представлена перед розлічныма морфами в розлічных словоформах нееднакыма морфами (**высок-**, **высоч-**, **выш-**, **высот-**), напр.: *высокий*, *высота*, *высочізный*, *высочіна*, *вышина*, *вышка*, *высочество* і т.п. З представлених выше прикладів мож зробити таке заключіння: **морфы, маючі тотожне значіння, формалну (фонематічну) близкость і взаємно замінюючі єден другого в окружіню тых самых морфів суть варіантами морфемы.**

Варіанти ся ділять на повны і часточны. Повны варіанти суть тоты морфы, котры заступують (замінюють) єден другого (або інакше – взаємно ся замінюють). Таке суть, наприклад, флективны морфы **-ах** / **-ох**, **-ам** / **-ім**, **-ыми** / **-ыма** і ін.

Часточныма варіантами называєм морфы, взаємно ся замінюючі лем в окружіню части морфів, кедь залежать од їх формальной штурктуры (як было уведжене в пункті 3 а). В окружіню остатніх морфів фунгує лем єден з часточных варіантів, напр. морфы **-н'(а)**, **-ін'(а)** фунгують так: **-н'** – лем в позиції по гласных, **-ін'** – лем в позиції по согласных.

Часточны варіанти морфемы суть єдночасно і аломорфами, бо в єдних позиціях выступують (фунгують) як аломорфы, а в інших – як варіанти. Морфы – варіанти, таксамо як і аломорфы, суть тотожны подля значіння. Лемже слова з розділныма аломорфами і варіантами, творячі єдну морфему, можуть ся одлишовати штілістично.

З погляду способности взаємной заміны в окружіню тых самых морфів (у вольнім чередованню), морфы той самой морфемы можеме розділити на три тіпы:

1) морфы, якы не можуть заміняти єден другого в окружіню тых самых морфів (аломорфы);

2) морфы, што ся можуть взаємно замінёвати в окружіню части морфів (часточны варіанти);

3) морфы, якы можуть замінити єден другого в оточіню хочьяких морфів (повны варіанти).

Аломорфы і варіанти той самой морфемы можуть фунґовати як во формах того самого слова (напр., *нош-* / *нос-:* *ношу*, *носиш*; *-ак* / *-ац-:* *вояк*, *вояци*; *-роб-* / *-ріб-:* *паробок*, *парібчѣти* і т.п.), так і в розділных рознокоріньовых словах, напр., *-ова-:* *майстровати*, *кралёвати*, *пысковати*, *схвалёвати* і т.д.

Вшыткы тоты аломорфы (варіанти) ся можуть загортати (зачленёвати) до той самой морфемы. Так, напр., суфікс субстантивів муж. роду із значінём зменшености має наслідовны аломорфы: *-ок* / *-ик* / *-чік* / *-очок*:

1) в розлічных словах а) рознокоріньовых: *кілок*, *столик*, *погарчік* і т.п.; б) єднокоріньовых: *дубик* і *дубочок*, *листок* і *листочок*, *погарик* і *погарчік* і т.п.; 2) во формах тых самых слов: *столик*, *столика*, *столики*; *стілчік*, *стілчіка*, *стілчікы* і т.д.

В *Граматіці русиньского языка* в розділі о фонології (Ябур, Плїшкова, Копорова 2015: 42–48) і о словотворіню (Плїшкова 2015: 263–270) суть уведжены аломорфы афіксалных морфем хочь під іншыма термінами, фунґуючі в рознокоріньовых словах, а таксамо вшыткы варіанти афіксалных морфем. Опис аломорфів коріньовых морфем і афіксалных морфем, фунґуючіх в розлічных формах єдного слова є становлений морфонологічным проявлінням, подтвержденным тым або іншым характерістичным фунґованєм розлічных афіксів (алтернація, скорочіння або стягнутя основ і т.п.), што є тыж до значной міры описане в указаных одповідных розділах.

**Заключіня.** Вшыткы афіксы і словоформы языка творять єдину сістему, в котрій ся семантично і формално близкы афіксы і словоформы находят в одношінях будь функціональной тотожности або в протиставлености. Взятя до увагы тых сістемовых одношінь вносить істе доповніня тых установлінь, якы суть сформулованы выше:

1. Слова, якы ся односять к єдній граматічній класі, т. є. части речі, мають єднородну ґарнітуру (єднородный комплет) словоформ.

2. Наприклад, субстантывы мають звичайно дванадцять словоформ в згоді із їх змінёванєм подля чїсел і падів. Тоты словоформы єдного слова мають формално тотожны або близкы морфы основы. Але стрічають ся і словоформы з такыма формами, якы не мають формалну

близкість, но повнять такы самы функції, якы ся звичайно выражають формално близькыма або тотожныма морфами в різних формах того самого слова. Подобны словоформи входять до той сістемы єдно-родных словоформ, яка є характерістична про слова даной части речі. Словоформи з такыма морфами (семантично тотожныма, но з хыбуючов формалнов близькостёв), ся узнавають за форми єдного слова, а самотні такы морфы за аломорфы єдной морфемы. Такыма суть, напр., коріньовы морфы *ід-* / *йд-* з єдного боку і *ішо-* / *йшо-* з другого боку (*ід-у* / *йд-у* – *ішо-в* / *йшо-в*). Таксамо, напр., суфіксалны морфы *-ова-*, *-уј-* в часословах тіпу *куп-ова-ти* – *куп-уј-у*, *малёвати*, *танцёвати*, *хыбовати* і т. д.

3. Основы того самого слова обсягуючі коріньовы морфы, якы не мають формалну близкість, напр.: *чоловік* – *люде*, *іти* / *йти* – *ішов* / *йшов*, *мы* – *нас* і т. д., ся называють суплетівныма морфами.

4. Кедь дакотре значіня (граматічне ці словотворне) ся звичайно в сістемі языка выражать афіксом (флексієв, суфіксом, префіксом) або входять до шору істих, протиставлених єден другому, граматічных значінь выражаних афіксами, так при хыбіню такого афікса і будьяких інших формалных средств, є ту зъявне значіме хыбіня афікса, тогды дане значіня є выражене нуловым афіксалным морфом. За нуловый треба вважати суфікс, хыбуючий в прикладах тіпу *кум-а*, *маркіз-а* і т. п., утворених од субстантивів мужского роду, што видно з порівняня з прикладами тіпу *штудент-к-а*, *учитель-к-а* і т. д. Нулову флексію находиме у формах ґенітиву плуралу словоформ тіпу: *рук*, *стїн*, *ніг* і т. д., што видиме на сістемі форм тых субстантивів, напр.: *стїн-а*, *стїн-ы*, *стїн-ї...* *стїн-О*. Нуловый словотворчий суфіксалный морф можеме виділити в основі презенса часослов тіпу *буд-и-ти*, *суд-и-ти* / *буджу-у*, *судж-у* і т. д. в порівнянню к часословам тіпу: *біл'-и-ти* / *біл'-іж-у*, де суть суфікси во вшиткых формах. Приклады нулового флексивного морфа суть часты в нашім языку напр. при творіню трёх тіпів форм імперативу: *встан'-О*, *зроб'-О*, *читай'-О* і т. д. Графічне означіня нулового морфа є звичайно – *О*. В ортографії зистає невыраженим.

## ПРИМЕЧАНИЕ

1. В ортографічній подобі відповідны основы суть ідентічны, напр.: *гра-ють/гра-ла*, *гни-ють/гни-ла*, *ду-ють/ду-ла* і т. д.

## ЛІТЕРАТУРА

Dokulil 1986 – Dokulil M., Horálek K., Hůrková J., Knappová M., Petr J. a kol. *Mluvnice češtiny I. Fonetika, fonologie, morfeimika a morfonologie. Tvoření slov*. Praha, 1986. 568 s.

Ondruš, Sabol 1980 – Ondruš Š., Sabol J. *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava: SPN, 1981. 313 s.

Плішкова 2015 – Плішкова А. Лексикологія і словотворіння русинського языка. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інштітут русинського языка і културы, 2015. 194 с.

Степанов 1975 – Степанов Ю.С. *Основы общего языкознания* Изд. II, перераб. М.: 1975, 271 с.

Шведова 1980 – *Русская грамматика*. М.: Наука, 1980. Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Ред. кол.: Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, В.В. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов.

Ябур, Плішкова 2004 – Ябур В., Плішкова А. Літературний язык: Пряшівська Русь. // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Русинський язык / red. naukowy Paul R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut filologii Polskiej, 2004, доповнене видання з даякима змінами. С. 147–209.

Ябур, Плішкова, Копорова 2015 – Ябур В., Плішкова А., Копорова К. Граматика русинського языка / Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry. 2015. 327 с.

Ябур, Плішкова, Копорова 2016 – Ябур В., Плішкова А., Копорова К. Морфологія і словотворіння русинського языка: високошкольський учебник. Пряшів, 2016. 187 с.

## REFERENCES

Dokulil, M., Horálek, K., Hůrková, J., Knappová, M., Petr, J. et al. (1986) *Mluvnice češtiny I. Fonetika, fonologie, morfeimika a morfonologie. Tvoření slov* [Grammar of Czech I. Phonetics, Phonology, Morphemics and Morphology. Word formation]. Prague: Academia.

Ondruš, Š. & Sabol, J. (1980) *Úvod do štúdia jazykov* [Introduction to language learning]. Bratislava: SPN.

Shvedova, N.Yu., Artyunova, N.D., Ivanov, V.V., Lopatin, B.B. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], Vol. 1. Moscow: Nauka.

Stepanov, Yu.S. (1975) *Osnovy obshchego yazykoznaneya* [Fundamentals of General Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.

Plishkova, A. (2015) *Lexikologia i slovotvorinya rusyn škoho yazyka* [Lexicology and Word Formation in the Rusyn language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2004) Literaturnyy yazyk: Pryashivska Rus' [The literary language. The Preshov Rus']. In: Magocsi, P.R. (ed.) *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Rusynskyi yazyk*. Opole: Uniwersytet Opole – Institute of Polish Philology. pp. 147–209.

Yabur, V., Plishkova, A. & Koporova, K. (2015) *Gramatika rusin'skogo yazyka* [Grammar of the Rusin language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.

Yabur, V., Plishkova, A. & Koporova, K. (2016) *Morfologiya i slovo tvo-rinya rusin'skogo yazyka* [Morphology and Word Formation in the Rusin language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.

**Копорова Кветослава** – доктор философии, лингвист, ассистент Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

**Копорова Кветослава** – филозофії доктор, одборный асистент Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету у Пряшові (Словенско).

**Kvetoslava Koporova** – Institute of Rusin Language and Culture – University of Preshov (Slovakia).

**E-mail:** kkoporov@gmail.com

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/17

## СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ\*

И.В. Тубалова<sup>1</sup>, Х. Ван<sup>2</sup>

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: tina09@inbox.ru

<sup>2</sup> E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

### Авторское резюме

Данное исследование продолжает сравнительный анализ кодовых функций соматизмов в русском, украинском и белорусском фольклоре. В работе в сопоставительном аспекте проанализированы содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских культур, реализованного в русской, украинской, белорусской и русинской лирической песне. Выявлено, что частотность реализации исследуемых единиц в лирических песнях рассматриваемых культур близка, но отдельные значимые различия также имеют место. При этом различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем не связано с различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений). В целом материалы восточнославянских лирических песен подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что национально-культурная специфика реализации соматического кода в восточнославянском фольклоре – не только в силу универсальности рассматриваемого кода, но и в силу близости исследованных культур – практически не проявляется; разница обнаруживается только в некоторых отдельных частных моментах.

**Ключевые слова:** лирическая песня, соматический код, русский, украинский, белорусский, русинский фольклор, национально-культурная специфика.

---

\* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.



# SOMATIC CODE IN EAST SLAVIC LYRICAL SONGS\*

I.V. Tubalova<sup>1</sup>, G. Wang<sup>2</sup>

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup> E-mail: tina09@inbox.ru

<sup>2</sup> E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

## Abstract

This research continues a comparative analysis of the code functions of somatisms in Russian, Ukrainian and Belarusian folklore. The authors carry out a comparative analysis of the content and principles of the somatic code organization in various East Slavic cultures implemented in Russian, Ukrainian, Belarusian and Rusin lyric song. It has been revealed that the frequency of the studied units in the lyrical songs of the cultures under analysis is close, yet some important differences occur. At The difference in the frequency of somatisms in East Slavic lyrical songs of different folklore systems is not related to the difference in the qualitative and quantitative composition of their code functions (values). In general, the materials of East Slavic lyrical songs confirm our earlier conclusion that the national-cultural specificity of the somatic code implementation in East Slavic folklore practically does not appear not only because of the universal character of the code, but also because of the proximity of the cultures. The difference is found only in some particular moments.

**Keywords:** lyrical song, somatic code, Russian, Ukrainian, Belarusian, Rusin folklore, cultural identity.

Данная статья представляет результаты анализа специфики вербальной реализации соматического кода национальной культуры в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях. Работу можно рассматривать как продолжение проведенного ранее исследования реализации этого кода на материале русских, украинских и белорусских пословиц и частушек (Тубалова, Ван 2018a).

Анализ лексических единиц, называющих части тела человека (соматизмов), функционирующих в фольклорном тексте, в свою очередь, вписывается в активно развиваемое в современной славистике исследовательское направление, выявляющее способы «включения

---

\* This research was supported by The Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme Grant.

вербальных компонентов в культурный контекст и их функции в этом контексте» (Толстая 2013: 113).

Обращение к анализу вербальных форм реализации культурного смысла основано на положении о том, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» (Гудков 2004: 42).

**Соматический код** в системе культурных кодов занимает особое положение, что подчеркивается в работах Ю.Д. Апресяна, Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, А.Д. Шмелева и др. Исследователи объясняют это прежде всего тем, что в рамках мифологического мышления тело и его части выступают как объект первичного познания человека (соматический код – наиболее древний из существующих), а экстраполяция результатов этого познания на окружающий мир становится удобной формой его интерпретации («человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» (Красных 2002: 233)). Кроме того, характеризуя принципы формирования соматического кода, исследователи обращают внимание на то, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» (Ойноткинова 2011: 6). Содержание соматического кода культуры в наименьшей степени зависит от внешних условий существования ее носителей (например, природно-ландшафтных, способных влиять на содержание растительного или пространственного кодов) и определяется в основном внутренними духовными принципами ее развития: «Телесный код является универсальным в силу единства анатомии и физиологии всех человеческих существ» (Гудков, Ковшова 2007: 78–79).

Соматизмы как составляющие вербального соматического кода разных национальных культур в настоящее время активно изучаются (Гудков, Ковшова 2007; Дмитриук 2009; Абакумова 2011; Ойноткинова 2011; Кремшокалова 2012; Башкатова 2014; Савченко 2014; Тубалова, Ван 2018а; Тубалова, Ван 2018b; Ван 2019 и др.).

В предыдущем исследовании (Тубалова, Ван 2018а) мы пришли к выводу о том, что содержание и принципы организации вербального соматического кода в восточнославянских пословице и частушке обладают выраженной жанровой спецификой, а национально-культурная специфика его реализации проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Цель данной статьи – сопоставить реализованные в лирических песнях как особом фольклорном жанре принципы организации сома-

тического кода русской, украинской, белорусской и русинской национальных культур и обнаружить сходство и различия в его реализации.

В качестве эмпирического материала для данного исследования выступили тексты русских, украинских, белорусских и русинских лирических песен с соматизмами (386 русских / 220 украинских / 187 белорусских / 106 русинских), выбранные из 12 фольклорных сборников (Шейн 1874; Де-Воллан 1885; Грушевський 1896; Вавилова, Василенко, Игнатов 1987; Колесса 1901; Кравцов, Кулагина 1976; Варганова 1988; Выходцев 1990; Бардина 1997; Іваницький 2008; Хрестаматія 2012; Павленко 2013; Беларускі фальклор 2016).

В связи с тем, что вопрос о привлечении к анализу материалов русинского фольклора в качестве национально специфической вербальной практики требует особого решения, обоснуем условия отбора и квалификации русинской составляющей нашего материала, включающей лирические песни Угорской Руси и Лемковщины (Де-Воллан 1885; Грушевський 1896; Колесса, 1901).

После распада СССР и «бархатных» революций в странах Восточной Европы началось новое русинское Возрождение. Во многих странах проживания русинов признаны их этничность и язык (Катунин 2015a; Катунин 2015b; Катунин 2016; Дуличенко 2017; Копорова 2017; Плішкова, Цітрякова 2017). Поэтому вполне обоснованно выделение в нашем исследовании лирических песен русинского происхождения. Нынешнее русинское Возрождение наиболее активно происходит в польской Лемковщине и т. н. исторической Угорской Руси, включающих территории нынешних Закарпатской области Украины, румынского уезда Марамуреш, Восточной Словакии, сербской Воеводины (Суляк 2019).

В фокусе внимания данного исследования – проблема отражения культурно обусловленных смыслов соматизмов, функционирующих в восточнославянской лирической песне как особом жанре фольклорного дискурса.

**Фольклорный дискурс** обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах особым образом.

Вербальный художественный фольклор представляет собой один из видов культурно-дискурсивных практик. Его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, способствует представлению исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации. Национальный фольклор «не отражает всего многообразия жизненных проявлений отдельного социума, но объектом его фиксации становятся наиболее значимые для него модели мироопределения» (Славянский мир 2009: 197).

Значимость апелляции к национально-культурным кодовым смыслам определяется прежде всего целью фольклорного дискурса: «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» (Эмер 2011: 33).

Интенциональная направленность фольклорного дискурса определяет органичность прямой апелляции к ценностному содержанию национально-культурных кодов как основанию для реализации этой оценки.

Данная специфика фольклорного дискурса уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в особом аспекте, обнаруживающем наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений, что отмечено в целом ряде исследований (Цивьян 1973; Хроленко 1976; Хроленко 1979; Артеменко 1988; Никитина 1993; Путилов 1994; Толстая 1994; Неклюдов 2005; Артеменко 2006; Толстая 2013 и др.).

Активизации кодового смысла единиц, приобретающих в фольклорном дискурсе новые концептуально значимые (кодовые) смыслы, способствует эстетическая жанровая форма фольклора. В нашем предыдущем исследовании (Тубалова, Ван 2018а) мы показали, в чем заключается жанровая специфика реализации кодового смысла соматизмов в восточнославянских пословицах и частушках, проявляющих в исследованных культурах единство жанровых установок. Кроме того, авторами настоящей статьи была описана специфика жанровой реализации соматизмов в русской лирической песне в ее сопоставлении с русской частушкой (Ван 2019).

В данной работе рассмотрим характер их функционирования в качестве кодовых единиц восточнославянских лирических песен, также обнаруживающих единство жанровых функций. Сосредоточимся на решении вопроса о том, обладают ли функции соматизмов в лирической песне восточных славян национально-культурной спецификой и являются ли жанровые задачи их использования едиными для фольклорных систем восточных славян.

Общность формы и содержания устно-поэтического творчества разных народов фольклористика объясняет разными причинами. Среди них – причины историко-генетические (основанные на наличии этнической общности народов), историко-культурные (связанные с наличием длительных культурных связей народов) и историко-типологические (отражающие сходство развития и духовных потребностей народов) (Кравцов, Кулагина 1976).

Формирование гипотезы о единстве реализации в фольклоре восточных славян вербального соматического кода определяется наличием целого ряда факторов, соответствующих всем указанным

причинам. Народы, фольклор которых рассматривается, обладают генетическим сходством, длительно существуют в условиях культурных связей и имеют общие принципы духовного развития. Кроме того, еще один – особый – фактор связан с характером кодирующих знаков, представляющих собой вербальные результаты культурной интерпретации частей тела человека: как отмечено выше, соматический код в наименьшей степени зависит от типа формирующей его культуры в силу неспецифичности устройства человеческого тела.

Исследователи рассматривают жанр лирической песни как активно функционирующий в фольклоре практически всех народов, в т. ч. восточнославянских.

Ю.Н. Соколов определяет **лирические песни** как «народные песни, выражающие личные чувства и настроения поющих» (Соколов 1925: 414). Жанровую направленность лирической песни на выражение эмоций и чувств подчеркивает и Н.П. Колпакова: «Два основных цикла человеческих эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание народных лирических песен» (Колпакова 1962: 207; см. об этом также: Лазутин 1981 и др.).

Основная функция соматизмов в рассматриваемом жанре – посредством участия в описании сюжетных ситуаций, включающих соматические действия, передавать содержание обобщенных эмоций и чувств. Кодовое содержание соматизмов в лирической песне реализуется в соответствии с жанровой установкой на передачу обобщенных эмоций горя и радости, характерных для данного жанра в целом.

Кодовое значение соматизма в лирической песне выражается ассоциативно. В.И. Еремина объясняет это следующим образом: «Символ лирической песни – это символ психологический, поэтому он никогда не может быть точно расшифрован. Нельзя, например, сказать, что образы калины, ракитова куста или реки Смородины равны по своему значению горю, смерти. Указанные образы лишь вызывают ассоциацию с бедой, но ассоциацию всегда одну и ту же, всегда строго постоянную» (Еремина 1978: 133). Обобщенность значения кодовых единиц лирической песни, невозможность представить их логически точное толкование соответствуют жанровой направленности на выражение эмоций и чувств, также сложно поддающихся квантификации.

Проведенный ранее анализ функций соматизмов в русских лирических песнях (Ван 2019) позволил сделать вывод о том, что в русской лирической песне они участвуют в трансляции эмоций и чувств, которые передаются через описание соматических реакций и ощущений персонажей. При этом в лирической песне широкий

репертуар эмоций и чувств, реализуемых при посредстве соматизмов, обобщается (см. приведенное выше утверждение Н.П. Колпаковой).

Для того чтобы выяснить, обладает ли характер реализации вербального соматического кода национально-культурной спецификой в лирической песне как жанре фольклора восточнославянских народов, рассмотрим: а) частотность и состав; б) кодовые функции соматизмов в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях.

На материале русской лирической песни (Ван 2019) было показано, что распределение соматизмов по степени частотности их использования обосновано характером жанровой цели, сфокусированной на обобщенной передаче эмоций и чувств: наиболее востребованными оказываются те соматизмы, которые на уровне общеславянского кода в большей степени ориентированы на их трансляцию. В связи с этим состав соматизмов и частотность их использования в лирической песне отличаются от их состава и частотности в пословице (максимально полно представляющей соматический код культуры) и частушке (ограничивающей функцию соматизмов реализацией эмоционального кода любовных отношений) (Тубалова, Ван 2018а; Тубалова, Ван 2018б).

Примем за исходный состав соматизмов, фиксируемых в восточнославянских пословицах, жанровая установка которых предполагает построение наиболее полной ценностной картины национальной культуры. Этот состав, как было показано (Тубалова, Ван 2018а), для восточнославянских культур практически совпадает.

Сравнивая с ним состав соматизмов, используемых в лирических песнях всех рассматриваемых национальных культур, в первую очередь обратим внимание на отсутствие (или единичную фиксацию) единиц *зубы, язык, уши*, достаточно последовательно используемых в пословицах.

В таблице приведены данные о количественном соотношении соматизмов, зафиксированных в восточнославянских лирических песнях и включенных в группы высокочастотных и среднечастотных.

**Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях  
(в процентах от общего количества зафиксированных соматизмов)**

	Рус. 85	Укр. 88	Белорус. 86	Русин. 87
Голова	21	11	14	14
Сердце	13	18	14	13
Руки	12	13	14	14
Волосы / кудри / коса	10	9	11	9
Глаза	7	16	15	14
Ноги	6	6	3	5
Брови	6	6	9	7
Лицо	4	8	2	10

По степени частотности соматизмов выделим группы высокочастотных (от 10 %), среднечастотных (3–9 %) и низкочастотных (2 % и менее) (процентные показатели использованы в связи с неравновесным количеством привлеченного материала разных фольклорных культур). Проанализируем состав этих групп в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях.

Состав группы малочастотных соматизмов (*рот / губы, спина*), а также перечень полностью отсутствующих (но фиксируемых в пословице) единиц в лирических песнях всех исследуемых культур практически совпадает (исключение – выражено более высокая, чем в песнях других культур (1–2 %), частотность соматизма *плечи* в русских лирических песнях – 6 %) и определяется тем, что эти соматизмы не предназначены для передачи эмоций и чувств на уровне восточнославянского культурного кода. При этом в пословицах восточнославянских фольклорных систем такие соматизмы достаточно активно представлены. Например, соматизм *язык* наиболее последовательно маркирует в восточнославянских поговорках антиценность болтливости (*Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами* (рус.); *Язиком плескати – не ціном махати* (укр.); *Языком меле, як хвостом целе* (белорус.); *Має острый язык* (русин.)). В исследованных лирических песнях данный соматизм не зафиксирован, т. к. его обобщенное содержание, заданное на уровне восточнославянского культурного кода (традиции), не предназначено для реализации типовых эмоций, транслируемых в лирической песне.

Показательной в связи с этим представляется кодовая интерпретация в рассматриваемых фольклорных системах соматизмов, номинирующих *рот* (рус. *рот, губы* и их эквиваленты в других восточнославянских языках). В поговорках последовательно используются как единица *рот*, так и единица *губы*. Лексема *рот* в основном употребляется в кодовом значении «полость / сосуд, позитивно / негативно характеризующий его обладателя либо по типу содержимого, либо по способу его попадания в этот сосуд» (*Замеси, да еще и в рот поднеси* (рус.); *Горазд – рот розкрив! Хоч колесами в'їджджай* (укр.); *Вино щи не укисло, паленка дорога до блуду, тай не хочу собі рот забабрити* (русин.)). Лексема *губы* реализует разные значения: например, «индикатор желаний, не соответствующих возможностям» (*Губа не дура, язык не лопатка: знает, что горько, что сладко* (рус.); *Губа не дура, знаец, што примаец; Ёсць зубы, да хльба нема до губы* (белорус.)), «инструмент ограничения болтливости» (*Губки да зубки два замочка: вылетит словечко – не поймаешь* (рус.); *Якби не зуби і губи – була б уже душа на дубі* (укр.)), «индикатор сердитого человека» (*У сердитого губа толще, а брюхо тоньше* (рус.); *Што топыриш губы?* (русин.)).



В восточнославянских лирических песнях лексема *рот* практически не используется. При этом лексема *губы* хоть и попадает в группу малочастотных соматизмов, но все же фиксируется не единично (в русских и белорусских лирических песнях – по 1 %, в украинских и русинских – по 2 %). Но в исследуемом жанре ассоциативное кодовое содержание данной лексемы устойчиво связывается с эмоциями любовного взаимодействия: *Встань, девица, подбодрись, подбодрись, С парнем, девка, полюбись, полюбись. Парень девку обнимал, обнимал, В алы губки целовал, целовал* (рус.); *А в нелюба гірка губа, гірче полиночку. Сушить, в'ялить ще й печалить Мою головочку* (укр.); *Пасуть овцы в полонинь, Где ся зеленье, Тая дївчи хлопци любять, Что ся румянье. А чомь вь тьбе, дївчинонько, губки солоденьки?* *Смаровала мати медомь, Еще молоденькии* (русин.). В примере из русской песни данный соматизм сопровождается постоянным эпитетом (*алы губки*), выражающим нормативную характеристику молодой девушки, а в примерах из украинской и русинской песен антонимичные характеристики губ (*гірка губа; губки солоденьки*) фиксируют позитивный / негативный характер любовных эмоций. Таким образом, лексема *рот* в восточнославянских лирических песнях не используется как не предназначенная на уровне единого для исследуемых культур фольклорного кода для маркирования эмоций и чувств, а для лексемы *губы* такая функция оказывается возможной, что позволяет ей участвовать в реализации эмоционального кода лирической песни.

Как уже отмечалось, обращает на себя внимание значительно больший процент использования соматизма *плечи* в русских лирических песнях (среднечастотного) в сравнении с лирическими песнями других восточнославянских культур (где он оказался в группе низкочастотных соматизмов), как показал исследованный нами материал. Ассоциативные кодовые функции соматизмов в лирических песнях реализуются при их использовании в сюжетных ситуациях определенного типа, и состав сюжетных ситуаций в лирических песнях восточнославянских культур приблизительно совпадает. Следовательно, можно предположить, что в тех сюжетных ситуациях, где соматизм *плечи* реализуется в русских лирических песнях, в других культурах он не используется.

В русских лирических песнях соматизм *плечи* используется в ряде различных типовых сюжетов, но наиболее частотно – в рекрутских песнях в ситуации лишения рекрута волос: *У дородного доброго молодца В три ряда кудри завивалися, Во четвертой ряд по плечам лежат, Ой, во пятой ряд с плеч валилися. Ой, почуяли черны кудри, Что невзгодушку великую, Что служить службу государеву; Уж вы кудри мои, кудерушки, Молодецкие-удалецкие! Оне в три ряда, кудри,*



завивалися, **Оне в три ряда по плечам лежат, По плечам лежат, словно жар горят**. Послышали на себя невзгодушку, Невзгодушку – чужую сторушку, Чужу-дальную, незнакомую. Отдают дружка во солдатушки, Во молоденьки во рекрутушки (рус.). В этом случае соматизм *плечи* символизирует нормативное положение волос (*кудрей*) молодого парня, которое нарушается в связи с его насильственной отправкой на военную службу. Подобная сюжетная ситуация является типовой и для лирических песен других восточнославянских культур. Так, авторы учебника по украинскому устному народному творчеству пишут о том, что «самым драматичным моментом, который становился кульминацией действия, потому что означал окончательный приговор молодому человеку, было принудительное и обязательное бритье "чуба" – парня стригли "налысо", что было первым унижением человеческого достоинства. Этот эпизод широко воспроизведен в песнях» (Лановик, Лановик 2006: 349). Но в исследованном нами материале украинских, белорусских и русинских лирических песен соматизм *плечи* при реализации этого сюжета не используется: *Волосічко мое, где когда дело? На облак летело, за Дунай падало, В кошіцкій касарні на облак летело, Милая го собирала, жалосно плакала; Ой уже мосты споріжені, набитые пола, Пошли наши кудряшки господам под ноги. А чьи же то кудряшки по помостах наго? Но то кудряшки легініка моего* (укр.); *Молодого парубочка на рекрута ізловили, Йак вони го ізловили, Назд рукьї ізвйизали <...> Привели го до циркулу, йобтьили му усью голову* (русин.). В этом, возможно, заключается одна из причин обозначенной специфики уровня частотности соматизма *плечи* в русских лирических песнях. Отметим, что мы обнаружили использование данного соматизма в близкой функции в белорусских песнях о горькой доле девушки, не желающей выходить замуж: *Бѣлый молодзецъ хохочаца, А мнѣ съ табой ня хочаца: Быць моимъ косочкамъ расплециннымъ, По бѣлымъ плечамъ растрепаннымъ* (белорус.).

Состав групп среднечастотных (*ноги, брови, грудь, лицо*) и высокочастотных (*голова, сердце, руки*) соматизмов в лирических песнях восточнославянских культур также практически совпадает. В большинстве очень близким оказывается и уровень их частотности. Однако отдельные средне- и высокочастотные соматизмы демонстрируют в лирических песнях разных восточнославянских культур выраженные различия в уровне их востребованности. Среди них – соматизмы *лицо* (частотность которого в украинских и русинских песнях значительно выше, чем в русских и белорусских, причем если его частотность в русских, украинских и белорусских лирических песнях является средней, то в русинской народно-песенной культуре он реализуется как высокочастотный), *глаза* (высокочастотный во всех исследуемых

песенных культурах, кроме русской) и *голова* (который, реализуясь во всех восточнославянских культурах как высокочастотный, в русских песнях проявляет наиболее высокий уровень частотности).

Предположим, что различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем определяется различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений).

Для проверки этого предположения мы проанализировали системы кодовых смыслов, транслируемых в лирических песнях исследуемых культур при посредстве соматизмов *лицо*, *глаза* (частотность которых в лирических песнях разных восточнославянских культур неодинакова) и *руки* (частотность которого в них близка).

Приведем особо значимые результаты анализа.

Соматизм *лицо* значительно чаще, чем в русских и белорусских лирических песнях, реализуется в украинских, а особенно в русинских песнях. Отметим, что ранее мы зафиксировали его значительно большую частотность в украинских частушках (коломийках) в сравнении с русскими и белорусскими (Тубалова, Ван 2018а). Обратим внимание на то, что частушки также являются жанром народной лирики, направленной на передачу эмоций и чувств, и соматизмы используются в них в близкой функции.

Анализ кодовых функций данного соматизма в восточнославянских лирических песнях показал, что в абсолютном большинстве случаев во всех исследуемых культурах он реализуется в сюжетных ситуациях любовного взаимодействия, участником которого является «обладатель лица». Ассоциативное кодовое содержание соматизма в этом случае связано с маркированием нормативного образа героя, обладающего красотой как значимым качеством ориентированности на любовь (во многих случаях эта кодовая функция поддерживается постоянным эпитетом *белый*): *Уж ты, волюшка, да разневоля, Ты не знаешь мово горя! Мое горюшко, да великое: С горя ноженьки не ходят, Со слез глазушки не смотрят, Белы ручушки не робят, Красота в лице переменилась. Уж ты, голубь мой, сизокрылый! Ты скажи мне, где мой милый?* (рус.); *Дзяўчынанька, галубанька, бела лічка маеш, Адно жа мне, маладому, тугу задаваеш. Дзяўчынанька, галубанька, чорны вочы маеш, Адно жа мне, маладому, тугу задаваеш* (белорус.) и др. Именно в описании сюжетных ситуаций такого типа соматизм *лицо* используется в украинском и русинском фольклоре значительно чаще, чем в русском и белорусском.

Однако наш материал показал, что при реализации этой функции соматизма *лицо* в лирических песнях разных восточнославянских фольклорных культур обнаруживаются некоторые различия. Назовем два наиболее последовательных из них.

Во-первых, реализация функции маркирования участника любовного взаимодействия во всех случаях ее проявления в исследованных нами материалах русского фольклора проявляется при представлении любовной дисгармонии. Соответственно, *лицо* в таких сюжетных ситуациях описывается как поврежденное: *Холостой парень любителъ дорогой, Он не чувствует любви, злодей, никакой. Такова любовь на свете горяча, Горяча любовь, слезами она облита. Как у Машеньки заплаканы глаза, У красавицы затерто белое лицо; На горе растет калина, под горою малина. Молодая девчоночка молодчика любила <...> Выходила красная девка на свое новое крыльцо; Простужала красна девка свое белое лицо* (рус.). Единично в русских песнях зафиксировано использование исследуемого соматизма при описании дисгармоничной ситуации несчастливого замужества, где поврежденное / неповрежденное состояния лица значимо противопоставляются: *Батюшке я говаривала, Матушке я приказывала: Не отдавай, батюшка, в ту сторону, В ту меня сторону – за Кострому! <...> Видно кручина по белому лицу. Срадости – лицо белится, Белится лицо, румянится; С печали – лицо чернится, Чернится лицо, марається* (рус.).

В украинских и русинских песнях, где частотность использования этого соматизма в подобных случаях значительно выше, *лицо* используется в описании не только дисгармоничных (*Плакала, ридала, З личенька змарила; Видно по дівчині: Віночка жаліла* (укр.)), но и (чаще) гармоничных сюжетных ситуаций (*Ой чий то кінь стоїть що сива гривонька сподобалась мені сподобалась мені тая дівчинонька. Не так та дівчина як біле личенько подай же дівчино подай же гарная на коня рученьку; не та розмова, не тії слова, не та розмова, не тії слова, не біле личко, не чорні брова* (укр.); *Ой, Яничку, громь бь тя вбивь, То ты мое сердце знудивь, Не нудь сердце, не нудь мене, Бот я побье Богъ за мене. Личко къ личку притулити, Ней ся его мати знае, Якій овунь звычай мае; А ви, хлопці, молодці, Перекажіте дівонці, Ней она сы не журит, Красу з личка не губит* (русин.)).

Не претендуя на глобальные выводы, все же отметим, что характер использования соматизма *лицо* в украинских и русинских песнях в целом оказывается очень близким, вплоть до полного совпадения его значимых нормативных характеристик, не обнаруженных нами в песнях других восточнославянских культур (*Мене мамка породила У четверь у днинку, Дала мень чорны очи, Личку якъ калинку* (русин.); *Пришла к съвитлоньки Пределы красные девоньки, Поставила на столоньку Против своего личика, Спрашивала батенька: Буду ли я такая, как калинка тая?* (укр.)), и даже крайней внутрисюжетной и текстологической близости при описании ситуаций такого типа (*Породила-жь мене мати темненькои ночи, Дала мень бгьло личко и чорныи очи* (укр.)).

Еще одно отмеченное нами отличие заключается в том, что использование исследуемого соматизма в «любовных» ситуациях русских и белорусских песен фиксируется только при характеристике девушки, а в украинских и русинских – и при характеристике парня (*А я люблю Петруся, Да и сказать боюсь: Ой, беда не Петрусь, **Белое лицо**, черный ус* (укр.); *Что выберала, навывберала, Нема такого, як я кохала. Мой былъ сивеньки, чернобровеньки, **Личко румяне**, самъ былъ маленьки* (русин.)).

Таким образом, можно предположить, что различия в частотности использования соматизма *лицо* в лирических песнях разных восточнославянских культур определяется степенью разнообразия его кодовых смыслов. Данное наблюдение соответствует выдвинутому нами ранее предположению о том, что в украинской частушке, в отличие от русской и белорусской, исследуемый соматизм частично берет на себя функцию «инструмента любовного взаимодействия», которую в других культурах выполняет соматизм *глаза* (Тубалова, Ван 2018а).

Рассмотрим некоторые значимые особенности реализации в восточнославянских лирических песнях соматизма *глаза*, средне-частотного для русской лирической песни и высокочастотного для лирической песни других восточнославянских культур.

Кодовые функции данного соматизма в восточнославянских лирических песнях более разнообразны, что соответствует его более высокой частотности.

В целом функции соматизма *глаза* в исследуемых лирических песнях, как и в восточнославянских пословицах (Тубалова, Ван 2018а), организованы в рамках семантики взаимодействия человека – обладателя глаз – с внешним миром, что соответствует физиологическим функциям номинируемой при его посредстве части тела. Универсальность соматического кода культуры определяет максимальную общность указанной семантики в народной лирике всех рассматриваемых культур: в силу жизненных функций номинируемого органа соматизм *глаза* интерпретирует коммуникативную активность героя лирической песни.

В большинстве случаев этот соматизм используется при описании сюжетных ситуаций любовного взаимодействия. Реже, но тоже достаточно регулярно он привлекается при описании сюжетных ситуаций, связанных со смертью героя, интерпретируемой при использовании данного соматизма как прекращение связи с миром.

Общность характера его использования определяется и единством жанровой функции лирической песни всех восточных славян. Данный соматизм в соответствии с жанровой функцией используется для выражения эмоций и чувств, в большинстве связанных с любовной

дисгармонией и смертью, т. е. негативных. Эмоции радости при помощи соматизма *глаза* также выражаются, но значительно реже.

Эмоции горя и радости передаются: 1) через описание реальных соматических действий / состояний глаз, представленных как нормативные (соответствующие фольклорным нормам красоты) или ненормативные (ограниченные, нетипично осуществляемые, повышено активные, не характерные для этого органа и т. п.); 2) через представление глаз как отделенного от их обладателя субъекта или предмета.

Кратко рассмотрим, как реализуются эти способы передачи эмоций и чувств в нашем материале.

1. Если использование соматизма *лицо* при описании героя любовной гармонии характерно в основном для украинских и русинских песен, то использование в этой функции соматизма *глаза* хоть и не частотно, но регулярно реализуется в лирических песнях всех исследуемых культур: *Опушка боброва, Маша черноброва, чернобровая, черноглазая, Белоліца, круглолиця, Брови чорні наведенні, Глаза серые развеселые, Щечки алые, расцвеченные* (рус.); *Такий у мя былъ миленькій, Тай высокій и тоненькій, Такий такий кучерявый, Очка чорны, самъ блявый* (русин.) и др. При этом данный соматизм с определителями, называющими стабильные качества глаз, соответствующие фольклорной норме, используется и при описании любовной дисгармонии, за счет чего эмоции горя усиливаются: *Видно печаль по ясным очам; Видно кручина по белому лицу* (рус.); *Я піду в далекі гори, на широкі полонини І попрошу вітру зворів, аби він не спав до днини. Щоб летів на вільних крилах на кичери і діброви І дізнавсь, де моя мила – карі очі, чорні брови* (укр.); *Марико сьрыко, Сьры очі маєшь, Не нозирай (не смотри) на мя, Жаль ми задаваєшь* (русин.).

Кроме того, соматизм *глаза*, сохраняя собственно соматическое значение, в восточнославянских песнях может приобретать дополнительную ассоциативную кодовую семантику за счет сюжетного представления номинируемой части тела как ненормативно действующей или находящейся в ненормативном состоянии, а также ограниченной в своих соматических действиях. Это способствует передаче эмоций горя при описании любовной дисгармонии (разлуки, измены, любви без взаимности и т. д.) или смерти: *Как возговорит добрый молодец: «Перейми коня, красна девица!» – «Мне нельзя перенять коня: У меня травой ноги спутаны, Росой глаза замочены»* (рус.); *Дала дівчина хустину, Козак у бою загинув, Темної ночі покрили очі, Вже він в могилі спочинув* (укр.); *Боляць мои ножиньки отъ скорой походыньки, Боляць мои плечики отъ цяжкаго ружейчика, Боляць мои вочиньки отъ синяго пороху* (белорус.); *Іак упустьат грішне тыло у глибокі доли,*

**Засипайут піском очи, не глянута нїколе.** У гробі будут ребра, бокы, з головою руки, Душа піде безсмертельна на вічнійї мукы (русин.).

Отметим, что в русских песнях значительно более частотно такой способ использования данного соматизма реализуется в сюжетах любовной дисгармонии, тогда как в песнях других восточнославянских культур в основном он используется в сюжетах, представляющих ситуации солдатской тяжелой доли или смерти героя.

2. Сюжетное «отделение» части тела от его обладателя характерно для фольклорного текста в целом и используется в восточнославянских пословицах, частушках и лирических песнях регулярно. В исследуемом жанре восточнославянского фольклора использование соматизмов подобным образом способствует трансляции эмоций горя и радости, усиленных представлением соматических движений как совершаемых органом человеческого тела независимо от его обладателя.

Для реализации этой функции соматизм *глаза* в сюжетной ситуации восточнославянской лирической песни в большинстве предстает как: 2.1) активный субъект, действующий независимо от героя – обладателя глаз – или пассивный субъект, пребывающий в определенном состоянии, не всегда совпадающем с состоянием героя – обладателя глаз; 2.2) сосуд с содержимым определенного типа – значимого в аспекте оценки ситуации, способствующей трансляции передаваемых эмоций; 2.3) инструмент действий героя – обладателя глаз.

2.1. Представление глаз как активного / пассивного субъекта в восточнославянских лирических песнях осуществляется наиболее частотно. Для реализации эффекта передачи эмоций и чувств действия этого субъекта описываются либо как выполняемые им самостоятельно, в т. ч. в противоречие действиям обладателя глаз («Ах ты миленький дружок, Не гляди, друг, на меня, Не пойду я за тебя!» – **«И я рад бы не глядел, Да глаза мои глядят!** Хоть отца-мать прогневлю, Да тебя, друга, люблю; Хоть мне от дому отстать, Да тебя, друга, достать!» (рус.); Головынька моя бѣдная, Чаго скоро склопоцилася? **Вы вочки мои свѣтленькіе, Чаго вы скоро змутусилися?** Ручки вы мои бѣленьки, Чаго скоро опуслилися? Ножки мои бягучія, Чаго скоро подломилися? (белорус.); Качалися возы съ горѣ, На долинѣ стали. **Любилися чорны очи, Теперь перестали;** Качалися возы съ горѣ, Качатися будуть; **Любилися чорны очи, Любитися будуть** (русин.)), либо как способствующие его действиям или выполняющие их вместо него (Что **пеняю** я, младешенька, На свою ли участь горькую, **На свои ли очи ясные, Ах вы очи, очи ясные, Вы глядели, да огляделися, Вы смотрели, да осмотрелися.** Не по мысли вы друга выбрали, Не по моему по обычаю (рус.); А як вітер з полонини полетіти не захоче, Все одно



знайду дівчину – чорні брови, карі очі. Переїду я бистрі ріки, і бескиди, і діброви і шляхи мені **покажуть карі очі**, чорні брови (укр.); А я бедная дзяўчына Шчэ й гора пазнала. Вячарэнькі не даела, Ночкі не даспала. Як вазьму я кружалечка, Сяду на ваконца. **Яшча вочкі не драмалі** А ўжо ўсходзіць сонца (белорус.); **Очка мойі сивенькыйі**, біда мені з вами, **Но хочите ночувати йедну нычку сами. То йеднуسته ночували і тойі не спали, Сидыли-сьте під віконцьом, льубка визирали** (русин.)).

2.2. Представление глаз как сосуда основывается на специфике физиологической формы соответствующей части тела, что способствует единству такого их представления в песнях всех исследуемых культур.

В качестве содержимого в этом случае чаще всего выступают *слезы*, которые из глаз *вытекают, льются, бегут, катятся* или *наполняют, наливают* их. Семантическая связь «глаза – слезы» также обусловлена физиологически и не является культурно специфической. Транслируемые таким способом эмоции – всегда негативные: *Он ударил меня по белу лицу, По белу лицу, по румяной по щеке. Из бела лица кровь-руда бросалася, Закровавила мое платье цветное, Из ясных очей слезы покаталися* (рус.); *І зорі мерехтіли, Соловейко щебетав, В очах сльози тремтіли, Як я тебе пращав* (укр.); *Ой як мене відобрали та на войачину, Дали мені білий кабат дзелену шьипчину. Ой як мене відобрали до конья, до конья, Заплакала у сиві очка більавина моя* (русин.).

2.3. Представление глаза как инструмента действия их обладателя реализуется в восточнославянских песнях единично: *Іхав чумак із Дону додому, На драбиночку схилився. На драбиночку схилився, гей, Він своїми карими очима На своїх волів дивився* (укр.); *Доле моя, доле, нещаслива доле. Засьпала дївка мысленьками поле. Черными очима та й заволочила, Дробными слезами все поле заросила* (русин.). В русских и белорусских лирических песнях, привлеченных нами к анализу, такого способа использования соматизма *глаза* не зафиксировано.

Отметим, что в приведенных примерах инструментальное значение соматизма *глаза* реализует эмоции и чувства разными способами. В примере из украинской песни его функция, с одной стороны, приближается к собственно соматической («смотреть глазами» – физиологически нормально), а с другой – в нефольклорной речи валентность актанта *глаза (очи)* для глагола *смотреть (дивитися)* является нереализуемой, и ее реализация в лирической песне получает жанровую функцию трансляции эмоций и чувств. В примере из русинской песни исследуемый соматизм используется в функции инструмента при глаголе *заволочити* («побороновать легкой бороной» (Керча 2007)): в сюжетной структуре текста песни глаза «отделяются» от своего обладателя, что способствует решению аналогичной жанровой задачи.

Итак, проведенный сопоставительный анализ не показал выраженных различий жанровых функций соматизма *глаза* в восточнославянских лирических песнях. Несмотря на его более низкую частотность в русских песнях, спектр его кодовых смыслов в них не сужается (исключение – инструментальное значение, не зафиксированное в них, но и в песнях других культур оно используется единично).

Таким образом, результаты анализа данного соматизма не подтверждают предположение о том, что различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем определяется различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений).

Не подтверждают его и результаты анализа случаев использования в восточнославянских лирических песнях соматизма *руки*, демонстрирующего в песнях разных культур близкую частотность, но, несмотря на это, имеющего отдельные различия в системе кодовых функций.

В отличие от *глаз руки* активно интерпретируют не только коммуникативную, но и физическую активность. Физиологическая форма, положение и реальные функции рук усиливают значимость их культурного осмысления как материального (не духовного) объекта и требуют сюжетной обусловленности совершаемых ими движений. Движения рук тесно связаны с реализацией либо бытовой (руками берут предметы, их несут, руки поднимают и т. п.), либо коммуникативной (руками машут, берут за руку и т. п.) активности. В связи с этим кодовая семантика соматизма устанавливает связь, с одной стороны, с диктумным содержанием лирической песни, а с другой – с видами их движений, осмысленными как типовые и вербально закрепленными соответствующими глагольными лексемами.

Кодовая семантика данного соматизма «инструмент / субъект активности» в лирической песне в большинстве случаев уточняется как «инструмент / субъект коммуникативной активности», значительно реже – как «инструмент / субъект трудовой активности». Эмоции и чувства передаются через использование соматизма в сюжетных ситуациях, где эта активность либо ограничивается (негативные эмоции), либо проявляется согласно норме (позитивные эмоции), либо предстает как повышенная (позитивные и негативные эмоции).

На основании этого в лирической песне соматизм *рука* наиболее регулярно реализует два типа ассоциативных кодовых значений, связанных с разными видами активности, что проявляется в соответствующих типовых сюжетных ситуациях.

1. *Рука* выступает как маркер связи между героями, которая обеспечивается активностью соответствующего органа. При этом в большинстве случаев *руки* используются в сюжетных ситуациях встречи



/ расставания и выполняют функцию инструмента взаимодействия: руками машут, за руку берут и т. п. Ценностно интерпретируемое в восточнославянских пословицах значение «активность» (*Ноги носят, а руки кормят* (рус.); *Аби руки і охота, буде зроблена робота* (укр.); *Вочы страшацца, а рукі зрабцяць* (белорус.); *Очима видит, руками не лишит* (русинск.)) используется в восточнославянских лирических песнях в следующих функциях:

1.1. В лирических песнях всех исследуемых культур наиболее последовательно реализуется кодовая функция «активность любовных отношений» и проявляется в сюжетных ситуациях любовно-семейного взаимодействия между парнем и девушкой, мужем и женой (*Ходил, гулял донской казак, в гудочек играл. Играл, играл, выигрывал невесту себе. Он, выбравши красну девушку, **За рученьку брал*** (рус.); *Да цілюються, милуються, А хто ж цьому рад? **Взяла парня за рученьку** та й повела в сад. Він **руками махає** і бровами моргає Та й на тую дівчиноньку **Що вірненько кохає*** (укр.); *Ой, рад бы я(й) павеяці, Калі гай високі. Ой, рад бы я да(й) прыехаці, Калі край далёкі. Вали равуць – дамоў бягуць Ў полі за ракою, А за імі ды мой міленькі **Маша мне рукою*** (белорус.); *Ей, мой милый неборачокъ **Просивъ ручку на облачокъ**, Камьяноемъ сердце мала, **Щомъ му ручку не подала. Что тобъ, бѣлый хлопе, Моя ручка испоможе, Хоть поможет, не поможет, Дай же ми ей, пани Боже*** (русин.)).

1.2. Только в украинских лирических песнях мы зафиксировали расширение типов сюжетных ситуаций, в которых *рука* используется как инструмент связи между героями. Приведем один из немногочисленных, но не единичных примеров, фиксирующих использование рассматриваемого соматизма в качестве инструмента дружеской связи: *Чужа сторона ще й чужі люди. А хто ж його поховає, як їм у смерть буде? Прийшов до него **товариш** єго, **Бере їго за рученьку**, жалує єго* (укр.).

2. Вторая группа кодовых смыслов соматизма *руки* является результатом конкретизации того же общего для восточнославянской культуры ценностного значения и реализуется в варианте «активность, соответствующая свободе, насильственно ограниченной извне». В этой функции соматизм *руки* используется в лирических песнях в сюжетных ситуациях ограничения свободы, интерпретируемой через ограничение движений *рук* (*руки сковали, связали, заломали* и т. п.) или их ненормативных движений / состояний (*опускать / поднимать руки, руки болят, замерзают* и т. п.). Сюжетное «отделение» *рук* от их обладателя используется в этом случае наиболее частотно.

2.1. Ограничение активности рук в восточнославянских лирических песнях наиболее частотно проявляется в сюжетных ситуациях тяжелой работы: *Сиротинушка, сenna девушка: «Государыня, родная матушка! Выкупи из неволюшки, Из неволюшки – дому барского: Пристоялись*

резвы ноженьки, **Примахались** белы **рученьки**, Качаючи дитя барского» (рус.); Чумак хворий став... Та чумак хворий, чумак нездоровий Та й на возі лежить. На возі лежить... Та ніхто ж його та не розпитає, Та що в нього болить. Що в нього болить... Та **болять ручки**, та болять ножки, Ой болить голова (укр.); – Купалінка, Купалінка, Цёмная ночка. Цёмная ночка, Дзе ж твая дочка? – Мая дочка у садочку Ружу, ружу поліць. Ружу, ружу поліць, **Белы ручкі коліць**. Кветачкі рвець, кветачкі рвець, Вяночкі звіае. Вяночкі звіае, Слэзкі пралівае (белорус.); Люляй же мть, люляй, Кедь мть маше люляти; Мене **ручки болять** Тебе колысати (русин.).

2.2. Ограничение активности рук другими участниками сюжетной ситуации также регулярно описывается в восточнославянских тюремных и рекрутских песнях: У добра молодца ноженьки сокованы, На ноженьках оковушки немецкие, **На рученьках** у молодца – **заимки затюремные**, А на шеюшке у молодца – рогатки железные (рус.); Ци били ня молодого Жандари мадьярські, **Нав'язали колодиці На ручки бетярські** (укр.); Бел малойчыка злавілі. Бодры ножанькі скавали, **Назад ручанькі звязалі**, Пасадзілі у вазочак Ды(й) на саменькі задочак (белорус.).

2.3. В песнях разных восточнославянских культур с помощью описания ограничений рук отображаются эмоции и чувства, связанные с нежеланным замужеством: «Ты, красавица, моя забавница, **Хоть ручкой махни!**». «Рада бы радешенька Я **ручкой махнуть**, **Руки заняты**: Жених за руку, сваха за другу!» (рус.); Ой у лузі при калині Колисала Ганнусина дві дитині. Колисала та й плакала, Поки її права **ручка ни зів'яла**. Як **зів'яла права ручка**, Типер жи я, моя мамцю, ни дівочка (укр.); За рэчкаю за быстраю, Ключыкі цвітуць А там маю любезную **Пад ручкі вядуць**. **Адзін вядзе пад ручаньку Другі за другую** Трэцьці стаіць сэрца баліць, Любіў ды ніўзяў (белорус.).

2.4. В восточнославянских любовных / семейных песнях частотно проявляются сюжетные ситуации, связанные со смертью, где *рука* выступает как составляющая кода соответствующих смерти соматических реакций или операций с органами умершего: В тоске своей возговорит девица: «Я в те поры мила друга забуду, Когда подломятся мои скорые ноги, Когда **опустятся** мои белые **руки**, Засыплются глаза мои песками, Закроются белы груди досками!» (рус.); Пішов козак подивився, Аж під ворота, Його жінка Марусинка Білим накрита. «Устань, устань Марусинко, Устань, не лежи, Син маленький пробудився, На руки візьми». «Рада би я пробудиться, Рада б його взяти, **Руки**, ноги **приземлились**, Не можу я встати» (укр.); **Руки-ж** мойі біленькійі, то-сте сьі **поскалдали**, Йак йам йіхау на віноньку, шче-сте мйі обігмали. Очка-ж мойі чорненькійі, то-сте сьі зажмурили, Йак йам йіхау на віноньку, шче-сте сьі за мноу дивили (русин.).

Однако в связи с последним отметим, что только в русских лирических песнях были обнаружены сюжетные ситуации, представляющие

операции с *рукой*, описываемые с помощью глаголов с семантикой отторжения (*унести*, *похитить* и т. п.), что способствует трансляции наиболее глубоких трагических чувств: *А князь Роман жену терял, Жену терял, он тело терзал, Тело терзал, во реку бросал, Во то ли реку во Смородину <...> Слетались птицы разные, Сбегались звери дубравные, Откуль взялся млад сизой орёл, Унес он рученьку белую...; Знаю, ворон, твой обычай. Ты сейчас от мёртвых тел. Ты с кровавою добычей К нам в деревню прилетел. Где же ты летал по свету, Где кружил над мертвецом? Где **спохитил руку** эту, **Руку** белую с кольцом?*

Таким образом, сходство и различие в частотности реализации исследованных соматизмов *лицо*, *руки*, *глаза* в лирических песнях разных восточнославянских культур не связано с большим /меньшим разнообразием их кодовых функций. Кроме того, различия реализации соматического кода в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях оказываются незначительными.

Материалы восточнославянских лирических песен подтверждают сделанный нами вывод о том, что национально-культурная специфика реализации соматического кода в восточнославянском фольклоре – не только в силу универсальности рассматриваемого кода, но и в силу близости исследованных культур – проявляется только в некоторых отдельных частных моментах (Тубалова, Ван 2018а). В то же время сходство кодовых функций соматизмов в лирических песнях как в едином для всех восточнославянских культур фольклорном жанре и их отличие – независимо от разнообразия культур – от функций соматизмов в других жанрах восточнославянского фольклора еще раз подтверждают сделанный ранее вывод о выраженной жанровой специфике исследуемого кода.

## ЛИТЕРАТУРА

Абакумова 2011 – Абакумова О.Б. Код культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 319–323.

Артеменко 2006 – Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей: материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко 1988 – Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Бардина 1997 – Жили да были: фольклор и обряды томских сибиряков / Собр. и сост. П.Е. Бардина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 222 с.

Башкатова 2014 – *Башкатова Ю.А.* Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.

Ван 2019 – *Ван Х.* Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 4 (201). С. 138–149. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-138-149

Вавилова, Василенко, Игнатов, 1987 – Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Сост. М.А. Вавилова, В.А. Василенко, В.И. Игнатов и др. М.: Высш. школа, 1987. 511 с.

Варганова 1988 – Русские народные песни / Сост. В.В. Варганова. М.: Правда, 1988. 576 с.

Выходцев 1990 – Лирические песни / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П.С. Выходцева. М.: Современник, 1990. 653 с.

Гудков 2004 – *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Макс Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Гудков, Ковшова 2007 – *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дмитрюк 2009 – *Дмитрюк Н.В.* Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.

Дуличенко 2017 – *Дуличенко А.Д.* Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин. 2017. № 2 (48). С. 41–50. DOI: 10.17223/18572685/48/4

Еремина 1978 – *Еремина В.И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 184 с.

Катунин 2015a – *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–236. DOI: 10.17223/18572685/39/15

Катунин 2015b – *Катунин Д.А.* Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин. 2015. № 4 (42). С. 235–250. DOI: 10.17223/18572685/42/16

Катунин 2016 – *Катунин Д.А.* Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 2 // Русин. 2016. № 1 (43). С. 271–284. DOI: 10.17223/18572685/43/17

Керча 2007a 1 – *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

Керча 2007b 2 – *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

Колпакова 1962 – *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 283 с.

Кравцов, Кулагина 1976 – *Кравцов Н.И., Кулагина А.В.* Славянский фольклор. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 264 с.

- Красных 2002 – *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Кремшюкалова 2012 – *Кремшюкалова М.Ч.* Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) // *Cuadernos de rusística española*. 2012. № 8. С. 95–101.
- Лазутин 1981 – *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 221 с.
- Лановик, Лановик 2006 – *Лановик М.Б., Лановик З.Б.* Украинская устное народное творчество. Учебное пособие. К.: Знання-Пресс, 2006. 591 с.
- Неклюдов 2005 – *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // *Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. / Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. М.: ГРЦРФ, 2005. Вып. 8. С. 22–41.*
- Никитина 1993 – *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
- Ойроткинова 2011 – *Ойроткинова Н.Р.* Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 3. С. 5–14.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
- Савченко 2014 – *Савченко Л.В.* Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации*. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 88–92.
- Славянский мир 2009 – «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / Под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 218 с.
- Соколов 1925 – *Соколов Ю.* Лирические песни // *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm> (дата обращения: 12.11.2018).*
- Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/17
- Толстая 1994 – *Толстая С.М.* К понятию функции в языке культуры // *Славяноведение*. 1994. № 5. С. 91–97.
- Толстая 2013 – *Толстая С.М.* Коды культуры и культурные концепты // *Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.*
- Тубалова, Ван 2018a – *Тубалова И.В., Ван Х.* Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 141–160.
- Тубалова, Ван 2018b – *Тубалова И.В., Ван Х.* Соматический код национальной культуры в русских пословице и частушке // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 59–68.

Хроленко 1976 – *Хроленко А.Т.* Лексика русской народной поэзии. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

Хроленко 1979 – *Хроленко А.Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147–156.

Цивьян 1973 – *Цивьян Т.В.* К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1973. С. 13–17.

Эмер 2011 – *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

Беларускі фальклор 2016 – Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зборнік навуковых прац. Мінск: Беларуская навука, 2016. Вып. 3. 519 с.

Грушевський 1896 – Етнографічний збірник / Під ред. М. Грушевського. Львов: Наукове товариство імені Шевченка, 1896. Т. 2. 51 с.

Де-Воллан 1885 – Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 13, вып. 1: Угро-русские народные песни / Собираетель Г.А. Де-Воллан. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 265 с.

Іваницький 2008 – *Іваницький А.І.* Хрестоматія з українського музичного фольклору. Вінниця: НОВА КНИГА, 2008. 520 с.

Колесса 1901 – Етнографічний збірник. Т. 11: Галицько-руські народні пісні з мелодіями / Собираетель І. Колесса. Львов: Наукове товариство імені Шевченка, 1901. 303 с.

Керча 2012а – *Керча І.* Російсько-русинський словник: у 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

Керча 2012б – *Керча І.* Російсько-русинський словник: у 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.

Копрова 2017 – *Копрова К.* К проблемам акцентологии в русиньскім нормативнім языку на Словакії // Русин. 2017. № 2 (48). С. 69–77. DOI: 10.17223/18572685/48/6

Павленко 2013 – *Павленко І.Я.* Хрестоматія з українського народнопісенного виконавства (з методичними поясненнями і коментарями): навч. посібник. Київ: Видавничополіграфічний центр «Київський університет», 2013. 286 с.

Плішкова, Цітрякова 2017 – *Плішкова А, Цітрякова З.* Русинський літературний язык у концепціях учених і стратегіях языкових конгресів // Русин. 2017. № 2 (48). С. 99–125. DOI: 10.17223/18572685/48/8

Хрэстаматыя 2012 – Хрэстаматыя па беларускай народнай музычнай творчасці / аўтар-укладальнік Л.В. Зыкава. Мінск, 2012. 209 с.

Шейн 1874 – Бѣлорусскія народныя пѣсни, съ относящимися къ ним обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній // Сборникъ П.В. Шейна. СПб., 1874. 563 с.

## REFERENCES

Abakumova, O.B. (2011) Kod kul'tury v semantike poslovits o pravde [Culture code in the semantics of proverbs about truth]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 319–323.

Artemenko, E.B. (2004) Kontseptosfera i yazyk fol'klora: kharakter i formy vzaimodeystviya [Conceptosphere and language of folklore: the nature and forms of interaction] In: *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya* [Folk culture today and the problems of its study]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 138–150.

Artemenko, E.B. (1988) *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles for creating a folk song text]. Voronezh: Voronezh State University.

Bardina, P.E. (1997) *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomskikh sibiryakov* [Zhili da byli: Folklore and rites of Tomsk Siberians]. Tomsk: Tomsk State University.

Bashkatova, Yu.A. (2014) The somatic code of culture as a subject of comparative study. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228 (in Russian).

Wang, G. (2019) Code function of somatism in Russian lyrical song. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (201). pp. 138–149 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-138-149

Vavilova, M.A., Vasilenko, V.A. & Ignatov, V.I. (1987) *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo: Khrestomatiya* [Russian folk poetic creativity: A Reader]. Moscow: Vysshaya shkola.

Varganova, V.V. (2002) *Russkie narodnye pesni* [Russian folk songs]. Moscow: Pravda.

Vykhodtsev, P.S. (1990) *Liricheskie pesni* [Lyrical songs]. Moscow: Sovremennik.

Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of culture codes: the problem of semantics] In: Krasnykh, V.V. & Izotova, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Issue 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50

Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.

Dmitryuk, N.V. (2009) Frazеologicheskii somatikon kak otrazhenie arkhетipov yazykovogo soznaniya etnosa [Phraseological somatikon as a reflection of archetypes of linguistic consciousness of ethnos]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 10. pp. 30–33.

Dulichenko, A.D. (2017) Slavic microlinguistics and Slavic microphilology. *Rusin*. 2 (48). pp. 41–50 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/4

Eremina, V.I. (1978) *Poeticheskii stroy russkoy narodnoy liriki* [Poetic system of Russian folk lyrics]. Leningrad: Nauka.



Katunin, D.A. (2015a) The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1 (39). pp. 229–236 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/15

Katunin, D.A. (2015b) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 1. *Rusin*. 4 (42). pp. 235–250 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/16

Katunin, D.A. (2016) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 2. *Rusin*. 1 (43). pp. 271–284 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/17

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kolpakova, N.P. (1962) *Russkaya narodnaya bytovaya pesnya* [Russian folk everyday song]. Moscow, Leningrad: USSR AS.

Kravtsov, N.I. & Kulagina, A.V. (1976) *Slavyanskiy fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow: Moscow State University.

Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow: Gnozis.

Kremshokalova, M.Ch. (2012) Kul'turnye konnotatsii v fol'klornykh tekstakh kak markery natsional'nogo mirovideniya (na materiale russkikh i kavkazskikh paremiy) [Cultural connotations in folklore texts as markers of the national world view (on the basis of Russian and Caucasian paremias)]. *Cuadernos de rusistica espanola*. 8. pp. 95–101.

Lazutin, S.G. (1981) *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian folklore]. Moscow: Vysshaya shkola.

Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folk text and "knowledge of tradition"]. In: Dobrovolskaya, V.E. & Kotelnikova, N.V. (eds) *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Issue 8. Moscow: GRTsRF. pp. 22–41.

Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka.

Oynotkinova, N.R. (2011) Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaytsev [Somatic code of culture in proverbs of Altaians]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 5–14.

Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka.

Savchenko, L.V. (2014) Funktsii somaticheskogo koda kul'tury v formirovanii frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov [Functions of the somatic code of culture in the formation of the phraseological system of the Russian and Ukrainian languages]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 2. pp. 88–92.



Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) (2009) *“Slavyanskiy mir” Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii* [“Slavic world” of Siberia: new approaches in studying the processes of development of Northern Asia]. Tomsk: Tomsk State University.

Sokolov, Yu. (2018) Liricheskie pesni [Lyrical songs]. In: Brodsky, N. et al. (eds) *Literaturnaya ehntsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols]. Vol. 1. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm> (Accessed: 12th November 2018).

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/17

Tolstaya, S.M. (1994) K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury [On the notion of function in the language of culture]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 91–97.

Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: questions of theory]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 109–113.

Tubalova, I.V. & Wang, G. (2018a) Somatic code in East Slavic proverbs and ditties. *Rusin*. 2 (52). pp. 141–160 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/11

Tubalova, I.V. & Wang, G. (2018b) The somatic code of national culture in Russian proverbs and chastushkas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 59–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/8

Khrolenko, A.T. (1976) *Leksika russkoy narodnoy poezii* [Vocabulary of Russian folk poetry]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

Khrolenko, A.T. (1979) Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [Semantic structure of the folklore word]. In: Gorelov, A.A. (ed.) *Russkiy fol'klor. Voprosy teorii fol'klora* [Russian folklore. Questions of the theory of folklore]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 147–156.

Tsiyyan, T.V. (1979) K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klоре [On the semantics of spatial and temporal indices in folklore]. In: Sb. statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam [Collection of articles on secondary modeling systems.]. Tartu: Tartu University. pp. 13–17.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Valodzina, T.V. (2016) *Belaruskі fal'klor: Materiyaly i dasledavanni. Zbornik navukovykh prats* [Belarusian folklore: Materials and research. Collection of papers]. Issue 3. Minsk: Belaruskaya navuka.

Grushevsky, M. (1896) *Etnografichniy zbirnik* [Ethnographic Collection]. Vol. 2. Lviv: Naukove to-varistvo imeni Shevchenka.

De-Vollan, G.A. (1885) *Zapiski Imperatorskago russkago geograficheskago obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographic Society of the Department of Ethnography]. Vol. 13. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

Ivanits'kiy, A.I. (2008) *Khrestomatiya z ukraïns'kogo muzichnogo fol'kloru* [Textbook on Ukrainian music folk (with explanations and comments)]. Vin-nitsa: NOVA KNIGA.

Kolessa, I (1901) *Etnografichniy zbirnik* [Ethnographic Collection]. Vol. 11. Lviv: Shevchenko Scientific Association.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Koporova, K. (2017) On some issues of stress placement in standard Rusyn in Slovakia. *Rusin*. 2 (48). pp. 69–77 (in Rusin). DOI: 10.17223/18572685/48/6

Pavlenko, I.Ya. (2013) *Khrestomatiya z ukraïns'kogo narodnopolisennogo vikonavstva (z metodichnimi poiasnenniyami i komentaryami)* [Textbook on Ukrainian folk-popping performances (with methodological explanations and comments)]. Kyiv: Kiïvs'kiy universitet.

Plishkova, A. & Citriakova, Z. (2017) The Rusyn Literary Language in Concepts and Strategies of Language Congresses. *Rusin*. 2 (48). pp. 99–125 (in Rusin). DOI: 10.17223/18572685/48/8

Zykov, L.V. (ed.) (2012) *Khrestamatiya pa belaruskay narodnay muzychnay tvorchastsi* [Reader on the Belarusian folk music]. Minsk: [s.n.].

Sheyn, P.V. (1874) *Belorusskiya narodnyya pesni, s" otnosyashchimisya k" nim obryadami, obychayami i sueveriyami, s" prilozheniem" ob"yasnitel'nago slovaryia i grammaticheskikh primechanii* [Belarusian folk songs with related delights, customs and superstitions, with an explanatory dictionary and grammatical notes.]. St. Petersburg: [s.n.].

**Тубалова Инна Витальевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Inna V. Tubalova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** tina09@inbox.ru

**Ван Хуа** – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Ghya Wang** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** wanghuakzxy@yandex.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/18

## **ДИНАМИКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ХАКАССКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

**Е.Д. Артёменко<sup>1</sup>, А.С. Буб<sup>2</sup>**

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

<sup>2</sup> E-mail: aleksandrabub@yandex.ru

### **Авторское резюме**

Представлены результаты анализа отражения несбалансированной языковой ситуации в языковом сознании хакасско-русских билингвов, живущих как в местах исконного компактного проживания, так и в местах региональной миграции (Томская область). Целью работы является оценка влияния разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики хакасско-русского языкового взаимодействия на исследуемой территории. Анализ языковой ситуации позволил выделить три возрастные группы билингвов: первая группа включает носителей языка до 35 лет, вторая – от 35 до 65 лет, третья – старше 65 лет. Характеризуются уровень владения респондентами языком (русским и хакасским), распределение языков в разных сферах общения, степень и способ их доминирования и функционирования в разные периоды жизни респондентов и в настоящий момент, приводятся данные описательной статистики по каждому из параметров для каждой из возрастных групп. Анализ анкет и общение с респондентами показывают разный уровень и характер владения языком в выделенных группах, резкое снижение уровня владения и активности использования от старшего поколения к среднему возрасту и молодежи, различия в конкретных областях общения, обслуживаемых коррелированными языками в коммуникативных двуязычных практиках. Факторами, усиливающими влияние русского языка и вытеснение родных языков в сферу

---

\* Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 34.8857.2017/9.10).

повседневного и эстетического общения, являются языковая политика Российской Федерации, которой законодательно определяется роль русского языка как государственного, используемого во всех сферах институционального общения, и снижение ощущения функциональной значимости родного языка и языковой практики у представителей первой группы. Наиболее важными факторами, поддерживающими текущую активность хакасского языка во всех двуязычных возрастных группах, являются плотность проживания в родных местах коренного населения, возрождение идей национальной идентичности, поддерживаемой в исследуемых районах; менее важные факторы – традиционное семейное воспитание и тенденция к заключению моноэтнического брака.

**Ключевые слова:** тюрко-русский билингвизм, языковое сознание билингва, языковая ситуация.

## DYNAMICS OF SOCIOLINGUISTIC SITUATION OF KHAKASS-RUSSIAN LANGUAGE INTERACTION IN SOUTH SIBERIA\*

**E.D. Artemenko<sup>1</sup>, A.S. Bub<sup>2</sup>**

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup>E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

<sup>2</sup>E-mail: aleksandrabub@yandex.ru

### Abstract

The article analyses the unbalanced linguistic situation reflected in the linguistic consciousness of the Khakas-Russian bilinguals living in both places of their original compact residence and in places of regional migration (Tomsk Region). The research aims at assessing the influence of different sociocultural factors on the processes of linguistic dynamics of the Khakas-Russian language interaction in the territory under study. The analysis of the linguistic situation allowed distinguishing three age groups of bilinguals: the first group includes native speakers up to 35 years old, the second group includes people from 35 to 65 years old, and the third group consists in those over 65 years old. The article provides descriptive statistics on the level of proficiency

\* The research was carried out as part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia (Project Nr. 34.8857.2017 / 9.10).

in the Russian and Khakas languages, the distribution of languages in different spheres of communication, the degree and method of their dominance and functioning at different periods of the respondents' lives and at the present moment. The analysis of the questionnaires and interviews has shown different levels and patterns of language proficiency in selected groups. A sharp decline in the level of the Khakas language proficiency is observed in the older generation to the middle age and young people. The process of communication in specific areas is served by different correlated languages in communicative bilingual practices depending on the age. The factors that increase the influence of the Russian language and the repression of the mother tongue in the everyday and aesthetic communication are the language policy of the Russian Federation that defines the role of the Russian language as a state language used in all spheres of institutional communication, and the decrease in the functional significance of the native language and language practice among the representatives of the first age group. The most important factors supporting the current activity of the Khakas language in all bilingual age groups are the density of residence in the places of the original population and the revival of national identity, supported institutionally in the studied areas. Among less important factors are traditional family education and the trend towards mono-ethnic marriage.

**Keywords:** Turkic-Russian bilingualism, bilingual linguistic consciousness, linguistic situation.

В статье представлен анализ динамики социокультурной и социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия, проявленной в личностных проекциях билингвов, проживающих на территориях исторического поселения хакасов (Республика Хакасия) и их региональной миграции в пределах Южной Сибири (Томская область).

Предлагаемый анализ включается в крупный исследовательский проект, направленный на выявление особенностей взаимодействия языков и культур Южной Сибири с привлечением значительного количества лингвистических, культурологических, антропологических и психолингвистических данных (Резанова и др. 2018а).

Исследования развития билингвальной ситуации в регионах Российской Федерации, в т. ч. в Республике Хакасия, проводились и проводятся в течение длительного времени и продолжают в настоящее время (Кибрик 1992; Алпатов 2005; Боргоякова 2013; Гусейнова 2013; Гусейнова 2016 и др.).

Однако обращение к изучению языкового взаимодействия невозможно без понимания статуса миноритарных языков в их отражении

в сознании билингвов, включая тех респондентов, что представляют собой группу носителей, прошедших региональную миграцию. Описание и анализ языковой ситуации могут стать отправной точкой для формирования языковой политики (Щеглова 2017).

В фокусе нашего внимания в данной статье находится *социолингвистическая* ситуация, представляющая собой один из аспектов *языковой ситуации*.

*Языковая ситуация* интерпретируется как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» (ЛЭС). Мы трактуем языковую ситуацию как *динамическое* явление, изменение которого можно проследить через анализ социокультурных и языковых параметров, находящих отражение в языковом сознании носителей языка разных возрастных групп, отмечая это качество как первую значимую характеристику. Ранее (Резанова и др. 2018b: 56–64) выделили три возрастные группы, более подробная характеристика которых будет представлена ниже. Второй значимой характеристикой языковой ситуации на рассматриваемой территории является ее *многоязычность*, что предполагает анализ реального соотношения ролей различных языков в жизни билингвов (Авронин 1975). Третьей чертой является ее *национальный* характер (национально-языковая ситуация) (Исаев 1979), что предполагает включение в анализ социокультурных факторов, таких, как уровень образования населения, отношение к культуре и религии (язык совершения религиозных обрядов) и т. п. Наконец, в качестве четвертой важной черты анализируемой языковой ситуации в аспекте функционального распределения языков можно отметить ее *несбалансированность*.

Таким образом, анализируемая языковая ситуация представляет собой динамическую ситуацию несбалансированного билингвизма, носящую национальный характер.

Анализ *социолингвистической* ситуации традиционно предполагает рассмотрение не только языков, но и сопутствующих жизни носителя языка социокультурных факторов, таких, как социально-демографическая характеристика языков, уровень языковой компетенции групп населения, существующий общественный статус языков, а также функциональная дистрибуция языков рассматриваемой территории, типы существующих языковых контактов, принципы регламентированной языковой политики и языкового законодательства, языковые конфликты (Жеребило 2010).

Источником материала послужили сведения официальных источников (в частности, результаты переписи населения) (ВПН 2010),

данные официального сайта Республики Хакасия (Правительство Республики Хакасия), общественных организаций (Хакасское землячество в г. Томске), а также данные анкетирования, проведенного в экспедициях участниками проекта с использованием двух анкет: социалингвистической и языковой.

*Социалингвистическая анкета* разработана О.А. Казакевич и в настоящее время широко применяется для изучения влияния социальных факторов на характер владения языками представителей различных этносов на территории РФ (Социалингвистическая анкета). Анкета содержит вопросы, касающиеся социальных аспектов личности билингва: времени и места его рождения, проживания, уровня и направленности образования, характера профессиональной деятельности, особенностей приобретения и использования языков, а также вопросы, направленные на формирование социального и языкового портрета родственников информанта на трех уровнях родства.

*Языковая анкета билингва* разработана на основе опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) (Marian et al. 2007) и направлена на получение информации о характере и типе владения языками билингвом / полилингвом.

При проведении анкетирования на основе данного опросника используется прием фиксации субъективной самооценки билингвом / полилингвом активности использования, порядка усвоения языков, соотношения времени использования языков в тот период жизни билингва, когда происходит интервьюирование, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации; определяется история пользования языками – время вхождения в каждый из языков или их изучения, время пребывания в среде языков, оценка информантом уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков и т.д.

Динамика социалингвистической ситуации хакасско-русского билингвизма далее будет проанализирована по двум группам факторов, выявленных на основе анализа данных, полученных в результате применения охарактеризованных социалингвистической и языковой анкет: *группа социокультурных факторов*, включающая фактор возраста респондентов, численность этнической группы, наличие или отсутствие образования, этнический характер браков и пр., *группа коммуникативных факторов*, включающая такие факторы, как выбор языка для общения в различных коммуникативных сферах (в школе, дома, в семье, на работе, в общественных местах).

Обратимся к анализу **группы социокультурных факторов**.

В качестве одного из ключевых факторов динамики языковой ситуации, вслед за А.Е. Кибриком (Кибрик 1992), мы рассматриваем **фактор возраста респондентов, владеющих этническим языком**.

Анализ ситуации языковой практики в группе хакасско-русских билингвов подтвердил обоснованность для выделения тех же трех возрастных групп (ВГ), что ранее нами были определены при анализе анкетирования групп шорско-русских и татарско-русских билингвов. Первую группу составили респонденты в возрасте до 35 лет (15 чел.), вторую – от 35 до 65 лет (16 чел.), третью – старше 65 лет (2 чел.). Средний возраст респондентов выборки хакасско-русских билингвов, принявших участие в настоящем исследовании, составил 39,51 ( $SD = 17,1$ ), диапазон варьирования возраста – от 19 до 75 лет.

Таким образом, мы считаем возраст респондентов (в частности, интервальное выделение трех возрастных групп) одним из ключевых факторов, который оказывает влияние на динамические процессы социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия. В следующем пункте мы подробнее остановимся на описании связи данного фактора с миграцией коренного населения Республики Хакасия.

Следующим важным фактором, определяющим жизнеспособность языка, является **численность этнической группы и количество людей, владеющих данным языком** в соотнесении с возрастными категориями (Кибрик 1992).

Общая численность респондентов, определяющих свою национальную принадлежность как хакасскую, по сравнению с данными переписи 2002 г. (75,6 тыс. чел.), снизилась на 3,5 % и составила по итогам переписи 2010 г. 72 959 чел. Единственный муниципальный район, где хакасы составляют большинство среди представителей других национальностей, – Аскизский. В данном регионе численность анализируемого этнического населения составляет 50,4 % от всего населения района.

Большинство респондентов, представленных в нашей выборке, родились в Республике Хакасия (Аскизский район, Бейский район, Усть-Абаканский район, Таштыпский район) и в основном проживают в г. Абакан, с. Аскиз, а также в Томской, Кемеровской и Пермской областях, Республике Татарстан и Казахстане.

Из общего числа опрошенных 17 чел. выезжали за пределы места рождения на длительное время (больше полугода), 13 из них – за пределы Республики Хакасия (в т. ч. в Польшу, Казахстан, Санкт-Петербург, Томск, Кемерово, Кызыл). Причиной отъезда может быть получение образования, вступление в брак, командировка супруга.

Таким образом, результаты социолингвистической анкеты дают нам основание для выделения двух групп респондентов: 1) на данный момент пребывающих в местах компактного проживания этнического населения; 2) мигрировавших в субъекты Российской



Федерации по той или иной причине. По нашему мнению, динамика языковой ситуации в выделенных группах респондентов, очевидно, должна различаться в связи с наличием или отсутствием языковой практики на родном языке.

Во вторую группу вошли около 20 % процентов респондентов: треть респондентов в возрасте до 35 лет (1 ВГ) и 12 % в возрасте от 35 лет (2 и 3 ВГ). Респонденты в настоящее время проживают в Томской области (г. Томск), Кемеровской области (г. Юрга), Ханты-Мансийском автономном округе (г. Сургут) и Пермском крае (г. Березники). Анализ данных анкет наглядно демонстрирует, что региональной миграции наиболее подвержены представители первой возрастной группы, при этом показатель миграции все равно относительно низок (всего 20% опрошенных не проживают постоянно в Республике Хакасия и не планируют возвращаться).

Важным фактором при анализе социолингвистической ситуации становится **уровень образования билингвов**, представляющий собой одним из ключевых факторов в формировании функциональной асимметрии между миноритарным и мажоритарным языками.

Из всего числа опрошенных 21 респондент (64 %) имеет высшее образование (8, 12, 1)<sup>1</sup>, трое (9 %) – неоконченное высшее образование (2, 0, 1), 6 (18 %) – среднее (5, 1, 0) и среднее специальное – 3 респондента (2 ВГ).

Среднее образование все респонденты получали в учебных заведениях Республики Хакасия. Что касается высшего образования, то 11 респондентов получили его в Хакасском государственном университете (ХГУ им. Катанова) и Абаканском педагогическом институте. В основном это представители 2 ВГ и 3 ВГ и только один респондент из 1 ВГ.

Отметим, что представители первой возрастной группы для получения высшего образования выбирают вузы, находящиеся за пределами Республики Хакасия. Среди них представлены Томский государственный университет, Томский политехнический университет, Сибирский государственный медицинский университет (г. Томск), Театральная академия Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург), Кемеровский государственный университет (г. Кемерово), Красноярский педагогический институт (г. Красноярск). Профессии, полученные респондентами: врач, бухгалтер, учитель хакасского языка и литературы, гидрогеолог, программист, артист, библиотекарь, зоотехник и др. Таким образом, представители первой возрастной группы наиболее ориентированы на получение высшего образования за пределами Республики Хакасия.

Рассмотрим также влияние такого фактора, как **этнический характер браков и тип семейного воспитания**, выделенного в работе

А.Е. Кибрика, посвященной динамике малых языков бывшего СССР (Кибрик 1992).

В браке состоят 1 респондент 1 ВГ, 14 респондентов 2 ВГ и все респонденты 3 ВГ. Из общего количества браков (17) только 1 является межэтническим (1 респондент 3 ВГ, супруг казах), остальные браки являются моноэтническими. Национальность детей определяется как казахская в одном случае и хакасская во всех остальных случаях.

Несмотря на моноэтнический характер браков, большинство респондентов в качестве языка общения с супругами отметили русский. Таким образом, русский язык вытесняет национальный в этнически однородных браках, что свидетельствует о его доминирующей функциональной позиции.

Стоит отметить, что, помимо использования имен, характерных для русской культуры (Анастасия, Дарья, Федор, Ольга, Виктор, Валентина, Владимир, Дарина, Алла, Наташа), у хакасов существует традиция называть детей и хакасскими именами (Айана, Айхан, Айлана, Саяна и др.). Как отмечают некоторые респонденты в интервью, в советское время отсутствовала практика называть детей национальными именами, сегодня же люди все чаще используют хакасские имена для усиления чувства причастности к родной культуре.

Таким образом, анализ группы социокультурных факторов демонстрирует повышение территориальной мобильности представителей хакасско-русского билингвизма от третьей возрастной группы к первой. Молодежь отдает предпочтение высшим учебным заведениям за пределами Республики Хакасия, что снижает возможность бытового и эстетического общения на родном языке за пределами хакасских землячеств. Однако представители первой возрастной группы демонстрируют значительный интерес к хакасской культуре. Многие респонденты отмечают, что в рамках деятельности хакасского землячества в г. Томске активно участвуют в общественных культурных мероприятиях, включающих постановку традиционных этнических танцев, проведение вечеров хакасской культуры, сопровождающихся дегустацией традиционных хакасских блюд. Все проанкетированные респонденты однозначно определяют свою национальную принадлежность к хакасам, отдавая предпочтение моноэтническим бракам.

Следующей группой факторов, позволяющих оценить динамику сложившейся социолингвистической ситуации, является **группа коммуникативных факторов**.

Одним из ключевых факторов при анализе языковой ситуации становится определение представителями этнической группы одного из используемых языков в качестве *родного*.

При анкетировании большинство респондентов (91 %, 31 чел. из 34 опрошенных) в качестве родного языка (языка, усвоенного в первую очередь) отметили хакасский (трое отметили в качестве родных языков и хакасский, и русский). Важно подчеркнуть, что все респонденты при этом определили свою этническую принадлежность как хакасскую.

Восприятие хакасского как родного языка прослеживается также в ответах на другие вопросы анкеты. Так, например, на вопрос «Что бы вы могли предложить для улучшения языковой ситуации в вашем поселке?» некоторые респонденты ответили: «родители должны говорить на родном языке»; «закупить много книг на родном языке, чтобы люди умели грамотно разговаривать на родном языке и писать»; «вводить в школе объяснения на родном языке»; «больше общаться на родном языке, говорить на нем с детьми и внуками».

Таким образом, можно видеть, что хакасско-русские билингвы демонстрируют высокий интерес к хакасскому языку, полагая его неотъемлемой частью хакасской культуры. Отметим также, что даже в ситуации утраты миноритарного языка все респонденты говорят о важности владения родным языком, часто сожалея о том, что начинают его утрачивать / утратили.

***Владение этническим языком в различных институциональных ситуациях общения*** является еще одним фактором, учет которого необходим при анализе динамики социолингвистической ситуации.

Ранее (Резанова и др. 2018b) мы выяснили, что существенным фактором, способствующим усилению влияния русского языка, вытеснению исконных языков в сферу бытового общения и эстетически обусловленной коммуникации, является вызванная объективными мировыми тенденциями глобализации языковая политика РФ, законодательно определяющая роль русского языка как государственного, используемого во всех сферах институциональной коммуникации.

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в языковой ситуации хакасско-русского билингвизма.

На вопрос «На каком языке вы говорили в детстве до школы?» только хакасский указали 8 респондентов 1 ВГ (53 %), 14 респондентов 2 ВГ (87,5 %), 2 респондента 3 ВГ (100 %), только русский – 4 (27 %), во второй и третьей ВГ не указал никто, наконец, одновременное использование хакасского и русского языков указали 3 респондента 1 ВГ (20 %) и 2 респондента 2 ВГ (12,5 %).

В начальной школе русский язык в качестве основного указали уже 6 респондентов (40 %) в 1 ВГ, во 2 ВГ – 2 респондента (12,5 %), респонденты 3 ВГ не указали русский язык при ответе на данный вопрос.

В различных ситуациях общения (на работе, в магазине, больнице, администрации, с соседями) в качестве единственного средства общения русский язык указали 11 респондентов 1 ВГ (73,3 %). Что касается ответов респондентов 2 ВГ и 3 ВГ, то в основном респонденты данных групп отметили, что общаются на хакасском только с друзьями или соседями, если те являются хакасами, а также с представителями своего этноса, работающими в госучреждениях (больница, администрация). Только два респондента во 2 ВГ (12,5 %) отметили, что почти во всех ситуациях используют русский язык в качестве основного.

### **Русский язык**

На рис. 1, 2 отражены тенденции в использовании мажоритарного русского языка представителями трех возрастных групп русско-хакасских респондентов.

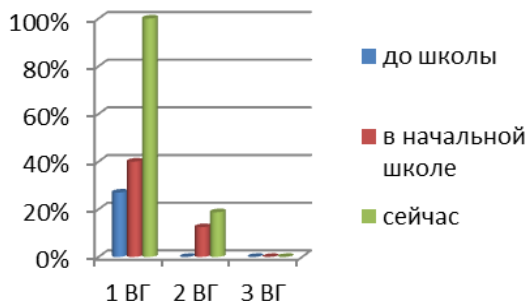


Рис. 1. Динамика использования только русского языка хакасско-русскими билингвами.

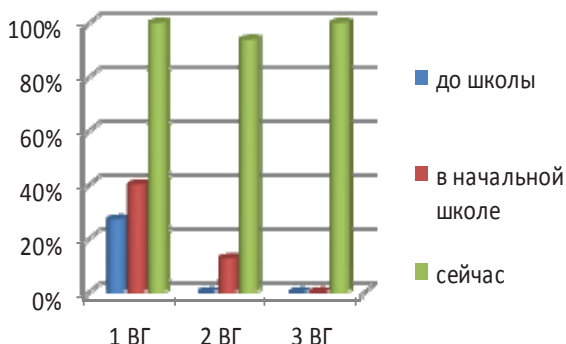


Рис. 2. Динамика использования русского языка как вспомогательного хакасско-русскими билингвами.

Рис. 1 отражает ответы респондентов, которые указали, что в коммуникации используют **только** русский язык. Позиция «сейчас» на гистограмме отображает число ответов «только русский». На рис. 2 представлены результаты рефлексии респондентами **вспомогательного** привлечения русского языка. Позиция «сейчас» на гистограмме отражает количество респондентов, которые вообще используют русский в каких-либо ситуациях.

Таким образом, в исследуемой выборке хакасско-русских билингов можно обнаружить тенденцию к устойчивому росту использования русского языка как единственного средства общения в различных ситуациях.

Анализ ответов показал, что в качестве единственного средства общения родной хакасский язык используется на начальном этапе жизни большинства респондентов 2 и 3 ВГ и части респондентов 1 ВГ, в дальнейшем билингвы начинают больше общаться на русском, что может быть обусловлено проживанием в русскоязычной среде, статусом русского языка, а также преобладанием русскоязычного населения в месте проживания этноса.

#### **Хакасский язык**

На рис. 3 и 4 представлены диаграммы, демонстрирующие нисходящий тренд в использовании родного языка хакасско-русскими билингвами 1 и 2 ВГ. Позиция «сейчас» на рис. 3 отображает число ответов «только хакасский», на рис. 4 – количество респондентов, которые вообще используют хакасский язык в каких-либо ситуациях.

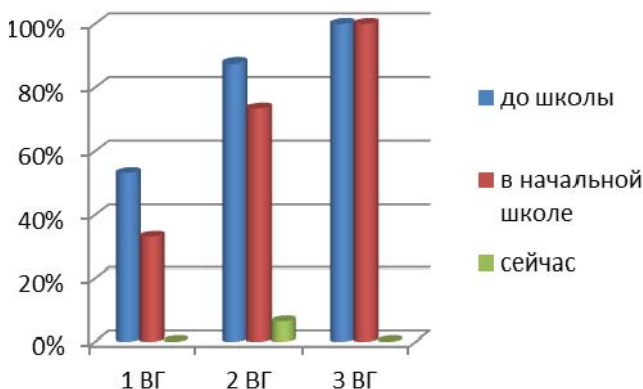


Рис. 3. Динамика использования только хакасского языка хакасско-русскими билингвами.

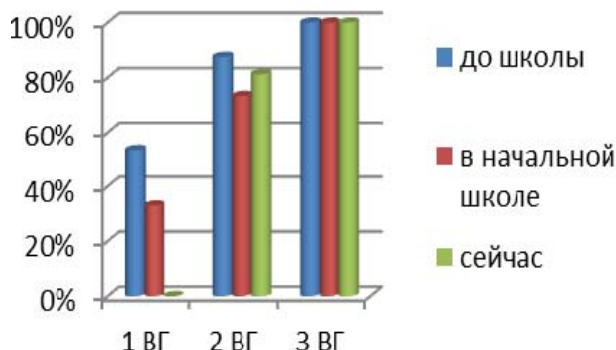


Рис. 4. Динамика использования хакасского языка хакасско-русскими билингвами.

Итак, в исследуемой выборке хакасско-русских билингвов можно обнаружить обратную тенденцию к устойчивому снижению использования хакасского языка как единственного или вспомогательного средства общения в различных ситуациях от третьей возрастной группы к первой.

### ***Хакасский и русский языки***

Наконец, охарактеризуем динамику совместного использования родного и русского языков в повседневной коммуникации изучаемыми группами хакасско-русских билингвов. На рис. 5 отражено различие в динамике совмещения родного и русского языка в повседневной коммуникации рассматриваемых групп билингвов.

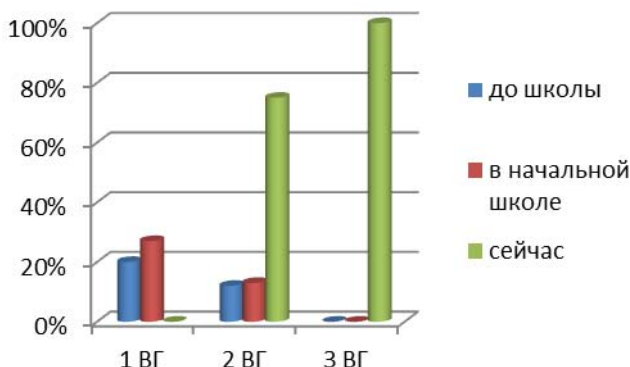


Рис. 5. Динамика использования хакасского и русского языков хакасско-русскими билингвами.

Таким образом, молодое поколение практически полностью прекращает использование хакасского языка в общении после окончания школы и в повседневном и институциональном общении предпочитает использовать *только* русский язык, что может говорить о низком социальном статусе хакасского языка, его невостребованности. Представители же старших возрастных групп после институционализации начинают чаще говорить и на хакасском, и на русском языках, что опять же доказывает бóльшую востребованность и более высокий статус русского языка у данного этноса. Однако то, что респонденты 2 ВГ и 3 ВГ не отказываются от хакасского языка полностью, может указывать на осознание респондентами высокой культурной ценности языка.

Отметим, что значительное число респондентов в процессе интервью отмечали, что в средней школе относились к урокам хакасского языка как к дополнительной нагрузке, которая была им в тягость. Однако в более позднем возрасте сожалели о том, что упустили возможность изучить родной язык.

**Фактор общения в семье** становится следующим ключевым фактором развития языковой ситуации.

Во всех возрастных группах хакасско-русских билингвов общение со старшим поколением (бабушки и дедушки) происходит преимущественно на хакасском языке. В 1 ВГ 2 респондентов из 14 (14 %) отметили, что разговаривали / разговаривают с бабушкой и дедушкой на хакасском и русском, во 2 ВГ это делали 3 из 14 респондентов (21 %), все представители 3 ВГ общались с взрослыми родственниками только на хакасском.

*Только* хакасский язык в общении с родителями используют 18 респондентов (4, 12, 2), только русский – 6 респондентов (5, 1, 0), и хакасский, и русский используют 8 респондентов (5, 3, 0).

Что касается детей, то 8 респондентов<sup>2</sup> общаются с ними только на хакасском (1, 5, 1), 5 – только на русском (0, 4, 1), одновременно русский и хакасский в общении с детьми используют 6 респондентов 2 ВГ.

Для наглядности представим ответы по трем возрастным группам в виде таблицы.

**Использование хакасского и русского языков билингвами  
при общении с родственниками**

ВГ	С бабушкой, дедом			С родителями			С детьми		
	хакас- ский	рус- ский	хак./рус.	хакас- ский	русский	хак./ рус.	хакас- ский	рус- ский	хак./ рус.
1	11 (84,6 %)	0	2 (15,4 %)	4 (28 %)	5 (36 %)	5 (36 %)	1 (100 %)	0	0
2	11 (78,5 %)	0	3 (21,6 %)	12 (75 %)	1 (6 %)	3 (19 %)	5 (33 %)	4 (27 %)	6 (40 %)
3	2 (100 %)	0	0	2 (100 %)	0	0	1 (50 %)	0	1 (50 %)

При общении с другими людьми респонденты выбирают язык в зависимости от этноса собеседника – с хакасами разговаривают на хакасском, с русскими на русском. С представителями других культур общаются либо на английском, либо, если это представители киргизской, тувинской или другой миноритарной культуры, предпочитают говорить на русском языке.

Таким образом, наиболее показательным фактором в анализе многоязычной языковой ситуации становится **активный статус** и миноритарного, и мажоритарного языков.

32 респондента из 33 отмечают, что на момент анкетирования в своем обиходе имеют два активных языка, хакасский и русский, единичны случаи активного владения английским языком. При этом хакасский в качестве доминирующего отметили 2 респондента 1 ВГ (12 %) и 7 – во 2 ВГ (50 %) (пункт языковой анкеты «Укажите, пожалуйста, какой язык в настоящее время вы используете чаще всего»).

Все респонденты не испытывают дискомфорта в коммуникации, при чтении и письме на русском языке. Что касается хакасского языка, то 94 % респондентов 2 ВГ отметили одинаково отличное владение устной и письменной речью на нем, а также прекрасное понимание и навыки общения; в 1 ВГ только 33 % респондентов выбрали «отлично» для всех ситуаций владения языком; 100 % представителей 3 ВГ оценили владение хакасским языком на «отлично».

Наименее компетентными представители 1 ВГ считают себя в письме на хакасском языке – 40 % выбрали вариант «с трудом» (33 % – «говорю с трудом», 27 % – «читаю с трудом», 20 % – «понимаю с трудом»). 6 % респондентов 2 ВГ чувствуют некомпетентность в использовании хакасского в коммуникации (1 чел. – «говорю с трудом»).

Для улучшения языковой ситуации предлагаются следующие меры: общение на хакасском языке в семье и в школе, создание кружков по изучению хакасского языка и языковой среды для детей, введение хакасского языка в программы детских садов и др.

Все респонденты отмечают, что хотели бы, чтобы хакасский язык преподавался в школе. В целом можно разделить все ответы на вопрос анкеты «Что бы вы могли предложить для улучшения языковой ситуации в вашем городе / поселке?» на две группы: изучение хакасского языка должно начинаться в семье и изучение хакасского языка должно быть обязательным в школе.

Таким образом, проведение анкетирования носителей хакасско-русского билингвизма в местах компактного исконного проживания позволило выявить отражение на личном уровне билингвальных несбалансированных ситуаций. Проведенный анализ позволяет нам выявить группы факторов, оказывающих угнетающее и позитивное



влияние на статус миноритарного языка среди опрошенных респондентов.

Среди факторов, способствующих усилению влияния русского и вытеснению исконного языка в сферу бытового общения и эстетически обусловленной коммуникации, можно выделить мировые тенденции глобализации, языковую политику в стране, законодательно определяющую роль русского языка как государственного, используемого во всех сферах институциональной коммуникации, являющегося языком образования на всех его этапах, а также высокую миграционную мобильность молодежи в русскоязычные регионы Российской Федерации.

Наиболее сильными факторами, способствующими поддержанию активности хакасского языка в настоящее время, безусловно, является политика Республики Хакасия, а также его законодательно закрепленный статус. Все представители нашей выборки отмечали, что в средней школе обучались хакасскому языку. Также факторами поддержки становятся компактность проживания в местах исконного населения, возрождение национального самосознания, поддерживаемое институционально в исследуемом районе; менее сильными факторами являются семейное воспитание, еще сохраняющее черты традиционного, тенденция к заключению моноэтничных браков.

Важно также отметить, что представители первой возрастной группы даже в ситуации коммуникативного утрачивания родного языка демонстрируют всплеск национального самосознания и повышенный интерес к родной культуре. Обучение родному языку, необходимость общаться со старшими родственниками на национальном языке, моноэтничный характер браков, повышенный интерес к родной культуре – все это создает почву для дополнительного всплеска национального самосознания именно в первой возрастной группе, чего часто не наблюдается в средней и старшей возрастных группах.

Выявленные тенденции демонстрируют схожесть динамики социолингвистической ситуации с проанализированными ранее ситуациями шорско-русского и татаро-русского языкового взаимодействия (Резанова и др. 2018b).

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее цифры приводятся по возрастным группам: 1 ВГ, 2 ВГ, 3 ВГ соответственно.

2. 18 респондентов в трех ВГ имеют детей.

## ЛИТЕРАТУРА

Авронин 1975 – *Авронин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 274 с.

Алпатов 2005 – *Алпатов В.М.* Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm> (дата обращения: 01.06.2019).

Боргоякова 2013 – *Боргоякова Т.Г.* Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7, ч. 1. С. 36–39.

ВПН 2010 – Всероссийская перепись населения, 2010 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) (дата обращения: 01.06.2019).

Гусейнова 2013 – *Гусейнова А.В.* Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2013. № 29 (320). С. 34–36.

Гусейнова 2016 – *Гусейнова А.В.* Развитие языковой ситуации в Республике Хакасия // Инновационная наука. 2016. № 12/4. С. 148–160.

Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Исаев 1979 – *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР // Процессы создания письменности народов СССР. М.: Наука, 1979. 353 с.

Кибрик 1992 – *Кибрик А.Е.* Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 67–79.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Языковая ситуация. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/iazykovaia%20situatsiia/765> (дата обращения: 01.06.2019).

Правительство Республики Хакасия – Республика Хакасия. Официальный портал Правительства Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

Резанова и др. 2018a – *Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А.* Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 52. С. 107–117.

Резанова и др. 2018b – *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социоллингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

Социоллингвистическая анкета – Социоллингвистическая анкета. URL: <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic> (дата обращения: 01.06.2019).

Хакасское землячество в г. Томске – Ирбис. Хакасское землячество г. Томска. URL: [https://vk.com/khakas\\_nation\\_in\\_tomsk](https://vk.com/khakas_nation_in_tomsk) (дата обращения: 01.06.2019).

Щеглова 2017 – Щеглова И.В. Языковая ситуация: определение понятия, пути изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74): в 2 ч. Ч. 1. С. 172–175.

Marian et al. 2007 – Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 01.06.2019).

## REFERENCES

Avronin, V.A. (1975) *Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka* [Problems of studying the functional part of the language]. Leningrad: Nauka.

Alpatov, V.M. (2005) Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoy Rossii [The language situation in the regions of contemporary Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 2(23). [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm> (Accessed: 01.06.2019).

Borgoyakova, T.G. (2013) Development of bilingualism in the Republic of Tyva and Republic of Khakassia. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 7 (1). pp. 36–39 (In Russian).

Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya, 2010* [All-Russian Population Census, 2010]. [Online] Available from: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) (Accessed: 01.06.2019).

Guseynova, A.V. (2013) Regional'nyy yazyk v mediaprostranstve Respubliki Khakasiya [Regional language in the media space of the Republic of Khakassia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 29 (320). pp. 34–36.

Guseynova, A.V. (2016) Razvitie yazykovoy situatsii v Respublike Khakasiya [Development of the language situation in the Republic of Khakassia]. *Innovatsionnaya nauka*. 12/4. pp. 148–3160.

Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed. Nazran: Piligrim.

Isaev, M.I. (1979) *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR (Protsessy sozdaniya pis'mennosti narodov SSSR)* [Language construction in the USSR (Processes for the creation of writing of the peoples of the USSR)]. Moscow: Nauka.

Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied issues of linguistics]. Moscow: Moscow State University. pp. 67–79.

Yartseva, V.N. (n.d.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic

Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <http://lingvisticheskii-slovar.ru/description/iazykovaia%20situatsiia/765> (Accessed: 01.06.2019).

The Government of the Republic of Khakassia. (n.d.). *The official portal of the Government of the Republic of Khakassia*. [Online] Available from: <https://r-19.ru> (Accessed: 01.06.2019).

Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevsky, A.A. (2018a) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures". *Rusin*. 2 (52). pp. 107–117 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8

Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018b) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

Institute of Linguistics, RAS. (n.d.) *Sotsiolingvisticheskaya anketa* [Sociolinguistic questionnaire]. [Online] Available from: <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic>

Vk.com. (n.d.) *Irbis. Khakasskoe zemlyachestvo g. Tomsk* [Irbis. Khakassian fraternity in Tomsk]. [Online] Available from: [https://vk.com/khakas\\_nation\\_in\\_tomsk](https://vk.com/khakas_nation_in_tomsk) (Accessed: 01.06.2019).

Sheglova, I.V. (2017) Linguistic Situation: Concept Definition, Ways Of Studying. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8(74). pp. 172–175 (in Russian).

Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2003) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/> (Accessed: 1st June 2019).

**Артёменко Елена Дмитриевна** – кандидат филологический наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

**Elena D. Artemenko** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [nekrasovaed@yandex.ru](mailto:nekrasovaed@yandex.ru)

**Буб Александра Сергеевна** – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

**Aleksandra S. Bub** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [aleksandrabub@yandex.ru](mailto:aleksandrabub@yandex.ru)

УДК 81'33

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/19

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН

Ю.А. Эмер<sup>1</sup>, К.А. Акентьева<sup>2</sup>

Томский государственный университет  
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup>E-mail: emerjulia1@gmail.com

<sup>2</sup>E-mail: akenteva\_ksenia@mail.ru

### Авторское резюме

Рассматриваются особенности трансформации жанра «поздравление» в президентском дискурсе восточнославянских стран на материале новогодних поздравлений В. Путина, А. Лукашенко и П. Порошенко. Описываются механизмы взаимодействия и борьбы праздничного и президентского дискурсов в рамках жанра. Жанр «поздравление» в президентском дискурсе становится одним из инструментов для сохранения власти, нацеленным на объединение нации, а также продвижение и актуализацию политической идеи. В связи с этим наряду с ценностями, характерными для праздничной картины мира, в поздравлении актуализируются институциональные установки главы государства. При этом первичная цель поздравления как ядерного жанра праздничного дискурса – усиление положительного эмоционального состояния адресата – становится второстепенной. При сохранении традиционной структуры жанра (обращение, поздравление, пожелание) в президентском поздравлении появляется информационная часть, которая нацелена на презентацию деятельности политика. В ней представлена гармоничная картина мира, моделируемая существующей политической властью. При этом содержание информационной части, как и других композиционных частей поздравления, обусловлено праздничной идеей Нового года. Однако большое значение при формировании контента имеют политические установки президента, статус института власти, актуальная политическая и экономическая повестка в стране.

**Ключевые слова:** дискурс, политический дискурс, жанр, поздравление, праздник.

# TRANSFORMATION OF THE GENRE OF “CONGRATULATION” IN THE EASTERN SLAVIC COUNTRIES PRESIDENTIAL DISCOURSE

**Yu.A. Emer<sup>1</sup>, K.A. Akenteva<sup>2</sup>**

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup> E-mail: emerjulia1@gmail.com

<sup>2</sup> E-mail: akenteva\_ksenia@mail.ru

## **Abstract**

The article deals with the specificity of transformation of the “congratulation” genre in the presidential discourse of Eastern Slavic countries on the material of the New Year congratulation of V. Putin, A. Lukashenko and P. Poroshenko. The authors describe the mechanisms of interaction and struggle of the holiday and presidential discourses within the framework of the genre. The “congratulation” genre in the presidential discourse is becoming a tool for preserving power. It aims at uniting the nation, as well as promoting and actualizing a political idea. In this regard, along with the values of the holiday picture of the world, the congratulation actualizes institutional attitudes of the head of state. At the same time, the primary goal of congratulation as of a nuclear genre of holiday discourse – to strengthen the addressee’s positive emotional state – becomes secondary. While maintaining the traditional structure of the genre (appeal, congratulation, wish), the presidential congratulation acquires an informational part aimed at presenting the activities of the politician. It presents a harmonious picture of the world, modeled by the existing political power. The content of the information part, as well as other compositional parts of the congratulations, is conditioned by the idea of the New Year. However, the political attitudes of the president, the status of the institution of authority, and the current political and economic agenda in the country are of great importance for the content formation.

**Keywords:** discourse, political discourse, genre, congratulation, holiday.

Поздравление, являясь ядерным жанром праздничного дискурса и реализуя его интенции, становится инструментом для фиксации ценностных ориентиров социума и отражения социокультурной и общественно-политической ситуации. Жанр моделирует гармоничную, идеальную картину мира в соответствии с принятыми в обществе

ценностями, что делает его востребованным в разных дискурсах (Кашпур 2007; Кондратенко 2007; Ослопова 2009; Евтушенко 2012 и др.), в т. ч. в президентском.

**Целью** работы является описание особенностей трансформации жанра «поздравление» в президентском дискурсе восточнославянских стран на материале стенограмм новогодних поздравлений президентов России, Украины и Белоруссии, размещенных в интернет-пространстве. Проанализировано 7 новогодних поздравлений президента России В. Путина (2013–2019 гг., средний объем – 2 198 знаков с пробелами), 5 – экс-президента Украины П. Порошенко (2015–2019 гг., средний объем – 2 673 знака с пробелами) и 7 – президента Белоруссии А. Лукашенко (2013–2019 гг., средний объем – 3 578 знаков с пробелами). Поздравления опубликованы на официальных интернет-представительствах глав государств (Президент Украины; Президент России; Президент Республики Беларусь), интерфейс которых предполагает наличие трехязычной (украинский, русский, английский языки; белорусский, русский, английский языки) или двуязычной версий (русский и английский языки).

Для большинства жителей бывшего СССР празднование Нового года относится к базисным культурным практикам, интегрированным в «ткань» повседневной жизни (Кожемякин 2018: 28). Как отмечает Ю.А. Эмер (Эмер 2011: 331), в советское время этот праздник расширил свои границы от семейного к общественному и сформировал варианты праздничного поведения, шире – символично-ритуальных форм. Само празднование является значимым событием, т. к. как переживается как экзистенциальный момент перехода от прошлого к будущему и сопровождается ритуальным поведением: праздничный стол, подарки, поздравление президента и др.

Жанр новогоднего поздравления активно изучается в России и за рубежом (см. работы Х. Вернера, Е.А. Кожемякина, В.Ю. Ослоповой, А. Фрика и др.). Отметим вариативность номинаций данного типа текстов – новогоднее поздравление (Сладкевич 2016 и др.) или новогоднее обращение (Ослопова 2009; Ильичева 2015; Ласица 2017 и др.), во втором случае исследователи выделяют новогоднее обращение как отдельный жанр политического дискурса. В политологии подобного рода тексты считаются одним из жанров политического дискурса (Кондратенко 2007; Спиридовский 2011 и др.), и исследователи используют номинацию «новогоднее обращение».

Выделяя новогоднее обращение в качестве отдельного жанра политического дискурса, лингвисты апеллируют к наличию собственной истории жанра, функционирующего в политическом дискурсе, а также жанрообразующих признаков, отличных от жанра «поздравление»

(Ослопова 2009). Однако в данном случае автор не учитывает, что традиционное поздравление функционирует в праздничном дискурсе, а обращение – в политическом, что приводит к структурной и смысловой трансформации текста. Е.А. Кожемякин вслед за Н.В. Кондратенко предполагает, что жанр новогоднего обращения институционально относится к политическому дискурсу, а его ритуальный характер основывается на принципах текстовой, темпоральной и событийной локализации (Кондратенко 2007). Одной из причин вариантности номинаций может являться смешение институциональных и неинституциональных черт в жанре, что проявляется и в номинации этих текстов (новогоднее обращение – это и призыв к определенным действиям, и атрибут семейного праздника), а также несоответствие форме и содержанию традиционного поздравления в праздничном дискурсе.

В нашем исследовании данный тип текста рассматривается как вариант политического поздравления, т. е. жанра «поздравление», функционирующего в праздничном дискурсе. Как показал сравнительный анализ подобных текстов политиков во время других праздников (8 марта, День Победы, 23 февраля и др.), поздравление президента с Новым годом строится по характерной для политических поздравлений схеме, а также соотносится с ними по цели, содержанию и используемым языковым средствам.

**Коммуникативная цель.** Как и любое поздравление, функционирующее в политическом дискурсе, новогоднее поздравление президента нацелено на продвижение политической идеи, прежде всего на актуализацию идеи национальной идентичности: «<...> хотел бы искренне поблагодарить вас за сплоченность и солидарность, за глубокие чувства правды, чести, справедливости, ответственности за судьбу своей страны, за неизменную готовность отстаивать интересы России, быть вместе с ней и в дни триумфа, и в пору испытаний, добиваться исполнения наших самых смелых и масштабных планов» (В. Путин (Президент России 2014)); «<...> Мы нямала перажылі, праз многае прайшлі. Але заўсёды – разам! Пацвярджаючы непарыўныя духоўныя сувязі і з’яднанасць адзінай сям’і – беларускай нацыі» (А. Лукашенко (Президент Республики Беларусь 2013)); «<...> Рік, що минає, був найважчим за останні сім десятиліть, з 45-го року. Найлютіший ворог зазіхнув на наші життя, територію, свободу, незалежність. І вся країна – від малого до великого – стала на захист Батьківщини» (П. Порошенко (Президент України 2014)).

В данных текстах идея национальной идентичности представлена через обращение к понятию «объединение». Лексемы «сплоченность», «солидарность» и др. актуализируют ценность единства нации.



При этом существует разница в расставляемых политиками акцентах, что обусловлено как социокультурной и политической ситуацией, так и целями и политической программой автора.

Так, В. Путин в поздравлении вербализует идею сплоченности нации ради развития страны, отсылая к общечеловеческим ценностям (правда, честь и др.), апеллируя к патриотическим чувствам адресата (ответственность за судьбу, интересы России и др.). Он акцентирует внимание на экономическом развитии страны, которое является следствием объединения власти и народа.

А. Лукашенко, реализуя идею объединения, подчеркивает национальную принадлежность адресата: беларуская нацыя, адзінай и др. Кроме того, он использует сравнение «белорусская нация – семья», чтобы подчеркнуть значимость единства для улучшения жизни народа.

Для П. Порошенко поздравление прежде всего становится инструментом для достижения политических целей, в связи с чем его риторика приобретает агитационный характер (найлютіший ворог, стала на захист и др.). Оппозиция «свой / чужой» выстраивается на противопоставлении «вся країна / ворог», при этом по отношению к «своим» автор использует лексемы с положительной коннотацией (життя, свобода и др.), а по отношению к «чужим» – с отрицательной (найлютіший ворог, зазіхнув).

«Поздравление» как ядерный жанр праздничного дискурса задает определенные требования к текстам. В связи с этим в них используются лексемы, словосочетания и клишированные выражения, отсылающие к праздничной идее и атрибутике (уходящий год, двенадцать ударов и др.), что позволяет реконструировать традиционную картину празднования и актуализировать ценности, характерные для социума. Это позволяет сохранить первичную цель поздравления – создание приподнятого настроения адресата. Кроме того, она находит отражение в оформлении коммуникативной ситуации (празднование Нового года), в диктумном содержании текста (апелляция к общечеловеческим ценностям, подведение итогов года, планы на будущий год и др.), в ритуальной атрибутике (куранты, елка и др.).

При функционировании поздравления в политическом дискурсе жанр становится инструментом для достижения политических целей, трансляции программы автора, сохранения власти и реализации других политических задач, что приводит к изменению коммуникативной цели и, следовательно, приводит к изменению его структуры. Так, в устойчивой структуре поздравления (обращение, поздравление, пожелание) при функционировании жанра в президентском дискурсе появляется информационная часть, где политик рассказывает о

достижениях, актуальных для целевой аудитории (женщины, дети, ветераны и др.). В рамках новогоднего поздравления президент говорит о достижениях за прошедший год и планах на будущий, тем самым задавая вектор развития страны.

**Обращение.** Для поздравления, функционирующего в праздничном дискурсе, наличие обращения вариативно, его отсутствие может быть обусловлено характером взаимоотношений автора и адресата, каналом коммуникации и другими экстралингвистическими факторами. Однако в президентском дискурсе наличие обращения обязательно, поскольку оно позволяет главе государства выразить отношение к аудитории, обозначить статус этих отношений – институциональные или межличностные: «дорогие друзья», «уважаемые граждане России», «дорогі українці» и др.

Номинация «дорогие друзья» характерна для жанра «поздравление» в праздничном дискурсе, и ее использование в президентском дискурсе позволяет автору создать иллюзию межличностных отношений с адресатом, с одной стороны, располагая электорат к доверию, с другой – нивелируя институциональную позицию автора, что коррелирует с коммуникативной целью поздравления в президентском дискурсе – актуализация идеи национального единства.

Использование словосочетаний «уважаемые граждане России», «дарагія суайчыннікі», «дорогі українці» и т. п. акцентирует внимание на институциональной позиции автора и актуализирует идею национальной и государственной идентичности, что соответствует первичной коммуникативной цели президентского поздравления. Отметим, что разница в вербальном выражении в данной композиционной части, как и в других частях поздравления, обусловлена политической ситуацией в стране. Так, если в поздравлениях президентов России и Беларуси – стран, отличающихся стабильностью политической и экономической ситуаций, сложившимися институтами власти, – традиционным является обращение «дорогие друзья», то в поздравлениях экс-президента Украины П. Порошенко делается акцент на национальной идентичности электората. На наш взгляд, это может быть обусловлено установками политического института Украины, связанными с формированием национальной и государственной самостоятельности страны. Это придает проявлениям государственной и национальной идентичности особо выраженный характер, сделав ее ценностной доминантой (Тубалова, Эмер 2018).

Отметим, что, на наш взгляд, использование как межличностного, так и институционального обращения объясняется, с одной стороны, особенностями жанра и праздничной идеи: Новый год для большинства россиян, белорусов и украинцев является базисным

общенациональным праздником, в рамках которого происходит экзистенциальное переживание перехода из прошлого в будущее. С другой стороны, установками президентского дискурса – актуализация национальной идентичности для решения политических задач, а также экстралингвистическими факторами: стабильность / нестабильность института власти и др.

**Поздравление.** Для традиционного поздравления данная композиционная часть обязательна, поскольку в ней реализуется основная интенция жанра – «поздравить». При этом в ней обязательно присутствует наименование праздника, что позволяет автору актуализировать праздничную идею и связанные с ней ценности и культурные установки, а также реализовать основную цель – усиление положительного эмоционального состояния адресата.

В президентском поздравлении эта часть также обязательна, поскольку ее наличие позволяет политику снизить институциональность и создать видимость межличностного общения. Именно в ней происходит актуализация праздничной идеи Нового года – переход от прошлого к будущему, что совпадает с задачами президента – подвести итоги и наметить вектор дальнейшего развития страны. В связи с этим автор использует следующие механизмы:

1. Позиционирование праздника как особенного события, выбивающегося из повседневного течения жизни.

Новый год и его празднование для россиян, белорусов и украинцев являются базисным культурным событием, т. к. он противопоставлен однообразным будням и переживается как экзистенциальный момент перехода от прошлого к будущему. Автор подчеркивает особую значимость праздника при помощи оценочных прилагательных «чароўны», «удивительный» и др., отражающих особость праздника и возможность для празднующих выйти из привычного режима, испытать эмоционально-психологический подъем.

2. Актуализация праздничной идеи.

В связи с праздничной идеей Нового года глава государства использует лексемы со значением «время» (время, год, рік, хвилины и др.) и клишированные выражения (На пороге новый 2018 год; Надыходзіць самы дзіўны час у годзе и др.), которые иллюстрируют праздничную идею и способствуют актуализации ценностей и традиций, характерных для данного события.

3. Описание традиционной картины празднования.

Поскольку для представителей восточнославянских государств Новый год является значимым праздником, то его празднование приобретает особый, ритуально-символический характер. Т. к. до распада СССР все три государства входили в состав одной страны,

ритуал празднования Нового года идентичен. В связи с этим в поздравлении президенты описывают похожую картину празднования (В новогоднюю ночь, как в детстве, мы загадываем желания; Перш ніж наповнити келихи, за мить до дванадцяти ударів и др.). Глава государства говорит о «семейности» праздника (в кругу семьи, з родними, близькими и др.), указывает на общечеловеческие ценности, актуальные вне зависимости от национальной принадлежности адресата (семья, близькими, мир и др.), отмечает культурные атрибуты (подарки, шампанское, куранты, келихи и др.).

#### 4. Актуализация политических целей автора.

В рамках поздравления каждый президент расставляет акценты в соответствии со своими политическими задачами. Так, В. Путин и А. Лукашенко подчеркивают важность традиционных ценностей, семьи, используя лексемы «семья», «друзья» и др. При этом А. Лукашенко включает в поздравление просторечные слова и выражения, характерные для повседневного дискурса: «Мая просьба да вас, хлопцы»; «Ну проста правядзіце час разам». Так автор создает эффект межличностного общения, что способствует актуализации образа наставника, дающего советы, как сохранить традиционные семейные ценности.

Отметим, что экс-президент Украины П. Порошенко акцентирует внимание на национальной принадлежности празднующих, активно используя лексемы «українці», «співвітчизники», подчеркивает близость к Европе (великому європейському народу), что связано со стремлением Украины к национальной и гражданской самостоятельности. Политик использует оппозицию «свой / чужой» и положительно окрашенные лексемы (на захист, зберегли и др.) по отношению к украинцам и их действиям.

Различия, на наш взгляд, обусловлены социокультурной ситуацией: в рассматриваемый период в России и Беларуси политическая обстановка относительно стабильна, и В. Путин и А. Лукашенко могут сделать акцент на «семейности» праздника, принятых в обществе ценностях и традициях празднования. Для П. Порошенко поздравление в первую очередь является одним из инструментов для сохранения власти и стабилизации политической обстановки, вероятно, поэтому в каждой композиционной части он стремится актуализировать национальную и государственную идентичность страны.

**Информационная часть.** Информационная часть характерна для президентского дискурса и особенно актуальна для новогодних поздравлений. Праздничная идея определяет политическую функцию новогоднего поздравления президента: оно становится одной из форм итогового отчета перед общественностью, где автор актуализирует политические тезисы и, исходя из актуальной повестки

и праздничной идеи, отбирает фактическое подтверждение положительных результатов своей деятельности. При этом на первый план выходит его институциональная позиция, и глава государства, моделируя гармоничную политическую картину мира, предстает как активный деятель, который работает над созданием идеального мира для электората.

В связи с тем, что поздравление президента берет на себя функции итогового отчета перед народом, информационная часть организована как последовательное перечисление позитивных достижений прошлого года и установка вектора развития на следующий.

Представление о прошедшем годе как об экономически и политически успешном формируется у адресата при помощи презентации позитивных результатов деятельности власти, например знаменательные события (провели лучшую в истории зимнюю Олимпиаду и др.), даты (Гэта год 25-годдзя Асноўнага Закона Беларусі и др.), примеры экономического роста (рішучих заходів щодо вдосконалення економіки и др.) и др. Эффект усиливается за счет использования глаголов активного действия (достигли, переходимо и др.), лексем со значением «достижение» (меры, розвитку и др.), оценочных прилагательных с положительной окраской (адзінай, сильной и др.). Отметим, что, представляя достижения прошлого года, политики используют глаголы и местоимения множественного числа (победили, ми и др.), акцентируя внимание на важности единства для успешного экономического развития страны и повышения качества жизни граждан. Это позволяет реализовать коммуникативную цель поздравления президента – актуализацию идеи национальной идентичности.

Президентское поздравление не только становится отчетом о деятельности власти за прошлый год, но и задает установки на будущий. В связи с этим после презентации результатов своей деятельности политики перечисляют планы на следующий год, задают дальнейший вектор развития страны, что коррелирует с праздничной идеей Нового года (впереди у нас много важных дел во всех сферах жизни страны; Україна отримає довгоочікуваний Томос и др.).

В поздравлении каждый президент расставляет акценты в соответствии со своими политическими задачами. Так, В. Путин подчеркивает значимость объединения граждан для эффективного развития страны (успех всей страны зависит от эффективного труда и достижений каждого из нас и др.) и апеллирует к сохранению традиционных, общечеловеческих ценностей: единство, победы и др.

«<...> Сделать это можем мы только вместе. Помощников у нас никогда не было и не будет. И поэтому нам важно быть сплоченной, единой, сильной командой. И пусть дружба и добрые надежды, кото-

рые объединяют всех сейчас, сопровождают нас в будущем, помогают в работе, в достижении общих целей <...>» (Президент России 2018).

В данном тексте В. Путин акцентирует внимание на необходимости объединения для развития страны. Он использует оппозицию «свой / чужой», выстраиваемую на противопоставлении «сплоченные россияне / статичное общество», применительно к которому автор использует повторяющийся отрицательный союз «не» и наречие «никогда». Кроме того, реализуя коммуникативную цель поздравления в президентском дискурсе, автор использует местоимение «нам», лексемы «единой», «команда» и др., а также лексемы, описывающие ценности электората: «дружба», «надежды».

А. Лукашенко, почти не упоминая события прошедшего года, составляет план на будущий, и информационная часть поздравления становится аналогом предвыборной программы, которая предполагает изложение будущей деятельности партии или политического деятеля. Президент обращает внимание на стабильное экономическое развитие страны и апеллирует к общечеловеческим ценностям, чтобы продемонстрировать значимость предлагаемых планов: Адыходзячы год дапамог нам асабліва прачуць сувязь з роднай зямлёй; Памятаеце: ніхто, ніколі і нідзе не будзе любіць і берагчы вас так, як дома і др.

«<...> Цяпер дарагі кожны дзень для стваральнай працы. Наперадзе ў нас шмат важных спраў ва ўсіх сферах жыцця краіны.

І будучы год – прыэдадзень вялікіх спартыўных падзей міжнароднага маштабу. Да нас прыедуць тысячы гасцей. І як сапраўдныя гаспадары беларускай зямлі мы аб'яднаемся і прывядзём наш агульны дом у належны парадак <...>» (Президент Республики Беларусь 2017).

В данном тексте автор призывает к объединению, которое приведет к развитию страны. За счет использования местоимения множественного числа автор демонстрирует важность единства власти и народа для достижения результата. Политик подчеркивает значимость событий будущего года при помощи прилагательных «вялікіх» и «міжнароднага» и проговаривает необходимые действия для достижения позитивного результата: мы аб'яднаемся і прывядзём наш агульны дом у належны парадак. При этом автор соотносит ситуацию приема иностранцев с приемом гостей: гаспадары, прывядзём у парадак і др.

П. Порошенко в связи с нестабильной политической и экономической ситуацией в стране использует информационную часть для пропаганды своей политической цели – победа: Приводів для оптимізму сьогодні більше, ніж рік тому; найгірше в економіці – позаду і др. Экс-президент использует оппозиции «прошлое / будущее» и «плохо / хорошо», иллюстрируя их конкретными примерами деятельности власти: Україна отримає довгоочікуваний Томос – грамоту від

Вселенського патріархату; перемоги Джамали на Євробаченні і др. Таким образом, внимание акцентируется на активной деятельности по воплощению в жизнь гармоничной картины мира, и политик демонстрирует, как он обеспечивает повышение качества жизни граждан.

Т. к. как один из критериев отбора примеров деятельности – это решение политических задач автора, то в поздравлении П. Порошенко множество фактов связано с достижениями в текущей войне: звільнили з полону, армія стає контрактної і др. В связи с этим в информационной части используется довольно много милитаризированной лексики: воїни, захисник, ворог и т. д.

Отметим, что в информационной части, как и в предыдущих композиционных частях, П. Порошенко апеллирует к национальной принадлежности адресата: українці, українські воїни, українські захисники и др. Также он использует оппозицию «свой / чужой», основанную на противопоставлении «украинцы / россияне», «защитники / враг» и др.

«<...> Приводів для оптимізму сьогодні більше, ніж рік тому. Легко ще не буде, але і найгірше в економіці – позаду. Ми подолали шок від руйнування частини індустріального потенціалу, викликаного військовою агресією. Так само, як і від ворожого закриття Росією ринку для наших товарів, від торгової і транспортної блокади. Ми адаптували наше господарство до нових умов. Нам вдалося відновити економічне зростання. І це дозволяє в новому році тримати курс на збільшення доходів українців <...>» (Президент Украины 2016).

В данном тексте автор использует оппозицию «прошлое / будущее», чтобы подчеркнуть, что Украина развивается, движется от плохого к хорошему, а также противопоставление «свой / чужой» и отбирает факты, иллюстрирующие достижения власти: викликаного військовою агресією, адаптували наше господарство до нових умов и др. Политик акцентирует внимание на «рукотворности» достижений при помощи глаголов активного действия: подолали, відновити и др. При этом он апеллирует к национальной идентичности электората и первичным потребностям: увеличение доходов украинцев.

**Пожелание.** Пожелание обязательно для новогоднего поздравления главы государства. Оно композиционно находится после информационной части, что позволяет автору вернуться к стилистике жанра «поздравление» и актуализировать его изначальную цель – улучшение эмоционального настроения адресата. Для пожелания характерна апелляция к общечеловеческим ценностям: здоровью, благополучию и др.

При этом в зависимости от политических задач автор вновь апеллирует к своей политической цели. Так, В. Путин и А. Лукашенко обращаются как к гражданам, так и к стране: «Искренне желаю вам



радости и благополучия, а нашей Родине, нашей любимой России – успехов и процветания» (В. Путин); «Шчасця і дабрабыту» (А. Лукашенко). Оба политика апеллируют к общечеловеческим ценностям – радость, согласие и др., а по отношению к стране употребляет позитивно окрашенные лексемы «Родина», «великая», «любимая» и др. При этом А. Лукашенко отдельно обращается к разным группам людей, подчеркивает их достоинства, что приводит к повышению эмоционального настроения адресата и делает поздравление более личностно ориентированным: Тыя, хто штодня змагаецца за жыццё і здароўе кожнага свайго пацыента и др.

П. Порошенко в пожелании продолжает акцентировать внимание на своей главной цели – победе и достижении национальной и государственной самостоятельности страны. В связи с этим его пожелания связаны с наступлением мира и традиционными общечеловеческими ценностями (щастя, благополуччя и т. д.): Бажаю громадянам України та українцям усього світу миру, щастя, благополуччя. Экс-президент подчеркивает национальную принадлежность свою и адресата (громадяни України та українці з усього світу) и после каждого поздравления употребляет фразу «Слава Україні!». Возможно, это аналогия цитаты из неофициального гимна США «Боже, благослови Америку!», которая используется политическими силами США для привлечения сторонников.

Таким образом, жанр новогоднего поздравления в президентском дискурсе претерпевает ряд изменений, обусловленных особенностями дискурса. Трансформация цели приводит к изменению структуры, появлению информационной части. Для всех поздравлений президентов восточнославянских стран характерны общие понимание и принципы моделирования гармоничной политической картины мира, что обусловлено общей историко-культурной ситуацией, развитием политического дискурса. Отличия детерминируются как индивидуальными особенностями политика, так политической и экономической ситуацией в стране, историей института власти и событиями прошедшего года.

## ЛИТЕРАТУРА

Евтушенко 2012 – *Евтушенко О.А.* Корпоративный жанр поздравления в административном дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 1 (Т. 1). С. 149–155.

Ильичева 2015 – *Ильичева В.В.* Жанрообразующие признаки торжественной президентской риторики в системе российского политического



дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 376–379.

Кашпур 2007 – *Кашпур В.В.* Жанр «поздравление» в русском политическом дискурсе: к проблеме лингвокогнитивного моделирования // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 11–14.

Кожемякин 2018 – *Кожемякин Е.А.* Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях президента к гражданам России // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). Т. 15. С. 26–37. DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

Кондратенко 2007 – *Кондратенко Н.В.* Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Труды международной конференции «Диалог 2007». М., 2007. С. 302–306.

Ласица 2017 – *Ласица Л.А.* Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 19–24.

Ослопова 2009 – *Ослопова В.Ю.* Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 19–22.

Президент Украины – Президент Украины: официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua> (дата обращения: 01.03.2019).

Президент Украины 2014 – Президент Украины: официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/32011.html> (дата обращения: 01.03.2019).

Президент Украины 2016 – Президент Украины: официальное интернет-представительство. URL: <https://www.president.gov.ua/news/prezident-na-peredovij-privitav-ukrayinskih-voyiniv-z-novim-39358> (дата обращения: 01.03.2019).

Президент Республики Беларусь – Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: <http://president.gov.by/by> (дата обращения: 03.03.2019).

Президент Республики Беларусь 2013 – Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: [http://president.gov.by/by/news\\_by/view/navagodni-zvarot-dabelaruskaga-naroda-6251](http://president.gov.by/by/news_by/view/navagodni-zvarot-dabelaruskaga-naroda-6251) (дата обращения: 03.03.2019).

Президент Республики Беларусь 2017 – Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Выступления. URL: [http://president.gov.by/by/news\\_by/view/navagodni-zvarot-dabelaruskaga-naroda-6251](http://president.gov.by/by/news_by/view/navagodni-zvarot-dabelaruskaga-naroda-6251) (дата обращения: 03.03.2019).

Президент России – Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (дата обращения: 03.03.2019).

Президент России 2014 – Президент России: речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47446> (дата обращения: 03.03.2019).

Президент России 2018 – Президент России: Речи и обращения. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/59629> (дата обращения: 03.03.2019).

Сладкевич 2016 – Сладкевич Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Белоруссии и Польши за 2000–2015 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168–193.

Спиридовский 2011 – Спиридовский О.В. Фатическая составляющая политической коммуникации (на материале президентского дискурса) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 116–121.

Тубалова, Эмер 2018 – Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная составляющая концепта «украинский язык» в дискурсе украинских СМИ (на материале текстов аналитических статей) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 273–284. DOI: 10.17223/18137083/65/24

Тубалова, Эмер 2009 – Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Текстовое пространство дня города и и дня рождения вуза: к проблеме праздничного миромоделирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 11–22.

Эмер 2011 – Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 459 с.

## REFERENCES

Evtushenko, O.A. (2012) Korporativnyy zhanr pozdravleniya v administrativnom diskurse [Corporate genre greetings and administrative discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1 (1). pp. 149–155.

Ilyicheva, V.V. (2015) Zhanroobrazuyushchie priznaki torzhestvennoy prezidentskoy ritoriki v sisteme rossiyskogo politicheskogo diskursa [Genre-forming signs of solemn presidential rhetoric in the system of Russian political discourse]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2. pp. 376–379.

Kashpur, V.V. (2007) Zhanr “pozdravlenie” v russkom politicheskom diskurse: k probleme lingvokognitivnogo modelirovaniya [The genre “congratulation” in Russian political discourse: on the problem of linguistic and cognitive modeling]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*. 305. pp. 11–14.

Kozhemyakin, E.A. (2018) Discursive construction of national identity in the president's New Year's television appeals to Russian citizens. *Diskurs-Pi*. 3-4. pp. 26–37 (in Russian). DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.2537

Kondratenko, N.V. (2007) Novogodnee obrashchenie kak ritual'nyy zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnye komponenty i sredstva ikh vyrazheniya [New Year treatment as a ritual genre of political discourse: macrostructural components and means of their expression]. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii Dialog 2007*. pp. 302–306.

Lasitsa, L.A. (2017) Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva: semanticheskie osobennosti ritual'nogo zhanra politicheskogo diskursa [New Year's address of the head of state: semantic features of the ritual genre of political discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (201). pp. 19–24.

Oslopova, V.Yu. (2009) Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva k narodu kak zhanr politicheskogo diskursa [New Year's address of the head of state to the people as a genre of political discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 329. pp. 19–22.

President of Ukraine. (n.d.) *Official Internet Representation*. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua> (Accessed: 1st March 2019).

President of Ukraine. (2014) *Official Internet Representation*. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua/ru/news/32011.html> (Accessed: 1st March 2019).

President of Ukraine. (2016) *Official Internet Representation*. [Online] Available from: <https://www.president.gov.ua/news/prezident-na-peredovij-privitav-ukrayinskih-voyiniv-z-novim-39358> (Accessed: 1st March 2019).

President of the Republic of Belarus. (n.d.) *Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: <http://president.gov.by/by> (Accessed: 3rd March 2019).

President of the Republic of Belarus. (2013) *Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: [http://president.gov.by/by/news\\_by/view/navagodni-zvarot-da-belaruskaganaroda-6251](http://president.gov.by/by/news_by/view/navagodni-zvarot-da-belaruskaganaroda-6251) (Accessed: 3rd March 2019).

President of the Republic of Belarus. (2017) *Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. Speeches*. [Online] Available from: [http://president.gov.by/by/news\\_by/view/navagodni-zvarot-da-belaruskaganaroda-6251](http://president.gov.by/by/news_by/view/navagodni-zvarot-da-belaruskaganaroda-6251) (Accessed: 1st March 2019).

President of the Russian Federation. (n.d.) *Speeches and Addresses*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (Accessed: 1st March 2019).

President of the Russian Federation. (2014) *Speeches and Addresses*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/47446> (Accessed: 1st March 2019).

President of the Russian Federation. (2018) *Speeches and Addresses*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/47446> (Accessed: 1st March 2019).

Sladkevich, Zh.R. (2016) The organization of the semiotic space of the New Year's president's greetings (based on the New Year messages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015). *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 168–193 (in Russian).

Spiridovsky, O.V. (2011) Phatic component of political communication (based on presidential discourse). *Vestnik VSU. Series: linguistics and intercultural communication – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2. pp. 116–121 (in Russian).

Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2018) The value component of the concept “Ukrainian language” in the discourse of the Ukrainian media (based on the texts of analytical articles). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 273–284 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/65/24

Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2009) Tekstovoe prostranstvo dnya goroda i dnya rozhdeniya vuza: k probleme prazdnichnogo miromodelirovaniya [Text space of the day of the city and the birthday of the university: on the problem of festive world modeling]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (6). pp. 11–22.

Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modeling in modern song folklore: cognitive-discursive]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

**Эмер Юлия Антоновна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Yulia A. Emer** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** emerjulia1@gmail.com

**Акентьева Ксения Алексеевна** – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

**Ksenia A. Akenteva** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** akenteva\_ksenia@mail.ru

# МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# Русини

**Основаи в 2003 г.**

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ**

**2019. Том 56**

Республиканская общественная ассоциация «Русь»  
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский  
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 328 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041  
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59  
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

**Сайт «Русины Молдавии»:** <http://www.rusyn.md>  
**Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:** <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 26.06.2019. Формат 60х90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсет № 1.  
Печать офсетная.  
Гарнитура «PT Sans».  
Тираж 250 экз.  
Заказ 96.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».  
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.**

**Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.**

**Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**



**В 2019 году международный исторический журнал**  
**ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

# РУССКИЙ ЯЗЫК

А.В. КАРАБЕЛЕШ

Как струны на звонкой, задумчивой лире,  
Как в битве кипучей пронзающий штык,  
Как яркий светильник в полночной квартире,  
Как кровля средь бури, так важен ты в мире,  
О, древний, сияющий русский язык!

В минуты сомнений и грусти тяжелой,  
Когда безнадежно душой я поник  
И гасну под гнетом ночей, полуквольный,  
Лишь ты мне поддержка, защитник веселый,  
О, нежный, свободный, отрадный язык!

Ты светоч и звон, ты цветенье народа,  
Ты в бурях кровавых столетий возник,  
Ты вечный источник славянского рода,  
В тебе справедливость, простор и свобода,  
О, громкий, могучий, великий язык!

И свят ты, как древности храм благовонной,  
Чем дышат вершины Уральских цепей,  
Алтайские дебри, Кавказ вдохновенный,  
Карпатские горы, Бескид пробужденный,  
Зеленый простор необъятных полей.

Красив ты, как сад, беспредельный, могучий,  
Где белые розы блистают, цветут,  
Приветно бальзам разливая пахучий,  
И звонко ручей пробегает гремучий,  
И птицы щебечут и вечно поют.

И жив ты, науки источник глубокий,  
Сияя, летишь чрез овраги вперед,  
Пока на просторе России широкой  
Жив будет наш праведный русский народ!

Пусть бесятся волны под грузной скалою,  
Пусть воеет, гремит безумолчная рать –  
Ты крепкая сталь, ты – маяк над водою,  
И вечно ты будешь над степью златою  
Торжественной в мире красую сиять!

*Плоский, 3 VII 1924*

*Источник:* Карабелеш Андрей. В лучах рассвета.  
Ужгород: Изд. о-ва «Школьная помощь», 1929. С. 15 – 16.

Карабелеш Андрей Васильевич (1906, Тибава, Береговский комитат, Австро-Венгрия, ныне Свалявский район Закарпатской области – 1964, Мукачево, Закарпатская область УССР, СССР) – русский поэт, педагог, деятель русского движения в Закарпатье.